

В.Е. Бороздин

ТЕНИ ТУРНИРА ТЕНЕЙ

Владимир Бородин

Тени Турнира теней

<https://litres.ru/74068998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Исторический роман со множеством бытовых деталей в различных слоях общества России времён Первой Мировой войны. На страницах появляются крестьяне, солдаты, хлысты, скопцы, представители интеллигенции, офицерства, Царская Семья. Персонажами стали генералы Келлер, Врангель, террорист Савинков, британский агент Бейли, князь Юсупов, Саломея Андроникова, врачи Царскосельского лазарета и другие. Показана и напряжённая культурная жизнь Серебряного века с упоминанием многих личностей той эпохи, интересующихся буддизмом, фрейдизмом и даже морфием. Описана окопная жизнь на фронтах. Прослежены политические интриги, приведшие к Февралю 1917 года и погружению сильной державы в хаос. Описаны места в которых, как правило, побывал сам автор, прошедший по Индийским Гималаям, хребту Кунь-Лунь, где разворачивались события Большой Игры.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

435

Владимир Бородин

Тени Турнира теней

Посвящается отцу, который хотел, но не имел возможности написать правду о Первой Мировой войне и деду Сергею Бородину – участнику Первой Мировой.

Накануне Большой войны в Россию приезжала правительственная комиссия из Германии под руководством профессора Ауагена для изучения результатов Столыпинской реформы. Объехав ряд губерний, комиссия представила кайзеру отчёт. После анализа цифр напрашивался вывод: «по завершении земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой державе». До русского посла в Берлине дошли сведения, что этот отчёт очень сильно обеспокоил Вильгельма II. Подобную же комиссию присылало и французское правительство. И те же неутешительные для «миролюбивых» соседей результаты... Завершался век литературных изысков и безумий, Серебряный, «век мятежный, богоищущий, бредящий красотой» по определению Сергея Маковского и начинался век невиданных потрясений, резко изменивший мир.

«Если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между

1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»

Французский экономический обозреватель Эдмон Тэри, 1913 год

«Если Англия и Япония будут действовать вместе они могут сокрушить Россию... Но им следует торопиться, иначе русские станут слишком сильными».

Вильгельм II

«Было бы правильно австро-сербский вопрос передать трибуналу в Гааге, чтобы избежать кровопролития. Доверяюсь твоей мудрости и дружбе. Никки».

Из писем Николая II Вильгельму II

«Война между Россией и Германией приведёт к катастрофическим последствиям и в результате неё «пострадают все, государства... могут развалиться, а на месте их явятся Аттилы, имя которым социал-демократы...».

Н. Марков Второй, черносотенец

«Война между Россией и Австрией была бы наиболее полезна для революции, но это крайне невероятно, что Франц-Иосиф и Николай сделают нам такой подарок».

В. Ульянов-Ленин

«Ищите в прошлом доброе, прекрасное - на этом и стройте будущее».

П. Крюгер, президент Трансвааля

Вступительное слово о романе

Целое столетие минуло со времён Первой Мировой войны, но большинство её событий в России до сих пор воспринимаются остро, как и всех последующих лет. Многие годы об этой эпохе тянутся споры историков, неизбежно окрашенные в политические тона. Новую книгу Владимира Евгеньевича Бородина, написанную с политически правых позиций, можно рассматривать как продолжение романа «Корзины полной персиков», охватившего предвоенный период, но можно читать и независимо от начала эпопеи, связанной с новой книгой только рядом общих героев. Автор использует обширный исторический материал с малоизвестными фактами, выделяемый курсивом. Сцены безжалостной войны чередуются со сценами беспечной столичной жизни – «пира во время чумы». Бросается в глаза «болезнь либерализма» российской интеллигенции, которая стала хронической со времён появления самой интеллигенции. В романе появляется множество известных и малоизвестных лиц эпохи. Мелькают персонажи от простых солдат до Царской Семьи. Описаны такие персоны, как генералы Келлер и Врангель, терро-

рист Савинков, британский агент Бейли, князь Юсупов, Саломея Андроникова, учёные, рассуждающие о входящем в моду буддизме с фрейдизмом, священники и офицеры, спорящие об имяславии и православии, творцы Серебряного века – от Гумилёва и Ахматовой до петербургских мужеложцев из круга «Мира искусства». Широк охват панорамы российской жизни от Царскосельского лазарета, роста морфинизма и до особенностей сект хлыстов и скопцов, с которыми связана детективная линия. Подробно рассмотрен заговор верхов и союзников России, приведший к победе Февраля 1917 года. Автор описывает, как правило, места, где ему довелось быть. Например, он, подобно своим героям, совершал долгие путешествия по территориям Большой Игры - Индийским Гималаям (Ладаку) и хребту Кунь-Лунь (некогда названный Пржевальским Русским хребтом) в Западном Китае.

Историк Николай Константинов.

Оглавление

Либеральный салон госпожи Третнёвой в годину войны
Странное происшествие в доме на Мойке
Окопное существование
Условия Игры
Кавалеристы ещё надеются на лучшее
Проклятые болота

Бросок по пустыне
Антон и его духовный отец
В зимних Карпатах
Чёрный нунатак
Перемышль
«Пир во время чумы»
«Бродячая собака»
Сумасшедшее купе, смотр, вечеринка
Смена Верховного и салонные сплетни
Взгляд Государевых очей и Первая Шашка Империи
Военные будни
«Ботаники» при Ставке
В Царскосельском лазарете
С Распутиным на устах
Встреча в Самарканде
Русские мужики на французском фронте
В краю Лоурэнса Аравийского и Васмуса Персидского
Хирургическая техника искупления первородного греха
«Отряд особой важности»
Укол морфия
Салон сотрясает воздух
Бравый «земгусар»
Сборище заговорщиков
Убийства ритуальное и более прозаическое в Лазарете Её
Величества
Условия Игры в пик Турнира Теней

Верхи левеют, народ потерял
Удар в спину и сумерки России
Улыбка Бориса Савинкова
Эйфория слепцов
«К позорному столбу!»
Страсти по Ла-Куртину
Предательство Керенского
Честь царского офицера
Жёны и фронтовики
Вторая древнейшая профессия

1. Либеральный салон госпожи Третнёвой в годину войны

«Война даст нам победу, и, тем самым, мы раздавим всякую революцию – и снизу и сверху».

Министр внутренних дел Плеве

«Глубокие потрясения организма страны, предвещавшие крушение капиталистического мира в России... не создали ни Толстого, ни Достоевского. Но, разменявшись на более мелкую монету, буржуазная интеллигенция этой эпохи сверкнула целой плеядой поэтов и художников, отрицать одарённость и талантливость которых было бы смешно, а пренебрегать художественными достижениями которых – глупо. Но в области вопросов общего мировоззрения все они оказались банкротами».

Л. Каменев, 1933 год

В мае 1914 года в Гааге собрались делегаты буквально со всего мира. С большой торжественностью открывался Дворец мира. В основании института защиты мира была заложена инициатива Николая II, высказанная Им в конце XIX века, что было вскоре с лёгкостью забыто. Было заявлено, что отныне понятие «войны» бесповоротно изгоняется из обихода «культурного человечества» и остаётся уделом народов нецивилизованных. Было отмечено, что человечество стоит «на пороге Золотого века мирного сотрудничества всех народов». Возможно, что с того самого дня население маленькой Голландии сочло за поведенческую норму поучать прочие народы, как недостаточно сознательные. Несколько государств (в том числе Япония) сразу заявили, что ещё не получили правительственных инструкций по этим вопросам и отказались обсуждать предложения по разоружению. Немецкий делегат, полковник Гросс фон Шварцгоф иронически возражал тем, кто говорил о непосильном бремени вооружения: «Позволю себе рассеять благожелательные опасения: германский народ не изнемогает под бременем налогов; он не стоит на краю пропасти. Он богатеет, уровень его жизни повышается. Всеобщая воинская повинность для немцев не бремя, а священный долг. Кроме того, сила армий - не только в численности...» Вильгельм II позже назвал результаты конференции уступкой, сделан-

ной им царю: «Чтобы он не оскандалился перед Европой, я соглашаюсь на эту глупость. Но в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч. И... мне на все эти постановления!» В менее резкой форме то же высказали и государственные деятели прочих стран. Русский царь и Его гуманные инициативы оставались вне понимания современных Ему политиков.

Лето 1914 года выдалось необычно жаркое и душное. Дождей и вовсе не случалось. Вокруг Санкт-Петербурга возникали постоянные торфяные пожары и в столице висел запах гари. Сухие грозы каждодневно сотрясали небеса над столицей, но облегчения не приносили. Казалось, что в этой душлимой атмосфере назревает нечто недоброе.

«Что взять с таких, как поэт Семёнов¹, который заявил: «Я человечество люблю. Кого люблю, того гублю... Я братьев ядом напою... я подыму в них гордый крик, я заражу их диким бредом, и буду грозен и велик, когда ни мне, ни им неведом, в них исказится Бога лик». Призыв расшатывать, пакостить... Не зря всё чаще говорят, что простой люд выше и чище нас. У него и времени нет писать всякий вздор. Пожалуй, я вовремя бросила это пустое занятие» - размышляла Настасья Николаевна Ртищева, сидя в одиночестве подле

¹ Декадент Леонид Семёнов стал заниматься революционной агитацией и сближился с Марией Добролюбовой - сестрой другого крайнего декадента, ушедшего в народ, ставшего сектантом. Семёнов уходит к хлыстам.

трюмо. «Сходство с пушкинской женой начинает меня порою раздражать – теряется индивидуальность! - размышляла Настасья, убирая по утру пышные волосы и глядя на своё отражение, - Некогда мне это даже польстило, но когда начали регулярно спрашивать, а не в родстве ли мы состоим – уже слишком. А хотелось бы мне быть вовсе не Гончаровой, а Алиенорой Аквитанской. Какая сильная женщина! Но что за детские мысли опять лезут в мою голову? Но как не восхищаться Алиенорой? Хотя бы тем, что *эта женщина из двенадцатого века приняла крест как амазонка в одеянии рыцаря и готова была разделить тяготы крестового похода с мужем-королём! Поражает хроника Исаака де Ларрея, утверждающего, что византийцы видели среди крестоносцев немало женщин в мужском платье.* Писал он правда уже в семнадцатом веке, иначе бы я и прочесть не смогла, но опирался на факты византийских летописей. Алиенора с первого взгляда покорила своей красотой разум молодого короля Франции, и он готов был подчиняться сильной воле жены. Не припомню других примеров из тех времён, кроме необычно просвещённых дочерей Ярослава Мудрого, ставших владетельными особами в Европе после династических браков. Но в Киеве, за век до Алиеноры, правители были более образованные... *А развод Алиеноры? Ясности нет. Очень благочестивый Людовик сразу же пошёл на развод, не смея перечить решению Церкви, обоснованному близким родством их, но она очевидно уже успела в нём разочароваться, поскольку*

ку ровно через два месяца вышла замуж за герцога Генриха Анжуйского. О ней надо читать, конечно, на французском, чтобы глубже её прочувствовать. Много позже не побоялась второго мужа, уже короля, и защитила от него своего сына². Чтобы в те времена пойти войной против короля и мужа нужен сильный характер! Мне именно такого и не хватает.

И потому я опять готова не отвергать приглашение Третнёвой. Хватает воли лишь на то, чтобы отваживать назойливых ловеласов на улицах и в общественных местах. Видеть не могу этих «пирующих во время чумы». В аду им гореть. Настоящие мужчины сейчас на фронте. Не приучили салонные родители меня даже к молитве. Не способна была поделиться тяготами с Господом, попросить помощи, покуда моя милая Феврония не научила. И помогает. А то с одними стихотворными изощрениями декадентов и светскими сплетнями свихнуться можно. Чокнуться от пустоты. Надеюсь скоро придёт ответ из лазарета, организуемого самой Александрой Фёдоровной, и я смогу заняться делом. Мой опыт во время Японской должен сыграть свою роль. Белые одежды сестры милосердия станут вновь моими доспехами Алиеноры. Одним из моих излюбленных занятий в последнее время - порча глаз до полуночи французскими мемуарами о той эпохе. Не странно ли это? Но мама полностью разделяет моё увле-

² Алиенора Аквитанская (1124-1204) попала в плен к мужу – королю Англии Генриху II, где провела более 12 лет. Сын Ричард (будущий король Львиное Сердце) вернул матери свободу. Пока Ричард I воевал в походах, она правила Англией и Аквитанией от его лица.

чение этой особой. Работы стало меньше, денег и у мама с тётушкой теперь в обрез. Зато времени у меня стало больше. Собственно, почему я должна продолжать жить с мамой и тётей? Даже по самым строгим, устаревающим уже, правилам хорошего тона девушке порядка тридцати лет, не то что мне, разведённой, дозволяется жить своим домом, выезжать и принимать посещения, как заблагорассудится. Другое дело, что «женщине следует избегать выходить из дома без сопровождения, как в гости». Но все эти правила стремительно устаревают! Лучшая подруга и та теперь в далёкой Москве. Ответить на приглашение Третнёвой? Опять пойти в её салон поглядеть на все эти опротивевшие рожи? С одной стороны – никакого желания, а с другой там всегда можно слышать последние новости и оттачивать остроту языка на политические темы. Заодно пореже тяготится мыслями об участии моего брата на этом ужасном фронте. Они лезут в голову в самый неподходящий момент. Но к наглым циничным высказываниям левых я стала относиться всё менее терпимо. Какая подлость, в такой тяжёлый момент! Охотины и мой брат подвергают жизнь опасности там каждый Божий день, а эти жируют в тылу! Британцы присылают таким недо-мужчинам белые пёрышки... А может меня тянет в этот салон мазохическое желание вновь и вновь повидать самодовольного бывшего мужа? Надеюсь, что нет. Или признаться самой себе трудно? Нет и ещё раз нет! Только не это. Он мне лишь гадок и уже ничто нас не связывает. Самовлюблённый разбо-

гатевающий прожигатель жизни. Никак не могу позавидовать его новой, с позволения сказать, супруге. И как я могла с ним прожить целых четыре года? Нет, найти мужчину не просто даже и такой как я, к которой липнут повсюду. А после войны станет ещё труднее. Не столько из-за моих лет, сколько по причине истребления лучших – закона любой войны. Да и кому нужна бездетная особа с непростым характером, которой уже за тридцать? Надо мне почаще вспоминать Шиллера: *«Если ты не можешь твоими делами и твоим искусством понравиться всем, понравься немногим. Нравиться многим — зло»*. Просто, но мудро!» Настасья потёрла кулачком уставшие от тускловатого³ света глаза.

Борис Гордеевич, старший из братьев Охотиных, детей генеральских, благодаря своим связям в министерстве финансов умудрился изрядно увеличить свои доходы к началу 1914 года вложением денег в подходящем месте и в нужный момент. Он был очень доволен собой и даже начал всё чаще забывать исполнять свои общественные обязанности, как член Думы и очень активный до последнего времени деятель партии кадетов. Ярый сторонник конституционного строя, представляющий собой либеральное исключение в монархической семье, воспитанной генералом старой закалки, Борис

³ В старых богатых жилищах столицы, где электричество имелось ещё с XIX века и электролампы сменили керосиновые, свет был более тусклым, чем в новых.

пребывал в глубокой уверенности, что такие люди как он сам нужнее Отечеству в тылу и даже близко не помышлял отправиться добровольцем на фронт подобно своим братьям.

- Этот безумец Серёжа, который и ружья-то в руках держать не может, зачем-то уже там. Мало ему Маньчжурии было? Один раз пронесло – искушает судьбу вторично. Бросил на произвол жену с младенцем. Пусть даже и избранница его зануда, пискля, каких мало (терпеть не могу подобных ей «пай-девочек»), но ребёнок всё же имеется... Тратил всё своё время на писанину, которую и издавать не хотят. Но хочешь заработать, так пиши хоть немного в духе времени. Правительство больше поругивай. Тогда и издавать начнут. А то эдакий идеалист с монархическим уклоном и туда же, в «Толстые» норовит. Хочешь семью своим бумагомарательством накормить – поступись с своими косными принципами, - сетовал Борис своей избраннице Ольге Третнёвой, - Мой вечно легкомысленный братец Петя устремился туда с той же сумасшедшей поспешностью опять же, несмотря на младенца и жену, ожидающую второго. Жена, конечно, тоже не подарок – казачка, да ещё с норовом и гонором, но сам выбирал... Он-то хотя бы составил себе капитал и им более, чем хватает, но Серёжа и оболтус Митя, который тоже в эту мясорубку рвётся и скоро непременно отправится – это же полоумные безответственные юнцы, а не мужи! Остаётся ещё, рвущемуся в иноки, Антошке на фронт податься! И этот святоша тоже собирается! Ведь один братец итак выбрал

своим поприщем военное дело, ему и подобало бы представлять Охотиных в этой войне. Но другие-то бездельники куда? И у Мити дитя малое имеется, а ответственности не хватает: одно славословие о священном долге пред Отечеством. Да ты сначала ребёнка вырасти, потом и рассуждай! Конечно, дурочка-жена осточертела, понять можно. Сам себе кухарку выбирал. Наконец, Глеб. Человеку за сорок, почти моих лет, солидное место службы (хотя, на мой взгляд, и позорящее честное имя Охотиных – блюститель порядка, сатрап, виданное ли дело!) и тоже отец семейства. Так и ему приспичило кровушку проливать! Одно объяснение – нет больше у него сил на физиономию своей «красавицы» денно-нощно глядеть. И чего он нашёл в этой Февронии? Как говорить в народе: «ни кожи, ни рожи». А одними ушами долго любить тоже трудно. Могу понять... Таким образом, налицо повальное безумие в семействе! *«Глупость - дар божий, но не следует им злоупотреблять»*. Кажется, так сказал сам Отто фон Бисмарк.

- Ничего не поделаешь, мой дорогой. Убедить их ты пытался, но твои слова вызывают лишь отторжение среди этих буйных охотинских монархистских голов, - вздохнула Ольга Третнёва, владелица столичного либерального салона, с которой Борис сожительствовал уже несколько лет.

- Не зажимай, душка, Христа ради, никакие бутылки. Всё ставь на стол. Теперь нам экономить не подобает. Дадим нынче роскошный ужин с размахом былых охотинских-гене-

ральских. В добрых старых, а не новомодных традициях. Без модного «демократического упрощения». Демократом важно оставаться в душе, а коли есть деньжата, так и следует кушать! По-новомодному оно и не так вкусно.

- Да ради Бога. Не собираюсь я ничего прятать.

- Давай расставим всё как было принято в нашу юность: чтобы на столе было не менее четырёх вин разных сортов, а у каждого прибора должны быть в ряд рюмка для рейнвейна, стакан для бордо, за ними в глубь стола бокал для шампанского и рюмочка для мадеры у верхнего края тарелки. Именно так. Аршином отмерю пространство каждого гостя. Как без упрощения, так и без декадентских выкрутасов с «чёрными обедами» на чёрной посуде.

- Да не волнуйся. Помню всё не хуже тебя.

- Так... а рыба у нас намечается нынче?

- Да, а что?

- Тогда подобает и портер к рейнвейну поставить.

- У нас сегодня немало и сладких блюд, так что следует принести и херес, - сказала Ольга.

- Либо мальвазию с мускатом. Кажется хереса у нас нет зато точно помню, что мускат сам покупал. Губернская мадера от купца Абдулина! Пятидесятый портвейн Леве! Студенты твои и вовсе нынче сопьются, - рассмеялся Борис, - Ну а себе поставлю шустовскую рябиновку.

- Ничего смешного не нахожу в грустном.

- В этом твоя слабость, Лёля. Надо уметь находить забав-

ные стороны буквально во всём.

- Орехи с фруктами есть, но к десерту подобает больше сыров разных сортов. Боюсь, что придётся срочно послать нашу Лукерью к молочнику.

- Так, пошли поскорее. Ведь через полчаса приглашённые нагрянут.

- Надо бы и ананас купить...

- Ананас уже вышел из моды у столичного гвардейского офицерства. Теперь пьют виши и пепермент. Эдакий зелёнький мятный на вкус ликер, весьма освежающий рот. Надо бы прикупить и нам. А виши не надо. К лешему его - отзывает чернилами.

- Вряд ли успеем мы всего закупить. Раньше надо было думать. Ты бы лучше, Борюшка, свой затрапезный халат поспешил сменить.

- Успею. Главное раздобыть ликёр. Да только нет теперь уверенности, что он будет в продаже. Водку и вовсе не сыскать⁴...

⁴ Сначала запрет на спиртное был введён как обычная мера, сопровождающая мобилизацию; затем было объявлено, что запрет сохранится на всё время войны. Он постепенно распространён не только на водку, но также и на вино, и на пиво. Употребление слова «водка», вместо устаревающего «вино», заметно распространилось именно во времена Германской войны, хотя было в ходу уже с 1860-х, а впервые только с 1730-х. До того преобладало использование слов «хлебное вино, зелено-вино, зельено-вино, зелье пагубное, хмельное, хлебная слеза, поповка, народное, столовое вино». До XIX века ушли в прошлое названия «корчма, куренное вино, варенное, оржаное, житное, царская мадера (с иронией), огонь да вода, горячее, горящее, горелое», но сохранилось слово «жжёлка» с иным

- Да и пора бы тебе собой немного заняться. Бороться с лишним весом...

- Ещё не хватало! Да посмотри вокруг. Кто его не имеет у того, как правило, голова плохо варит. Возьми Дубровина... Или наше правительство. Тот же Николай Маклаков... А его брат Василий, либерал, за талией не следит – делом занят. Или эта ходячая жердь Николаша⁵? Наши успехи на фронте полностью отражают уровень его интеллекта.

Борис с умилением созерцал пышность стола и тот факт, что они оба, наконец-то, были совершенно свободны от мелочной опеки маленького сыночка, который пребывал в руках надёжной прислуги. Ещё недавно он себе не мог такого позволить. Даже своей бывшей любовнице со старшей дочкой он давал теперь денег с избытком. Видеть же он хотел лишь ребёнка и не слишком часто, но не навевающую тоску бывшую подругу сердца. Всё гладко и даже политика стала волновать меньше. Но мысль о войне и возможном крахе экономики подспудно продолжала свербить: «А что если...».

- Не возражаешь, если я надену это? – спросила Ольга, напяливая на голову модную шляпку с целлулоидными фрук-

значением. Сохранились из старых и «беленькая, сивуха, сивак, перегар, брандахлыст, брандахлест» в отношении самогона и «первач, первак» в отношении качественной водки (в старину –«пенное, пенник»).

⁵ Великий князь Николай Николаевич, которого звали в кругу своих Николаша, был очень высокого роста и худ. В либеральных кругах считался глуповатым, но на деле был достаточно хитрым и взбалмошным. Великий князь был умным, но легко возбудим и агрессивен, а также подвержен неконтролируемым вспышкам гнева. Славился оригинальностью и непредсказуемостью.

тами.

- Какой вздор, дорогая. Ладно бы ты сама направилась в гости, а то в своём доме и такую дурость на голову...
- Она стремительно выходит из моды. Обидно.
- Не покупала бы дрянь всякую. Ничего страшного. Купишь новую дурацкую шляпку. Теперь мы можем себе это позволить.

Первые гости уже толпились в прихожей, ставшей тесной по причине её отделки в новом стиле модерн, затеянной Охотиным ещё перед войной и приостановленной, поскольку времена наступили непредсказуемые.

- Грянул четырнадцатый год и этим всё сказано. Начинается великий и ссудный миг истории! – с пафосом нараспев вещал чрезмерно грузный престарелый господин с отёкшими глазами в черепаховом пенсне, - Империи распадутся и на их руинах восстанут невиданные доселе демократии.

- Да что Вы, право, наговариваете на наше время. Бывали времена и помрачнее, - помахивая фильдекосовыми перчатками, рассуждал второй немолодых лет дородный господин с академической ухоженной поседевшей бородкой и редющими волосами, зачёсанными назад, - Всё ещё обратится к лучшему: победим мы, так оно и прекрасно. Немец одолеет, так тем лучше, значит сменится строй наш на более прогрессивный и всё встанет на свои места. И вообще «война», как сказал *Маринетти*, «есть не более, чем естественная гигиена».

на мира». Цинично? Да, но ничего не поделаешь: так устроен мир.

- Вы, господин философ, как обычно далеко хватили, лишнего сказанули, - резко откликнулся моложавый высокий человек с тёмным глазом под моноклем, - Грешно в наши дни-то.

- Так на то я и старый грешник, как Вы – молодой. Да, мои собственные грехи давно переливаются через край чаши моей совести. Но что поделать – такова жизнь.

- Кока, Вы право стали слишком критичны и даже нетерпимы. От Вас ли слышать порицания грехов? - очаровательно улыбнулась хозяйка салона - пышноватая блондинка в излишне обтягивающем одеянии того же стиля, - Проходите скорее в гостиную.

- А Вы всё хорошеете, Ольга Сергеевна, - осклабился, неласково поблескивая глазами, известный в столице искусствовед Николай Врангель, он же – Кока, - Есть и тут на что посмотреть, - оглядывая прихожую, - Великолепный образчик югенд-штиля! Лишь слегка доработать и во всей столице равного не сыщишь! Верно говорят, что на рубежах столетий возникает некая тяга к иррациональному восприятию мира, «философия fin de siècle». Сам стиль весь в поисках несуществующего и запредельного.

- Вы становитесь льстецом, Кока. Нам право очень неловко, господа, за такой хаос в прихожей, проходите скорее.

- А вот и мы! – вошёл в прихожую хорошо упитанный че-

ловек лет сорока купеческого вида, тут же извлекая из портфеля с заговорщическим видом бутылку розового шампанского, - Вам лично-с, милая Ольга Сергевна.

- И где Вы только всегда что-то особенное достаёте! Да ещё в такое время. Скоро и мяса-то не купишь, - проворковала Ольга, - А Вы всё приятно полнеете, Калистрат Фионович.

- Ни в чём себе не отказываю-с, Ольга Сергевна.

- Господа, виданное ли дело такой стол в наше время! - выразил дребезжащим голосом свой восторг почтенный господин в черепаховом пенсне с черепашьим взглядом дребезжащим голосом, - А мне – одно расстройство. Врачи твердят: то нельзя, другое нельзя. Жить не хочется без гусиных паштетов. Эх, всё уже не то, что было. Воздуха-то свежего было-го скоро не останется! По улицам не встретишь саврасов с рысакaми, но всё чаще авто чадающие. Прошу прощение за простоту каламбура. Задушaт нас бездушные механизмы, ой задушaт.

- Полноте, полноте, Матвей Нифонтович, рановато Вам ещё такое говорить, - оглянулась на него Ольга Сергеевна.

- «Антитевтонские» настроения, роднящие левых с правыми, возобладали и Санкт-Петербург становится Петроградом, господа! – с торжественной ноткой заявило черепаховое пенсне.

- Не вижу причин для умиления, - скривил губы Кока, - Пётр Великий назвал, основанный им град, в честь своего

святого – «Санкт-Петербург», на голландский лад, а вовсе не на немецкий. То есть перевести было бы уместнее как «Святопетровск», а не «город Петра».

- Вы, Кока, всегда готовы переговорить любого. Мне это известно, - фыркнуло пенсне.

- Возможно это у нас от прадеда Ганнибала. Всё же из африканской глубинки был человек. От такого всякого можно ждать. На стене у отца имелись большие портреты деда Ганнибала и бабушки. Он смуглый, почти табачного цвета, в белом мундире с Владимирской звездой и лентой и с чудными глазами газели. Орлиный нос. Бабушка, его жена - блондинка в серебристом платье и с высоченной причёской, - сказал Кока, глядя куда-то поверх голов окружающих.

Вслед за первыми посетителями гости так и повалили. Электрический звонок продолжал трещать. Когда гости уже начали рассаживаться, появился незнакомый большинству, страшно худой господин среднего роста и средних же лет в добротной тройке, с толстой серебряной цепочкой от часов. Его длинный хищный нос, загнутые кверху усики и чёрная мефистофельская бородка выдавали желание произвести впечатление неординарной личности.

- Господа, перед вами наш новый знакомый профессор-индолог и консультант Императорского Российского Географического общества Ардальон Иванович Сновидов! – торжественно отрекомендовала опоздавшего Ольга Третнёва, - Коллега маститых учёных-ориенталистов Ольденбурга

и Радлова.

- Профессор владеет оккультными знаниями и тайнами индийских йогов и даже давал уроки йоги князю Феликсу Юсупову, - добавил Борис, сдержавший смешок, поскольку вспомнил, что студенты прозвали Сновидова просто Йогом.

- Говорят, что князь день занимается йогой, а на другой курит опиум, - хихикнула Ольга.

- Оккультные знания! Чудесно! Поразительно! – с истерической ноткой воскликнула вдруг рыжая девица с огромными зелёными глазищами молодой и привлекательной ведьмы.

- Вы, милая Аглая, и сами бы сошли за жрицу индийского храма, - очаровательно улыбнулся ей Кока Врангель и при этом диковато гыкнул.

- Вы словно сошли с полотен прерафаэлитов, очаровательная Аглая, - вставил его давний приятель, но теперь более – соперник, художественный критик, поэт и масон Сергей Маковский, облачённый как всегда в белоснежную крахмаленную сорочку, господствующую высоким двойным воротничком над жилетом, брюки с поразительно отутюженной складкой и сияющие лакированные туфли.

- Вам бы ещё в руки гвоздику и подсолнух с лилией⁶, - добавил Врангель.

- Я окружена этими цветами в мыслях своих. Этого доста-

⁶ Гвоздика, подсолнух и лилия считались самыми совершенными цветками у художников-прерафаэлитов.

точно, - Аглая отблагодарила мужчин за комплементы торжествующим тоном, окинув их томным взглядом своих чарующе-неотразимых, но пустых глаз.

«Швейцарец Блелер уже в одиннадцатом году ввёл ёмкий термин «шизофрения»...» - вертелось на языке Настасьи Ртищевой в этот миг, - «А глаза её изменились за последнее время. Стали ещё безумнее. И стала излишне худа. Но я становлюсь нетерпимой к окружающим и невыносимой для самой себя. Что это? Скрытая от самой себя ревность?»

- С Вашей грацией Вы бы вполне могли утереть нос Мата Хари⁷, «Оку Дня», - оценивающе оглядел Аглаю Сновидов.

- Вы не шутите? А правда, что Мата Хари – дочь Эдуарда Седьмого и индийской княжны? – томно сказала на это Аглая, ощутив разочарованно, что от индолога пахнет зубным порошком, а не восточными благовониями. «От меня пахнет камедью — тончайшим растительным соком, как однажды сказали при пикантных обстоятельствах» - подумала Аглая - «Кожа богинь источает камедь! Не чета жалкому зубному порошку!»

- Правду нам знать не дано, сударыня, - таинственно улыб-

⁷ Псевдоним голландки Маргареты Гертруды Зелле (1876-1917) – исполнительницы восточных танцев с элементами стриптиза, куртизанки, подозреваемой в шпионаже в пользу Германии. Увлечена временно капитаном Вадимом Масловым – молодцеватым блондином. Была расстреляна по приказу Клемансо. По одним сведениям Маслов так переживал, что ушёл в монастырь, по другим он заявил во время суда над Зелле, что намерен был её бросить и не пытался защитить её.

нулся Сновидов, - Это касается и того воспитывалась ли она, в самом деле, в буддийском монастыре. Но мне думается, что эта хитрая голландка просто рекламировала себя и свои танцы раздуванием слухов о своём экзотическом происхождении.

- Сам Рудольф Штейнер⁸ говорил мадам Волошиной лет семь назад: *«Ритм танцев ведет к пра-эпохам мира. Танцы нашего времени - вырождение великих храмовых танцев, через которые познавались глубочайшие мировые свершения»*, - вставил Маковский, - *А когда Айседора Дункан отплясывала в Петербурге весьма эротичные балетные номера, увлеченный Белый увидел в её движениях символ новой России. Позже Белый увлекается сам странными танцами в коих Ходасевич узрел «дьявольскую гримасу, кощунство над самим собой и бессильную месть Штейнеру».* В практике антропософов тоже есть элементы танца. Но создаётся впечатление, что Белый подражает хриstopляске хлыстов. Это я к тому, что кроме Зелле и Дункан существуют и другие танцоры...

- Тот же Белый избрал своей очередной мистическо-эротической возлюбленной жену Штейнера – мадам Сиверс, находясь четыре года в духовном ученичестве у Штейнера, -

⁸ Рудольф Штейнер (Штайнер) – основатель религиозно-мистического учения «науки о духе», цель которого открыть широкому кругу людей методы саморазвития и духовного познания с помощью мышления. С 1914 года Белый жил в Дорнахе близ Базеля два года и участвовал в строительстве Иоаннова храма вместе с Волошиным.

усмехнулась Ольга, - И уже не в первый раз находит себе подобный объект – символ «золотолазурной Софии».

- Господин профессор, - улыбнулось черепаховое пенсне, не церемонясь на правах старшего, - Вы бы нам лекцию об Индии сегодня... Небось и побывали в этой стране чудес?

- Да, сударь, довелось и не раз, но давно, - гнусаво ответил индолог, - А с той поры всё разбираем коллекции князя Ухтомского⁹.

- Секретные службы средств на такие поездки не жалеют, - усмехнулся профессор философии.

- Зато британские их коллеги нередко отказывают в получении разрешения на въезд в свои колонии, с которыми они носятся, как известно, как с писаной торбой, - осклабился Сновидов в ответ.

- Да в Лондоне просто параноический страх в вечном ожидании того, что русские нагрянут в Индию и отберут её у «бедных незащитных островитян», - рассмеялся Борис Охотин.

- И давно бы уже следовало сделать это, - сухо проронила Настасья Ртищева в ответ на реплику бывшего мужа.

- «Ртищевский подход» несовременен, сударыня, - развязанным тоном продолжил Борис.

⁹ Князь Эспер Ухтомский (1861-1921) приближённый царя, дипломат, ориенталист, публицист, поэт, переводчик. Известен своей «востокофильской» позицией. В ходе поездок на Восток изучал буддизм и коллекционировал предметы восточного искусства. Склонен идеализировать Азию. Тяготел к славянофилам и был первым евразийцем.

«О Боже, как ты мне омерзителен. Последние потуги на благородство испарились» - заключила Настасья и демонстративно отвернулась в сторону.

«Тебе бы давно пора любовника завести. Так ты и вовсе сбесишься. И что я прежде находил в этой надменной особе? То ли дело моя ласковая Оленька. К делам амурным всегда готова, что в романах от алькова. И что всех сегодня так тянет на каламбуры? С чего бы это?» - подумал бывший муж Настасьи.

- Должен отметить, что наши ряды не поредели, господа, - вдруг громко, на весь стол, заговорил профессор философии, рассмеявшись своему нехитрому каламбуру.

- А с чего бы им редеть? Полноте, не на фронте же мы? - удивился Калистрат Зуев.

- Так, это я и имею в виду. Многие общественные собрания в это тревожное время ре-де-ют, - продолжил профессор.

- А, понимаю намёк. Призывают, на фронт отправляют...

- В нужном направлении мыслите, господин Зуев. А чем объяснить тот факт, господин Зуев, что Вы здесь, а не там? - не унимался философ.

- Вы, наверное, полагаете, что я молод. Стараюсь, слежу за собою. Но мне, сударь, уже сорок три будет.

- Вестимо, господин Зуев, но призывать собираются вплоть до пятидесяти, а многие в Ваши годы идут добровольцами...

- Похоже, что Вы, господин профессор, заметно поправились политически, - рассмеялся Николай Врангель.

- Мне-то шестьдесят почти даже и захотел бы, не примут в «рекруты», - зашёлся неприятным смешком профессор, - А Вы-то сами, Кока, какие Ваши годы?

- А я, господин профессор, представьте себе, скоро отправлюсь в составе медицинской части, - ответил Кока Врангель, гневно сверкнув моноклемом.

- Нам с Врангелем далеко за тридцать, - сказал Маковский, поведя нахально задранными усами, - Вы бы лучше обратили свой пафос к тем, кто помоложе и в самом призывном возрасте пребывает.

- В самом деле, господа студенты, - с привычной университетской суровостью вскинул густые брови профессор философии, - Нет ли у вас намерений пойти добровольцами?

- Государство не для того вкладывало в наше образование столько средств, господин профессор, - слабым нерешительным голосом ответил чернявый худенький молодой человек в очках, - Ведь хватает пока и необразованных... Призыву пока студенты не подлежат... А мы, так сказать, вечные студенты... Следовательно в нас вложено средств больше обычного.

- По закону пока ещё студенты призыву не подлежат. А если не будет хватать, пойдёте?

- Призовут, так и пойду..., - промямлил в ответ Яков Шкловский.

- А я не собираюсь туда идти, - сверкнув чёрными глазами резко и самоуверенно заявил нечёсанный кудрявый долговязый студент, - Что я там забыл? За царя на закляние? Нет уж, увольте. И уж не за ТАКОГО царя во всяком случае. А на месте Шкловского, будучи чистым евреем, тем более бы не пошёл. За Россию евреи не обязаны умирать, слишком уж их обижает нынешнее правительство. Мой отец русский, но не в этом суть: я не стану воевать из иных побуждений. Я – революционер, господа, и вижу свою задачу несколько иной и даже готов жизнь положить за дело политического прогресса, господа!

- Совершенно верно мыслите, господин студент, - поощряющим тоном сказал профессор.

- Какой возвышенный слог! – язвительно усмехнулся Николай Врангель, - Да Вашими устами с трибун бы выступать. Но левые столь возвышенно уже не говорят. Не модно стало. Берёте пример с правых, сударь. А что это Вы всё о евреях норовите высказаться? Никто тут пока что и не думал поднимать еврейский вопрос.

- Для нас, у евреев и даже полуевреев, этот вопрос наболевший, - недобрым тоном ответил Илья Жирнов, - Если Вы помните, не далее, как *в шестом году Николай отказался утверждать изменения по еврейскому вопросу, предложенные Столыпиным, мотивируя свой отказ дать нам больше свободы внутренним голосом, гласом своей совести.* Вот, где само фарисейство и есть, господа!

- Но Вы очень легко и непринуждённо обошли стороной самую суть дела, милейший, - зашёлся Врангель саркастическим смехом, - *Ведь после отказа Николая Столыпин обратился к нему с предложением провести указ общим законодательным порядком, через Думу. Царь согласился, но ни Вторая, ни Третья, ни Четвёртая Думы не обсуждали до сих пор этого законопроекта. Вы не задавались вопросом: почему? Ведь казалось бы... Ответ прост: подобное решение еврейского вопроса не устраивало ни крайне правых, не желавших ни в чём уступать евреям, ни самих левых, для которых царская поддержка означала признание за «реакционно-антисемитской» властью заслуги разрешения заскоружлого давнего вопроса, который должен был считаться в принципе неразрешимым в России самодержавной до её либерализации. Вот в чём суть дела, сударь. А Вы либо не понимаете этого, либо же, будучи левым, намеренно умалчиваете. А если учесть тот факт, что наша печать уже на три четверти в еврейских руках, становится очевидным, что в определённых кругах было решено временно поддерживать победу и патриотизм, ибо в Первую революцию ставка на поражение в Японской оказалась несостоятельной. За такую поддержку еврейство вероятно надеется на благодарность властей после войны. Эдакий халдейский трюк... А почему происходит такой расклад в политике? Потому, что экономика страны развивается с 1907 года с немысли-*

мой стремительностью¹⁰, потому, что выгодно в неё вкладывать средства. Сибирь влечёт всё растущий поток народа и заполняет перед войной внутренний рынок чудовищным количеством пшеницы и коровьего масла. Европа завалена русским маслом из его давней житницы – севера Вологодчины и, в добавок, теперь из Сибири. Вывоз масла превысил в два раза стоимость добычи сибирского золота. Это так – не более, чем пример.

- Ну и что Вы хотите этим сказать? – взгляд Ильи растерянно забегал.

- Вы, Илья, рассуждаете несколько демагогически, - сказала Ольга, сделав шаг в сторону от настойчивого запаха жирных давно немытых волос Ильи, заглушенного одеколоном, - В годину войны продолжать революцию я считаю кощунственным. А Николай Николаевич говорит верно и уж он-то большой либерал и никак не мыслит себе давить на еврейство.

- Ольга Сергеевна, о чём Вы говорите! – моляще-театральным тоном ответил студент-юрист Илья Жирнов, - Наше социал-демократическое движение настолько слабо и забито,

¹⁰ Вывоз хлеба за границу в 1912 году достиг 748 миллионов рублей. В 1913 году урожай основных злаков в России был на треть выше такового в САСШ, Канаде и Аргентине вместе взятых. По уровню промышленного производства Россия стала пятой в мире. Уже тогда были почти готовы проекты электростанций Днепростроя и Волховстроя, ставших символами сталинских пятилеток лишь после долгих лет разрухи вследствие не Первой Мировой, а Гражданской войны (Мультатули П. Внешняя политика императора Николая II).

что лишь война, как и некогда Японская, может его оживить.

- Значит пусть гибнет больше наших бойцов на фронтах? Что там лишний десяток тысяч? Лишь бы некоторые антиправительственные партии взяли власть. Не важно, что от этого войну проиграть можно? Какой цинизм! – не на шутку возмущается Настасья.

- У Настасьи Николаевны брат в самом пекле сражается, а Вы тут политическую демагогию, студент, разводите, - останавливает ответную реплику студента уничтожающий взгляд Врангеля сквозь монокль.

- Что же мне поделывать, если такие, как брат госпожи Ртищевой - основная опора трона, который мы намерены устранить? – недобро усмехается Жирнов.

- Поймите, Настасья Николаевна, - улыбается с прищуром философ, - война это печальная неизбежность и всякие эмоции тут излишни. Война - это закономерность развития. Мы же не можем отбросить технический прогресс? Вы же не хотите забыть про существование электричества и вернуться к свечам? Вот и расплачиваемся за комфорт. *Германский проект строительства Багдадской железной дороги не на шутку встревожил Лондон, Петербург и Париж. Англичан уже годами беспокоит выход могучего континентального конкурента к Индии. А русских в последнее время тревожит неуклонное приближение немцев к Босфору и Дарданеллам. Немцы не могут больше без личной железной дороги Берлин-Багдад и лишь она позволяет им стать действитель-*

но великой империей. Россия не может допустить германского господства на Балканах, поскольку ей так же остро необходимы Проливы. И все жертвы вертятся вокруг эдакого расклада... А Вы, господин студент, как смотрите на возможность отправки на фронт? – тяжёлый взгляд профессора обращается на чахлого студентика в оловянных очках на кончике длинного носа, который усиленно налегал на самые крепкие вина.

- Я, господин профессор, тоже на службе у революции и считаю своим священным долгом...

- Довольно демагогии, юнец, потерявший всякое чувство исторической связи с народом и Отечеством, лицемер! – полыхает своими бездонными серыми очами Ртищева.

- Всё, дамы и господа! Довольно! Мы уже переходим на личные выяснения, – резко воскликнула Ольга, - На этом мы завершаем политические дебаты сегодня и приступаем к беседам об искусстве, Индии, о чём угодно, но не о политике и не о фронте!

- Что Вам на это ответить, прекрасная Ольга Сергеевна? – сделано риторическим тоном воскликнул Кока, - Новости следующие: Ахматова не признаёт Северянина, как Лев Толстой – Шекспира, что вполне понятно, на мой взгляд.

- А восходящая звезда - Цветаева боготворит Блока, - добавила Ольга.

- А Бальмонт, в свою очередь, превозносит уже Ахматову, - развила мысль зеленоокая Аглая.

«Опять ты тут со своим Бальмонтом. Это уже диагноз» - подумала Настасья – «А ведь я сама недавно восхищалась этим поэтом... Чего злобствовать-то так? Но после Гумилёва он померк. Бальмонт отдал талант в угоду вкусам своей публики».

- Вы бы нам рассказали, Кока, как у Вас в «Бродячей собаке¹¹» в последнее время, чем живёте? – спросила Третнёва, - Говорят, что Ахматова уже окончательно рассталась с Гумилёвым.

- А что обо всяких блохастых псах в благородном обществе вещать? Не оценят, - с ехидцей поглядывая на профессора философии ответил Николай.

- Повеса-муж Гумилёв требовал от Анны Андреевны поклонения себе, не допуская мысли, что она существо самостоятельное и равноправное. Пожалуй и любил её, но не сумел понять. Она же - мнительно-горда и умнее его чисто по-женски и не смешивала личной жизни с поэтическим бредом. При всей своей внешней хрупкости она сильна волей, здравым смыслом и трудолюбием. Естественно, что коса нашла на камень, - язвительном тоном проговорил Сергей Маковский, разгладив тонкими пальцами с излишне ухоженными ногтя-

¹¹ В предвоенные годы Николай Врангель был завсегдатаем артистического кабачка «Бродячая собака», где собиралась столичная богема: Крученых, Лифшиц, Кузмин, Бальмонт, Хлебников, Судейкин, Богданова-Бельская, Ахматова. Многие из них барон собирался привлечь к участию в грандиозном проекте, предполагавшем организацию в Петербурге доступных для народа театральных зрелищ и прочих увеселений.

ми свой и без того идеальный прибор.

- А вот, послушайте заметку из иллюстрированного журнала «Искра» от 29 июня нынешнего года, господа, - заговорило хрипло, по-стариковски, Черепажовое перо, - «*Перелёт Петербург—Киев*», та-ак... «*в Киев прилетел на своем знаменитом «Илье Муромце» И. И. Сикорский*¹²... Благодаря белой ночи полёт начался при прекрасных условиях, но вскоре поднялся сильный встречный ветер, вследствие чего вместо нормальной скорости - сто вёрст в час, «Илья Муромец»¹³ ограничился скоростью в 70 вёрст... «Илья Муромец» реал всё время в грозовых тучах. Два часа пришлось лететь под проливным дождём и при встречном ветре. «Илья Муромец» поднимался на высоту тысячи саженей, чтобы очутиться выше облаков... Не видя земли, лётчики ориентировались по компасу...» так-то, господа, чудеса техники! «...Сикорский с товарищами оставался в Киеве до 26 июня, причём сделал несколько полётов над Киевом... На протяжении двух лет аэропланы Сикорского завоёвывали главные

¹² В 1915 году Игорь Иванович Сикорский (1889-1972) создал первый в мире серийно выпускавшийся истребитель сопровождения для совместных действий с бомбардировщиками «Илья Муромец» и охраны их аэродромов от самолётов противника. В 1918 году монархист Сикорский эмигрировал. В 1942 году он создал в Америке знаменитые трансатлантический гидроплан и вертолёт.

¹³ Четырёх-моторный стратегический самолёт-разведчик и бомбардировщик «Илья Муромец», созданный молодым авиаконструктором Сикорским, стал сильнейшим в мире. Эти самолёты в годы войны постоянно модернизировались и, вплоть до 1917 года, считались непревзойдёнными во всём мире. Всего на вооружение русской авиации поступило 80 этих боевых машин.

призы на состязаниях военных самолётов».

- Заметьте, господа, «военных»... Всё, что у нас не делается хорошего, всё лишь на благо военной машины! – бросил Яша Шкловский, от которого пахло слегка подтухшим яйцом,

- Нам необходимо либерализовать государственную машину. Почему бы не взять пример с англичан?

- Потому, что сначала надо изменить государственный строй, господин мудрый студент! – грубо оборвал его Жирнов менторским тоном, Даже в диком Тибете с двенадцатого года провозглашается Республика. Пусть хоть Китайская...

- Британцы, бесспорно, народ передовой, - спокойным тоном начал индолог, - И если бы Христос выбрал для своего пришествия нынешние времена, то избрал бы английский язык вместо арамейского.

- Изволите шутить, господин профессор? – усмехнулся Маковский.

- Я никогда не шучу, сударь. Мир полон интересных вещей и загадок и без шуток. Я даже книги перестал уважать с некоторых пор, когда осознал, что *устная традиция индийской культуры настолько преобладает над письменной, что древние основополагающие тексты, из Вед, проговариваются, вернее поются хором. При ошибке, в ходе пения, человека поправят.* То есть, тысячелетняя устная традиция эпоса, порождает меньше ошибок, чем переписывание текстов в христианских монастырях от руки с повторением ошибок и до-

бавлением новых. Иной раз и намеренно. От колыхания хаоса к музыкальному сочетанию гласных в слова складывались безбрежные и бездонные Веды, у которых нет автора, которые суть порождение самой Вселенной. Нет в Индии Книги, как у христиан. Впрочем, почти все верующие там безграмотны. Но суть не в этом...

- Веды полны тайн и знаков! – расширила зрачки зелёных очей Алгая, вдохновлённая мефистофельской внешностью знатока Вед с длинными торчащими усами.

- Без аглицкого образца парламентарного строя далеко не пойдём. Тут и Веды не помогут, - глуповато осклабился Зуев.

«Сюда ущербных недоумков, или отвратных циников приглашают, а я сижу, дурища, и выслушиваю весь этот бред» - сокрушалась про себя Настасья, а вслух сказала:

- Если Вы помните, господин Зуев, в приснопамятный 1818 год русские войска выводили из Парижа. *В отличие от французов, покидающих Москву, русские не волокли с собой тюки с награбленным, не говоря о том, что ни единый дворец, дом, не говоря о храмах, ограблены не были.* И это после разорения кремлёвских соборов в 1812-м... А любимая думцами парламентарская Британия без веского повода браво обстреливала из корабельных орудий мирное население черноморских, балтийских, беломорских городов и Петропавловска-Камчатского во время Крымской кампании.

- Так, то отсутствие мародёрства в Париже не нашего солдатака заслуга, а строгости Александра Благословенного ис-

ключительно. Царь ни в коем случае не хотел ударить в грязь лицом и желал показать себя вдвойне европейцем, - снисходительно бросил философ.

- Как известно, бонапартовские солдаты превращали в конюшни многие московские церкви, а уходя пытались взорвать все кремлёвские соборы! Прилегающий же к Ивану Великому, успели частично разрушить. Но эти факты не мешают российским либералам устанавливать на своих рабочих столах бронзовые бюсты Наполеона. Таковые же Кутузова и вовсе не изготавливались, так как спроса на них не предвиделось, - неумолимо довела мысль до логического завершения окончательно рассерженная Ртищева.

- Всё это так. И давняя мысль русской интеллигенции о том, что союз с Англией, или Францией непременно подразумевает «свободу», а союз с Германией – «разгул реакции», - усмехнулся Сновидов, ослабившись Ртищевой, - Уж слишком простенькая мысль.

- Столыпинская аграрная реформа могла бы и сработать, если бы у нас установился парламентский строй, - задумчиво произнёс Борис, - *А некоторые усматривают в начатой Столыпиным революции экономической пролог социальной. Когда Столыпин для своей вымученной реформы просил 15-20 лет спокойствия, Чупров с учениками опасались, что социальный взрыв будет неизбежен. Как показало время, хуторяне – порождение реформ, оказывались не раз более склонными к бунтарским настроениям, нежели общин-*

ные крестьяне. Кстати, изначально Столыпин отнюдь не хотел разрушения общины, а лишь предполагал постепенное её отмирание.

- Залеченная было Столыпиным болезнь вновь начинает проявляться, - сказал Кока, - Забастовки вновь принимают стихийный характер и перед самой войной Петербург пришлось объявить на военном положении.

- Ваш Столыпин - это тот самый известный хирург маркиза де Сада, который готов отдать собственную дочь в жертву медицинского эксперимента, - самодовольно просиял от своей остроты философ.

- Ваш цинизм безмерен, господин профессор! – поморщилась Ольга.

- Цинизм – удел спокойных мирных людей, а идеализм – опасных маньяков, Ольга Сергеевна, - парировал философ.

- Профессор, нас с Вами, стариков, эта публика не слишком жалует. Пойдёмте-ка лучше сразимся в винт, на худой конец – в ералаш, да хоть бы и в лото, домино... – зевнуло черепаховое пенсне, - Раз уж нас с Вами в армию не призывают.

- Вы оба подаёте молодёжи беспримерный образец цинизма, почтенные господа петербуржцы, - резанула Ртищева, - Достойно ли это почтения к летам вашим? Профессор откровенно высмеивает маленькую девочку, ставшую жертвой чудовищ-террористов, искалечивших ребёнка. Но Вы на его стороне, сударь!

- Я удаляюсь! - подпрыгнули мешки под глазами черепахового пенсне от гнева, - Кто присоединится к бедному старику скрасить последние деньки настольной вознёй?

- Я как всегда, как и во всём с Ва-ами, Матвей Нифонтович, - пропел философ, - Мы покидаем вас, дамы и господа. Если Вы надумаете опять повертеть стол, - обратился он к хозяйке, - посмущать спиритизмом умы, то я в Вашем распоряжении. Но никакой политики!

- Прихватите с собой чашечку чая, господа, - бросила им Третнёва, указывая на корзинки с различными сортами печений, тарелочки с маленькими бутербродиками, фруктовый пирог, блюдечки с резаным лимоном и со сливками и поднос с чашками возле медного самовара, принесённого только что служанкой.

Борис вошёл с двумя графинами, наполненными коньяком и ликёром. Уже почти засыпающий за столом студент в оловянных очках и его сосед – поэт-неудачник с обрюзгшим лицом потянулись к графинам со своими рюмками.

- Более того, господа, - произнёс вдруг Борис Охотин, видимо развивающий собственную мысль, продолжая разговор с собой вслух, - *ведь первые дни работы Третьей Думы показали, что самодержавие безвозвратно ушло в прошлое уже тогда. Вспомните раздор, вспыхнувший при составлении адреса Николаю от всей Думы. Правые отчаянно настаивали на включении в текст слова «самодержавие», а кадеты только слова «конституция». Спор шёл до поздней ночи.*

Предложение правых озаглавить адрес: «Его Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому» не прошло уже тогда! Это была немалая победа, господа! Кадетская «Речь» после этого напечатала, что Дума «положила грань межеумочному состоянию великой страны, и объявила, что конституция в России действительно существует», а крайне левый «Товарищ» писал, что «Самодержавие погибло на Руси бесповоротно». Николай был тогда поражен, что Дума отвергла его титул, закреплённый в Основных законах. А крах Думы означал собой и крах политики Столыпина.

- Совершенно верно, господин Охотин, - язвительно подчеркнув обращение к бывшему мужу, добавила Настасья, - После этого премьер-министр встречается с октябристами и пытается доказать изменнику Гучкову, что тот совершает грубую ошибку своим желанием установить союз с явными противниками власти, что может перечеркнуть мирные перемены и породить новую смуту.

- А Толстой разродился знаменитой репликой о «возе», - вклинился Кока, - «Народы... хотят свободы, полной свободы. С тяжёлого воза надо сначала скинуть столько, чтобы можно было опрокинуть его. Настало время уже не скидывать понемногу, а опрокинуть». И всё кричим: «Ах, Толстой!» А он, фактически, к смуте призывал...

В этот момент из спальни вернулась Ольга Сергеевна и с радостной улыбкой всё ещё звонким девичьим голоском в

свои бальзаковские годы объявила:

- Дамы и господа, у меня приятный сюрприз!

- В самом деле, Ольга Сергевна? Поведайте нам скорее! – молящим тоном воскликнул Сергей Маковский.

- Мне только что телефонировала Зинаида Серебрякова-Лансере и сказала, что скоро придёт.

- Великолепно! Зинаида Евгеньевна Серебрякова-Лансере. Давно хотел посмотреть на эту интригующую упрямую особу из «Мира искусств»! – оживился Кока Врангель, - Видел немало её работ на наших и соседских выставках, но почему-то не встречал до сих пор их автора. Говорят, она весьма миловидна. Ученица самого Браза! Её дед, Николай Бенуа – известный зодчий, отец, Евгений Лансере – скульптор анималист, брат же – прекрасный художник. Не семья, а кладёзь талантов.

- Муженёк зато весьма сер. Насколько мне известно – простой железнодорожный инженер, - лениво добавил Маковский, зевнув и потягиваясь всем длинным телом.

- Вы полагаете это так просто быть хорошим инженером? Что не нужно никаких талантов, что все они – серость? – ехидно спросила Настасья человека, который норовил проявить себя её ухажёром, правда со свойственной ему деланной великосветской пассивностью.

- Отчего же? Я не утверждал этого. И что это Вы сегодня столь добры ко всем нам, Настасья Николавна? Вроде бы погода на дворе такая приятная: золотая осень...

«Давно никто ей в постели телеса не намянал, вот и исходит желчью, стерва» - мелькнула ответная мысль в мозгу Жирнова, - «В казарму бы её, голубокровую, на ночку-другую».

- Поведайте нам о новостях культуры, Кока, - настояла Третнёва.

- С удовольствием, Ольга Сергеевна, - поправил ус Врангель, - Вы знаете чем в последнее время занимается наш «новый пророк» Андрей Белый? *Перечитал «Бесы» и заявил, что Достоевский «лживый поп и лжепророк». Поражает, не правда ли? Всю историю Фёдор Михайлович якобы искажил с помощью «шулерских приемов». И никто не замечает, что «Россия беременна революцией». Марксизм же, Белый считает параллельным Апокалипсису и рассматривает, как «частный случай философии Соловьёва». В марксизме Белый ценит идею преобразования человека и конца истории. «Марксизм без идеи взрыва - уже не марксизм» - восклицает Белый. Православию же он предпочитает некую собственную религию.*

- Не мудрено, что в ходе ученичества у Штейнера он полностью отождёт от православия, - усмехнулся Маковский.

- Опасное легкомыслие столичного бездельника - подобные игры в марксизм, - строго заметила Настасья Ртищева.

Неожиданно комната словно наполнилась светом. В неё впорхнула живая вся светящаяся и весьма энергичная особа с хаосом пышных тёмных волос, обрамляющих лицо, вызы-

вающее симпатию буквально у всех людей.

- Милости просим, Зинаида Евгеньевна, - улыбнулась Ольга с каким-то надрывом в голосе: ей становилось всё страшнее сравнивать себя, зашкаливающую сороколетие, с такими милашками, которым едва под тридцать. Оживлённый тон Бори особенно кольнул сердце хозяйки салона: «А Кока? Каков подлец! Тут же волчком завертелся у её ног и про свою писаную красавицу Ртищеву позабыл! И Маковский туда же! Весь их пол подлый и не стоит нашего внимания! Но Боря... Это уж слишком!»

«Как бы ты не была уютна и мила, моя Лёля, но мне не так много осталось, всё сердечко шалит, и ты, надеюсь, простишь мне, если я хотя бы мысленно изменю тебе прямо сейчас и прямо здесь, на столе, с этой молоденькой художницей? У тебя, милая Оленька, уже складки под пышной грудью образуются, а тут всё пока ещё торчком...» - озорно думалось Борису под влиянием набранных градусов.

- Какой роскошный у Вас дом, Ольга Сергеевна, - растерялась от излишнего внимания мужчин, едва успевая им отвечать, Серебрякова.

- Зинаида Евгеньевна, позвольте вопрос, как специалисту, - заседал на гостью Кока, - а правда ли, что Вы начали писать цикл картин, посвящённых крестьянству?

- Да, но на эту тему у меня имеются ещё и ранние работы, - блестящие тёмные глаза художницы встретились с тёмно-карим взглядом Врангеля под моноклем.

Настасье, как в определённом смысле, коллеге Серебряковой, тоже хотелось бы побеседовать с ней о живописи, но мужчины столь плотно обступили вошедшую, что Ртищевой оставалось продолжать сидеть одной с независимым видом. Тут к Настасье поспешил подсесть, навевающий тоску, Каллистрат Финогенович Зуев:

- Вот видите, госпожа Ртищева, лишь я остаюсь Вам верен, а прочие вертопрахи уже прилипли к новому магниту. Так-то всё просто получается.

- Вижу, господин Зуев. И что из этого? У нас с Вами разные взгляды на политику и не только. Нам не сойтись, - уводя в сторону взгляд дымчатых глаз, отвечала Настасья, думая про себя: «О жалкое подобие ловеласа! Карикатура на бонвивана».

- Велите и я устремлюсь под Ваши знамёна, моя повелительница! Все свои взгляды, как и моё немалое состояние у Ваших ног, лишь повелевайте. Это даже модным становится, когда дамы высшего света... хм... имеют дело с купечеством...

- Дамы тоже бывают разные, господин Зуев, - с этими словами она пересела к Аглае, которая пребывала в некоей прострации, глядя на окружающий мир сквозь стекло своего бокала. «Неужели я стала настолько стара в своём добровольном полудевичестве, что они смотрят на меня только когда рядом нет никого помоложе?» - терзалась вопросом Ртищева, - «Похоже, что моя зеленоглазая соседка недовольна тем

же самым. Слабы мы духом...»

- Вступайте в Общество Тулле¹⁴, госпожа Ртищева, - неожиданно выдала Аглая, продолжая смотреть сквозь стекло, - Там Вы обретёте покой.

- А что Вы имеете против кубизма, господин Врангель? – донёсся хорошо поставленный и юный голосок Серебряковой, - В одиннадцатом году их выставка в «Салоне независимых» в Париже стала уже всефранцузским явлением.

- Что Вы, что Вы! Я ничего не имею против, - рассмеялся Кока, - Но сейчас мы стоим перед событиями, подобных которым свет не видал со времён Великого переселения народов. Культура, пришедшая как наша в футуризме к самоотрицанию, желающая стереть всё своё прошлое, подходит к концу... Скоро всё, чем мы живём, покажется миру

¹⁴ Общество Тулле было учреждено в 1910 году Феликсом Ниднером - немецким переводчиком норвежских мифологических поэм XII века. Члены этого общества представляли германский народ как арийскую расу выходцев из Тулле и намеревались трансформировать его в сверхрасу, используя силу врил. Как часть своей эмблемы это общество использовало свастику - традиционный символ Тора - древнескандинавского бога грома. Поступая подобным образом, Общество Тулле следовало примеру Гвидо фон Листа, который в конце XIX века сделал свастику эмблемой неоязыческого движения в Германии. Вместе с Ланц фон Либенфэлсом и Стауфом фон Лист стал известен как учредитель движения ариософии, популярного до и во время Первой Мировой войны. Ариософия смешала теософскую концепцию рас с германским национализмом для утверждения превосходства арийской расы как достаточной причины для завоевания Германией глобальных колониальных империй Британии и Франции и превращения её в законного повелителя населяющих эти земли низших рас. Общество Тулле подхватило ариософские убеждения.

ненужным, наступит период варварства, который будет длиться десятилетиями. А почему? Потому, что созданное нами со времён декадентства наносное, поверхностное, не вечное. Но оно сумело уже стереть в общественной памяти образ вечной классической культуры.

- Одиннадцатый год стал переломным в мире искусства, - вставил своё слово Маковский, - Именно тогда возникло первое творческое объединение кинематографистов близ Лос-Анджелеса, которое развивается невиданными темпами. Или Вы синематограф тоже не признаёте в качестве искусства, Врангель?

- От чего же. Но ему ещё расти да созреть... Так вот, Зинаида Евгеньевна, я хотел лишь сказать, что кубизм явление незрелое, скороспелое и преходящее, которое будет забыто уже через поколение.

- Не могу сказать, чтобы я была поклонницей кубизма, но мне импонирует всё новое в искусстве, - очаровательно улыбнулась Зинаида, - Более того, недолюбливаю его угловатость и резкость линий, подобно тому, как Москва не терпит питерских прямых линий, всё округляет и превращает в завитки.

- Совершенно верно, Зинаида Евгеньевна! Наша жизнь столь необычайно увлекательна и значительна, что кажущийся нам великий смысл её, поглощает всё прочее и не даёт нам успеть оглянуться в более весомое и здоровое прошлое. Недостаточно оцениваем мы и всё ныне происходящее ми-

ровое смятение, и каждый миг, посвященный не ему, - преступление пред историей, творимой Богом. Это я о войне. Ведь сейчас должно повернуть к ней помыслы наши, а не о кубизме спорить. Страшное дело, но те интересы, которыми жили до сих пор, кажутся ныне совершенно пустячными, и прежние ценности не стоят ничего! – голос Коки сорвался до хриплого выкрика, он резко отошёл в сторону, громко извинился перед всеми и молча покинул дом госпожи Третнёвой.

- Не узнаю нашего Врангеля, - неприятно ухмыльнулся Маковский.

- Молодость взыграла, - раздался деланно-сладкий голос философа, возвращающегося после первого кона игры в гостиную.

- Наш Врангель стал уж слишком нервным в последнее время. Вы уж не взыщите. А Вам видно Москва милее нашей столицы, Зинаида Евгеньевна? Мне как искусствоведа и поэту такое чувство вполне понятно, – попробовал воспользоваться случаем и начать охмурять чужую жену Сергей Маковский, будучи сам человеком женатым и продолжавший пребывать в уверенности, что её муж, железнодорожный инженер, не может не быть тоскливым педантом и не мог не наскучить такой женщине.

- Видите ли, я родилась в отдалённой провинции в имении Нескучном на Харьковщине. С детства мне мила сельская природа и люди села. Если Вы видели мои картины, то, наверное, ощутили это.

- Вне сомнений, милая Зинаида Евгеньевна.

- С детской поры, проведённой там, меня продолжает туда тянуть. Еду при первой же возможности.

- Природа это понятно, но люди тамошние, надо полагать, лишь тоску навивают? Начиная с земского дворянства?

- Вы не представляете сколько разного рода оригинальных личностей можно встретить в Российской глубинке! Пусть большинство из уездных дворян не отличаются со времён Реформы жизнерадостностью, пусть деятельность их не приносит им истинной отрады, но все они заняты делом и чаще всего во благо того же народа. Это люди нужные и интересные, достойные внимания. Я верю в возрождение помещиков в новом качестве.

- Вы - оптимист... Недавно довелось случайно прочесть чью-то мысль, что *«в России веселы только гимназисты четвёртого класса да ломовые извозчики»*...

- Не исключаю, что это так, если в самом прямом смысле...

Ртищевой стало противно от собственного, словно подслушивания, разговора и она отошла прочь от ничего вокруг не видящей, будто-бы погрузившейся в транс, Аглаи. Осталось разговориться с Ольгой буквально ни о чём, лишь бы не слушать больше излияний Зуева, или флирта самодовольного красавчика-Маковского. Этот эстет был занятным собеседником, но цинизм его вызывал оскормину, а стихи его, которые недавно прочла Настасья, показались ей поверхностными, идущими не от души, как всё в этом человеке. Ртище-

ва и не подозревала, что этот ловелас уже лет пять как женат¹⁵. Жирнова она обошла, сделав дугу, смерив его презрительным взглядом.

- Вашему юдофобству скоро настанет конец, дражайшая госпожа Ртищева, - бросил студент ей вслед и добавил про себя: *«За что она меня так ненавидит, я же ничего хорошего ей никогда не делал?»*

- Я им и не страдаю, сударь, судя по всему - один из сыновей Ноя, - парировала Настасья.

«Я тебе ещё покажу Ноя, сука» - сглотнул слюну Илья, промолчав в ответ.

- А Вы, «дражайшая госпожа» (цитирую), видимо от Пуришкевича сие выраженице позаимствовали? – усмехнулся Борис, незаметно подошедший сзади.

- Про Ноя? Может быть... Не могу припомнить, но и не претендую на авторство.

- *А произошло это лет пять назад в ходе думских обсуж-*

¹⁵ Сергей Маковский ещё до женитьбы попался на «фантом загадочной Черубины де Габриак», выдуманный Волошиным вместе с поэтессой Елизаветой Дмитриевой. Буквально все сотрудники журнала «Аполлон», возглавляемого Маковским, попались на эту удочку. Гумилёв стал одним из наивно влюблённых в «загадочную красавицу», хранящую инкогнито и лишь присылающую свои стихи. Дмитриева призналась в мистификации одному поэту, который поведал другим. Мотивом её к обману был якобы отказ Гумилёва выйти за неё замуж. Гумилёв был возмущён и заявил ей, что она распространяет ложь «Вы были моей любовницей. На таких не женятся». После этого покровитель Дмитриевой, Волошин, дал пощёчину Гумилёву, а тот вызвал его на дуэль, окончившуюся осечками. После разоблачения Дмитриевой, оказавшейся на редкость некрасивой дамой, Маковский стал ещё циничнее относиться к женщинам.

дений сметы Министерства внутренних дел. Было весьма забавно. Князь Голицын заявил в заключении, что не будет подводить итог прениям, что предыдущий оратор выполнил эту задачу блестяще, а также, что не собирается отвечать на нападки со всех сторон во время предыдущих выступлений. Появление таких речей и ораторов он объяснил тем, что «во всяком обществе можно встретить представителей и потомков трёх сыновей Ноя». Привожу его слова дословно. Тут же послышался возглас Пуришкевича: «Один из них сейчас на трибуне». Председатель-Шидловский резко заметил Пуришкевичу, что тот делает замечания непозволительного характера. На это Владимир Митрофанович ответил, что он не сказал ни единого грубого слова. Шидловский возразил, что он покорнейше просил бы «предложить члену Думы

Пуришкевичу оставить зал заседания». «За что?» - возмутился Пуришкевич – «Князь Голицын позволил себе здесь весьма недвусмысленно указать на то, что упрёки, которые ему бросались с правой стороны, бросались, очевидно, от одного из сыновей Ноя. Я на это счёл своим долгом заявить, что если есть где-нибудь сыновья Ноя, то один из них на трибуне, то есть ответил Голицыну тем же, что он сам уже высказал. Который из сыновей, я не сказал, но у Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет. Он мог свободно выбрать любого. Я не виноват, что он оскорбился, поняв сам, который он сын». Пуришкевич вынужден был покинуть

зал, будучи удалённым большинством голосов. При всей моей к нему антипатии, не могу не признать его остроумие в данном случае.

- Так, и Вы одобряете Пуришкевича, господин Охотин? – спросил внезапно долго молчавший Шкловский.

- Сами подумайте, сударь, как человек глубоко левых убеждений может сочувствовать этому типу? – удивился Борис.

- Это я и хотел от Вас услышать. Господин Пуришкевич – ярый юдофоб. Помню, что примерно тогда же произошёл немалый скандал, о котором мне недавно поведал один сведущий член Думы. Так вот, *Пуришкевич заклеил тогда всё либеральное движение в университетах еврейским. При этом он применял грязные словечки, вроде того, что среди профессоров тоже немало евреев, и поэтому в университетах воцарилась анархия. А ещё он заявил, что в Петербургском университете среди членов Совета старост на юридическом факультете находится женщина-еврейка, которая носит название «юридической матки» и находится в близких физических сношениях со всеми членами Совета*. Не находите ли Вы такое высказывание в стенах Думы неприемлемым?

- Припоминаю и этот случай, - усмехнулся Борис, - Правда на этом заседании сам не присутствовал. Тогда я чаще обитал в Москве. *В результате разгоревшегося скандала, строгое предупреждение получил Милюков, а председательство-*

ющею Хомякову пришлось снять с себя полномочия. Впоследствии ему пришлось уйти в отставку. Его сменил Гучков. Левые постарались, защищая «святая святых» - своего Милюкова. Согласен с Вами, что там высказывались вещи, неподобающие высокому собранию. Кстати, в последние годы Пуришкевич чуть ли не «полевел». Всё Распутина ругает. Трезвее стал.

Неожиданно Зинаида Серебрякова покинула салон. Врангель же, напротив, вернулся и просил прощения у хозяйки за неожиданное исчезновение. Как бы невзначай он оказался подле Настасьи и начал приносить извинения за то, что он оставил её ненадолго без внимания. Это не только удивило Ртищеву, но и стало не на шутку раздражать: «До чего нелепо всё это! Откровенно увивается за симпатичной художницей, а потом почему-то считает своим долгом извиняться передо мной, хотя мне до этого нет никакого дела! Не нравится мне этот Кока. Пусть даже он чрезвычайно эрудированный человек и занятный собеседник. Но не хватает в нём некоего мужского стержня. Над достоинством превалирует шутовство». Но ход мыслей Настасьи, почти не вникавшей в его слова был прерван и заставил прислушаться, когда Врангель неожиданно перешёл к восхвалению её личных душевных достоинств. Ртищевой врезалось в сознание следующая фраза из долгого подготовительного монолога Коки:

- Почему буквально лишь Вы одна достойны преклонения? Потому, что Вам удаётся оставаться самой собой в

изменяющихся политико-общественных условиях: Вы, Настасья Николаевна, выше окружающих Вас течений, тогда как большинство отдаются им полностью и превращаются в неуправляемые судёнышки, нередко утлые, а к тому же и лишённые возможности быть изменёнными. Вы верны себе в условиях, когда сила уже не на стороне настоящего правительства, а на стороне левых. И большинство ощущает это внутренним чутьём и кидается поддерживать левых, думая, что будущее за ними, а не за Государем с его тонущим режимом. Понимают, что надобно себя сейчас хоть как-то проявить и вскоре это откликнется скачком в карьере, либо проекцией с стороны урвавшего кусочек власти. Даже красивые женщины и даже из большого света чувствуют всё это и предпочитают держаться левого крыла, хотя им и легче жить, имея выбор. Придворные дамы поливают грязью Распутина и подкидывают сплетни о нём левым газетёнкам. Родовитые дворянки готовы связать судьбу с представителями зарождающего большого капитала. За этими магнатами будущее. Вы же верны себе и остаётесь убеждённой монархисткой, что достойно особого почтения. Вы выше расчётливости. Кроме того, Вы – та редкая женщина, которая не желает пленять мужчин, хотя и может это сделать легко и просто.

- Полноте, господин барон, я лишь следую своему чувству, зову сердца и не более. Особо и не задумываюсь над расстановками общественных сил и скрытыми течениями.

- Нет, что Вы! Всё это заложено в Вас. Трудно объяснить,

я не с евгенических позиций вовсе... Ваша внутренняя организация чиста и возвышена. В эти переломные годы легко увидеть, что из себя представляет человек, если присмотреться. Я сам хотел бы стать идеалистом, но что-то мешает. Какая-то грязь пристала и не отмывается...

- Полноте. Вы нынче уж слишком самокритичны. На Вас не похоже, господин Врангель. Но послушать других – страшно: не пир ли это во время чумы? Не безумие ли это, что они тут говорят и творят? – воскликнула Настасья.

- Оставайтесь выше них. Эти люди не у дел. Они даже в Думу не вхожи, ну кроме разве что нашего почтенного философа и господина Охотина-старшего. Но и они погоды в Думе не делают. Побрешут и прекратят. Пред лицом страшного внешнего врага внутренняя вражда неизбежно затихнет.

- Вы уверены в этом, господин Врангель? Ведь кроме Думы есть и иные пути политической борьбы...

- Если Вы ожидаете неистовых порывов от этих всех студентиков, то не стоит опасаться, на мой взгляд. Они и на такое не способны.

- Мне кажется, что Вы слишком оптимистичны, Николай Николаевич, - горько усмехнулась Ртищева, - Столица полна людьми такого рода.

- Дамы и господа, - прозвучал зычный голос Охотина, - Готовьте бокалы. Открываю шампанское. Мы пьем за скорейшее установление парламентского строя в этой стране! Ура!

- Увольте, господа, - неожиданно для себя резко и громко

бросила Настасья: «Сдают нервы. Надо собой заняться...», - За ответственное министерство¹⁶ Ртищевы и Охотины пить не станут!

- Но Вы же слышали только что призыв из уст самого Охотина-старшего, сударыня, - делано-саркастически рассмеялся философ, - Говорите за Ртищевых, да и то не за всех. За себя может быть... Так-то оно лучше.

Настасья ощутила бурный прилив некой неконтролируемой отрицательной энергии и желания вlepить пощёчину в самодовольную вальяжную профессорскую физиономию, но с трудом сдержала себя. «А от Жирнова смердит чем-то мерзким. Никак не пойму... Ведь это не только масляные волосы. Будто-бы удушливый душок, напоминающий сомнительную субстанцию, выковыренную из под ногтей ног... Что-то в этом духе. Почти что - серой».

- Вы бы могли разок быть сдержаннее, подобающе своей профессии, господин философ. Иной раз промолчать во много раз достойнее опрометчивой реплики полной «искрящегося сарказма», - обезоружил профессора Врангель строгим взглядом сквозь монокль.

«Бедлант!» – проворчал себе под нос профессор - «И такое вынужден слышать от человека, казавшегося мне неглупым...», а вслух добавил, не удержавшись:

- Господь рассудит нас: правых, левых и неуклонно правяющих под влиянием дамских чар.

¹⁶ То есть – за парламентский, конституционный строй.

2. Странное происшествие в доме на Мойке

«Почему зло так завораживает, как мефистофельский профиль, как приталенный рисунок Бёрдсли, а добро мило, пузато и близоруко, как Пьер Безухов?»

А. Королёв

«Есть большие собаки и есть маленькие собаки, но маленькие не должны бояться больших и все должны лаять голосом, который им Бог послал».

И. Бунин.

Уже не первый год Настасья давала уроки литературы, графики и живописи, а также истории этих предметов племяннице и племяннику княгини Зинаиды Юсуповой. Случалось это несколько раз в неделю и порядком надоело самой преподавательнице, поскольку дети стали казаться весьма безразличными к учёбе, а сам дворец Юсуповых Настасью никогда не привлекал своей сплошной анфиладой гостиных и отсутствием уюта. С каждым годом дети отстранялись от учительницы и утратили былой интерес к предмету. Давно осталось позади нелепое ухаживание за Ртищевой любимчика-сыночка княгини, Феликса, ставшего мужем знаменитой красавицы Дома Романовых. Уже лежал могиле в саду за дворцом Юсуповых любимый благородных кровей мопс

Феликса, Клоун, а насыпь над могилкой размывало дождями. Последнее время у Настасьи появился третий ученик - тоже какой-то далёкий неизвестно с какого боку родственник княгини, мальчик примерно одного возраста с племянником Пашей и племянницей Дашей – не более тринадцати. Никодим оказался способным и прилежным учеником и умел нравиться взрослым. Всё шло своим чередом, несмотря на то, что новый ученик умел быть очень малоприятным в отношении других учащихся, пока в один прекрасный день не случилось нечто чудовищное.

В тот день Ртищева со своими двумя учениками никак не могла найти племянника княгини. Они бегали по дворцу и протяжно звали мальчика по имени: «Павлуша, Павлуша!», но никто не отзывался. Казалось, что дети затеяли всё это, желая разыграть учительницу, и Настасья начинала не на шутку сердиться. Уже тщательно осмотрели зал, столовую, будуар, спальню, идущие анфиладой, каждая из которых, кроме спальни, имеют дверь в общий коридор. Приходилось осматривать тщательно каждый угол, поскольку Настасья начала подозревать ребят в игре в прятки. Пашины туфли нашли неожиданно в отдалённой пустой маленькой комнате, давно никем неиспользуемой. Первой заметила самого мальчика его старшая сестра, которая начала неприятно-злым голосом кричать на него:

- Пашка-дурак, в прятки играть надумал! Маленький ещё

недоросток! Дитяtko несчастное!

- Прекрати ругаться, Даша, что за слова такие злые в адрес своего брата? – строго сказала Настасья, поспевшая за ней к порогу в полутёмную спальную комнату княгини, куда проникал лишь рассеянный свет из-за тяжёлой шторы.

- Да он спит, дурачок. Как убитый. Снотворного наелся, - не унималась сестра.

- Павел, вставай сейчас же! Что это за безобразие валяться на полу и делать вид, что ты ничего не замечаешь? – повысила тон Настасья.

- Живо вставай, паяц несчастный! – дёрнула за ногу лежащее на ковре маленькое жалкое, скорчившееся тельце мальчика старшая сестра.

Настасья склонилась к мальчику уже насторожено и, прикоснувшись к его холодной руке, тут же поняла, что дело обстоит не так просто:

- Да он болен, врача скорее! Живо зови кого-нибудь!

Покуда Дарья бегала за прислугой, Ртищева убедилась, что уже поздно что-либо сделать: мальчик был мёртв и не первый час. Налившиеся кровью глаза Паши были выпучены и всё личико мучительно сжалось, рот открыт, застывший в судорожной гримасе. Запах восковой мастики добротнo натёртого паркета... Тело мальчика ничем не пахло. Никодим, второй мальчик, находился где-то далеко, поскольку сразу заявил, что скорее всего Паша прячется в противоположном крыле здания, и ничего не слышал. Дальше всё воспомина-

лось Ртищевой как сквозь пелену тумана. Приковылял громогласный старикан-дворецкий, Павел, и начал причитать и махать «крыльями», мол, надо скорее врача, либо священника. Руки и даже плечи его по-стариковски беспомощно тряслись. Настасье неожиданно вспомнился рассказ Феликса о том, что дворецкий прослужил у них уже более пятидесяти лет¹⁷. Он знал всех хозяйских гостей и каждого обслуживал, исходя из собственного к нему отношения, не считаясь с чинами и титулами. Когда генерал Куропаткин, разбитый японцами, заехал обедать к Юсуповым, старик Павел, встал к нему спиной и наотрез отказался обслужить его за столом. Незаметно подошёл Никодим, который молча сосредоточенно, не моргая, смотрел на то, что ещё недавно было милым тихим мальчиком Пашей. «Раньше Павлуша был очень весёлым ребёнком, но после того, как появился Никодим, весёлость его заметно убавилось» - мелькнуло тогда в голове Настасьи - «Странно всё это. Чем-то был всегда неприятен холодный молчаливый, хотя и очень аккуратный в учёбе Никодим. И сейчас в его взгляде одна пустота либо загадочность, но ни капли сострадания, сожаления – застыл как истукан». Наконец, появился пристав, который вскоре с уверенностью заявил, что по всем признакам мальчик проглотил нечто, что мешало ему дышать и задохнулся. Покопавшись во рту мальчика, пристав извлёк из его горла плотную тряпицу полную мокрот.

¹⁷ Всего Павел прослужил у Юсуповых более шестидесяти лет.

- Именно в процессе заглатывания наступило удушье. Возможно как самоубийство, так и заглатывание под чьим-то злонамеренным контролем. Не исключено, что кто-то давил на его грудь и помог ребёнку задохнуться. Прошу никого ничего из окружающих предметов не трогать: возможно здесь произошло убийство.

Ртищеву поражала безмятежность светло-радостной обстановки спальни княгини, не вяжущейся с тем, что произошло в её стенах. Настасья прошла по помещению, обтянутому голубым шёлком, уставленному мебелью розового дерева, и выглянула в окно. Широкие окна выводили в сад, но попасть сюда злоумышленнику, на второй этаж, через окно было бы практически невозможно. Подошла и Аглая, которая столь же безучастно пристально уставилась на маленького мертвеца. Настасья сделала вид, что не замечает её и та, видимо, отнюдь не возражала и не пыталась навязывать ей своё общество. Появилась сама княгиня, только что прибывшая в дом. Мальчика перенесли в соседнюю комнату, задвинув штору из бордовой парчи для подобающего горю полумрака. Потом начались кривотолки среди не слишком многочисленной дворцовой челяди. Один из почтенных лакеев счёл «непременно убийцей» недавнего визитёра «из чужаков, басурманина», что недавно явился и добивался аудиенции у самой княгини. «Физиономия его такая злобная, что я уверен в его причастности» - торжественно заявил старичок. Но главная и очевидная для челяди версия оказалась связан-

ной с загадочностью самой спальни княгини, о чём Ртищева не знала. Оказалось, что порою из спальни доносился женский голос, зовущий прислугу по имени и горничные, прибегая в уверенности, что это княгиня, приходили в ужас, видя, что спальня пуста. Позже Настасья услышала из уст Феликса Юсупова о том, что и он с братом не раз слышал этот загадочный зов. Феликс приписал всё это духу Марии-Антуанетты, которой некогда принадлежала мебель в соседней Малой гостиной, увешанной полотнами Буше, Фрагонара, Ватто и Грёза с хрустальной люстрой из будуара самой маркизы де Помпадур. Множество нелепых предположений так и сыпалось со всех сторон, и Ртищева поспешила уединиться, чтобы собраться с мыслями: «Что мы имеем: кто-то лишает жизни подростка, либо он сам сводит с ней счёты. И тот и другой случай нелепы и требуют объяснения. Не пригласить ли единственно знакомого грамотного в таких делах человека – Глеба Охотина? Впрочем, у Зинаиды Николаевны есть и свои знакомства и в самом Петербурге. Это будет лишним. Довольно странный способ покончить с собой путём заглаживания тряпицы... Не выдерживает критики. Но надо подумать самой как следует. Не настолько же я глупа? Кто мог быть заинтересован в смерти бедного Павлуши? Кто-то nasledующий капиталы его родителей? Но тогда и сестру надо было бы убить... Но, как я понимаю, их семья весьма разорившаяся, вот и живут приживалами здесь у родственников. Да и самих родителей я никогда не видела. Почему мне всё

время приходит на ум Никодим? Он как-то странно смотрел на тело Паши... Что-то было странное во всём этом. Как и в том, что он так уверенно пошёл в противоположном той комнате направлении. А ещё этот странный запах в комнате... Он напомнил мне запах горячей серы, запавший в школе на уроке химии, поскольку вызывал мистические ассоциации. Отношения между этими мальчиками были давно весьма натянутые и как-то я слышала обрывок их разговора. Новенький чванливо заявил: «Значит боишься? Не так ли?» «Да нет, не боюсь» - с дрожью в голосе отвечал Павел. А сестра его влюблена явно в новенького и ради него готова была травить скромного тихого брата, который на год младше их обоих. Противное подхихикивание обоих над Павлушей, обиженное личико брата и торжествующие лица сестры его вместе с объектом её внимания я наблюдала всё чаще. Однажды Павел пришёл с синяком под глазом и уверял, что случайно ввязался в драку на улице, но вёл себя с ними так, словно его ударил Никодим. Всё чаще возникала затравленность во взгляде бедного мальчика и всё хуже он учился. Хотела с ним поговорить наедине, но всё откладывала, а потом, как дошло до дела, он всячески отпирался, мол, всё прекрасно, если и ссоримся с Никодимом, то тут же миримся – не желал поговорить откровенно, упрямец. Пыталась и с той парочкой поговорить без Паши, но они обращали всё в шутку. С тринадцатилетними уже не так просто разобраться. Но я должна попытаться что-либо выудить из Дарьи. Ни-

кодим-то твёрдый орешек. Такие - лучшие ученики, норовящие выбиться в любимчики и всегда не просты. Господи, помоги! Это же мой долг и частичка моей ответственности во всём этом ужасе. Хотя не могу себе представить Ника в роли убийцы, давящего коленом на грудь Павла и вынуждающего его заглатывать тряпку. Это уж слишком. Но ведь оно могло быть поначалу игрой. Жестокой, но не более, чем игрой! А когда Ник понял, что произошло, он сразу постарался пойти искать в противоположном направлении, ибо боялся вновь зайти в страшную комнату... Похоже на правду. Черновой вариант».

Через несколько дней, когда страсти в доме Юсуповых несколько улеглись, княгиня поговорила с учительницей и дала ей понять, что Юсуповым предпочтительнее версия с самоубийством и, что уже так официально заявлено. «Самоубийство несчастного, почти сироты. Такое неизбежно случается» - выразила свою мысль Зинаида Николаевна. Настасья почувствовала, что княгиня не желает выслушивать её соображения по этому поводу. Потом Зинаида Николаевна несколько скомкано поведала о том, что нередко появляющийся во дворце князь Андроников оказался под подозрением и даже подписал бумагу о своём не выезде из столицы. Оказалось, что этот маленький розовый человечек с бегающими глазками, на которого не раз натыкалась в коридоре Настасья, и который приветствовал её таким же гаденьким

тенорком, каковы были все его повадки и ужимки, каким-то путём мог наследовать имущество брата и сестры. Поскольку тип этот был неприятен многим и имел скверную репутацию¹⁸, княгиня решила провести расследование, но оно показало, что князь тут вовсе не при чём. Оказалось, что у Андроникова есть свидетели его присутствия в другом месте и весьма далёком в часы, когда не стало мальчика Павлуши. «Случившееся никак не может быть убийством, Настасья Николаевна» - заключила Юсупова. На том разговор с княгиней и закончился. Потом был урок, на котором Настасья произвольно приглядывалась к обоим подросткам, но не смогла сделать никаких выводов. Она задержала девочку и спросила резко, как такое могло случиться, мол, проглотить тряпку невыносимо трудно и это никак не способ для самоубийства. Дарья шарахнулась в сторону от учительницы и неожиданно, закатив истерику, убежала в слезах. Когда Настасья пришла в очередной раз давать урок, её встретила домуправляющая с поджатыми губами и непроницаемой физиономией, любезно усадила на диван красного дерева в потёртом утрехтском бархате и вручила письмо от княгини о вынужденном прекращении занятий в силу того, что дети покидают этот дом. В другом конверте Ртищевой выдали расчёт за последние уроки и неожиданные дополнительные

¹⁸ Лицемер и циник Михаил Андроников называл себя часто «адъютантом Господа Бога», а на вопрос о роде своих занятий чистосердечно отвечал: «Посещаю министров».

деньги за целый месяц. Когда, побледневшая от такого резкого и неожиданного исхода, Настасья почти выходила из парадных дверей, откуда ни возмись рядом с ней возник паймальчик и её самый успешный ученик, который изловчился и резко ущипнул её за грудь до того, как она успела запахнуть пальто. Мальчишка гадко засмеялся и, показав ей длинный острый язык, стрелой помчался на второй этаж. Рядом никого не было. Сильная боль пронизала грудь Ртищевой, и она крикнула ему вдогонку:

- Стой, Ник, мне нужно с тобой поговорить. Я знаю про тебя всё!

На эту реплику подросток на мгновение затормозил на изгибе лестницы и вновь показал ей язык, растянув пальцами в разные стороны уши.

- Иди сюда, злой мальчишка!

- Что Вы себе позволяете, сударыня? – донёсся сверху удивлённый голос управляющей, - В чём тут дело?

- Она словно с цепи сорвалась от злости. Готова была меня ударить! – донёсся обиженный голос ученика, сделавшийся тут же плаксивым.

- Госпожа учительница, что происходит? – ледяным тоном продолжила достойная старая дева с прежней интонацией, - Разве так подобает обращаться с такими детьми?

Настасья молча развернулась и вышла вон. Старший швейцар Григорий¹⁹ с жезлом и в дурацкой треуголке на го-

¹⁹ В Германскую войну к Юсуповым заезжала вдовствующая императрица.

лове немного опоздал к дверям и попытался было побежать за Ртищевой, но колени старика не желали слушаться. Подоспевший на крики швейцара негр-лакей, не решился бежать за благородной дамой. Внутри Настасьи всё тряслось и говорить ни с кем она уже не могла: «Прочь отсюда, прочь из проклятого дома!» В ту ночь Ртищева долго не могла уснуть и вспомнила, что во взгляде Аглаи на покойника ей показался оттенок какого-то торжества. Это было схоже со взглядом Никодима. «Или мне уже мерещится всё это? Ничего такого и не было? Надо подлечить нервы. Да и лёд на грудь положить, а то синяк будет. Совсем забыла. Впрочем, никому эта грудь больше не нужна... Но Аглая же явно не в себе вот и ожидаю я от неё всякого. Дарья даже смеялась недавно, мол, «тётя Аглая стала совсем странная такая – кушает лишь один шоколад, запивая коньяком, и больше ничего. А ещё говорит, что сигару может съесть. Курит она». Словом, на девочку эта особа произвела впечатление. Но всё равно подозреваемый номер один – Никодим. Порочный мальчишка. Лишь бы не вмешалась моя дешёвая месть подростку во все эти рассуждения».

В тот же день в ведомство младшего брата Бориса, офицера полиции Глеба Охотина, поступило загадочное дело о

«Григорий спросил Её: «Почему, Ваше Величество, не назначили в армию генерала Куропаткина? Ему теперь самое время искупить прошлое». Императрица пересказала разговор Сыну. Две недели спустя мы узнали, что генерал Куропаткин получил дивизию!» (Юсупов Ф. Мемуары).

«царской или большой печати²⁰» и убийстве крестьянской супружеской пары в предместье Москвы. Описание места преступления — дома самой пары, свидетельствовало о совместной молитве хозяев с какими-то посетителями их жилища, затем, вероятно, долгой беседой за столом и внезапном насилии. Не совсем завершённое оскотление жены было совершено до её убийства, а мужа — после его убийства. Судя по всем атрибутам там совершался суровый скопческий ритуал, но по всем сведениям настоящие скопцы никогда не кастрируют насильно и не в такой обстановке. Что-то тут не вязалось. Очевидно, что хозяева дома сначала согласились, а в момент действия стали противиться. Возможно, что муж не выдержал зрелища мучений жены под раскалённым железом. В какой-то миг они собирались вырваться из дому и были заколоты тем же мясницким ножом. Прибывшим на место преступления не за что было зацепиться: повсюду следы сапог посетителей-убийц, отпечатки пальцев, множество мелочей замечено, описано, но не более. Никто из соседей не видел и не слышал, когда и кто приходил в этот дом, стоящий на отшибе. Глебу очень не хотелось погружаться в дело, не связанное с политикой. Такое уже не входило в сферу его интересов. Но сверху давили и требовали всего усердия от каждого чина. Зная настроение Глеба, желающего рьяно браться лишь за связанное с социалистами, либо шпионами, началь-

²⁰ Так называется полное оскотление в секте скопцов, в отличие от «малой печати».

ник его приписал, что петроградский Департамент требует от всех внимания к делам о сектантах, сплошь и рядом имеющих отношение к антимонархическому движению, и попросил Глеба зайти в свой кабинет.

- А что же Вы думаете, Глеб Гордеевич, - усмехнулся в усы Аркадий Кошко, - в высказываниях многих лидеров сект так и слышатся марксистские формулы: «ты больше я», то есть – «коллектив выше индивидуальности» и проч.

- Но это ещё ни о чём не говорит, Аркадий Францевич, - возразил Охотин, - Похоже, что мы имеем дело с попыткой оскотления людей, не окончательно согласившихся стать скопцами, или раздумавших в последнюю миг, испугавшихся. Где же тут политика?

- Всё не так просто. Вариант типа рационалисткой реформации западного христианства России чужд. Устремление русской души обращено к концу, вперёд. Ей свойственна мистическая жажда, взыскание Светлого Града Грядущего, словом, сами понимаете. Революцию у нас видят подобно Концу Света, социализм – как Царство Божие на земле²¹.

- Всё это в принципе я именно так и понимаю, Аркадий Францевич, но не увязываю с происшедшим...

- Недавно читал донесение на одного скопческого «пророка», который привлёк к себе нескольких разочаровавшихся

²¹ Гиппиус разглядела внутреннее родство между вождём хлыстов Щетининым и будущим комиссаром просвещения Луначарским и предсказывала: «Они все «вожаки» одного и того же движения. Соединятся ученики их, или ученики учеников их».

во всём эсеров, почему мои филёры на «пророка» и вышли. А вещал он о том, что ежели мы хотим отречься от старого мира, то следует прежде всего отречься от пола, уничтожить пол. *Тогда произойдёт самое важное: не построение сомнительного нового государства с теми же людьми, мечтающими лишь о власти, а революция над самой природой человеческой. Призывает к уходу из городов, слиянию с природой, что требует очищения как общества, так и тела. Вот к чему гнёт он: оскопление меняет человека в корне и тело и душу и в этом суть. Так и заявил: «Для того, чтобы заставить людей жить в этом обществе счастливо, остается только оскопить их, то есть смертью попрасть смерть²²».* Есть подозрение, что в последнее время оскопления учащаются и всплывает некая новая секта, которую я условно называл «скопцы-революционеры».

- Перекликается и с нищенством – «идеальный новый человек» и с «перерождением человека» по Соловьёву. Мрачный был философ, демонический...

- А ведь сектантов становиться немерено, Глеб Гордеевич. Напрасно мы дали им полную свободу в пятом году, ой, напрасно! Плодятся, как кошки и охватывают уже разные условия.

²² В этом был центральный пункт мечтаний многих ищущих интеллигентов вроде четы Мережковских, ИвАнова, так и сектантов из народа: идея изменения человеческой природы, сплочения общины через физическую любовь. За этим стоит и крушение формальной морали, усиление индивидуализма, страсть к невозможному.

- Помните, Аркадий Франциевич, дело об убийстве юношей мещанского сословия своего отца? Я сам им не занимался, но дело изучил. Так вот, внутренний голос мне почему-то говорит, что новое дело как-то связано с тем, полузабытым. Прямых улик против сына в том убийстве отца не было и дело, кажется, было закрыто. Потом мать того юноши обращалась к нам в отделение с просьбой найти сына, который исчез – «ушёл в деревню». Не нашли.

- А что именно Вас подтолкнуло к такому заключению?

- Лишь смутная параллель с фактом, что по классической теории ревность сына к матери и ненависть к отцу, известный в психиатрии комплекс, часто бывает связанным со страхом кастрации – явным, или подсознательным. Так что, не воспринимайте мои слова всерьёз, Аркадий Франциевич.

- Гм... От чего же? Мысль вполне достойная внимания.

- *В некоторых сектах существует путь умножения грехов с параллельным накоплением страданий. Путь, который следует пройти, чтобы потом разом от них очиститься.* Вы знаете, покойный столичный профессор по культурам Востока завещал нашей семье свою библиотеку и на досуге я порой просматриваю его книги. Там сказано, что *подобные «пути» были обоснованы ещё древними гностиками и нашли преломление даже в индуизме, а уж христианские секты их впитали как губка. Типично гностический подход: отвергать всё материальное, ненавидеть, чтобы легко оправдать самый тяжкий грех. Отсюда и множество сект, погрязших во*

грехе распутства, и якобы, очищающих их. Были такие гностики, которые требовали убить себя, угрожая встречным, и такие, что выкалывали себе глаза, с целью лучше ощущать красоту мира в акте любви. В голове не укладывается!

- Потому и очень сложно расследовать ритуальные убийства, - хмыкнул Кошко.

- А сколько интеллигентов подвержены заворачивающим чарам древнего гностицизма? Те же Соловьёв, ИвАнов, Мережковские. К хлыстовским богородицам на встречу ездят²³. К Дмитрию Мережковскому у меня отношение особое, права. В своей юбилейной речи 1906 года о Достоевском он по сути обвинил самодержавие в хлыстовстве, мол, не наш ли самодержец – «самозванец Христа»? Как всё способны перевернуть эти изошрённые столичные умы! – с чувством сказал Глеб.

- А всё от безделья и неверия. Столичная богема охотно экспериментирует.

- Ещё было отмечено в том деле о подозреваемом в отцеубийстве юнце Зотове, что он погряз в том, что бы я назвал «практическим декадентством»: часто курил опий или гашиш, постоянно носил чёрные перчатки, обклеил комнату

²³ В 1909 году Вячеслав ИвАнов и Пришвин организовали «учёную экспедицию» к хлыстовской «богородице», которая славилась в Петербурге, как «Охтенская богородица». Блок ездил к хлыстовской «богородице» Дарье Смирновой за Московскую заставу. Возможно, что её же Вячеслав Иванов водил на свои лекции. Назвали эту женщину из народа «Второй Гиппиус по уму».

чёрными обоями, пописывал соответствующие стихи. В том же году было начато дело по жалобе декадентствующей девицы, из спины которой кто-то вырезал квадратики кожи, чтобы причаститься этим мясом. Оказалось, что хозяин квартиры, куда пригласили девицу, сам был связан по рукам и ногам и не мог заявить, кто же именно из гостей так с ними обошёлся. Дело зашло в тупик.

- Думаю, всё это ещё не значит, что почерк преступлений один и тот же.

- Иногда пресытившиеся крайние декаденты уходят бродить по городам и весям и пытаются организовать свою новую секту.

- Так Вы, похоже, уже заинтересовались новым делом?

- Скажу честно, что не очень. Скорее тут психиатра приглашать надо, а не сыщика. Но, раз из столицы просят...

3. Окопное существование

«Мне не нравилось «стечение непредвиденных случайностей», которыми был столь богат конец июля 1914 года. Вильгельм II был «случайно» в поездке в норвежские фиорды накануне представления Австрией ультиматума Сербии. Президент Франции Пуанкарэ «случайно» посетил в это же время Петербург. Уинстон Черчилль... «случайно» отдал приказ британскому флоту остаться, после летних манёвров, в боевой готовности... Петербургские рабочие, работавшие

на оборону, «случайно» объявили забастовку за неделю до начала мобилизации, и несколько агитаторов, говоривших по-русски с сильным немецким акцентом, были пойманы на митингах... Начальник нашего генерального штаба генерал Янушкевич «случайно» поторопился отдать приказ о мобилизации..., а когда Государь приказал по телефону это распоряжение отменить, то ничего уже нельзя было сделать».

А. Романов, дядя Николая II

«Так-то и удалось старому пиратскому государству – Англии опять вызвать резню в Европе²⁴... Я не знаю, найдётся ли в мировой истории пример большего ослепления, чем взаимное истребление русских и немцев ради выгоды англосаксов».

А. фон Тирпиц, германский гросс-адмирал

«Россия должна лишиться балтийских провинций, части Польши, Донецкого угольного бассейна, Одессы, Крыма, Приазовья и Кавказа».

Германский промышленник А. Тиссен

Унылые серые равнины за еловыми горбами Карпат заливало беспросветными дождями вторую неделю. Импрессио-

²⁴ Конечно Англия приложила руку к тому, чтобы война началась именно в 1914 году, но она к ней не стремилась. Зачинщиками войны были, вне сомнений, Германия и Австро-Венгрия.

нистская размытость пейзажа сквозь мутную пелену дождя уже не слишком вдохновляла мокнувших под ним офицеров. Казалось, что равнина не в состоянии более впитывать в себя влагу, непрестанно сочащуюся с небес. Осенний полунагой лес низин всё же умудрялся сдерживать порывы ледяного ветра и смягчал жизнь солдат, расположившихся у подошвы гор. Суетное движение людей, копошащихся в грязи дорог замерло и, порою думалось, что наступил долгожданный мир. Эта война давила на уши и мозг, как никакая другая и солдатам мечталось, что уже прошёл бесконечно долгий срок проклятушей фронтовой жизни, но на самом деле она лишь начиналась, едва входила в своё привычное русло. Русские войска всё ещё намеревались двигаться дальше по южной Польше²⁵.

²⁵ С самого начала войны на Юго-Западном фронте развернулась Люблин-Холмская операция, в ходе которой возникло крупнейшее сражение - Галицийская битва - жесточайшее тридцати трёхдневное лобовое столкновение восьми армий между Вислой и Днестром. Это был результат амбициозных планов русских по охвату всех австро-венгерских войск и австрийских планов по глубокому прорыву в тылы русского Юго-Западного фронта. Решение наступать главными силами против Австрии определялось тем, что австрийская армия уже была брошена на Сербию и со стороны России требовалась немедленная и решительная помощь. Переменный успех не развивался должным образом ни одной из сторон. Кровь лилась обильно, но без стратегического успеха. Сильные дожди и повышение уровня реки Сан заставили в середине сентября русскую армию свернуть наступление, чем и завершилась Битва за Галицию. Но на австрийском фронте победоносное наступление русской армии продолжало развиваться и закончилось полным разгромом австрийцев. Были взяты столица Восточной Галиции Львов, древний русский город Галич. В конце октября русские войска уже подходили к Кракову. С марта 1915 года русским сдалась сильнейшая крепость

- Который день уж мы, что волны океанские: то набегаем, то откатываемся и толку никакого, - с ворчливой монотонностью бубнит себе под нос мелковатый белёсый прапорщик Мальцев, моргая белыми ресницами, кутаясь в шинель серого сукна и выпуская дым от сигарки за дверцу землянки в непроглядную сырую осеннюю мглу, потягивая собачью ножку с, дерущей горло, махоркой, - Немец боНбами кидается, а мы плесенью тут зарастаем. Так оно и будет. И поглотит нас тлен.

Всю жизнь Мальцев тянул лямку унтер-офицера, и неожиданно ему дали прапорщика – очень уж много пало офицеров в первые же месяцы войны.

- Надо верить в «толк», как и в предзнаменование, в Божий промысел, - задумчиво молвит плотного сложения, но слегка рыхловатый, с русой бородкой и добрыми серыми глазами подпоручик Сергей Охотин, лет тридцати пяти - сорока.

- Кто знает, Коронат, может так-то оно и лучше. Целее будем. Сколько нас полегло пока наступали? Так-то, - с менторской рассудительностью, подобающей старшему летам и чином, бросает в ответ среднего роста кряжистый усатый шатен штабс-капитан Межецкий.

- А так не хочется опять воевать! В Японскую хватило. Да-

Перемышль, занятая австрийцами. Все эти гигантские операции вошли в историю под названием Великой Галицийской битвы. Австро-венгерские войска понесли в ней значительные потери – до 300 тысяч убитыми и ранеными и 100 тысяч пленными. Русские потеряли 230 тысяч человек убитыми и ранеными.

же дырочку в боку тогда уже япошки мне проделали, - вздыхает Коронат Мальцев, выдувая воздух в пшеничные усики, поднявшиеся торчком. От нечего делать он заодно натирает до блеска всю стальную часть трёхлинейной винтовки Мосина вместе с четырёхгранным её штыком.

- Никакое государство не может достаточно долго существовать без войны. Не будет войн лишь когда государств не станет. А это возможно лишь в ходе изменения сознания людей. Религии и государства сдерживают людские пороки пенитенциарно, - рассуждает штабс-капитан, цедя по глоточку горячий чай, поправив тяжёлые чёрные усищи, - Та же Лоскутная империя²⁶ не могла уже дальше без развязывания войны. Просто вынуждена была её развязать.

- До чего гадкие политиканы в этой стране! *Австрийцы бросают войска Суворова в объятия более многочисленного противника в благодарность за помощь, а через пять лет, под Аустерлицем, оставляют русских очередной раз после поражения один на один с Наполеоном, заключив с ним мир за спиной России. В 1848 году Николай I спасает Габсбургов от революции, подавив венгерский мятеж и всего через четыре года австрийцы поддерживают в Крымской войне Европейскую коалицию. За пол века четыре коварных предательства! — добавляет Охотин.*

- *В самом начале нашего столетия мне попалось свежее*

²⁶ Лоскутной империей или Двуетиной монархией с XIX века называли Австро-Венгерскую империю.

издание самоучителя немецкого, изданного немалым тиражом. Примечательным в нём было содержание большинства языковых упражнений без особых изысков, типа: «Как далеко до ближайшего колодца?», или: «Если не будешь говорить правду - тебя повесят». Германию уже мало что сдерживало от развязывания войны более десяти лет назад. Известно, что наш Государь буквально спас Европу от её начала в восьмом году, - продолжает штабс-капитан.

- А если верить Достоевскому, то совсем без войн человек мельчает и становится ещё более порочным, - задумчиво говорит подпоручик Сергей Охотин, почёсывая шею под коротко стриженной бородкой.

- А граф Толстой видел в войне одно неизбежное зло и призывал не поддерживать никакую войну, - возражает Межецкий, надув мясистые губы.

- Достоевский почему-то вызывает большее доверие у меня, господин штабс-капитан, - продолжает Охотин, - а Лев Толстой видится недобрым гением и искусителем Руси. Люблю его романы, кроме поздних, но не философию графа. Народники получают фактически благословение своего кумира-Толстого, который как бы прощает им грехи немалые. Им наследуют уже откровенные поздние террористы. Вот до чего, на мой взгляд, доводит толстовщина. Когда-то и я, грешный, был соблазнён ею. Толстовщина стремится упростить мир, лишить его многообразия, вселенской иерархии. Во благо ли это? Даже само изображение креста отказыва-

ется Толстой признать священным, не ставить его на могилах, не креститься во время молитвы! Куда же идти дальше? Что это за молитва без осенения себя крестным знаменем? Что нам остаётся от самого христианства?

- Думаю, что Толстой с самого детства не был приучен к посещению храма Божьего, а Священному писанию смолоду предпочитал Вольтера и прочих вольнодумцев. Вот и ответ: а был ли граф подобающим православным? А чувствовал ли он веру отцов с детства? Обасурманились верхи наши уже в то время, в толстовскую молодость, что говорить о нынешнем, - мрачно подводит итог штабс-капитан.

- Призывы Толстого отвергать всё, что помимо Христа и милосердия Его звучат заманчиво, но за этим нет достойной замены, ибо разрушение устоев Церкви для России пагубно, замены же ей нет. Но нашей либеральной интеллигенции и не нужна замена, а очередное расшатывание устоев лишь на руку. *Гордыня и нежелание понять простую мужицкую веру оттолкнуло Толстого от народа дальше, чем все его заигрывания с музиком в крестьянских нарядах графа с лапоточками за сохой. В результате Толстой фактически отвергает Евангелие, подменяет его суррогатом собственного сочинения. Даже Таинства Церкви осмеял,* - сокрушается Сергей, - На всю молодежь это учение влияло разрушительно, а о молодых писателях и говорить не приходится. Взять революционного идеалиста с пером в руке – Леонида Андреева. На что направляет он свой талант, Богом дарован-

ный? На создание в своих произведениях двойной морали: для своих «бедных заключённых» – одной, оправдывающей что угодно, а для «извергов-палачей» – другой, которая загоняет их в угол. Но им же надобно и службу исправно нести и семье зарабатывать. Террористы могут оправдать двойной моралью всё. Взять тех же безответственных военачальников из-за которых захлебнулось наше наступление в Восточной Пруссии, закончившееся гибелью и пленением сотен тысяч.

- Даже говорить не могу о проклятых Мазурских болотах! Как подумаешь – сердце кровью! – восклицает вдруг подтянутый светлорусый красавец-корнет Ртищев с тёмными усами и тяжёлым взглядом, гостивший в этой землянке, - *Положили цвет гвардии²⁷! Спрашивается: кто теперь станет трон защищать? Новобранцы? Поглядеть на запасных – одно расстройство! Выправки никакой, погоны и те криво пришиты. Ленивы и нагловаты. В тылах одно воровство у них на уме. Не терпелось им создать плацдарм для натиска в*

²⁷ В конце августа 1914 года немцы уже обстреливали Париж из дальнобойных орудий и союзники по Антанте (державы Согласия) слёзно обратились к России помочь. Николай II соглашается ускорить плохо подготовленное наступление, разработанное Ставкой и Верховным главнокомандующим Великим князем Николаем Николаевичем, а также генералом Янушкевичем. Командующий Северо-Западным фронтом, Жилинский, довёл план до готовности. Первой Армии генерала Ренненкампа предписывалось наступать в обход Мазурских озёр с севера и отрезать немцев от Кенигсберга. Второй Армии генерала Самсонова предстояло обойти эти озёра с запада, не допуская отвода германских войск за Вислу. Поначалу наступление шло успешно, но неплохая, если подойти без деталей, задумка завершилась провалом, ставшим значимой вехой в крахе имперской России.

направлении Берлина! Доигрались!

- Ведь лучшие войска в тех топях потеряли! Замены-то и быть не может. Годы нужны для взращивания солдата. Да и вся атмосфера уже не та, – разводит руками Межецкий.

- Ну трон, положим, и простой народ защищать будет, – как бы обращаясь к самому себе говорит Мальцев, поправляя хлястик долгополой шинели.

- А всё штабные крысы тому виной! Распустились! – отрезает высоченный с рыжими кудрями гвардии ротмистр Амвросий Дорофеев, некогда встреченный Охотиным на Японской и оставивший тогда не самое лестное впечатление. Этот бравый вояка был редким гостем в их скромном жилище.

- Точнее сказать, гвардии ротмистр, Ставка, а ещё поточнее – самовлюблённый генерал с куриными мозгами Янушкевич. Началось всё с того, что благодаря ему Россия была втянута в войну бесповоротно. Благодаря ему лопнули все усилия Государя по предотвращению войны²⁸! – рокошет при-

²⁸ В 1908 году Европа была у роковой черты начала всеевропейской войны, поскольку Россия была бы унижена произволом Запада в отношении православной Сербии и вынуждена бы пойти на ухудшение отношений с германскими державами. Незначительные уступки Николая II и усилия царя по предотвращению войны не подорвало русское влияние на Балканах, поскольку Россия не пошла на прямой сговор с австрийцами. В 1908 году Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину и уже приступила к натиску на давнего союзника России – Сербию. Австрийцев явно поддержали немцы. В Болгарии утвердился царь Фердинанд из немецкой династии Кобургов. Его режим становится совершенно русофобским. Обстановка на Балканах накаляется и в 1913 году выливается в экспансию болгар против Сербии и Греции – Вторую Балканскую войну.

глушённый бас молчаливого капитана Кирсанова, - Если бы летом имелся готовый план частичной мобилизации, мы бы оттянули войну очередной раз и уж хотя бы вступили в неё позже и с более отлаженной военной промышленностью. Но *Янушкевич имел лишь план полной мобилизации, что теперь выставляется, как злонамеренные намерения России развязать эту проклятую войну*²⁹ и льёт воду на мельницу левых. Не обошлось и без легкомыслия командующего фронтом *Живого Тупа*³⁰, да и не без самого Верховного – *Николая Николаевича*³¹, ответственных за наступательную опера-

²⁹ В ответ на обстрел австрийцами Белграда 28 июля, Россия объявляет мобилизацию приграничных с Австро-Венгрией районов. До Петербурга доходит известие о всеобщей мобилизации в Германии, и царь вынуждается согласиться с проведением полной мобилизации. Немцы опровергают факт своей мобилизации перед российским послом, но задерживают его телеграмму в Петербург. После этого Вильгельм требует отмены мобилизации в России, что уже невозможно. Немцы достигают своей цели – нахождения повода к войне. «Русская мобилизация никакой решительно опасности для Германии не представляла. Германия... заканчивала свою мобилизацию в два раза скорейший срок» (Керсновский А. История русской армии). Позже Вильгельм коварно и цинично пытается прекратить Николая в развязывании войны.

³⁰ Так прозвали в русской армии генерала Жилинского.

³¹ Дядя Государя, Великий князь Николай Николаевич Младший (Ник Ник, Николаша, Николай Длинный, 1856-1929), оказался ненадёжной опорой царя и в дальнейшем интриговал против своего племянника, судя по всему, стараясь занять его место. Великий князь был, с одной стороны, консерватором, правым, но временами начинал чрезмерно либеральничать и являлся членом Великокняжеской масонской ложи, отделения ордена мартинистов, что привносит много непонятного в его личность и значение в истории. Например, он окончательно повлиял на царя, упорно не желавшего подписать Манифест 17 октября, дарую-

цию. Право, не хочется плохо судить о членах Императорской фамилии, но если уж говорить начистоту, господа...

- Да что говорить: казус белли³² всегда найдётся... *Ведь начало нашей мобилизации стало для немцев лишь предлогом, а когда Государь предложил кайзеру передать австро-сербский вопрос на рассмотрение третейского суда в Гааге, ответом стало объявление Германией войны России. А без британского хода немцы бы войну и не развязали³³.* Так мне кажется, - подумав, добавляет Сергей, вспоминая рассказ сведущего брата Глеба, связанного по службе со многими секретными сведениями.

- Так-то оно так... – задумчиво произносит Межецкий.

- *Но следует признать, что союзники наши имели полное право требовать наступления в Восточную Пруссию, ведь это было условлено существовавшей конвенцией, но также и отвечало насущным интересам самой России, - развивает свою мысль Охотин, - Спасая Францию, мы и себя уберегали*

ций конституцию. Государь прислушивался к заветам отца, Александра III, но Великий князь окончательно уломал Его вместе с Витте. Вскоре, однако, тот же человек заявил царю, что Манифест не стоит и ломанного гроша. Женат на Стане Черногорке (Анастасии Николаевне), которая вовлекала его в политические интриги посредством своих спиритических сеансов. Эмигрировал в Италию в 1919 году.

³² Casus belli (лат.) - случай, являющийся поводом для войны.

³³ Министр иностранных дел сэр Грэй намеренно умолчал о выступлении Англии на стороне Антанты в случае вооружённого конфликта, оговорил несомненный британский нейтралитет, что вселило надежду в немцев, готовых уже выступить против двух великих держав сразу, но, конечно, не трёх.

*от Германии, которая бы развернула всю армию на нас, в случае капитуляции французов. Обрушились бы на нас вместе с недобитой Австро-Венгрией*³⁴. Всё не так просто в этом деле...

- Что не говори, а земляночка нам на славу удалась, - улыбается Коронат, - Благо оказались под рукой семивершковые лежни сосновые. Вперекрест ими и перекрыли, а стенки потом жердинничком с любовью работАли. Даже пол у нас посередине деревянный! Нигде не мокреет, просторна. Лишь в дверях низковата...

- Ну это кому как. Гвардии ротмистр, наверное, не только в дверях голову пригибает, - смеется Межецкий, - Да и капитан наш.

Капитан был весьма симпатичен Охотину. Будучи старшим по званию, Кирсанов подчёркивал свою почтительность к любому старшему по возрасту, вплоть до прапорщика или простого солдата, кто имел больше фронтового опыта. С тем же Мальцевым держал себя на равных, не то, что кичливый Дорофеев, который тут же смерил капитана недовольно-высокомерным взглядом за его «уточнение». Подчинённые уважали и любили капитана, не обращая внимания на то, что этот бывший великосветский баловень, разжалованный из кавалергардского ротмистра в рядовые после скан-

³⁴ Пообещав повести неподготовленное наступление, генерал Жилинский этой авантюрой сорвал весь план войны Германии. Если бы русские перешли границу Пруссии при хорошей готовности, но на две недели позже - никаких стратегических последствий Восточно-прусская операция уже не имела бы.

дала с начальством, раздавленный интригами, излучал всё ещё одним своим внешним видом то, что в народе называется барством. Филипп Кирсанов пожелал служить в инфантерии, совершив жест совершенно непонятный кавалеристу, каждый из которых ощущал себя белой костью по отношению к пехоте. Этот видный высокий и сухопарый тридцатилетний офицер прославился отвагой, совершив несколько подвигов с первых дней войны во время атак и быстро получил повышение. В некотором смысле родственник Сергея, кузен Настасьи - Кирилл Ртищев, неплохо знал Кирсанова, поскольку учился вместе с ним в достославном Николаевском кавалерийском училище, но предпочитал не распространяться об однокашнике с необычной судьбой. Знал Кирсанов и младшего брата Сергея, Аркашу, который тоже закончил знаменитое Училище.

Где-то тяжело ухнуло увесистым снарядом.

- Опять «тевтонский пугач», - проворчал Коронат Мальцев, - И ведь не жалеют добра сваво. Палят почём зря. Каждый день молотят нас тяжёлыми.

- А чтобы нашим не спалось. Выматывают нашего брата. Но это не самые тяжёлые из германских орудий. Нам ещё везёт. Тяжёлые в горы не подвезти, - молвил Межецкий.

- Да уж... *«тевтонский кошмар»³⁵* - буркнул себе под нос Охотин, а вслух добавил, - Люди стали всё больше в землю зарываться, всё глубже и глубже. Раньше высокие и зачастую

³⁵ Французы называли германскую угрозу с 1870-х «Тевтонским кошмаром».

красивые стены и башни крепостей и замков строили, а как только орудийное литьё усовершенствовалось, пришлось от стен отказываться и переходить на толстенные и мало эстетичные валы с бастионами. Ну а в последние годы и вовсе одна земляца, или бетон, когда возможность есть. Эстетики тебе никакой. В норы зарываемся. Звереем. Назад в пещеры! Совершенствование науки и сразу же - оружия... Это ли прогресс? Кротоподобное существование, вот что это! – заговорил всё возбуждённо Сергей Охотин.

Землянка заходила ходуном от снаряда, разорвавшегося совсем близко. С потолка сыпались комки сырой глины.

- Смертоносность нынешнего оружия переворачивает всё с ног на голову, - резко заговорил, долго хранящий молчание, Кирилл Ртищев, - Взять кавалерию в наших условиях: да она становится просто бесполезной! А какой моральный ущерб? Драгуно-гусарское офицерство просто потеряно. Всё чему учились годами - насмарку! А что о казаках говорить? Одни пластуны³⁶ ещё приемлют всё это. Даже казаки уже не те стали, душевный удар, психологический! Не выдерживают люди. Выдержать такое – удел титанов. Живот-

³⁶ Пластунами называли не солдат, ловко ползающих по-пластунски. Напротив, выражение «по-пластунски» пошло от названия казаков из станицы Пластунской. Это имя она получила от запорожцев, переселившихся на Кубань, назвавших новую станицу так в честь сечевого Пластунивьского куреня. Станица эта была бедной и у казаков не хватало средств на коней. Они нанимались на кордоны вместо богатых казаков и овладели пограничной и разведочной службой в самых горячих точках Кавказа на профессиональном уровне.

ный страх... Что может солдат против такой орудийной мощи, как у германца? Вам, пехоте, ещё попроще. Ну, да нам с господином ротмистром пора к нашим, поздно уже...

- Совершенно верно, корнет, - расправив пышные рыжие усы, молвил Дорофеев, - А каково нашим уланам и кавалергардам?- и присутствующим становилось очевидно, что эти роды войск рыжевато-седовласый ротмистр ставит несомненно выше, - Впрочем, в самом деле нам пора назад. Пойдём, Ртищев³⁷.

- Ещё не так давно, когда красивейшую форму стали заменять малоброской полевой, но сохранили тогда ещё частично как парадную, офицеры просто-напросто подавали в отставку – не могли вынести такого. Как и новой тактики: отказа от красивого регулярного строя, не говоря об ушедшем каре – один хаотичный бег в атаку. Им казалось тогда, что это конец, когда солдаты не идут в более стройно в бой, а бегут цепью: со стороны, как толпа мятежников, - добавил Кирсанов.

- А какими стали ранения? Ведь такого ужаса раньше не бывало! Более рваные, хаотичные! Холодное оружие ещё и потому благороднее, что раны аккуратные наносит, а не только по причине необходимости долго учиться владению им, - задумчиво проговорил Межецкий.

³⁷ В гвардейских полках по традиции все офицеры должны были говорить друг другу «ты», невзирая на разницу в чинах и годах. То же распространялось на выпускников Пажеского корпуса.

- А недавно мне наш врач рассказал, что австрияк угодил одному нашему пехотинцу пулей в задницу в тот момент, когда тот совершал таинство испражнения, - усмехнулся Дорофеев, - Наш врач, большой шутник, сказал солдату: «Примерно так же в давние времена угодил некий французский «робин гуд» одному французскому же деспоту-феодалу стрелой прямо в задницу, когда тот испражнялся с высоты своей башни из известной конструкции нехитрого замкового сортира. «Робин» подвергнулся опасности не только быть замеченным меткими арбалетчиками на стенах, но и обгаженным с головы до ног хозяином замка. Сумел ли он этого полностью избежать историк умалчивает. Но тебе, сынок, нынче повезло: после выстрела того лучника тот самый феодал уже больше не упоминается в летописях».

- А Вы видели когда-нибудь ранение в лицо? Когда рваным осколком выворочена челюсть и разорвана вся щека? Легко смеяться над такими вещами, как рана... Человек становится уже не человеком. Теряет лицо в прямом смысле слова, – сказал Кирсанов, - Впрочем, офицеру не подобает размышлять об ужасе всего этого. Иначе он просто не сможет воевать. А что есть страх? Как вы понимаете себе это, господа?

- По-моему стоит привести слова самого Скобелева, - ответил Сергей, - *Генерала спросили: «Что такое храбрость?» Помните, как он ответил? «Храбрость - это умение скрывать свою трусость».* А он-то знал о чём судит и мог себе

такое позволить.

- Ну да пора уж, господа, наше «офицерское собрание» закрывать и по углам, - проворчал Никандр Межецкий.

- Вас там в Павловском³⁸ здорово вышколили, штабс-капитан, - добродушно усмехнулся Кирсанов.

С большинством из этих каждодневных собеседников Сергею Охотину было даже приятно общаться. Их рассуждения скрашивали однообразие прозябания в вечернем полумраке, нарушаемом керосиновой лампой. Охотину очень не хотелось вылезать из землянки и мокнуть под промозглым дождём с тем, чтобы потом долго трястись у слабой печки, пытаясь высушить шинель на спине. А кроме того было ещё и то, что заставляло его сдерживать позыв мочеиспускания до последней немыслимой точки: страх угодить под шальную пулю или осколок. Даже если перестрелки давно уже толком не было, нет-нет да проносилась в самом прямом смысле шальная пуля словно не выпущенная только что злобными усатыми людьми из окопа напротив, а неприкаянно мечущаяся всё ещё от бруствера к брустверу, не находящая себе выхода. И приходилось терпеть с мыслью не припадать столь жадно на следующий вечер к чаю, часто с мазутным душком, подавляющим запах чайного листа. Не столько страх вынуждал Сергея к этому, сколько чувство кормильца, ответственности за своего младенца. С другой стороны,

³⁸ Павловское училище было крупнейшим пехотным в Империи, как Николаевское для кавалеристов и Михайловское для артиллеристов.

думалось: «а что проку от моего ничтожного заработка последнюю пару лет от редких публикаций вымученных статей для семьи? Вот, брат Пётр, тот делает капиталы и ещё мне, бездельнику, помогает. Брата Глеба начальство не пускает на фронт. Слишком уж необходим он в Москве. Работа важная, не то, что у меня... И что руководило мною второй раз, после Японской, что повлекло на фронт? Не высокие побуждения, как того же Петра, оставившего семью сознательно, бросившего супругу, в которой он души не чает. Братцев Петю и Митю повлекли на фронт соображения высшего порядка, а меня? Охотиным подобает блюсти честь семьи! Долг перед Отечеством? Оба раза я мог бы отсидеться в тылу, как генеральский сынок. Тогда в Маньчжурию я бросился, скорее, от чувства потерянности и собственной никчёмности, разочаровавшись в символизме, и теперь я здесь с полным отсутствием военных способностей и навыков, а лишь из эгоистических побуждений: устал от давления жены, которая стала пытаться контролировать каждый шаг мой. Пусть из лучших побуждений, из любви и той же ответственности за сыночка она это делала, но сие стало невыносимым, и я «бежал» на фронт, прикрывшись высокими фразами своего «великого долга». Конечно, не последнюю роль в моём решении сыграло то, что братья и тысячи других идут на фронт добровольцами. Надо оставаться честным хотя бы пред самим собою. Если моё добровольное участие в Русско-Японской стало основанием для того, что Лизанька избрала именно меня, хотя

младший брат Аркадий более явно высказывал к ней интерес, то на этот раз Лиза не смогла такое принять и рассорилась со мной. Заявила: «Аркаша-то с самого начала войны достойно отстаивает российские интересы с оружием в руках. Он военный по профессии, ему и подобает. А ты кому там нужен? Много ли пользы будет от тебя? Погибнешь и бездарно». И лишь в последний мигновение проводов она рыдала и целовала меня... Милая жёнушка. Из тех, кто с юных лет был приучен делать гостям книксен... Таких остаётся всё меньше – благородных девиц в двух смыслах слова... Утешать себя тем, что старший брат и вовсе избегает отправки на фронт, считая свою пагубную думскую деятельность неизмеримо более важной?» И который раз возникала всё та же гадкая мыслишка: «А может мне, наоборот, почаще из землянки выглядывать, да и поверх бруствера? Отшвырнет тело ударом пули к тыльному траверсу, растечётся по нему моя кровушка, впитает её земля эта чуждая и сразу наступит избавление от всего узла тягостных мыслей... Нет, не достойно это. Может и не прямое самоубийство, без греха пред Всевышним, да на грани того. Негоже сыну генерала Охотина так...» И гнал прочь навязчивую мысль, но она неуклонно возвращалась и всё чаще. «Лизанька, конечно же, может довести своей слезливой сентиментальностью любого праведника до белого каления, но по большому счёту она – ангел и злиться на неё – грех. Только тогда получается, что ангелы могут тоже иметь ужасный характер...» Маразм фронтово-

го бытия не давал уйти в себя: уже неделями стояла каждое утро, при протирании глаз, одна и та же картина развороченного взрывом чрева соокопника - вывороченные пульсирующие, живущие ещё своей жизнью внутренности, и вспоминалось примерно то же, виденное в Японскую. «Может, чтобы в таких условиях выжить, легче опуститься вовсе и утратить облик человеческий? Пожалуй, тогда уж лучше под пули...» Даже природа уже не опьяняла, как прежде, в молодые годы, не переполняла более сердце невыразимой юношеской радостью. В ту ночь Охотину снился человек без рта с мольбой во взгляде, который страстно хотел что-то сказать, что-то очень важное, но не мог. Его рот был зашит и уже зарос молодой кожей. Страшно было смотреть в его огромные молящие глаза. В безобразных видениях мешались сны с явью военных будней.

— Прибыл по Вашему вызову, Ваше Благородие! – разбудил Охотина знакомый звонкий голос круглолицего как колобок рыжего веснушчатого пехотинца с вахмистринскими подусниками Любима Карасёва.

- Вольно! – рявкнул в ответ штабс-капитан Межецкий, который вставал раньше всех до любой побудки и скрупулёзно выполнял обход батальона, проверял уборку отхожих мест и кухни, ругался, вечерами часами твердил с новобранцами уставы, а потом подсчитывал с фуражиром и артельщиком запасы муки, хлеба, зерна и мяса, проверял с точностью до

фунта и вносил цифирь в книжку донесений.

- Слушаюсь!

- Ефрейтор Карасёв, что вчера вечером произошло в проходе, что перед кухней?

- Драка, Ваше Благородие. Немного не поладили мужички...

- За такой мордобой гауптвахта положена, Карасёв!

- Сохатые они. Что взять, Ваше Благородие?

- Лоси что-ли? Да, кулачищи, что у лосей. Надавали друг другу так, что хоть в санитарную часть вези.

- От сохи они. Понятия нет. Голова не работает у них, Ваше Благородие.

- Промолчу в последний раз, Карасёв. Не хочу тебя подводить. Всё же вместе в Японскую мытарствовали.

- Покорнейше благодарю, Ваш-бродь!

- Словно дитя какое, - буркнул про себя Межецкий и отмахнулся, - У немцев, у врага своего учились бы. Вот у кого порядок.

- Чему у нехристей-то учиться, Ваш-бродь? За границей нелюди они. Они, говорят, и от веры своей отвернулись.

- От веры отцов и у нас отворачиваются всё больше. То, что кара на таких спустится – другой разговор, а на данный момент, ефрейтор, они своей дисциплиной нас давят, не говоря о количестве огнеприпасов и калибрах. Но вообще-то не забывай, что австрияки тоже христиане и того же Господа Иисуса Христа почитают. Нынче вечером к нам заглянет

полковой священник. Так вот, приглашаю тебя, Карасёв, зайти и послушать, чем дуреть там с одними сохатыми. Будет, что им рассказать потом.

- Премного благодарен, Ваше Благородие!

День протёк столь же бездарно и тоскливо, как и десятки предшествующих ему. От того горячим головам уже не терпелось в бой, и они пристально всматривались в пустую ничейную полосу под перекрикивание траншейных работников. Но Охотина всё это вполне устраивало. Ведь в тишине можно было поразмышлять и даже записать что-либо в заветную «тетрадь наблюдений», которая необходима каждому писателю, где бы он не находился. А главное, что Сергей страдал давней «школьной» близорукостью и всячески пытался скрыть это, избегая стрельбы. Впрочем, он заметил, что его зрение стало всё больше выравниваться – приближалось время дальнозоркости. С сумерками в их землянку вошёл давно знакомый Сергею по Маньчжурии священник преклонных лет отец Питирим Богоявленский. Батюшка отощал пуще прежнего и просторное одеяние служителя Церкви болталось на нём, что на жерди с огородным пугалом. Питирим был любезно приглашён занять почётное место у слабой печурки, что покоилась в не обшитом досками углу, а долгополое пальто священника развешено у горячей трубы для сушки. Отец Питирим смущённо теребил крупный латунный крест и мешочек с дарами на своей тщедуш-

ной груди, а потом вдруг начал лихорадочно листать маленький старый требник.

- Ваше Высокопреподобие, что слышно на белом свете? – с замысловатым прищуром улыбнулся гвардии ротмистр Дорофеев под пышными усами, - Вам там виднее и слышнее, чем тут в окопах.

- Хорошего не много слышно, - закашлялся священник, - Вести с Северо-Западного фронта не тешат, зато здесь у нас есть чем обнадёжить, несмотря ни на какие тяготы. *Ведь занятие нашими войсками Галиции всколыхнуло национальное чувство тех, кто остаётся пока ещё русскими и напомнило им о колыбели восточного славянства, Червонной Руси, окатоличеной столетиями, но исконно православной земле. С десятого века Владимир Святой включил Перемышль и Червен в своё княжество. Перед самой войной самых верных православию галичан австрийские власти просто истребляли, обвиняя в сочувствии новому врагу, России, запирая толпами в лагеря, где они мёрли от голода³⁹. Святейший Синод заговорил о возвращении России исконных областей с русским населением, которое не смогли до конца ополячить. Уже двести лет, как ксендзы, с отчасти им продавшимся местным дворянством, выдумали коварное униатское вероисповедание, обманувшее многих верных православию. Глядишь и уже*

³⁹ Кроме того, в ходе успехов русской армии стали нормой ответные репрессии австрийцев с казнями православных на своих территориях (Ваврик В. Геноцид карпаторусских москвофилов).

возникает новая теория «украинской самостийности». Но простой народ галицкий все эти годы мечтал о присоединении к России, оставаясь склонным к истинному православию, впитанному поколениями с молоком матери ещё до четырнадцатого века, в эпоху Великого Галицкого княжества. Русского солдата встречали в галицких сёлах как освободителя! Наверное, кто-то из вас сам тому свидетель? Почаевская Лавра полнится толпами, просящими присоединить их вновь к родной Церкви. Идёт повальный переход простолюдинов-униатов в православие и в этом величие нашей победы на Львовщине, дети мои⁴⁰!

- Что же, отрадно такое слышать, Ваше высокопреподобие, - широко улыбнулся штабс-капитан Межецкий.

- Не зря видать кровушку свою лили, - вставил прапорщик Мальцев, а притулившийся у двери ефрейтор Карасёв, крепко пропахший присыпкой от вшей, молча перекрестился.

- Без веры не выжить России, - вздохнул капитан Кирсанов, а Ртищев лишь опустил голову с тяжёлым вздохом.

- Народ-то ещё и пребывает в вере, и всё там в порядке, а вот население столиц разлагается и всяк по-своему: од-

⁴⁰ На деле всё было не так просто: министр внутренних дел Пётр Дурново писал про Галицию: «Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему Отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов?» В Галиции австрийцами были сформированы подразделения Украинских сечевых стрельцов, которые воевали на стороне австрийской армии.

ни революционными лозунгами, готовыми перевернуть все устои, оплевать своё прошлое, а другие впадают в изощрённые крайности модных учений, - почесал затылок подпоручик Охотин.

- Вот уже успешно изжита привычка осенять себя крестным знаменем при виде храма православного, - вздохнул отец Питирим, - *Привычка, прошедшая поколения, уже уходит в прошлое: стало как-то неловко, несовременно, креститься. Даже офицеры не делают этого в большинстве своём. Побродите по Москве той же – заметно. А ведь армия наша именуется христианской. Казалось бы, офицерам и подобает первыми креститься во время любых армейских богослужений. Ан нет – стыдно им становится, нынешним офицерам. Какой пример необразованному солдату? А то, как мы вбиваем православие в головы солдатские в казармах? Да такими методами это же всё равно, что атеизм вбивать!*

- Жидов надобно первым делом на место поставить, и революция потухнет, - зло начал Дорофеев, - Да и прочих иностранцев, от немчуры начиная. Кому мы обязаны столь скорым разгромом на севере? Предательству офицерских верхов. А кто предаёт? Да половина их с немецкими фамилиями, вот и неймётся им торжество Рейха.

- В наших имперских документах записано лишь вероисповедание, а кто есть кто по крови не смотрят⁴¹. Право, гвар-

⁴¹ Официального понятия «национальность» в Царской России не существова-

дии ротмистр, Вы питаетесь слухами, на мой взгляд, - успокаивающе произнёс Кирсанов, - *Ведь ещё ни одна попытка привлечь офицера-немца за предательство не увенчалась успехом.* Да и какие они немцы, когда семьи их веками служат верой и правдой российскому престолу и большинство из них давно православные к тому же. О какой измене Вы говорите? Так можно договориться и до того, что Государыня из немцев...

- Разберутся ещё. У Вас нет доказательств на руках, как и у меня, сударь, да и молоды ещё учить меня. А магометане как распоясались? Говорят, что Хан Нахичеванский своим наступлением сильно навредил. Дожили, что им уже генеральский чин дают, - отвернулся Амвросий Дорофеев с брезгливой миной.

- Не имел намерений Вас задеть, сударь, - тихо проговорил басистый Филипп.

- *В годы Кавказской войны наше правительство начало требовать от военачальников проявления к горцам «дру-*

ло, она не играла никакой роли и ни в каких официальных документах не отражалась и не указывалась. Понятием, до некоторой степени заменявшим национальность, было вероисповедание, которое обязательно указывалось во всех документах. Под «русским» имелась обычно в виду не национальная, а государственная принадлежность, оно было синонимом слова «российский». Когда же слово «русские» употреблялось для обозначения именно национальной принадлежности, то всегда подразумевало и великороссов, и малороссов, и белорусов, которые всегда считались одним народом (каким и были). Все русские были православными и слово «православный» в России тоже было синонимом слова «русский» (Волков С. Русский офицерский корпус).

желюбия и снисходительности». Но такой подход воспринимался горцами исключительно как проявление слабости русской армии. В итоге обстановка на Кавказской линии резко обострилась, - снисходительным тоном поведал Дорофеев, - Вот вам наглядный пример того, какой политики следует избегать.

- Давайте лучше обойдёмся нынче без политики, господа, - улыбнулся Никандр Межецкий, - Когда в восьмом году зазвучали голоса правых о «засилье иноплеменников», «Русский инвалид» - орган военного министерства дал им справедливую отповедь: «Русский – не тот, кто носит русскую фамилию, а тот, кто любит Россию и считает её своим Отечеством». И в самом деле, господа, ведь мы живём в Империи, а не в национальном государстве... Вы бы нам поведали о своих альпинистских похождениях, капитан, а то мне, провинциалу, такое удовольствие никогда не было доступным. Кстати, военный министр генерал Куропаткин, ещё при Александре-Миротворце, писал в «Военном сборнике», что и татары и евреи умели и будут впредь уметь так же героически драться и умирать, как и прочие русские солдаты. Со времён принятия закона 1829 года «об использовании жидов на военной службе» воюем мы бок о бок. Ну а мусульмане в нашей армии куда дольше. Если бы нам удалось заманить побольше евреев в армию, сделать её в их глазах привлекательной, меньше бы их стремилось в революцию.

- Но военный министр Ванновский при Александре начал

очень стараться оградить армию от тлетворного влияния революционеров и издал циркуляр о запрете службы евреев в крепостной артиллерии, флоте и пограничной страже, если не ошибаюсь, - заметил Дорофеев, - С пониманием был министр.

Сергею невольно вспомнились вечера в петербургском либеральном салоне госпожи Третнёвой, которая каждый раз теми же доводами пыталась унять страсти по поводу политики, и Охотин улыбнулся про себя. Перед глазами встал образ юной жены, которая тогда ещё была ему незнакома, первую встречу в салоне. «Как было хорошо тогда с ней. Всё в прошлом... Да и вообще было несколько получше там, чем здесь, в окопах. Можно было в бане помыться, когда время приходит... Тоска тут. Делом не займёшься: ни почитать тебе, ни пописать. Уж лучше бы опять в наступление и скорее войне конец». Тут Охотину вспомнился вчерашний разговор солдат: «Уже скорее бы выступить, - ворчали они, - Ей-ей, надоело», а суровый унтер велит им заново шинель «перекатать»: «По-бабьи скатал, болван набитый!» Но Сергей тут же внушал сам себе мысль, отбрасывающую все попытки жаловаться самому себе: «Важнее всего оставить в жизни какой-то след. В лучшем смысле этого слова. Я не уверен, что роман, который я начал писать стоит многого, не уверен в себе, как в писателе. Поэтому я должен быть здесь в тяжёлый миг и исполнить свой долг, внести свою посильную лепту и как можно лучше. Лишь тогда будет какой-то смысл в

семени охотинском! Мы, братья, просто не можем поступить иначе. Один из нас выбыл. Стал чужим старший. Младшего вряд ли возьмут на фронт по причине здоровья, но он бы пошёл! Но он сможет поддержать остальных братьев горячими молитвами и лучше него этого не сделает никто!»

- *Задумка создания альпинистского клуба в России пришла Александру Карловичу фон Мекку ещё в последние годы прошлого столетия,* - начал Кирсанов.

- Когда Вы сами ещё в полный рост под столом ходили, надо полагать, - вставил Дорофеев.

- *По инициативе фон Мекка делегация из России приняла участие на Мировом конгрессе альпинистов, состоявшемся в Париже,* - словно не замечая реплики гвардейца уланского полка, продолжил Филипп, - *Сам министр Царского двора барон Фредерикс возглавил российскую делегацию, которая оказалась крупнейшей из приглашённых, вопреки полному отсутствию в России альпинизма, как такового. Мекк даёт за свой счёт банкет в Эйфелевой башне в русском ресторане, на котором присутствует более ста приглашённых. Русский размах производит на парижан впечатление. Фон Мекк проводит в Шамони около трёх недель, а после конгресса вместе с председателем Крымско-Кавказского Горного Клуба Иловайским путешествует по Тиролю, совершая восхождения. Только в 1902 году Русское горное общество, учреждённое за год до этого, впервые предприняло попытку строительства альпийской «Ермоловской» хи-*

жины у подножья Казбека. Это стало началом, а ровно десять лет назад РГО организовало поездку в Домбай. В ней участвовали сам Александр Карлович, швейцарский альпинист Андреас Фишер, а также местные проводники. Ваш покорный слуга был отпущен суровым родителем после долгих упрасиваний, а фон Мекк одобрял участие молодёжи. Были покорены несколько крупных вершин и одной из них было дано имя Семёнов-баши в честь маститого покровителя Общества Семёнова–Тяньшанского. Там мне впервые выпала честь освоить ледовый молоток и альпеншток под руководством маститых мужей. Позже мы взошли на Эльбрус. Я был на седьмом небе от счастья. Через год мне довелось пройти в связке с Николем Поггенполем, самый опытный русским альпинистом! Александр Карлович провёл лето в Альпах, где он осуществил давнюю мечту - поднялся на Монблан. В седьмом году фон Мекк пригласил на Кавказ очень опытного итальянского альпиниста Витторио Ронкетти, но мне уже не довелось с ним пойти. Ещё Мекк планировал серьёзную экспедицию в Туркестан, и я о ней, конечно же, мечтал. Кавказ казался уже недостаточно высоким и тянуло туда, а то и в сами Гималаи. Александр Карлович начал болеть и его туркестанские планы попробовал осуществить Поггенполь. Правда и фон Мекк успел немало на своём веку: походил по Пиренеям, Шотландии даже по горам Южной Америки. Увы, в те годы мне предстояло оканчивать Николаевское училище, а там строго и господин Ртищев не

даст мне соврать. Туркестан остался в заоблачных мечтах. А ведь ещё Заратустра призывал людей покидать хижины, дворцы и подниматься на вершины.

- В моё время в Училище и пострже бывало, - заметил Дорофеев.

- А как я мечтал бы подобно Готфриду Мерцбахеру пойти на Тянь-Шань! Его экспедиция побывала там в те годы. А в *одиннадцатом году Александр Карлович скончался от аритмии сердца и председателем РГО избрали вдову фон Мекка, Анну Георгиевну. Перед самой войной слышал, что шестнадцать человек поднялись на Казбек, среди которых была одна дама - некая учительница Мария Преображенская. Она поднялась на Казбек, насколько мне известно, пять раз и даже установила на его вершине метеорологическую будку Тифлисской обсерватории*⁴²! Поразительно! Хотелось бы по-

⁴² Мария Павловна Преображенская (1863 – 1932) простая учительница начальной школы почти 30 лет своей жизни посвятила работе в горах. За 20 лет изучения и освоения массива Казбек 9 раз побывала на вершине, но самое главное, что в 1900 году стала первой русской женщиной, покорившей эту и вообще высокую гору. В 1903 году избрана членом-сотрудником Русского горного общества, а в 1912 – действительным членом Русского географического общества и членом совета его Владикавказского отделения. А свое последнее восхождение совершила ещё до зарождения пролетарского альпинизма, как массового движения – в 1920 году. Сама подняла и установила на вершину Казбека первую метеорологическую будку. Не получив специального образования, она умудрялась делать важные в научном отношении сопоставления и выводы. Помогал ей и научный наставник – видный геолог и путешественник Мушкетов. Не имея никакой официальной финансовой поддержки, Преображенская всячески экономила скудный заработок учительницы и организовывала новые горные путешествия

знакомится!

- С девицей, или с будкой наблюдений? – попытался сострить Дорофеев.

- Но большей частью альпинистов на Кавказе были иностранцы. Обидно как-то, - не замечая ёрничанья гвардейского ротмистра, продолжал пехотный капитан, - Но Дубянский с Конопасевичем почти покорили Дых-Тау, вершину отвесную и своенравную. Горы это восхитительно, господа, желаю каждому из вас их повидать и ощутить. Война вот только...

- Вон, Карпаты на горизонте, - усмехнулся священник.

- Извините меня, отец Питирим, но Карпаты это холмы, - улыбнулся Кирсанов, просветлев своим обычно насупленным лицом.

- Отчизне нужны такие отважные люди, не боящиеся ни гор, ни завывания орудийных снарядов, но лишь Суда Божьего, - сказал Питирим, почёсывая седую бороду.

- Ваше Высокопреподобие, я и не уверял, что не боюсь снарядов, - повёл бровями Кирсанов, - А может кто-либо заявить, что их совсем не боится? Просто один боится больше, а другой меньше. Каждый по-своему к такой вещи относится. Одному легче под пули в атаку бросится, даже под те же воюющие снаряды, отвлечённо, а другому сразиться лицом к лицу с врагом на саблях или штыках. Смотря кто к чему привык, владеет ли холодным оружием и так далее. Разве не

своих учеников во время летних каникул. Она впервые использовала в России альпинизм в качестве метода научного исследования гор.

так, господа?

- Мне как-то безразлично, пули или сабли, - зевнул Дорофеев, - Но мысль расставания с жизнью неприятна.

- А мне мысль о болезненности ран, - вставил Кирилл, - О беспомощности. А особенно о возможности стать немощным калекой.

- Нахожу для себя, что куда проще под пули, чем драться холодным оружием, чего никогда не умел, - рассмеялся Охотин, - Я ведь, милостивые господа, военному делу никогда не учился...

- Тем достойнее Ваш поступок добровольцем на фронт в такой страшной мясорубке, подпоручик, - улыбнулся Межецкий.

- Во время богослужения перед боем солдатом овладевает особое настроение, - сказал отец Питирим, - Истинно верующих молитва, понятное дело, укрепляет, у них глаза светятся особой радостью. Иные молятся, но так и не достигают успокоения от великого страха смерти. Такие не чувствуют молитвы Господней: «Да будет воля твоя!» В наше время подавляющее большинство и вовсе безучастны. Но многие из них верят в предопределение и готовы безропотно пройти страшные испытания.

Тем временем, на пороге возникла миниатюрная мокрая фигура очередного гостя их пристанища.

- Милости просим, капитан Владимирцов, - расплылся в широкой улыбке под усами Никандр, - Давненько Вы к нам

не заглядывали. Как у Вас в третьем батальоне?

- Всё по-прежнему, штабс-капитан, да только от батальона уже маловато осталось. И батальоном-то назвать трудно. Но обещают скоро пополнение.

- Проходите, сушитесь.

- Ваши дрова, моё внутреннее топливо, - просиял вошедший, извлекая из-за пазухи мутновато-зелёную бутылку, запечатанную красным сургучом.

- Сегодня у нас праздник, господа! - потёр руки Межецкий, По нынешним временам огромная редкость! *Слышал от прибывшего на днях из Питера офицера, что якобы там без вина грубость смягчилась и даже работа пошла скорее,⁴³ и полиция, освободившись от обязанности подбирать пьяных по улицам, стала бдительнее следить за ворами. А*

⁴³ В начале осени 1914 года, принимая Великого князя Константина Константиновича в качестве представителя Союзов трезвенников, Государь сказал: «Я уже предрешил навсегда воспретить в России казённую продажу водки». И эти слова монарха соответствовали в то время общему народному настроению, принявшему запрет спиртных напитков как очищение от греха. Никому не приходило в голову, что такая законодательная мера, предрешённая царем, могла бы встретить сопротивление в представительных учреждениях. Только условия военного времени, опрокинувшие всякие нормальные бюджетные соображения, позволили провести меру, которая означала отказ государства от самого крупного из своих доходов! Ни в одной стране ещё не принималось такой радикальной меры борьбы с алкоголизмом, хотя в Англии и пили ещё больше. Это был грандиозный, неслыханный опыт. Конечно, через некоторое время развилось тайное винокурение и появились всевозможные суррогаты, но особенно при отсутствии ввоза из-за границы, потребление спирта в России за первые годы войны уменьшилось в несколько раз.

ещё говорят, что выдача усиленных армейских пайков и избыток денег в рабочей среде и деревне, по причине отсутствия доступного спиртного, привели к тому, что в первый год войны народ стал лучше питаться, чем когда-либо. Не смогут ворчать, что «правительство спаивает народ».

- Господа, а ведь нынче Покров Пресвятой Богородицы, - расплылся гость в добродушной улыбке, перекрестившись.

- Хоть один, наконец, вспомнил, - покачал головой отец Питирим, - А я уж думал, что совсем офицерство от веры отходит. А теперь следует и тропарь спеть.

Сергей встречал Владимирцова не в первый раз и тот всегда казался ему и вовсе нелюдимым, но в этот раз всё объяснялось тем, что капитан уже посидел в другой землянке, где они раздавили первую бутылку. Этот офицер был призван по собственному желанию из подлинно медвежьего угла – с китайской границы за хребтами «дико-каменных киргизов⁴⁴», как официально именовались те края. Всю свою армейскую жизнь верой и правдой отслужил он на посту, контролирующем долину реки, спускающуюся в Восточный Туркестан⁴⁵ от отрогов седоглавых ледовых вершин. Кто-то поведал Охотину, что Емельян Владимирцов из разночинской семьи, неплохо образован и даже пописывал романы там, среди гор, в одиночестве. Поговаривали, что из-за нека-

⁴⁴ Дико-каменными в XIX веке называли собственно киргизов, в отличие от казахов, именуемых тогда киргизами.

⁴⁵ Ныне — китайская провинция Синдзян, а также - Уйгурия.

зистой внешности капитан принял решение остаться холостяком и всячески избегает женщин, а может и побаивается их. Зато в бою ему сам чёрт не страшен. Солдаты его якобы шибко уважают и жалуют, несмотря на недостаточно лихой для офицера вид.

- Подставляй посуду, господа, - просиял Дорофеев, оставив своё раздражение, и по-отечески разлил каждому содержимое бутылки.

- Мне можно и поменьше, - скромно улыбнулся Владимирцов, поджав как-то по-бабьи острый узкий подбородок и сморщил своё плоское личико с курносым, но длинноватым носиком с набалдашником к тому же, за что его прозвали Утиный Нос, - Не привык к зелью я. Там, в Туркестане, и вовсе не пил.

- Давайте, капитан, не убирайте свою кружку в сторону, а то прольётся драгоценная влага! – повелительно молвил младший по званию Межецкий.

- За нас всех и за победу! – выпалил Дорофеев, закручивая торчащие нафабранные словно в Николаевскую эпоху усы.

- Отец Питрим к нам не присоединяется, сан не позволяет, но следовало бы не только для него добавить, что нынче и святой праздник у нас, - скромно вставил Коронат Мальцев.

- Так не грех ведь капелюшку, Ваше Высокопреподобие? – расплылся в обезоруживающей улыбке Никандр.

- Ладно, налейте ложечку, что-то пробрало меня сыростью

нынче. А ведь подобает молиться нынче, а не пить. Народ забывает суть – абы отпраздновать повод был...

- Так-то оно лучше. Подставляй и ты, Карасёв, не смущайся, ефрейтор.

Любим, неуверенно косясь по сторонам, протянул свою эмалированную кружку, которую всегда таскал в котомке, или ранце, как и ложку в своём правом сапоге:

- Водочка кровушку прочищает, Ваш бродь!

Подпоручик Охотин пытался избегать питья, понимая, что на фронте легко обрести к тому привычку, и позволил налить себе лишь каплю. Прочие, похоже, не слишком задумывались на эту тему. Карасёв хлебал прозрачную жидкость жадно, словно воду.

- Эх, сейчас бы сюда ещё похлебку да кашу со шкварками, - вздохнул он.

- Как на европейской передовой, после Вашего азиатского захолустья, капитан? – несколько снисходительным тоном обратился Дорофеев ко Владимирцову после проглоченной водки.

- Дика Европа, вот и всё, что могу сказать, гвардии ротмистр, - усмехнулся узким безгубым ртом Емельян, - Достичь такого технического совершенства и всё ради взаиморазрушения! Нет, азиаты наши на такое не способны и должны сим гордиться.

- Что же, Вы совершенно правы, капитан. Таковы факты,

- печально хмыкнул Межецкий.

- Тут у вас вся «наука» сосредоточена. Тут решаются судьбы мира. И если бы так тяжело нам не воевалось, никогда бы не оставил свой уютный азиатский мирок, где мы до сих пор депеши гелиографами передаём: за пятьдесят вёрст «зайчиков ловим». Ни телеграфа, ни телефона. Зато всё ясно понятно и честно. Но, увы, мир стал не тот. Уже на Японской оно стало ясным: воинская доблесть обесценивается техникой. Скоро подобные прелести цивилизации и до нас там доберутся. А какая тишь в наших краях! Между делом любешься на снежные вершины несказанной красоты, а так весь день проверяешь поены ли лошади, наполнены ли саквы ячменём, уложены ли выюки на случай срочного выхода? На досуге занимаешь казаков рубкой шашками лозы да уколами пикой соломенных чучел, - рассказчик сделал небольшую паузу, смахнул с редких усиков хлебную крошку и мечтательно добавил, -И опять на ледники смотришь...

- Как бы сначала не добрались до вас там политические новшества... – вздохнул отец Питирим, - Оно ещё похуже технических будет. *В отношении же техники, встаёт ещё одна дилемма: освящать патроны и иные боеприпасы, или же сие в любом случае греховно? Вот и задумались архиереи на настоящий момент...*

- Осящение патронов для нашего христианского воинства есть дело святое, - без колебаний выпалил Межецкий с непроницаемым видом.

- Не приведи Господь, отец Питирим, - перекрестился Мальцев, - И шо будет?

- А с политическим инакомыслием средства борьбы нехитрые. Появятся в моём эскадроне политически ненадёжные офицеры – на дуэль вызову и пристрелю, - резко сказал Дорофеев, - А рядовых просто к стенке.

- Дуэль исход не мирный и для истинного христианина даже постыдный, - печально заметил отец Питирим, - Такой исход почти сопоставим со смертью от пьянства или самоубийством.

- В условиях войны всё дозволено, Ваше Высокопреподобие, - отрезал гвардейский ротмистр.

- Какие-то месяцы назад все мы возлагали на конницу большие надежды и всё рухнуло в самом начале войны! – сокрушённо начал корнет Ртищев, - *Если поначалу мы прорывали пограничную военную завесу противника, нарушали сообщения и порядок мобилизации, то с подвозом немецкой артиллерии, особенно тяжёлой всё резко изменилось. Умом понятно, что конница бессильна прорвать современную полосу обороны, что посылать её под пулемёты преступление, а сердцем принять не могу! Лёгкая казачья конница и то не успевает в такой прорыв без недозволительных потерь.*

- *Говорят, что высшее командование союзников намеренно и вовсе отказаться от конницы...* – совсем мрачно молвил Кирсанов.

- Так, Вы всё ещё патриот кавалерии, капитан? – с неясной

интонацией спросил Амвросий.

- Представьте себе, сударь. Всё же годами осваивал нелёгкое дело и гордился им, - холодно ответил капитан.

- Геройский кавалерийский дух разбит огневой мощью и ничего тут не поделаешь. Чёрт бы побрал этих умников-учёных! – заворчал Дорофеев.

- Зато теперь пехота – подлинная царица полей, - попробовал улыбнуться Мальцев.

- Опять вы о печальном, - вздохнул Межецкий.

- Нельзя было нам вступать в войну, просто никак нельзя, - грустно проговорил священник.

- Не получалось иначе, отец Питирим, - сказал Охотин, - *Мы оттягивали как могли. Но не всё так просто. Оголтелые панслависты кричали о скорейшей помощи сербам, а левые им бойко вторили, поскольку знали, что вступление в очередную войну ослабит власть и даст им шанс перехватить бразды правления. Всё очевидно. Государь не зря опасался всей этой возни на Балканах и все Его благие начинания помощи славянам даже такой шаг, как создание Балканского союза под эгидой России, порождали, в конечном счёте, лишь очередные экстремистские выходки со стороны слабеньких ничего из себя в отдельности не представляющих болгар или сербов. Нагло повёл себя по отношению к нам год назад черногорский король – правитель крошечной страны с неуёмными аппетитами всем своим существованием обязанный России. Король сей вызывающе отвечал ав-*

стрийцам, ссылаясь на неперемennую поддержку России, не спросив на то нашего одобрения. Одни провокации! Болгары ведут себя просто подло по отношению к нам – давним своим защитникам! Но с ними интригует Лондон, не желая допустить нас к Проливам⁴⁶, а мы, как нередко случается – в дураках. Те милые сентиментальные времена, когда мы могли позволить себе роскошь войну ради сострадания братьям по вере в прошлом. Но и закрытие Проливов турками нам допустить было никак нельзя из-за огромного объёма вывоза нашего хлеба именно этим морским путём.

- Насколько мне известно, Государь сам заявлял, что мы к войне не готовы и, что мысль о ней Он не допускает, - сказал Филипп, - А такие господа, как военный министр Сухомлинов, из собственных амбиций, пытались убедить Государя в противоположном, что мы как никогда к войне готовы. Поддержал Сухомлинова и Сазонов⁴⁷. Да только теперь нам ясно что Государь был прав, а его министры блефовали. К тому же мать сербского наследника – родная сестра экстравагантного Николая Николаевича, мужа черногорской

⁴⁶ Имеются в виду стратегически важные проливы Дарданеллы и Босфор. «Чтобы открыть Проливы, - говорил тогда царь в начале 1914 года, - Я употреблю даже силу». Вмешательство Германии на стороне Турции подталкивало Россию заключить более широкий союз с Англией.

⁴⁷ Министр иностранных дел Сазонов патетически воскликнул: «Россия не простит царю...» капитуляции, которая «...покрыла бы срамом доброе имя русского народа... Совесть царя перед Богом и будущим поколением может быть спокойна».

принцессы и дяди сербского королевича. Вот и стал Великий князь сторонником вступления в войну. Шерше ля фам, как говорится.

- Князь Мецкерский упорно ратовал за мир до последнего момента. За это либеральная печать дружно поливала его помоями и причислила к сонму содомитов, - вставил Сергей, - А Гучков особенно постарался в деле сторонников военного конфликта.

- Но каков был подъём в народе в первые дни после объявления войны! Никогда со времён Александра Второго такого энтузиазма со стороны даже студентов, вчерашних смутьянов, в столице никто не видел. Возможно, что за все двадцать лет своего царствования наш Государь не слышал столько искренних криков «ура», как в те дни. И это после долгих лет презрения, всячески выражаемого нашей интеллигенцией в адрес Императорской фамилии. Толпы народа всякого сословия и звания ходили по улицам с царскими портретами, флагами и пели «Спаси Господи люди Твоя», а столичный интеллигент уже не глумился над долгим титулированием своего Государя. Тётушка моя тот факт подтверждает, - добавил Кирилл Ртишев, - Хорошо запомнились слова Государя, напечатанные в газетах: «Прекрасный порыв охватил всю Россию, без различия племён и народностей. Отсюда, из сердца Русской земли, я посылаю моим храбрым воинам горячее приветствие. С нами Бог!» Кроме большевиков, все фракции Думы призвали в эту минуту сплотить-

ся вокруг правительства. Молодые офицеры боялись не поспеть на войну, думая, что она продлится несколько месяцев. Увы, недолгим оказался порыв тот.

- На улицах Москвы откуда-то появлялись добровольные чтецы, которые возглашали среди площадей: «Встаёт перед врагом вызванная на брань Россия, встаёт на ратный подвиг с железом в руках, с крестом на сердце... Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой нашей империи, боремся за правое дело» и тому подобное, - продолжил Сергей, вздыхая, - Но обрадовавшись поначалу, стало горько поняв, что русское общество приняло эту войну не только как ответ на вражеское нападение. Нынешняя война стала логическим следствием политики, встречавшей одобрение либеральных интеллигентских кругов, а именно союза с Францией и сближения с Англией. Слились воедино патриотическое чувство отпора внешнему врагу и убеждение в том, что такая война соответствует стремлениям «передовой» части общества.

- Европейская война⁴⁸ Вам не Отечественная, - многозна-

⁴⁸ Войну тогда называли сначала Европейской, а не Мировой, а затем стали именовать Второй (Новой) Отечественной, или Германской и Великой. Слово «отечественная» в отношении к боевым действиям, преимущественно, на чужой территории, мало соответствовало истине и не могло вдохновить надолго. Термин «Германская» тоже не отражал всей полноты, ибо дрались и с австрийцами, но укоренился, поначалу, в народе. В советское время её называли Империалистическая.

чительно заметил Владимирцов.

- Вот именно, - добавил Межецкий, - Японская кампания почти забыта. Ошибки, похоже, нас ничему не научили. Немцы, это, как-то понятнее и ближе, чем японцы, серьёзное тоже. Война, так война, и не впервой, с германцем. Должны одолеть, нас больше, мы крупнее. С таким настроем и шёл народ, поначалу, на фронт. Помяните мои слова, что патриотический взлёт испарится уже к зиме, а война, в основном на чужой земле, не вдохновляет народ на подвиг. Стремительно и лихо мог встать народ на защиту Родины в Отечественную 1812 года, которая была коротка и шла исключительно на своей земле, против супостата. Тогда всё было ясно и понятно.

- А главное не было такой разрушительной пропаганды против правительства, - подытожил Охотин, - *Хотя народ ещё любит царя, пожалуй. Когда Царская семья прибыла в Москву для паломничества по святым местам сразу же с началом войны, народ на моих глазах проявлял самые что ни есть верноподнические чувства. И это никого не изумляло. В Кремль стекалось великое множество люда, чтобы просто увидеть Семью хоть издали.*

- В предвоенную зиму в Европе в моду входило танго⁴⁹... Тех времён уже не вернуть, - мрачно проговорил Кирсанов с изменившимся взором.

- Какие Ваши годы, капитан, - усмехнулся Дорофеев, -

⁴⁹ Танго возникло в Аргентине в 1890-е и пришло во Францию уже в 1910 году.

Возьмёте своё ещё и на женском фронте. Успеется.

В ту ночь Сергей Охотин проснулся от прикосновения к его лицу. Он чиркнул спичку и осветил злобную крысиную физиономию совсем рядом. Это мерзкое создание задело его по носу по меньшей мере хвостом, если не прошлась лапами. Охотин погнался за крысой, но к утру она изловчилась и укусила его в отместку в палец ноги и пребогато. Ранка долго гноилась и не хотела заживать.

- Да Вы бы хоть воды выпили, если чаю не хотите. Как же в бой идти без питья? Второй раз за Вами замечаю, – удивлялся на рассвете Межецкий, цедя кипяток со скудной заваркой.

- Понимаете, штабс-капитан, никак не могу себе позволить, хотя и жажда слегка одолевает со сна, - хмуро отозвался Кирсанов, - Ведь известно, что когда человек умирает – последняя капля изливается в исподнее. Как офицер может себе такое позволить?

- Ну, если так рассуждать, вся армия пить не станет и ослабеет. Бежать в атаку не сможет, капитан Кирсанов.

- Тем не менее, штабс-капитан, никак не могу себя заставить. А к смерти готовиться каждый должен. Не мочой же смердеть убитому офицеру?

Офицеры вышли на позиции. Сергею думалось, что в самом деле лучше бы и не пил он чаю, а то не ровен час – покойник. Неприятно...

- Две тысячи сто! – пророкотала команда штабс-капитана

Межецкого, моментально определившего расстояние и номер необходимого прицела.

Из окопа донёсся лязг затворов, и настала томительная пауза. Сергей подумал, что он сам здесь не совсем уместен: ведь он не сумеет толком даже разглядеть противника, не то, что с мушкой его силуэт совместить. Вновь подкатывало уже знакомое чувство бессмысленности своего пребывания на фронте, как и в тылу, так и своей писательской деятельности и даже своего отцовства. Впрочем, последнее пока ещё сдерживало позывы просто воспринимать себя как мясо для пушек.

- Пли!

Сухо и надрывно грянули «трёхлинейки». Кто-то из бегущих навстречу окопам австрийцев падал, но в целом их продвижение не нарушилось. В ушах Охотина стоял неприятный звон.

Австрийцы не слишком хотели очередной раз убеждаться в дальноточности русских трёхлинейных винтовок и начали залегать, опасаясь очередного залпа.

- Шуранём ещё разок, братцы! – раздался знакомый тенорок Карасёва.

- Ты сперва команды дождись, ефрейтор! Тоже мне командир нашёлся, - проворчал пожилой небритый солдат.

- Я-то одного уложил австрияка, дядя Елисей. А ты?

- А по мне - хучь бы и ни одного. Чаво грех на душу брать. Людики всё же...

- Такой вот человек до нас тут доберётся и сабелькой-то твою башку и снесёт, Елисеюшка, - хмыкнул второй солдатик в летах.

- А ты, дядя Еремей, как горазд, так разумеи! – пропел тенорком Карасёв.

- Елисей я, а не Еремей, - насупил брови небритый.

В ответ грянул дружный смех: те же самые подковырки слышали они не в первый раз.

- Нет у австрийцев немецкой собранности и целеустремлённости, - донеслось со стороны командира, который разговаривал вроде, как сам с собой. И, повысив голос, - Рота, как заметишь, что австрийца опять бежит – стрелять выборочно. Патроны беречь!

- О, бежит! Пали по яму, Меркул, живее! – обратился ефрейтор к молодому меткому солдату.

И действительно, первая же попытка перебежать поближе к бугру, за которым имелась возможность залечь очередной раз была пресечена метким выстрелом, и австриец растянулся на мокрой траве.

- Отобьём у вас, басурман, охоту к нам в гости напрашиваться! Молодец, Меркул, ловко глазом моргнул! Не зря смолodu на волков ходил, – балагурил Карасёв.

Рядом с их ротой стояла батарея и капитан-артиллерист надсадно кричал с кучи фасов⁵⁰ своим номерам, чтобы готовились они к залпу и не послали ни одного из бесценных

⁵⁰ Укрепление из мешков с песком.

малочисленных снарядов напрасно. Считанные снаряды лежали в беседках, приготовленные к очередному залпу.

- Двадцать пять сто, три тысячи шестьдесят, целик вправо два! - неслось из дальномерной будки, - Пли! Деришацию⁵¹ не забывай! Пли!

Со слов своих однополчан Охотин запомнил, что самые трудные из всех предметов в военных училищах артиллерия, тактика, фортификация и топография. Поэтому он с почтением прислушивался к сухим кратким командам, доносящимся с соседней небольшой батарее. Орудия сухо, но оглушительно рывкнули.

Тут издалека донеслась громогласная басовитая команда капитана Кирсанова:

- Батальон! Его Высокоблагородие подполковник Палагин велит в наступление! Вперёд!

Межецкий подхватывает его слова и передаёт дальше по линии окопов, а сердце Сергея уже бьётся чаще обычного. Вспоминается красный гаолян на просторах Маньчжурии и трепещущие кишки юного солдатики, развешанные на нём. Охотин собирает всю волю в кулак, понимая, что он, как офицер, должен выскочить из окопа первым, подавая пример солдатам и только это важно сейчас, а всё остальное - нет! Он делает неуклюжее движение вперёд и соскальзывает по липкой глине, провалившись назад в окоп:

- Проклятие! Даже на такое не способен, - тихо себе под

⁵¹ Отклонение снаряда от плоскости стрельбы по причине нарезов ствола.

нос и тут же, - Рота, вперёд! – орёт истошно не своим голосом и снова лезет вверх.

Рядом уже выпрыгивают более проворные пехотинцы и Сергей бежит, прихрамывая, рядом с ними.

- В цепь растянись! – до хрипа срывает голос Межецкий, опередивший всех, - В цепь говорю, остолопы, перебыют вас так, неучи чёртовы!

Над головами несутся пули, но похоже, что пулемёта напротив них не оказалось и это спасало. Главное было пробежать, пройти мёртвую зону перекрёстного обстрела. Нерешительно наступавшие всего несколько минут назад австрийцы уже бегут к своим окопам, вообразив грандиозный натиск русских, или неизвестно что. Неслись так, что им завидовал каждый из атаковавших противников. Но тут начинается что-то непредсказуемое: доносится отдалённый жуткий гул, и вот уже над головой воют тяжёлые снаряды. Народ узнаёт это страшное «явление» по звуку. Наиболее слабые падают, закрывая головы руками.

- В бой! Вперёд! – доносится откуда-то уже издалека надорванный голос, переходящий в хрип – Межецкий бегал лучше юных новобранцев в свои сорок пять.

Сергей напрягается изо всех сил, желая оказаться у окопов неприятеля рядом со штабс-капитаном, но тут что-то невообразимое загрохотало вокруг, оглушая и не давая ни о чём больше думать, вызывая лишь один животный страх. Сергей спотыкается обо что-то, оказавшееся чьей-то ото-

рванной ступнёй в ботинке с обмотками. Последнее, что видит Сергей - голова меткого стрелка Меркулки, оторванная осколком и повисшая буквально на одной жилке; мигом почерневшее от дыма и летящих кусков глины небо. Охотин нашёл себя целым и невредимым, лежащим в неглубокой воронке, вымазанным жижей. Даже винтовка его лежала рядом в грязи. Могла ли она ещё стрелять это уже был другой вопрос. В ушах звенело, но не отдавалось болью, которую следовало ожидать при контузии. Он медленно встал и побежал вперёд. Лишь спустя некоторое время, когда дым совсем развеялся, он сообразил, что бежит назад, потеряв ориентацию. Устыдившись, Сергей сразу бросился в сторону окопов противника. Несколько раз он чуть было не споткнулся о тела своих батальонцев, чуть не повис, зацепившись за заграждения из колючей проволоки, чуть не угодил в волчью яму. «Подстрелят слегка и ляжешь помирать тут в грязи и жиже. Скорее бы миновать простреливаемую зону...» Вновь грохнуло где-то рядом, да так, что сердце упало, и Сергей залёг на мгновение за старой подбитой санитарной фуфурманкой. Затем, пробежал немного и неожиданно остановился у самого вражьего окопа, в котором никого не оказалось.

- Подпоручик, Охотин! – раздался почти рядом сорванный голос штабс-капитана.

- Да, капитан! Вы в порядке?

- Я-то - да, но не вижу никого из солдат. Накрыли нас виртуозным артманёвром, есть чему у них поучиться. Неужели

всех перемолотило? Не может быть! А их атака была для отвода глаз, чтобы нас выманить, да положить побольше, - добавил он зло.

- Может кто из солдат отлѣживается? А кто назад повернул. Ведь жутко было, а народу много молодого, не обкатанного.

- Да, простить такое сердцем можно. Но теперь пора бы всем развить натиск. Хотя бы для того, чтобы захватить эту полосу обороны противника, удержать передовую линию окопов, - и отдышавшись, Межецкий вновь заорал надтреснутым голосом, - Батальон! За мной!

Откуда-то выползли солдаты и подтягивались к своему капитану. Появился и Карасѐв, колобком подкатился, только не маслом смазанный, а грязью.

- Растянуться по окопам противника! – скомандовал капитан, - Занять оборону!

- Да тут и пожить кое-чем можно! – раздался весѐлый голос ефрейтора, - Гляди, народ - короб с печеньем! Любо-дорого смотреть! Зришь, Елисей? А вот и косуха⁵² водки! Живѐм!

- Забрать надо, покуда никто не увидел, - забормотал сутливый рядовой Пеньков – известный в роте барыга, испуганно озираясь. Он уже раскрывал свой ранец, чтобы набить его припасами.

- Кого испугался, Пеньков? Дяденьку австрияка? Совсем

⁵² Косуха, или косушка – мера в полбутылки.

ополоумел, - усмехнулся Карасёв.

- Господин ефрейтор, спасти брата маво надо бы, - взмолился прыгнувший в окоп, трясущийся до сих пор от ужаса совсем ещё юнец, - Умирает брательник мой!

- Сиди, ни с места! Скоро санитары придут и сделают своё дело, а мы если назад полезем, опять накрыть может.

- Никому не проявлять инициативы и не вылезать из окопов без моей команды! – рявкнул капитан, меньше других вымазанный грязью.

Мальцева было трудно узнать. Он сидел бессмысленно покачивая головой и вращая белками глаз на закопчённом лице.

- Что с тобой, Коронат? – подошёл к нему Межецкий, - По-моему его контузило. Санитаров бы поскорее.

- Голова... уши... – невнятно бормотал прапорщик.

- Контужен. При первой же возможности постараемся отвести его назад. А заодно и брата твоего. Найдешь его? Где он лежит?

- Боюсь поздно будет Ваш-бродь... – ответил уже как-то безучастно солдат.

Вдруг пустырь охватил неожиданный гул голосов. Зазвучало «ура!», и батальон с удивлением увидел цепи свежих ещё не грязных и непуганых солдат, быстро и бодро бежавших им в спину. Впереди цепей возникли знакомые фигуры одна высокая и статная, а вторая мелкая и очень худая: Кирсанов и Владимирцов вели Третий батальон на подкреплении.

ние им и развитие натиска.

- Вот, уломал капитана поддержать нас. Момент выдался удачный: австрийцы никак нас не могут ожидать после такой артобработки. Но наш солдат не лыком шит! – заговорил, подбежавший, Кирсанов, - наш спаситель капитан Владимирцов рискует получить отставку в случае провала, или очередного Георгия⁵³ в случае удачи – прорыва второй линии. Туман лёг между двумя линиями уж очень кстати и он прикроет нас.

- Вперёд, друзья мои, не время для разговоров, только вперёд, прошу вас всех! Только быстрота ног с решительностью могут спасти нас и привести к победе! – прокричал Владимирцов своим людям и батальонам Кирсанова.

От обоих батальонов едва ли набрался бы один полноценный⁵⁴, но духом Владимирцов был ещё силён и они понеслись вперёд как угорелые. Кирсановцы едва поспевали. В мозгу бегущего Охотина стучат одни и те же слова: «Достичь второй линии, либо лечь пушечным мясом, третьего не дано!» Наиболее быстроногие и в их числе сам щуплый на вид Владимирцов уже ударяют в штыки по оторопевшим, расслабившимся было после ложной атаки, австрийцам. В следующий миг Охотин оказывается в окопе и на него тут

⁵³ В иерархии российских орденов имелась одна награда, офицерский Георгиевский крест, которой стремились обладать даже все Романовы, но далеко не все сумели её получить. Она давалась только за риск и отвагу. Этот орден учредила Екатерина II в ходе первой Русско-турецкой войны (1768-1774 гг.)

⁵⁴ Пехотный батальон составлял тогда 1300 человек.

же обрушивается дюжий австриец, который норовит то кольнуть его штыком, то огреть прикладом. Сергей откидывается к брустверу и неожиданно винтовка его, стукнувшись о стенку траншеи, выстреливает и пуля пробивает живот австрийца навывлет. Надолго запомнил Сергей совершенно растерянный взгляд этого приятного на вид мужчины, когда тот посмотрел на свой вжавшийся от боли живот, а потом перевёл глаза в сторону врага и встретился ими со своим убийцей. Человек этот попытался ещё раз замахнуться прикладом, но покачнувшись и стал медленно сползать на дно окопа в большую лужу мутной воды. Желания добить его штыком у Сергея не возникло, сама мысль об этом казалась ужасной, и он постарался поскорее отвернуться от содеянного и не видеть никогда больше этого человека. Охотин знал, что если он ещё раз посмотрит в глаза австрийца, то кинется перевязывать его страшную рану. А некоторый опыт перевязок он имел со времён работы в лазарете в Японскую. Зов долга повлёк его на помощь батальонам. «Нет, право, куда лучше бежать под обстрелом на милость потока свинца, чем резать друг друга в упор, глядя в глаза» - думалось Охотину. В следующий миг Сергей с удивлением увидел, как маленький тщедушный Владимирцов мастерски одолел грозного усатого австрийского офицера на шашках и принялся за второго. Кирсанов крушил врага своей шашкой направо и налево, выигрывая от роста и длины своих рук.

- Наддай яму! – хрипели пехотинцы, добивая штыками

остатки австрийских солдат на дне окопа, - Наддай яму, мясо собачье! Так яму гаду! – чавкающий звук рвущейся плоти.

- Батальон, вперёд! – доносились рёв из лужёной сипловатой глотки Владимирцова и бас Кирсанова. Межецкий же и вовсе сорвал голос.

Охотин понял, что в рукопашной он своим не помощник и принялся стрелять в сторону подбегавших из бокового окопного отвода австрийцев. Меткость тут не была важна, а следовало лишь срочно остановить их продвижение беспорядочной пальбой. Охотин сумел сообразить это и претворить задуманное в дело. Если бы он не задержал эту группу солдат противника, они могли бы ударить в тыл не ожидавших такого батальонцев и пролилось бы ещё немало русской крови. Вторая линия обороны была успешно занята к вечеру и последовала беспокойная ночь, в ходе которой тяжёлые австрийские орудия нет-нет постреливали по недавно ещё своим окопам. Перед самыми сумерками Межецкий поблагодарил Охотина за проявленный тактический ход и пошёл назад с десятком-другим солдат собирать выживших, чтобы помочь медленно продвигавшимся санитарам. Он не забыл прихватить несчастного Мальцева, всё ещё сидящего на том же месте. При движении прапорщика рвало. Не забыл штабс-капитан и своё обещание тому солдату помочь найти его старшего брата. Нашли, но уже лишь затем, чтобы похоронить.

4. Условия Игры

«Я поднял глаза к небу и опустил их к земле. И сказал себе: то и другое должно стать британским. И мне открылось... что британцы — лучшая раса, достойная мирового господства»

Лорд Сесил Родс

«Наши консулы, наши агенты в Турции и Индии должны побудить всех магометан к яростному восстанию против этого народа торговцев... лицемерного и бессовестного. Пусть мы пожертвуем шкурой, но и Англия должна, по крайней мере, потерять Индию!».

Классическое выражение чувств участника Большой Игры – самого Вильгельма II

«С русскими невозможно договориться. Наш цивилизованный цинизм разбивается о пафос их средневековых душ».

Из беседы А. Гитлера с Н. Чемберленом.

Последние лучи заходящего солнца золотили тёмный металлический шпиль дарджилингской⁵⁵ неоготической церк-

⁵⁵ Дарджилинг – городок южнее буддистского княжества Сикким, основанный британцами в начале XIX века как контрольный пункт, ставший вскоре местом отдыха британских военнослужащих, поскольку он расположен в предгорьях и имеет приятный климат. Одним из таких курортных зон для военных стала Дха-

ви святого Эндрью, а за гребнем хребта, на котором располагался необычный городок, тень горы уже погружала косматые кроны леса в сумерки. Шум, доносящийся с Молл-стрит, стихал. Спускалась долгожданная прохлада вечерней зари. Несколько британских офицеров колониальной службы вышли из помещения офицерского собрания на балкон, чтобы насладиться закатом.

- Это просто бегство от жары и духоты индийских равнин, джентльмены, и ничего более, - обратился к офицерам-сослуживцам в середине сентября 1914 года высокий ещё юный бравый кавалерист с безукоризненным прямым нафиксатуаренным пробором на прилизанной светло-русой голове, с аккуратными завитыми тёмными усиками и холодным взглядом стального цвета глаз, - Потому мы здесь. Иметь право насладиться раз в году человеческим климатом после этого ада долин.

- Кто забирается повыше в Гималаи начинает сетовать на холод, сэр Пёрсивал. Нашим офицерам не угодишь. Берите пример с этих чертей русских: даже на Памире зимуют и ни сибирские морозы, ни туркестанское лето в Каракумах не останавливает их плавного и неумолимого растекания по Азии, - возразил кавалеристу Первого Бомбейского полка крепко сбитый плечистый майор Бенгальского пехотного полка, отрывая на секунду массивную дымящуюся чи-

руту⁵⁶ от крепких гладко выбритых челюстей под пышными чёрными усами с проседью. Щетины его усов были подстрижены с точностью до сотой доли дюйма.

- Остаётся добавить наше извечное опасение, стоящее нервов всему индийскому контингенту нашей армии уже на протяжении целого столетия: скоро они отнимут Жемчужину Британской империи, - ослабился красивым чувственным и нервным ртом офицер кавалерии, утрируя свой оксфордский выговор, - Русские уже проникли в Персию, давно претендуют на афганский рынок. Даже норовят проложить Трансперсидскую железную дорогу от русского Закавказья до Афганистана, а то и до Индии. На что смотрит могучая Великобритания? Не осталось «ястребов» в политике?

- Давайте не будем сегодня о грустном, джентльмены - ворчливым тоном бросил огненно-рыжий длинный тощий и нескладный, особенно рядом с изящным кавалеристом, молодой артиллерийский офицер, - Не забывайте, что нынче мой день рождения. Наполним бокалы!

- Помним, помним, дорогой наш Килпэтрик, - улыбнулся сэр Пёрсивал Спенсер баронет Рэтклифф с неуловимым оттенком снисхождения, выпятив вперёд энергичный чисто выбритый подбородок, - Джентльмены, завтра на рассвете предлагаю отправиться к обрыву Тигрового Холма, чтобы созерцать блеск ледников Канченджанги⁵⁷ с первыми луча-

⁵⁶ Чирута – азиатская сигара, обрезанная с обоих концов.

⁵⁷ Канченджанга – третья по высоте вершина планеты на границе Непала и

ми солнца! Если повезёт, то будет виден и Эверест. Не будет ли это достойным зрелищем для вновь родившегося Килпэтрика?

- Неплохая мысль. Похоже, что муссоны уже почти отыграли своё и на заре вершина будет видна, - заметил майор, сбивая пепел с кончика сигары.

- Неужели вы хотите во время заслуженного отпуска опять вставать до рассвета и переться на лошадях в потёмках добрых пять миль? – неподдельно удивился Килпэтрик, теребя рыжий ус под острым прозрачным носом и хлопая круглыми глазами, которые на общем фоне тоже казались рыжего цвета.

- Иной раз полезно встряхнуться, мистер Килпэтрик, - небрежно бросил Пёрсивал с иронией, - Заодно поменьше вливать в себя вина и виски, предшествующим встряске вечером. А пока пьём за нашего любезного Килпэтрика, джентльмены!

- А что вы думаете, господа офицеры, об этом русском ренегате, который прибудет сюда со дня на день? – спросил смущённый ответом рыжий артиллерист, опустошив в свою честь первый стакан виски.

- То, что с его прибытием нашему отпуску придёт конец, - вяло ответил майор, удовлетворявший свой более скромный вкус привычным бренди, - Придётся работать, господа. Вместе с ним приедет и наше начальство. Так что, пользуй-

тес случаем взглянуть на Канченджангу – на Пять Сокровищниц Великих Снегов, как её ласково называют туземцы. За эту панораму предпочитаю Дарджилинг самой Дхарамсале с её комфортабельнейшими пансионами. Наслаждайтесь крикетом и гольфом последние деньки.

- А что мы можем сказать о самом русском перебежчике? – добавил баронет и ответил сам на свой вопрос, - Очевидно, что продувная бестия. Ещё вопрос: а не русский ли он шпион? Что Вы думаете на этот счёт, майор?

- Никогда не следует исключать этого полностью, но он передаёт нашим немало интересных сведений, а кроме того, если мы и пошлём его назад с заданием, то не станем же мы раскрывать ему наши секреты? Ну перебежит он назад, и что? А если в самом деле он горит желанием получить жалование британского, а не русского офицера, да ещё и резидента, то понять его, как перебежчика, тоже можно. Но всё едино – подлец. Ведь давал же присягу.

- На таком окладе их царь не удержит достаточно достойных офицеров.

- Говорят, что быть офицером для них – вопрос чести, а не денег, - спокойно возразил майор.

- В нашей семье русских не любят со времён Крымской кампании, где пал весь цвет Британской кавалерии, а в их числе и немало юных членов нашего семейства, - мрачновато сказал сэр Пёрсивал, - А потому отнюдь не горю желанием лицезреть этого ренегата. И это помимо брезгливого чувства

к предателю, как таковому.

- Но, друг мой, уж в плодах Крымской-то кампании не нам винить русских, - усмехнулся майор, - Кто на кого напал? А кого винить в бездарной атаке под Балаклавой, которую Вы упомянули, как не наше начальство? Из-за него погибло столько лучших кавалеристов, а то, что от русской картечи и пуль, так это уже второстепенно. Картечь могла быть и германской.

- Логика за Вами, майор Брайдон, но эмоции остаются эмоциями. А потому мне было очень неприятно слышать, что наше руководство готово закрыть глаза на то, что русские приберут к рукам Проливы в награду за то, что они спасли месяц назад Францию. Если французы делают в штаны сперва от страха, а теперь от радости, то причём тут мы и Проливы? Что за уступчивость с нашей стороны после стольких лет непримиримости? У кабинета Дизраэли надо учиться. Вот когда собрались подлинные «ястребы»!

- Не знаю с чего Вы так восторгаетесь этим старым хитрым евреем, баронет, но мне кажется, что наш вице-король прекрасно отдаёт себе отчёт как следует вести себя с русскими в этом регионе. Ну а Проливы вряд ли достанутся русским. Это так, временное обещание, чтобы хоть чем-то соблазнить царя с его религиозными эмоциями в отношении Константинополя. Предлагаю тост за Муркрофта и ему подобных, джентльмены! Вот кто истинно достоин нашего подражания, как и герои времён более отдалённых – Веллингтон, наконец,

сэр Уолтер Рэйли и Чёрный Принц. Но герои Ост-Индийских королевских войск нам ближе. За славных сэра Бёрнса, Конолли, Поттинджера, Стоддарта, Эббота⁵⁸! – с этими словами майор Джеймс Брайдон поднял стакан с бренди.

- В нашем славном Первом Бомбейском полку служил сам Бёрнс! – гордо сказал баронет.

Грянуло «ура» и зазвенели бокалы.

- А как Вы смотрите на мистера Янгхасбэнда, джентльмены? Не достоин ли и он наивысших похвал? – спросил Килпэтрик, выпучив водянистые круглые глаза.

- Не стал бы сюда примешивать этого выскочку, расстреливавшего обезоруженных тибетских лам тысячами, - покачал головой майор Брайдон, распечатывая квадратную пачку печенья «Petit beurre» и пачку знаменитого шоколада «Gala-Peter» в качестве закуски, - Уже в конце прошлого столетия не стало таких ярких имён, которые были до второй кабульской заварушки. Нам следует ориентироваться на господ офицеров до неё.

- Всё хотел спросить Вас, баронет, не от самих ли Стюартов идёт Ваш род? – вдруг оживился рыжий артиллерист, собравшийся в комок после отповеди майора.

- Берите поглубже. Наш род более древний.

- Не от Тюдоров ли, баронет?

- От самих Плантагенетов, но, честно говоря, от их бастар-

⁵⁸ Майор перечисляет всех известных с британской стороны участников Большой Игры середины XIX века.

дов, что по прошествии стольких веков позволяет гордиться и этим, - улыбнулся сам себе в усы Пёрсивал, - Но и Ваш род достаточно известен, не так ли?

- Да что Вы! – уклончиво ответил рыжий, жадно припадая к виски, - Я едва ли могу подписываться эсквайром... То есть, Вы имеете в родовом гербе тот же побег ракитника⁵⁹?

- Не буду лгать. Тот «побег» в нашем гербе давно утерян. А может король не позволил незаконнорождённому сыну использовать его мотив. Даже не знаю. А времени на занятие геральдикой нет.

На утро все трое, ещё затемно, тронули лошадей в сторону Тигрового Холма. Тянул лёгкий ветерок со стороны Гималаев и было весьма прохладно.

- Всё же здесь добрых семь тысяч футов над уровнем моря, - проворчал баронет, запахивая отвороты белого чесучового костюма.

- Вы словно в театр собрались, сэр Пёрсивал, - усмехнулся майор, остававшийся повсюду в неизменной аккуратно подогнанной униформе и сером пробковом шлеме.

Огненно-рыжий Килпэтрик, несмотря на головную боль после излишних возлияний в честь своего дня рождения, всё хвалился своей новенькой трехстволкой Зауера с нарезным нижним стволом под пулю и верхними для дробы. Молодой

⁵⁹ Само слово «Плантагенет» возможно происходит от «побега ракитника» или подорожника, который был личным символом-знаком, но не гербом Генриха II, первого короля этой династии, ещё в бытность его графом д'Анжу.

человек любовно поглаживал воронённые стволы и всё старался поправить неловко сидящий фетровый шлем, обтянутый зелёной кисеей, чтобы придать себе более лихой вид. Просторная охотничья куртка со многочисленными карманами, сборками и кожаными пуговицами, подтянутая широким кожаным ремнём, на котором висел увесистый охотничий нож, светло серые галифе с рыжими, под стать голове хозяина, велюровыми башмаками и, спирально обернутыми ремешком рыжими же гетрами, совместно пытались скрасить конторскую чиновничью физиономию их владельца и сохранить хотя бы ему самому надежду выглядеть удалцом.

- Вы что, сэр Арчибальд, в самом деле думаете, что на том холме водятся тигры? – невозмутимым тоном спросил сэр Пёрсивал, красующийся на рослом пегом уэлере⁶⁰.

Артиллерист сделал вид, что не расслышал, но покраснел до корней волос, что при восходящем солнце легко просматривалось на его очень белой веснушчатой коже.

- Ваш скакун, баронет, право, выше всяких похвал, - попытался смягчить такое начало поездки майор Брайдон.

- А Вы разбираетесь в лошадях, как я посмотрю, Брайдон, - усмехнулся Пёрсивал, поводя усом, - В самом деле, перед Вами отпрыск коня, взявшего первый приз на дерби в двенадцать фёлонгов⁶¹ ещё в начале столетия.

⁶⁰ Уэлеры – порода лошадей, выведенных в Новом Южном Уэльсе (Австралия), пользующаяся успехом в Индии.

⁶¹ Фёлонг равен 201 метру. Применяется преимущественно в отношении ди-

Вскоре все трое стояли у обрыва, созерцая сияющие в дали грандиозные ледники третьей вершины мира. Зелёные просторы Сиккима ещё лежали в предрассветной мгле, а крупные вершины уже ослепляли своим блеском глаза, отвыкшие за ночь от яркого света. При небольшой доле фантазии на стенах гигантской Канченджанги можно было разглядеть именно пять полос могучих ледников.

- Джентльмены! Вы видите какая грандиозная и непостижимая красота сокрыта в этих землях, - заговорил вдруг взволнованно-пылким тоном обычно надменно-ироничный великосветский сноб Пёрсивал, - Я хочу сказать, что земли эти должны оставаться достоянием Британской короны и никогда не попасть в лапы русского медведя!

- Одобряю Ваш тост, лейтенант, - невозмутимо отозвался майор Брайдон, извлекая из кармана металлическую фляжку в коже и несколько компактных стаканчиков, - Доброе шотландское виски на рассвете с видом гималайского гиганта... Прекрасно, не так ли?

Когда трое всадников вернулись после утренней прогулки, в Дарджилингском офицерском собрании их встретили взволнованные бэтмэны, то бишь по-русски – ординарцы, с известием о том, что уже прискакал взмыленный посланник от полковника Мак-Грегора потому, что поезд пришёл раньше времени и само начальство прибудет к завтраку.

- Проклятие! Не ожидал я такой прыти от старого толстяка! – проворчал под нос майор.

Уже через полчаса в дверь собрания звучно постучал адъютант полковника Мак-Грегора – холёный юноша-кавалерист с внешностью вербного херувима, а спустя несколько минут вошёл сам Мортимер Гилберт Мак-Грегор – тучный седой человек не менее пятидесяти лет с тяжёлой челюстью и свирепым тёмным взглядом. Трое офицеров вытянулись в струнку, отдавая честь. За полковником в помещении оказались небольшого роста стройный подтянутый сорокалетний кавалерийский капитан Элиас Эдмонд Хаксли, не расстающийся со своей изогнутой трубкой, перебежчик Александр Блудов собственной персоной, ещё пара невысоких чинов и один штатский с заметной военной выправкой и перевязанной рукой.

- Прошу приветствовать, джентльмены, штабс-ротмистр Алекс Элиас Блюдоу, наш русский друг, - протянул, пожёывая сигару, полковник Мак-Грегор кавалер ордена Бани⁶².

- Рады приветствовать Вас, сэр, на нашей земле, - улыбнулся майор Брайдон.

- Благодарю, джентльмены. Очень рад вас встретить, - отвечал с заметным русским акцентом миловидный, по-британски гладко выбритый, сероглазый шатен штабс-ротмистр Блудов.

⁶² Один из старейших орденов, названный по обряду омовения, совершаемому при посвящении в рыцари.

- Потрудитесь распорядиться приготовить достойный ужин, майор, - первым делом сказал запыхавшийся полковник, - У меня с собой имеется отменный повар, знаток французской и итальянской кухни – генералы завидуют, а уж где тут раздобыть свежей добротной провизии Ваш бэтмэн, надеюсь, достаточно сведущ.

- Я прослежу за этим делом, сэр! – лихо козырнул полковнику молодой адъютант с румянцем на нежном безусом ещё лице, обрамлённом завитыми снизу русыми волосами.

- Мистер Блюдоу, - обратился к ренегату полковник, - С некоторыми из этих офицеров Вы будете скоро направлены в Туркестан. Они помогут Вам беспрепятственно добраться до границы. Многие из них - знатоки Гималаев и Афганистана. Скоро установится сухой сезон и вашей маленькой экспедиции будет не трудно пересечь горы. Задание Вам известно. Остаётся утрясти некоторые детали, а главное Вам самим продумать всё, войти в своё новое положение там, проиграть в голове все нюансы.

- Непременно, господин полковник. Именно это я и намеревался сделать в оставшиеся дни. А когда и с кем мне предстоит переход?

- Как только придёт циркуляр из штаба это станет ясным, - ответил капитан, попыхивая изящно изогнутой трубкой.

- Но и Ваши личные пожелания, как с Вашей стороны, мистер Блюдоу, так и со стороны наших офицеров будут учитываться. Вы пообщаетесь сегодня вечером, а завтра скажете

своё мнение, и мы телеграфируем в Калькутту. Это повлияет на конечное решение об участниках, - добавил полковник, вытирая тонким шёлковым платком пот со лба.

- Если мы будем пересекать угожья Читвана, то и я с вами, джентльмены, - рассмеялся баронет, задрав свой хищный резко очерченный нос, но когда он перехватил мрачный взгляд полковника, понял, что совершил оплошность, - Шу-чу, джентльмены...

- Уж не вообразили ли Вы себя принцем Эдуардом, лейтенант?

- Читван - это охотничье угожье у подножья Гималаев, - объяснил русскому невнятным сиплым шепотком могучего сложения короткошей капрал Калёб Бэрроуз, еле шевеля массивной челюстью, - Дичи там видимо-невидимо и король Непала сделал этот лес своим охотничьим угожьем. А когда нынешний король Эдуард приезжал туда, непальский монарх устроил королевскую охоту, на которой британский принц подстрелил за день двадцать три тигра, одного носорога и одного гималайского медведя. С той поры попасть туда – мечта каждого офицера Ост-Индийской армии.

- Двадцать три тигра?! – повторил Блудов, - Так скоро и тигров у вас не останется...

- Зато туземцы вздохнут свободнее. Ведь немало тигров становятся людоедами. Человек – простая добыча, если он безоружен, а незаселённых земель всё меньше, - услышав слова русского добавил Брайдон, - Да и не британские это

территории. Там всё на усмотрение короля Непала. Что касается наших владений, то сама баронесса Кёрзон-Кедлстон учредила в пойме Брахмапутры заповедник для ограничения охоты на носорогов⁶³.

- Не означает ли это, что ограничения распространяются только на туземцев? - улыбнулся русский.

- *Всё это не большие цифры. Вот в прошлом веке некий майор Роджерс порешил за свою охотничью карьеру в Индии и на Цейлоне тысячу четыреста слонов. Правда, погиб он потом от удара молнии. Нехорошо закончил,* - сказал Бэрроуз.

- Мистер Блюдоу, - заговорил вновь сэр Пёрсивал, - я слышал, что ваш генерал Скобылеф после захвата Геок-Тепи заявил, что не верит в индийский поход русских ближайшем будущем. Так ли это?

- Совершенно верно, лейтенант, - с многознающей улыбкой ответил Блюдов, - Именно такого было его мнение в тот период.

- *А полковник Кери, начальник штаба Мадрасской армии, говорил, что «нет благоразумного человека, который бы сомневался в том, что русские дойдут до Гиндукуша. Неужели непонятно, что в Азии всё держится скорее обаянием, чем силою, и что прикосновение к Индии будет равносильно*

⁶³ Имеется в виду будущий охотничий резерват и национальный парк Казиранга (с 1968 года) в штате Ассам. В 1904 году супруга вице-короля Индии сама ездила в Казирангу для осмотра будущего резервата.

гибели Англии?» - неожиданно прозвучал тихий, но уверенный в себе голос человека в штатском с перевязанной рукой, - Мне эти слова кажутся весьма убедительными.

От этого до поры неприметного неброского худого человека с круглыми холодными глазами на невыразительном лице исходила какая-то особая сила духа и уверенность в себе, что почувствовали многие.

- Прошу прощения, джентльмены, так устал с дороги, что забыл вам представить капитана *Фредерика Маришмана Бейли* недавно удостоенного престижнейшей медали *Мак-Грегора*, моего дядюшки, бывшего главы разведки *Индийской армии*. А медаль сию капитан получил за исследовательский вклад в дело обороны *Индии*. Уж он-то понимает, что нашу *Жемчужину* бережно охранять и оборонять просто необходимо. Исходил чуть ли не все *Гималаи* и *Гиндукуш*. Начал службу в *Индийской армии* с самого начала столетия. Находился в составе экспедиции *Фрэнсиса Янгхасбэнда* в *Тибет*. Побывал тогда в самой *Лхасе*. После этого много раз путешествовал по *Гималаям* и *Тибету* в одиночку за что получил *Золотую медаль* - высшую награду *Королевского Географического общества*. Так я говорю, капитан?

- Совершенно верно, сэр, - последовал чёткий сухой ответ. - Но что с Вами было дальше не знаю, уж расскажите сами, капитан *Бейли*.

- С 1905 года я состою на *Индийской политической службе*, подразделении *Гражданской службы* и сейчас состою в

Индийском политическом департаменте, который больше всего интересуют территории сопредельные с Вашей Империей, штабс-ротмистр Блудов (Бейли оказался единственным из присутствующих кто не исковеркал имя штабс-ротмистра. Создавалось впечатление, что он владеет русским). Много времени провёл в Южном Тибете, а в 1911-ом был в составе экспедиции в северный Ассам.

- *Карательной экспедиции, не так ли, сэр?* – спросил майор Джеймс Брайдон с самым невинным видом.

- *Да, таковы были её цели, сэр,* - с непроницаемым выражением лица ответил Бейли, лишь пошевелив щёткой усов под широким носом.

- *Наш капитан - человек излишне скромный и не хочет упоминать, что этим летом он прочитал лекции о своих путешествиях, после чего сам король посвятил его в кавалеры Ордена Индийской империи,* - сказал полковник.

- *Ну а потом меня послали во Францию с Индийским экспедиционным корпусом, где немецкий снайпер очень постарался попасть мне в руку, джентльмены,* - улыбнулся сэр Фредерик, - Больше мне и нечего рассказать.

- *Полежав с неделю в лондонском госпитале, капитан вновь прикомандирован к Индийской армии и будет послан на Средиземноморский театр действий, если я не ошибаюсь.*

- Кажется в Галлиполи. Против германских приспешников-турков. Захват Проливов затянулся. На сей раз придёт-

ся руководить штурмовым отрядом непальских гуркхов⁶⁴. Отчаянные ребята, – по-прежнему тихо и безэмоционально сказал Бейли.

- Наслышаны и мы уже о храбрости этого горного народа, - заметил русский офицер.

- Ваши кавказцы тоже весьма боевитые ребята, штабс-ротмистр, не так ли? - бросил майор.

- С туземными полками мы можем и на штурм. Но что проку от нашей сипайской конной бригады? Мямли... - усмехнулся баронет.

- А что, лейтенант, Вам хотелось бы в место пожарче не в климатическом плане? – насуплено спросил полковник Мак-Грегор.

- Кто же из истинных офицеров не хочет сейчас на европейский театр военных действий, сэр?

- Что же, приятно слышать, что не перевелись лихие рубаки и у нас. Ибо наша политика и стратегия не слишком располагает к настоящим солдатским «тренировкам». Вот и закрадывается порою мысль, что мы уже не можем равняться с русскими, у которых военная практика случается чаще и их армию составляет основная этническая группа, в отличие от тех, кого посылаем вперёд мы... Со времён небольшой встряски в Южной Африке множество молодых офице-

⁶⁴ Сто тысяч гуркхов приняли участие в Первой Мировой войне. Они сражались во Франции, Месопотамии, Персии, Сирии, Палестине. Один из отрядов гуркхов помогал Лоренсу Аравийскому.

ров-выпускников и не нюхало пороха, - проворчал полковник.

- Армия деградирует, джентльмены, - резко вмешался Килпэтрик, сделав глаза ещё круглее.

- Да уж... - многозначительно добавил баронет, глядя на него.

- Не стоит вновь запугивать самих себя русскими, джентльмены, - сказал Бейли.

- Мне кажется, что русские ещё сильнее тем, что они не знали всех условностей западно-европейского рыцарства, - поддержал тему Пёрсивал, - Наполеон Бонапарт был того же мнения и ваш Лео Толстой, - добавил он, глядя на Блудова.

- Рыцарства как такового у нас не было, но примеров рыцарской отваги и самопожертвования в самых разных войнах хоть отбавляй, - заметил на это Блудов.

- *«Война и мир» для нас неиссякаемый источник изучения психологии русского офицерства*, господин штабс-ротмистр, баронет прав, - вставил Брайдон.

- Могу поверить, но это ещё не значит, что идеалы рыцарства нам чужды.

«А уж Вам-то лично видно очень уж близки, многоуважаемый мистер изменник» - усмехнулся в усы баронет.

- А почему в русской армии нет мулл, а только православные или иные христианские священники? – поинтересовался майор.

- *Русская армия условно считается христианской. Она*

на страже всего христианства – «воинство Христово». Такова задумка была. Магометан в армии не так много, поскольку всё население Туркестана призыву не подлежит. Татары встречаются, но пока ещё слишком мало. Та часть казаков, которая из инородцев, по большей части пока ещё православная. Но не христиан становится в армии всё больше. Даже иудеев стали призывать. Начали их призывать, поначалу крещённых, уже в двадцатые годы прошлого столетия. Если понадобится и мулл и раввинов, хоть браминов они найдут, - сострил Блудов, но по невесёлым взглядам окружающих сообразил, что это место не очень подходит для шуток в адрес Британской Индии.

«Они найдут...» - интересно, стало быть ты сам уже не «они». Но и не «мы»... - подумал Брайдон, пронизывая русского тяжёлым взглядом своих тёмно-синих суровых глаз.

К полковнику подошёл взмыленный адъютант и что-то тихо проговорил почти что на ухо.

- Что телячьего мозга и у буддистов туземных нет? Чёрт знает что! Ладно бы - у индусов. Не видать нам нынче и бычачьего филе. Ладно, валяйте из петушьих гребешков с белыми грибами. С моим вином пойдёт, - пробурчал невнятно полковник, - Поторопи их, Хауксби. Чёрт бы их побрал.

Часа через два офицеры были приглашены к столу. По местным меркам стол ломился от обилия яств и бутылок с изысканными напитками.

- Джентльмены, - торжественно объявил полковник, - на-

дежды мои на то, что в этих краях, где уже мало браминов, удастся раздобыть телячий язык в соку, или хотя бы седло барашка с бретонским пюре, не оправдались. Но то, что стоит на этом столе приготовлено человеком, знающим толк в европейской кухне. Когда я был в последний раз на родной земле, мы с ним постарались на прощание погурманствовать на славу. Чего только он не приготовил в прощальную неделю! Были тогда и перепелиный паштет, и суфле, и пулярки, и омары по-парижски со спаржей, артишоками и Шато-Лафит. Нет у азиатов ни малейшего чувства вкусной и здоровой пищи, джентльмены. Вот чем трудна наша служба здесь, а не только скверным климатом. Даже супы черепаховый и а-ля Кресси отведали мы на прощанье! Честно говоря, наши союзники французы знают толк в еде лучше нас.

- Пред нами и марсала, и коньяк, и виски, и ромовый шербет, и киш, и английские бисквиты, и даже хорошо выдержанный чедар, джентльмены! Вы думаете, полковник, мы так ели до Вашего приезда? – просиял Брайдон.

- Право, полковник, стол великолепен, – ровным тоном заметил Бейли.

- Потом подойдёт и горячее блюдо, - уже потирал руки и расправлял салфетку Мак-Грегор.

- За успех нашей экспедиции к границе, джентльмены! И за успех мистера Бейли при высадке в Проливах! Главное, чтобы Проливами не завладели русские! – воскликнул баронет, опустошив рюмку французского коньяка.

- Так, кто из вас хотел бы в эту экспедицию, господа офицеры? – спросил полковник.

- Думаю, что меня пошлют в любом случае, - обреченно произнёс майор.

- Я бы не против, сэр! – сипло гаркнул капрал Бэрроуз, опрокидывая очередной стаканчик привычного бренди в бездонную глотку.

- Без вас обоих с вашим опытом дело уж точно не обойдётся, - усмехнулся полковник.

- Без пехоты никуда, - понимающе улыбнулся капрал.

- Я бы с удовольствием, - сказал капитан Хаксли, - природа Гималаев и сложнейшая в мире их этнография для меня очень заманчивы, а вот здоровье уже не позволяет...

Баронет сделал вид, что не слышал полковничьего вопроса. Всем стало ясно, что он не горит желанием отправляться в длительный переход, достаточно опасный, но не приносящий лавров победителя. Килпэтрик просто отмолчался с непонимающим видом.

- Я служил ещё Вдове⁶⁵, джентльмены, - веско заметил капитан Хаксли, на секунду оторвав трубку от губ, - и хорошо помню как нас послали в первый год нового столетия в Китай. В походе на Пекин нам как-то пришлось совершить затяжной марш по жаре. Примерно в одно и то же время выступили колонны войск объединённых держав.

- Бедные китайцы! Против них выступили французы, нем-

⁶⁵ Имеется в виду королева Виктория.

цы, русские, американцы, японцы и мы! Право, упоминание об этой кампании бросает меня в краску, - вставил баронет.

- Так вот, - продолжил Элиас Эдмонд, успев сделать затяжку, - всех раньше отстали французы и мы... *В наших рядах были истинные сыны Британии – рослые ребята, но жара и пыль сломили их, расклеились. Янки держались дольше, но вскоре тоже стали брести апатично, без строя, еле волоча ноги. Немцы шли ровным строем и быстрее всех долго, но потом кто-то нарушил порядок, упав от теплового удара, и вся колонна расстроилась. Дольше всех эту гонку в жару выдержали русские и фанатичные самураи.* Так-то, господа.

- Наверное, среди тех русских было много казаков, - заметил Блудов, - Они особенно выносливы, эти дети степей.

- Судя по форме они к казакам не относились. Но не в этом суть. Русские – противник не шуточный, тем более в условиях враждебной природы. Не нам с ними тягаться в азиатских горах и песках, - продолжил капитан, - Поэтому, на мой взгляд, Бог с ним, с Памиром.

- Нам надо всячески развивать альпинизм и всякого рода спорт, - сказал Пёрсивал Спенсер.

- Кажется Вы сами занимаетесь альпинизмом? – спросил Арчибальд Килпэтрик.

- К сожалению недостаточно основательно, чтобы уже сейчас отправиться на покорение гималайских высот, - вздохнул лейтенант Спенсер Рэтклифф, - Всё недосуг. Поглощают

дела Бомбейского конного полка. А вот наш майор Брайдон имеет большой стаж в покорении вершин.

- Кто серьёзно готовит альпинистов, как род войск, так это германцы, - заметил Джеймс Брайдон, - И правильно делают. А мой опыт не так велик, как Вы утверждаете.

- Им есть, где готовить кадры на собственной территории, - добавил баронет.

- В Шотландии достаточно хороших скал... – вставил майор.

- Что же, на суше мы никогда не были на должной высоте. Тем более, что касается нашей конницы — мы уступаем русским, - вставил полковник, - Великий флот – наше спасение.

- А как обстоит с альпинизмом в России, штабс-капитан? – поинтересовался майор.

- Там он в зачаточном состоянии, сэр, - махнул рукой Блюдов.

- Ваш ответ не совсем вяжется с тем фактом, что русские проходили целыми батальонами непростые перевалы Алая ещё в середине прошлого века, сэр, - со спокойной монотонностью голоса заметил Бейли. Осведомлённость этого человека невольно настораживала окружающих.

- Так, там одни казаки были. Они весь Туркестан облазили, - последовал ответ, показавшийся англичанам странным.

- Получается, что школа альпинизма существовала ещё тогда? – удивился Пёрсивал.

- Что Вы, сэр, - усмехнулся русский, - И в помине не было.

Просто казаки они... они везде пройдут. Тёртые ребята. Они страшно неприхотливы. Там, где отважный гордый и слишком брезгливый гвардейский офицер давно сложит руки, казак выживет.

- Гм... Понимаю, что казаки это почище наших гуркхов, но всё же? – недоумевал полковник.

- А Суворов через Альпы по снегам совсем давно проходил. Прикажут – русский солдат пройдёт. Даже не только казак. И через Индийские Альпы пройдёт и по тропической тайге спустится, - Блудов опять подумал, что сболтнул лишнего.

- Да. Этого нам не понять. Потому они с японцами и обогнали всех тогда в броске на Пекин, - задумчиво сказал Хаксли, - Самураи...

Бэтмэн разносил офицерам знаменитый дарджилингский чай на подносе, плетённом из побегов бамбука. Правда Бэрроуз предпочёл чашечке чая дополнительную стопку бренди.

- Пейте, джентльмены. Коммерческое производство местного чая началось почти шестьдесят лет назад и некоторые сделали на этом целое состояние, - улыбнулся Хаксли, - После Цейлона — второй центр нашего чайного производства.

- Нам следует добиться железнодорожных концессий в Афганистане и Персии, чтобы связать нашу Индию с персидским югом. Это вопрос нашего присутствия в Азии и нашего будущего вообще, - невозмутимо проговорил капитан Бейли, - Ещё генерал Робертс заявил, что «русскому «желез-

нодорожному окружению» Северной Индии и Афганистана должна противостоять соответствующая британская строительная кампания. Если Афганский эмир поддастся на уговоры, мы проложим железную дорогу в Афганистан, иначе русские постепенно займут весь Афганистан, поглощая его на свой манер маленькими кусками.

- Пока они проглотили лишь один кусочек ещё при царе Александре, - вставил майор.

- Не успеем мы оглянуться, как за ним последует второй и куда более крупный кусок. *Помните, как высказался на этот счёт лорд Кёрзон? «Русские очень серьёзно рассматривают вопрос о проникновении в Индию, причем с конкретной целью. Их реальная цель - не Калькутта, а Константинополь. Ради сохранения возможности использования колоний в Азии Британия пойдет на любые уступки в Европе. Вот вкратце итог и сущность российской политики».* Впрочем, лорд известен своим пессимизмом.

- *Покуда тори-заднескамеечник Джордж Натаниель Кёрзон не стал вице-королём Индии, его часто тянуло поскитаться по весьма странным местам – Баку, Туркестану, Москве.* Впечатлений оттуда хватало, - хмыкнул полковник.

- Вот небезынтересные заметки, - сказал капитан Фредерик Бейли, доставая из кармана блокнот, - *«России не нужны территориальные приобретения в Персии. Мы можем добраться до Персидского залива, не посягая на целостность*

Персии». Напечатано в «Русской мысли» в 1899 году. А вот и «Новое время» за 1902 год: «Пусть Англия раз и навсегда поймёт, что нам не нужна Индия, а нужен только Персидский залив, и вопрос решён!» А вот, что заявил лорд Кёрзон: «Я рассматривал бы уступку любого порта в Персидском заливе России как умышленное оскорбление Великобритании, как безответственное нарушение статус-кво и как преднамеренную провокацию к войне; я обвинил бы того британского министра, кто допустил такую передачу, в предательстве страны!» Только никак не клеится у нас в Персии. Присутствие русских там давнее и основательное. Как и с Тибетом. Год назад на конференции в Симле⁶⁶ участвовали представители Великобритании, Тибета и Китая. Тибет был признан независимым государством, но представитель Китайской республики отказался подписать протоколы конференции и сорвал всю затею. Китайцы имеют свои виды на Тибет.

- России, действительно, ни к чему лишние миллионы персидских мусульман под властью её скипетра. Это бы только способствовало развитию панисламизма, - заметил Блюдов.

После очередных обильных возлияний полковник вновь мечтательно заговорил на кулинарные темы:

- А вы знаете, господа, что значит пьемонтский, выдер-

⁶⁶ Симла — городок в Индийских Гималаях, известный монастырём, недалеко от дома Рерихов в Наггаре.

жанный в пещерном холоде, сыр? Его подают с соусом из инжирно- виноградно-грушевой горчицы, да ещё грецкими орехами. Это - поэзия, господа!

- Полагаю, что выдержанный чеддар ничуть не уступает всем этим изыскам, - резанул патриот во всех отношениях, Джеймс Брайдон.

- Ах, майор, Вам следует поехать в Италию, - Мортимер Гилберт Мак-Грегор после очередной рюмки коньяка закатил свои немного свиные глаза подальше от мешков под ними.

- Вы, штабс-ротмистр, наверное, можете объяснить нам, что такое «цуканье»? – спросил вдруг Бейли, обнаруживавший всё более глубокие познания в русской жизни.

- Как бы Вам сказать, капитан... Пожалуй, что это сорт юнкерского самоуправления. *В Николаевском кавалерийском училище всем заправляют старшекурсники. С младших берут дань работой, котлетами и даже деньгами. Но последнее не считается истинно достойным делом и случается редко. Измываются над молодыми, но и меру знают. Кто не желает подчиняться, тех выживают из училища. Надо признать, что молодые смирялись, понимая, что это своего рода укрощение духа, но также и его закалка. Избиения случаются крайне редко и наказуемы. Бывало, правда, заставляли глотать живых лягушек...*

- Русским свойственна жестокость?

- Не могу сказать, чтобы была свойственна больше, чем

прочим народам в Европе, - несколько смутился Блудов, - Вот российским правителям всегда были свойственны мракобесие и жестокость. Поэтому передовые люди России смотрят на Британскую политическую систему, как на образец для подражания.

- Вот уж во истину политическая девственность! – усмехнулся Джеймс Брайдон, посасывая сигару, - И чем это они восторгаются? Тем, что Великобритания, со времён смерти великой королевы всё больше попадает под влияние янки?

- Наверное, им там в верхах виднее, что выгоднее для политики настоящего момента... – растерялся Блудов, твёрдо усвоивший идеи кадетов.

- *Да о чём Вы говорите? Мы стоим на пороге полного поражения национальной политики Великобритании в угоду могущественным банкирским домам Америки! Война нас добьёт, и мы станем их придатком,* - махнул рукой майор.

- Неужели всё обстоит столь безотрадно?

- Кому-то это нравится. *Таким, как наш министр финансов Дэвид Ллойд-Джордж⁶⁷, купленный ими. И такие мнят*

⁶⁷ Дэвид Ллойд-Джордж (1863-1945) до 1915 года - министр финансов в правительстве либералов. В дальнейшем - министр вооружения и военный министр. С конца 1916-го - премьер-министр, председатель военного кабинета. В этот период он активно поддерживал заговор российских либералов против царя вместе с лордом Мильнером и послом в Петрограде Бьюкененом, а также послом САСШ из семьи банкиров - Фрэнсисом. Эти лица – члены тайного общества «Круглый стол», которое уже тогда стремилось к созданию международных законодательства и парламентского союза, а затем и единого мирового правительства, стремилось ввести английский язык в качестве всемирного. Самодержавная Россия

себя патриотами. Наверное, они вроде ваших либералов из Думы. Их интересует лишь власть, а их политика и лозунги легко подстраиваются под «текущий момент», как Вам угодно было выразиться. Им важнее, что скажут за океаном, чем интересы своей империи. Дэвид делает карьеру на волне либерализма, захлестнувшей всю Европу, осудив имперских «ястребов», ответственных за Англо-бурскую войну. Но когда дело дошло до аннексии Трансвааля, этот лицемер не стал возражать. А истинные патриоты, кстати симпатизирующие вашей династии, как лорд Китченер⁶⁸, уже в опале. Похоже, что и король под влиянием премьера. Но королевская власть у нас давно уже не есть определяющая сила. Бабушка его была покрепче. И при ней империя достигла расцвета. Но очевидно, что янки возьмут своё. Начинают подминать под себя всю Европу⁶⁹. У них иная си-

не вписывалась в эту схему, а в случае победы Антанты она стала бы сильнейшей державой Европы. С 1916 года целью британской политики становится сначала устранение царской России с арены мировой политики, а затем – победа над Германией (Мультатули П. Внешняя политика императора Николая II).

⁶⁸ Граф Горацио Герберт Китченер (1850-1916) был губернатором Судана, покорив его. Затем командовал британскими войсками в Бурской войне и участвовал в первом применении системы концентрационных лагерей. До 1909 года командующий войсками в Индии. Стал военным министром Великобритании с 1914 года. Монархист и был солидарен с российской монархией.

⁶⁹ В 1913 году финансы суверенного государства САСШ перешли под контроль частной организации «Федеральная резервная система», созданной Варбургом из династии германских банкиров. Такая система контроля стала называться «Федеральной резервной системой». Это означало, что транснациональные корпорации получили в свои руки инструмент для осуществления контроля

стема ценностей. Они – враги монархий и крупных церквей,
- мрачно сказал Брайдон.

- Ещё лет двадцать назад лорд Кёрзон писал: «Каждый англичанин приезжает в Россию русофобом и уезжает русофилом», - задумчиво сказал Фредерик Бейли, - Интересно разобраться почему дело обстоит именно так?»

5. Кавалеристы ещё надеются на лучшее

«И ако соступаша обе силы великыя на байб и быть брань крепка и сечь зла зело».

Летописец Сафоний Рязанец (XV век) о Куликовской битве

«Настоящий мужчина должен пережить войну, заключение в тюрьме».

Э. Хэмингуэй

Гвардии–капитан Дорофеев сидел с корнетом Ртищевым и некоторыми прочими офицерами-кавалеристами в ожидании хорошей погоды для проведения задуманной капитаном гвардии вылазки, когда в дверь их просторной избы постучал ординарец Дорофеева и приглушенным голосом объявил,

над финансами Европы. Особенно велико стало их влияние на британскую политику, поскольку английская финансовая система неожиданно втянулась в глубокий кризис и стала должником Америки (П. Мультатули. Внешняя политика императора Николая II).

что Их Высокородие полковник просит разместить в деревне вымокших под ливнем офицеров подошедшего Первого Уральского казачьего полка (принятое сокращение - УКП), входящего в состав Девятой кавалерийской дивизии.

- Этого ещё нам не хватало, - проворчал уже привыкший к спокойной и достаточно сытой жизни Дорофеев, - Вот сам, Мелентий, и начни фуражиров трясти, да квартирмейстеров. Да скажи, мол, гвардии ротмистр Дорофеев велел поторопиться.

- Вестимо поторопимся, Ваш-высокбродь, казаки уже на подходе!

Дорофеев подошёл к осколку зеркала, висевшему на стене, и поправил гладко зализанный лощёный английский пробор, каковым в мирное время в столице так гордились все гвардейцы. Уже в спустившихся сумерках покой начальства сборного эскадрона остатков кавалергардов и прочих гвардейцев нарушил низкий зычный голос:

- Разрешите войти погреться, господа офицеры?

- Милости просим, Первый Уральский! – ответил за всех Дорофеев.

Первым вошёл, позвякивая позолоченной шашкой, крупный плотный полковник с седой окладистой раздвоенной бородой и густыми бровями на суровом волевом и мясистом лице. Кавалергарды повскакивали и, щёлкая каблуками, вытянулись по струнке, хотя во взгляде большинства из них можно было прочесть сокрытое высокомерие белой кости в

адрес всех не гвардейцев и не кавалергардов.

- Полковник Бородин. Можно просто Георгий Кондратьевич, - козырнул с оттяжкой и протянул широкую крепкую ладонь казацкий дворянин.

- Милости просим. Без приключений добрались, Ваше Высокородие? – спросил Дорофеев тоном вымученного участия.

- Господь сберёг. Если уж тогда под Равва-Русской уцелели... Вот, где заварушка вышла⁷⁰.

- А что именно там произошло? – спросил гвардии ротмистр.

- *На плечи нашего Первого У-Ка-Пэ было возложено обеспечение пехотных дивизий. В том числе и летучей почтой. Дивизиям придавали отдельные казачьи сотни, а германец решил тогда перемолотить пехоту нашу тяжёлой артиллерией и не на шутку намеревался. Досталось тогда и казакам, но перелом в Галицийской битве не без нашего участия произошёл. Наш полковой подьесаул Сергей Курин, мой любимец, командовал у села Высокое сборной полусотней, где находясь с разъездом в двенадцать человек, перебил неприятельский разъезд силой в пятнадцать лошадей и набрал кучу пленных⁷¹. Может быть прославившаяся Железная дивизи-*

⁷⁰ С 22 августа по 9 сентября 1914 года уральский полк, в составе корпуса, участвовал в Городокском сражении, решившем участь Галицийской операции, где наиболее кровопролитные бои проходили под Равва-Русской.

⁷¹ Приказом командующего Юго-Западного фронта подьесаул Курин был награжден орденом Святого Георгия четвёртой степени и стал одним из первых

зия, в которой отважный Корнилов с Деникиным бригадами командуют, сделали и больше казаков для общего успеха, но и казачки наши постарались. Донцы тоже дрались по близости со своим храбрейшим Калединым. Намучились мы там, зато потом под деревней Остров себя по-казацки проявили. Есть у нас и свои полковые герои теперь⁷². Наш народ и пушками не запугаешь, - улыбнулся суровый, на первый взгляд, полковник, которому очевидно уже перевалило за пятьдесят⁷³.

- Слышали мы, что теперь и у уральцев вновь свои пушки имеются? - задорно молвил Дорофеев с вопросительной интонацией.

кавалеров этого высокого ордена среди уральцев за войну.

⁷² Под деревней Остров, что восточнее Львова, хорунжий Торбин с разъездом в 15 человек напал на превосходящий его разъезд, частью перебил его, а частью забрал в плен за что был награждён Георгиевским оружием, называвшемся до 1910 года «Золотым». Ставший полным георгиевским кавалером уже за Русско-японскую войну, подхорунжий уралец Осип Голованов отличился при атаке с полусотней на неприятеля. Казаки взяли в плен 60 человек, захватив немало военного имущества и освободив 16 раненых пленных солдат. Погиб Голованов, прикрывая артиллерийскую батарею, и уже посмертно получил звание прапорщика. Ещё один знаменитый уралец – сотник Виктор Ротнов потерял ногу, но по собственному желанию остался на строевой службе в составе специального авиационного отряда для воздушной обороны императорской резиденции.

⁷³ Георгий Кондратьевич Бородин (1860-1920) в Германскую войну имел уже весьма солидный возраст – далеко за пятьдесят. Он был участником Японской войны в качестве есаула, в чине которого пребывал с 1897 по 1913 год. В Германскую вместе с полком отличился при взятии Перемышля, стал его первым военным комендантом, командиром Оренбургской казачьей бригады и генерал-майором.

- Слухами земля полнится. *После того, как под Равва-Русской у деревни Липовец мы захватили четыре вражеских орудия, обратился я к Государю письменно с просьбой снять опалу Екатерининскую за грехи Пугачёвские, мол, много у нас орудий австрийских трофейных и хотелось бы нам иметь при дивизии трофейную батарею. Государь благословил такое дело*⁷⁴.

Вошли ещё шестеро казачьих офицеров, козырнули. «Физиономии у них не больно-то казачьи» - подумал при этом Кирилл Ртищев.

- Сейчас мой человек на стол накроет. А пока разливай, корнет Ртищев. Шампанского давно уж не имеем, а напиток, глубже прогревающий, ещё есть, - разулыбался Дорофеев.

- Я бы попросил учесть, что скоро подъедут ещё несколько наших офицеров, - ответил улыбкой мрачноватый Бородин, - А днями подтянется остаток нашей дивизии.

- Не беспокойтесь, полковник, - ответил Дорофеев, - А чем Ваш полк эти боевые месяцы в основном занимался, позвольте спросить?

- *С самого начала Германской от казачьих разъездов*

⁷⁴ Благодаря инициативе Бородина началось возрождение уральской казачьей артиллерии. Впоследствии из трофейных орудий был сначала сформирован артиллерийский взвод, затем Первая Уральская казачья батарея, а к концу войны - артиллерийский дивизион. Благодаря Бородину же, 1-й Уральский казачий полк вышел на фронт Великой войны наиболее подготовленным из всех уральских полков, что по праву и доказал, совершив немало боевых подвигов и одержав много побед (Дубровин Д. Генерал Буран).

что требовалось? Идти впереди наступающих частей и, с огромным риском, добывать сведения о противнике. Забирались порой на десятки вёрст в глубину расположений противника. Выставляли цепи сторожевых постов, связь между которыми поддерживали казачьи разъезды. Случалось, что в глубоких рейдов окружали наших и никто уже не возвращался. Но немецкая тяжёлая артиллерия сводит на нет всю роль конницы, особенно на Северо-Западном. Там досталось нашим. Слышали о разгроме на Мазурицине? В плен взято огромное число наших. Тут, на Юго-Западном, ещё пока терпимо... — лицо пожилого полковника сделалось суровым, и глубокая складка пересекла его высокое чело, - Но позвольте представить вам, господа гвардейцы, моих соратников: подьесаул граф Альфред Сигизмундович Велепольский, прикомандирован ко Второму Уральскому полку. А это его друг и дальний родственник сотник Казимир Потоцкий.

- Очень рад, Ваше Сиятельство! — неожиданно выдал совсем молоденький гвардии поручик с забавно закрученными усиками, тут же смутившись своего порыва.

Дорофеев многозначительно кашлянул и отрекомендовал в ответ своих офицеров, а Ртищев еле сдержал смех. Теперь становилось ясным, отчего лица этих «казаков», кроме самого полковника, выглядели не совсем казацкими⁷⁵: «Поля-

⁷⁵ В эту войну имелось немало военачальников уральских подразделений неказачьего происхождения. Впрочем, назначение наказных атаманов не казаков

чишки, что немчура - всюду пролезут. Да ещё и своих за собой потянут» - подумал Дорофеев.

- Посмею осведомиться, Ваше Сиятельство, Вы - правнук императрицы Марии-Луизы, жены самого Наполеона Бонапарта, не так ли? – вновь вмешался гвардии поручик.

- Ваша осведомлённость в генеалогии поражает воображение, поручик, - холодно ответил граф Велепольский - молодой блондин огромного роста с надменной миной на неприлично прекрасном для мужчины, лице.

- Хорунжий барон Христофор Иванович Дерфельден⁷⁶, - продолжил представление Бородин, - Ординарец командира нашей дивизии.

Упитанный розовощёкий молодой барон сухо раскланялся.

- Подданный Франции и офицер французской армии Лев Рафаилович Гулион, - продолжил Бородин, - Временно назначен в состав нашей дивизии, как прекрасный кавалерист.

Поджарый, чернявый, с огромными усами торчком Леон Гулион⁷⁷ любезно раскланялся и очаровательно картавя за-

имеет давнюю традицию, пошедшую со времён казачьих бунтов и неповиновения.

⁷⁶ Его супруга, княгиня Пистолькорс, «прославилась» соучастием в убийстве Распутина.

⁷⁷ Leon de Huillona, закончил войну во Франции в составе Первой Особой пехотной бригады (Русский корпус). Гулион пронёс через всю жизнь любовь к уральцам и, согласно завещанию, был похоронен в форме есаула (Картагузов С. Офицерский корпус уральского казачьего войска в годы Первой Мировой войны).

явил, что он счастлив провести вечер в обществе гвардейцев.

- *Гусарский штаб-ротмистр барон Дмитрий Владимирович Фельдман*⁷⁸, возглавляющий с некоторых пор партизанский отряд Уральской казачьей дивизии. Действует в глубочайших рейдах на свой страх и риск! - представил очередного офицера полковник и чувствовалось, что к нему он питает подлинное уважение, - А ещё говорят, что наши немцы по крови склоняются к предательству! Да, зная моих офицеров с немецкими корнями, такому пустобреху кости бы намял!

- А кто говорит, Ваше Высокопревосходительство? Тыловые да штабные крысы и говорят, - раздражённо заметил Дорофеев. Ртищев недовольно глянул на командира-лицемера.

- Подлинные герои полей войны – простые казаки, а не офицеры, - скромно заметил высокий нескладный и излишне худой Фельдман.

- Но не всегда же одни простые солдаты, Ваше Благородие? Офицерство тоже чего-то стоит? Одним словом, все эти байки про славного донца, одолевшего в одиночку одиннадцать немцев – не враньё ли? – почти утверждающе спросил всё тот же молодой поручик гвардии.

- Вы имеете в виду Кузьму Крючкова⁷⁹? – пожелал уточ-

⁷⁸ Герой Гражданской войны Фельдман стал начальником штаба Пятой дивизии Уральской отдельной армии.

⁷⁹ Разъезд Третьего полка имени Ермака Тимофеевича, состоящий из пяти донских казаков, столкнулся со взводом немецких драгун из 27 человек. Старший разъезда Астахов послал одного казака в штаб с сообщением о появлении немцев, а остальные казаки набросились на драгун. Согласно официальной телеграм-

нить Бородин.

- Именно его. Уже лубком с его физиономией торгуют. Грозятся плакатами с Крючковым и на фронте все стены за-
лепить.

- Не преувеличивайте, поручик. Хотя вынужден признать, что не обошлось и не без перегибов в раздувании славы подвигов этого героя. Думаю, что если и половина того правда, то донец сей заслуживает самого глубокого уважения. Кстати, Крючков не есть уникал в казачьей среде. *Остался почти неизвестным подвиг донца же, Богаевского⁸⁰. Из уст свидетеля слышал, что донец сей отличился в бою под Гольда-
ном и был представлен к Георгиевскому кресту.*

- Казаки продолжают славную традицию предков, -
несколько заученно и излишне сладкоголосо вставил Потоц-

ме донец Кузьма Фирсович Крючков в этой схватке убил 11 немцев, а сам был ранен 16 раз пикой. Крючков был произведён в младшие урядники и награждён солдатским Георгием Четвёртой степени. Крючков становится национальным героем России. Выходили открытки и папиросы с его изображением, патриотические плакаты. Был даже снят агитационный немой фильм «Подвиг донского казака Кузьмы Крюčkова», и, который прокручивали уходящим на фронт войскам, что в первые месяцы войны сыграло положительную роль. Через год подобная же схватка, с участием Кузьмы повторится, правда 10 казаков против 22 неприятелей, но результат будет прежний, а Крючков получит три опасные раны.

⁸⁰ Генерал-лейтенант Африкан Петрович Богаевский (1872-1934) родился в дворянской донской семье участника Севастопольской обороны. Окончил Донской кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Командир 4-го Мариупольского гусарского полка. Начал войну начальником штаба гвардейской кавалерийской дивизии, а затем принял командование Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. Награждён Георгиевским оружием. С 1915 года – генерал-майор, зачислен в Императорскую свиту.

кий.

- Примеров, в самом деле, множество. *Пробиваясь из окружения к Брест-Кунявску, застава Сводно-казацкого полка, под командой урядника Баканова, кажется, всего лишь из тринадцати казаков, атаковала эскадрон уланского прусского полка и, изрубив офицера и десяток улан, обратила целую сотню прусаков в бегство.* Кавалерия ещё на что-то годится... И это не досужие выдумки, господа офицеры, - тихо сказал Бородин, - А вот и последний из ваших неожиданных гостей, господа гвардейцы: есаул Сергей Владимирович Бородин, дальний родственник мой, прошу любить и жаловать.

Ртищев вспомнил тёплые отношения его приятеля Охотина из Николаевского училища с казаком Сергеем Бородиным:

- Кажется мы с Вами раньше встречались, есаул? - улыбнулся несколько растерянному человеку его лет Кирилл, и Сергей был рад признать однокашника по училищу.

- Сергей Владимирович принадлежит к сонму славнейших есаулов моего полка наряду с Солдатовым Константином Петровичем, - широко улыбнулся Георгий Кондратьевич.

- А что у Вас, Ваше Высочородье, за шашка такая особенная, позвольте полюбопытствовать? – задал очередной вопрос всё тот же молодой поручик гвардии с подвитыми усами.

- Так, то - дар ещё самой Елизаветы Петровны предку моему. По верху ножжен так и выгравировано: «Яицкого Войска Нашему полковнику Бородину. Елисавет».

- А рукоять словно бирюзовая...

- Так оно и есть: рукоять и кольца для ремней усыпаны бирюзой. Не могу сказать, что это очень удобно, но рубит неплохо, а главное – память. С ней и начал войну. На Японскую брать такую шашку не решился, а тут подумал: уж вряд ли и сам-то живым вернусь, пусть поработает ещё напоследок славное оружие дедовское. Ещё в июле наш полк, в составе дивизии, перешёл границу у местечка Ново-Алексинец и сразу же вступил в бой с австро-венгерскими частями под Заложне. Потрудились в тот день и эта шашка. Сражались мы рядом с десятой кавалерийской дивизией под началом славного генерала Келлера⁸¹.

- Просто-напросто завидую. Биться бок о бок с самим Келлером! – восторженно воскликнул юный поручик.

- Понимаю Вас. Надо полагать это мечта каждого гвардейца. Кавалерийская дивизия графа Келлера в те августовские дни разгромила австро-венгерскую дивизию в знаменитом конном бою при Ярославце. Оренбургский казачий полк рубил австрийскую пехоту, а эскадроны новгородских дра-

⁸¹ Граф Фёдор Артурович Келлер (1865-1918) кавалерист двухметрового роста был племянником знаменитого кавалергарда генерал-лейтенанта Келлера – героя Русско-японской и павшего в ней, начавшего карьеру добровольцем у Черняева в Сербско-турецкой и отличившегося на Шипке. Как дядя, так и племянник отличались верностью долгу, мужеством и добротой к подчинённым.

гун и одесских улан схватились с восемью австрийскими эскадронами. Успех висел на волоске и граф бросил в атаку даже свои штаб с конвоем. Тут подоспели два эскадрона ингерманландских гусар с ротмистром Барбовичем решили дело в нашу пользу⁸².

- Великолепно! – только и мог воскликнуть молодой гвардеец.

Вошли последние гости из прибывшей Уральской дивизии. Генерал-лейтенант и командир дивизии Алексей Михайлович Кауфман-Туркестанский⁸³ на ходу проклинал распутицу и состояние дорог:

- А немцы всё что надо отличными железными дорогами себе подвозят, а нам не просто на конях пробиться! Затопило, чёрт бы побрал, всё и вся! – восклицал этот невысокий аккуратного вида, неброский лысоватый человек с овальным бледным лицом и маленькими усиками.

Тут уж все гвардейцы вытянулись в «напряжённо звенящую струнку». Кавалерийский генерал-лейтенант был большой редкостью! Вслед за представлением присутствующих

⁸² Это было самое большое кавалерийское столкновение всей войны в начале трёхнедельной череды сражений, названной Галицийской битвой.

⁸³ Генерал-лейтенант Алексей Михайлович Кауфман-Туркестанский (1861-1934) племянник покорителя Туркестана, брат министра народного образования. Окончил Пажеский корпус и служил в кавалергардском полку. Участник похода в Китай 1900 года и Русско-японской войны, кавалер высших военных наград – золотого оружия «За храбрость» и ордена Святого Георгия. Он возглавлял Уральскую казачью дивизию.

генерал-лейтенанту, оказалось, что за ним вошли ещё один генерал и полковник. Последним переступил порог подъесаул Нефёд Мизинов⁸⁴, которого полковник Бородин также отрекомендовал, как своего дальнего родственника.

- Усаживайтесь, Ваше Высокопревосходительство, будьте любезны... Никак не ожидали такой подборки гостей в нашем скромном пристанище, - смутился даже Дорофеев, - Простите, господа офицеры, что сушить плащи уже не на чем. Но что-нибудь придумаем...

- Не беспокойтесь. До утра все высохнем, - улыбнулся *прикомандированный к Пятому казачьему полку среднего сложения полковник лет тридцати пяти барон Борис Борисович Кене, прошедший Русско-японскую войну и побывавший в японском плену.*

Он извлек из недр плаща бутылку шампанского, и гвардейские офицеры просто лишились дара речи, а третий из вошедших - сухощавый человек с несколько лошадиным лицом, неожиданно выхватил шашку и лихо отсёк горлышко бутылке:

- Подставляйте бокалы, господа! Впрочем, и кружки подойдут.

⁸⁴ Мизинов был дальним родственником полковника Георгия Кондратьевича Бородина и более близким - есаула Сергея Владимировича Бородина – одноклассника и друга Аркадия Охотина. Дед Мизинова, Стахей, был отцом известной подруги Чехова - Лики Мизиновой. Известен был и Павел Мизинов – участник Иканского Дела с кокандцами в 1863 году. В целом об уральском роде Мизиновых известно очень мало.

- Генерал-майор граф Пётр Михайлович Стенбок, командующий Первой бригадой Уральской казачьей, - представил лихого рубаку лет сорока Георгий Бородин.

- Один из древнейших шведских родов⁸⁵! Подумать только! – воскликнул забавный знаток генеалогических древ Европы с неподдельным восторгом.

- Не обращайтесь внимания, Ваше Высокопревосходительство. Наш поручик - большой чудак, - фыркнул Дорофеев.

- Шампанское, на мой взгляд, напиток детский. На худой конец – дамский. Да простят подобные речи господа гвардейцы! Увольте, господа, прошу прощения, но в зрелые годы и вина зрелые милее, - отмахнулся Бородин, - *Государь Император Александр Третий, наливая рюмку кюрасо, иной раз имел обыкновение спрашивать Шереметьева: «Граф, не хотите ли пердунца?» и наливал графу анизету⁸⁶ и предлагал: «Уральской икорки?»*

- *Слышал, что Царь-Миротворец не выносил шампанского, а если и пил его, то с квасом, что подхватил и Сын Его,* - с неприятной усмешкой сказал вдруг Альфред.

- Да, это верно, - ответил Георгий Кондратьевич, - *Отец Государя одобрял песню «Всеми на свете мера, всему есть*

⁸⁵ Почти всю войну в должности командира Первой бригады Уральской казачьей дивизии прошёл генерал-майор граф Пётр Стенбок. Шведский род Стенбоков вошёл с XVI века два раза в древо рода Дамес - предков дальней родни жены Сергея Владимировича Бородина.

⁸⁶ Кюрасо - французский ликер, анизет - анисовая водка для которой царь нашёл ёмкое слово в переводе на русский.

свой конец. Да здравствует мадера – веселье всех сердец!» и напевал её нередко при графе Шереметьеве и генерале Черевине, к которому благоволила и Государыня.

- А Черевин-то спился в конце-концов, - с настойчивым ехидством вмешался сотник Казимир Потоцкий - молодой приятной наружности среднего роста сухощавый шляхтич с несколько либеральными взглядами.

- Что было, то было, - буркнул Георгий Бородин недовольно, - *Впрочем, при Дворе никогда не бывал, а слышал от знакомых, служивших в Царской сотне. Но Черевин начал спиваться без помощи Государя, говорили они. А Его Величество, если и пил, то очень редко. Но такие друзья начали создавать Ему ту самую репутацию, на которую Вы, сотник, изволите намекать.*

- Я и не думаю ни на что намекать, Ваше Высокоблагородие. Но ходят слухи, что и нынешний монарх употребляет чрезмерно и якобы это унаследовал от Отца своего.

- Да я бы распространителя подобных грязных слухов, невзирая на годы, собственноручно вызвал бы на дуэль и с превеликим удовольствием порешил у барьера, - сурово сверкнул очами Бородин.

- Слышали, господа? *Не зря нашего командира прозвали Буран!* – с удовольствием отметил Фельдман, - *За лихость и стремительность прозвали так его казачки, за горячность и безрассудность в бою. А какова изобретательность нашего Бурана! В Японскую, под Шахэ, задачей его*

стало занять укреплённую японцами сопку. Казаки быстро и ловко определили расстояние до позиций противника при помощи залповой стрельбы и оповещения других частей. Тогда ещё есаул, Георгий Кондратьевич, засевший под носом у врага, придумал нехитрую сигнализацию: недалёт снаряда – подъём на пике фуражки, перелёт – рубашки. Так, наша батарея очень скоро пристрелялась к позициям японцев и подавила их способность отвечать огнём.

Было очевидно, что Потоцкий смутился, но вскоре он вновь принял самоуверенную и самовлюблённую позу лихого рубаки, встав рядом с Велепольским, размахивающим бокалом с шампанским и превозносящим его, как напиток богов для вкусов гвардейских и утончённых:

- Несомненно, что «Клико» и «Редерер», наконец, «Моэт» выше всего прочего, господа! Имей я побольше денег, принимал бы ванны из шампанского!

- А у нас в Офицерском собрании пьют только «Moum sec cordon vert», что с зелёным ободком на горлышке бутылки, - вставил Ртищев с подобающим произношением, не желавший позволить чужакам в чём-то превзойти гвардейцев.

- Только «Клико», господа, - продолжал гнуть своё Потоцкий, не утруждавший себя должным акцентом.

Выражение лица Бородина говорило о том, мол, «какого же лешего вы оба служите в казацком полку, если считаетесь лишь с великосветскими и гвардейскими вкусами?» Но когда Велепольский договорился до того, что квас опошляет

этот божественный напиток, но некоторые сего не понимают, то Кауфман-Туркестанский его резко одёрнул. Тут в избу вошли ординарцы офицеров-уральцев с целыми коробами не фронтовой, а настоящей добротной провизией из тыла. Восторгу гвардейцев не было предела. Шампанское закусили наскоро нарезанным обливным хлебом с хрустящими горбушками, а потом начался пир горой с ветчиной и балыками. Дорофеев и Ртищев, чтобы не ударить в грязь лицом перед Велепольским с Потоцким, начали размышлять о звоне шпор:

- У Фокина можно было выбрать достаточно приличные шпоры, но лишь у Савельева были в продаже шпоры с истинно благородным звоном, - вздыхал Дорофеев.

- А ведь по одному звуку шпор за вашей спиной вы можете разгадать, кто следует за вами, - добавил Кирилл, - если бряцание вызывающе-воинственное – за вами непременно жандарм, либо штабной из комендантского управления, а если перезвон кокетливо-задорный, то это провинциальный кавалерист. И только особый благородный звон шпор отличает гвардейского офицера, заказавшего шпоры у Савельева, а не где-нибудь. А уж с репейками шпоры, или без, бульдожили, на ремешках ли, на пуклях ли, серебряные ли они – вовсе и не суть.

- Послушаешь вас, гвардейских, так все прочие лишены какого-либо чувства мелодичности, или вкуса вообще, - усмехнулся казачий полковник, - Так можно развить мысль

дальше и заявить, что все гвардейцы ничто по сравнению с кавалергардами, или, скажем, синими кирасирами, конно-гвардейцами и так далее. О наших лейб-казаках я уж и не говорю.

- Что Вы, Ваше Высочество! И мысли такой не было, - подкупаясь улыбнулся Дорофеев.

- Нам довелось закончить Николаевское училище, а вовсе не пажеский корпус. Мы тоже не из столичных неженков, - добавил Ртищев.

Полковник Бородин развернулся и быстро вышел на свежий воздух. Всё это начинало раздражать его и складка, возникшая на его мясистом лбу говорила: «Почему я должен выслушивать все эти глупости вместо того, чтобы полноценно отдохнуть?»

- Получается, господа, что кроме Георгия Кондратьевича, единственные природные казаки-овер-офицеры в вашей дивизии подъесаул Мизинов и есаул Бородин? Так выходит? – спросил Дорофеев с деланно-наивной миной, думая про себя: «Не зря говорят: немец без уловки и с лавки не свалится! И полячишки туда же».

- От чего же. Ещё наберутся. Мы же не все в вашу избу нагрянули. Не такие же мы варвары, чтобы вас совсем уж теснить, - рассмеялся Кауфман-Туркестанский, - А в дивизии овер-офицеров немало.

- Я бы добавил, что мы, казаки, горды тем, что столько «не природных», как Вы выразились, казаков-офицеров

стремится служить в наших частях, - веско добавил Георгий-Буран.

- Да ещё и такие родовитые дворяне... - непроницаемо произнёс Ртищев.

- Уж слишком много «бурбонов» развелось в последние годы, - вздохнул Велепольский с брезгливой миной, - Нагляделся я на «воробьёв распятых»⁸⁷, да так, что тошно от них стало.

«Польское высокомерие нехитрое до тупости» - подумал Кирилл и добавил:

- Господа, угощайтесь без ограничений. Если припасы подойдут к концу мы быстро принесём ещё снеди.

Неожиданно в двери показался ещё один запоздалый гость – человек среднего роста со значительной тёмной бородой и горящими глазами:

- Полковой священник отец Антоний от передового отряда Красного Креста, - отрекомендовал он себя, - Направлен императорским указом в Седьмой У КП.

- Милости прошу, Ваше Высокопреподобие, - поклонился Кауфман с почтением, - Очень рад видеть Вас среди своих людей!

- Прикажете с завтрашнего дня приступить к обязанностям, Ваше Высокопревосходительство? – спросил священ-

⁸⁷ «Бурбоны» - рядовые, произведённые в офицеры. На киверах они носили кокарду, имеющую, вместо герба, трёхпламенную гранату, очертания которой напоминали летящего воробья. Благодаря этому, в военной среде их зачастую называли «распатыми воробьями».

ник, застывший перед генералом с подлинно военной выправкой.

- Вы, видимо, с дороги устали. Отдохнули бы денёк? Впрочем, смотрите сами, - сказал генерал-лейтенант, - А пока присаживайтесь к нашему столу, Ваше Высокопреподобие. Похоже, что Вы неплохо разбираетесь в погонах.

- Имел немалый опыт на своём веку, Ваше Высокопревосходительство, - горящий взор этого необычного священника слегка потускнел и он отвёл глаза.

- Уж не доводилось ли Вам служить в войсках в молодости? – поинтересовался Стенбок.

- Именно так, Ваше Превосходительство.

- Так, поведайте нам, старым воякам, это позволит нам лишь больше уважать Вас.

- Или наоборот, - язвительно буркнул себе под нос Потоцкий.

- Мне кажется, - убийственно холодно произнёс генерал-майор Стенбок, - Что Вы себе сегодня слишком много позволяете, молодой человек. Пить тоже надо уметь.

- Расскажите о себе, пожалуйста, Ваше Высокопреподобие, - с обезоруживающе открытой улыбкой попросил, вернувшийся, полковник Бородин.

- *Некогда Ваш покорный слуга был зачислен рядовым на правах вольноопределяющегося в лейб-гвардии Гусарский полк, - начал священник, перекрестившись и пододвинув миску полную горячих постных щей. К скоромному он не при-*

коснулся за весь вечер, - Прослужив год, получил чин корнета. Позже добился включения в члены российской миссии Красного Креста в Абиссинии. Набирались туда добровольцы — врачи, сёстры милосердия, провизоры. Мои сослуживцы не понимали, что может заманить меня туда после привольной жизни блестящего лейб-гусара. Шиковать бы себе доломаном с ментиком да чакчирами⁸⁸... Но мне хотелось уже тогда иного. Из порта Джибути нам предстоял долгий путь на верблюдах до Харара - одного из самых крупных городов Абиссинии, а затем до столицы Энното. Достать верблюдов оказалось очень непросто. Колониальные власти не намеревались нам помогать, и мы решили, что мне следует в одиночку отправиться к негусу Менелику II, чтобы провести переговоры о нашем приёме. Для этого надо было проделать три с половиной сотни вёрст по раскалённой пустыне. В силу отсутствия пустынного опыта дело было достаточно рискованным, к тому же, там попадались разбойники. Отправился я с двумя проводниками-амхарцами, прихватив очень ограниченный запас провизии и воды. Двигались и ночью, и днем, по двадцать часов в сутки без остановки. Никто в Хараре не хотел верить, что русскому офицеру удалось прибыть из Джибути всего за девяносто часов, то есть быстрее профессиональных туземных курье-

⁸⁸ К 1910 году армейским гусарам была установлена обновлённая форма с парадными чакчирами (рейтузы) красно-коричневого (крапового) и синего цвета, а повседневной, или походной, формой гусар стали гимнастёрка хаки, серо-синеватые брюки с катом и фуражка с козырьком.

ров. Это произвело впечатление и через десять дней русский санитарный отряд был уже в Хараре. Потом пришлось ещё не раз совершать немалые броски по пустыням Данакиля. Однажды нас там ограбили разбойники и лишь случайная встреча с поручиком Леонтьевым спасла мне жизнь. Так мне довелось стать военным советником негуса в его знаменитой войне с Италией и южными племенами⁸⁹. Когда наш медицинский отряд отбыл на Родину, я решил остаться для экспедиции в юго-западные неизведанные области страны, влекомый страстью к путешествиям и открытиям. Изучив туземные наречия, я прошёл около тысячи вёрст до реки Баро. После этого я распрощался с добрым Менеликом, получив в подарок боевой плащ из львиной шкуры и головную повязку с львиной гривой. Вот и всё о моих похождениях. Есть о чём вспомнить, но позже я понял, что не это главное в жизни и решил отречься от жизни светской.

- Кажется я начинаю догадываться, кто сидит с нами за одним столом, - промолвил Фельдман, - Не имею ли честь говорить с ротмистром лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка Александром Ксаверьевичем Булатовичем?

- Такого человека больше нет, Ваше Высокоблагородие, - нахмурился священник, - Вместо него имеется лишь отец Антоний...

- Ротмистр лейб-гвардии! И Вы молчите об этом, Ваше

⁸⁹ В 1897-99 годы Булатович служил эфиопскому негусу верой и правдой. В этой войне итальянцы позорно проиграли абиссинцам.

Высокопреподобие! – возмущённо вскричал Дорофеев, размахивая бутылкой.

- Александр Ксаверьевич⁹⁰, - прозвучал зычный голос Георгия Бородина, - Многие кавалеристы о Вас наслышаны, а уж гвардейцы и подавно. Даже до меня, казака, Ваша слава донеслась в Маньчжурии. Отчаянно Вы сражались в Боксёрское⁹¹, надо сказать.

- Насколько я помню, - вставил Ртищев, - *Государь лично напутствовал Вас в Абиссинию во второй раз и на сей раз - с дипломатической миссией.* А недавно, как рассказывала мне кузина и любительница современной поэзии, Ваш маршрут пытался повторить её излюбленный поэт Николай Гумилёв.

- Никогда не предполагал, что о скромном ротмистре зна-

⁹⁰ Александр Ксаверьевич Булатович (1870-1919) - учёный и религиозный деятель, исследователь Эфиопии, офицер, впоследствии – иеромонах и лидер догматического православного движения «имяславие». Булатович родился в городе Орёл в дворянской семье. Отец - генерал-майор Ксаверий Викентьевич Булатович, из потомственных дворян Гродненской губернии, мать - Евгения Андреевна Альбрандт. В жилах Александра текла татарская, грузинская, французская и русская кровь. Издал книгу «От Энтото до реки Баро», в которой впервые были описаны не только земли Эфиопии, до того никем не исследованные, но также все стороны жизни этой страны. Булатович получил серебряную медаль от Русского географического общества.

⁹¹ Булатович участвовал в подавлении Ихэтуаньского (Боксёрского) восстания в Китае, направленного против распоясавшихся в чужой стране европейцев. «Ихэтуань» означает «отряды справедливости и мира», или – «дружины правды и согласия», и «Ихэцуань» – «кулак, поднятый во имя справедливости и мира». Русским слово это показалось слишком тяжеловесным и они упростили его до «боксёры», как и прочие европейцы. Тайная организация обучала молодёжь единоборствам, откуда и пошло их европейское название «боксёры».

ет столько народу! – подивился священник, - Но кроме дипломатической миссии у меня была и своя затаённая цель: продолжить изучение Абиссинии и непременно побывать в таинственной Каффе - стране на западе, в глубь которой не проникал ещё ни один европеец. Я был несказанно рад, когда Эфиопский император предложил мне сопровождать своё войско в те края. Тридцатитысячной армии следовало дойти до озера Рудольф и водрузить там флаг Эфиопской империи. То, что творили эфиопские воины негуса в Каффе оказалось чудовищным и я противился резне как только мог... Не хочу вспоминать. Тяготы переходов к озеру начали пугать воинов, но я сумел настоять на дальнейшем продвижении. Я знал, что это озеро существует и было открыто европейцами, но с южного конца. На четвёртый месяц похода мы достигли озера Рудольфа и установили на нём флажок с зелено-красно-желтым флагом новой Эфиопии. По возвращению Государь пожаловал мне штабс-ротмистра.

- Тогда Вы издали свой основной труд «С войсками Менелика II», который мне довелось прочесть и с превеликим удовольствием, - вставил есаул Сергей Бородин.

- А какова слава Александра Ксаверьевича в области фехтования и верховой езды, господа? – буквально закричал уже перебравший смеси из вин Дорофеев, - Ещё не родился конь, которого он не смог бы укротить!

Видимо дальнейшее прославление стало уже в тягость для священника и он поспешил встать из-за стола, заявив, что в

самом деле устал и поспешит спать с тем, чтобы с утра уже отслужить заутреню.

- Батюшка, благословите каждого из нас перед предстоящим скоро сражением, - попросил полковник Бородин.

После благословения отец Антоний покинул избу, а офицеры продолжили обсуждение его персоны:

- *Насколько я помню он уволился «по семейным обстоятельствам» году, эдак, в третьем,* - сказал Ртищев.

- Ну и принял постриг, - громогласно выразил неуклонно теряющуюся мысль Дорофеев.

- *Говорили при этом самое разное. Кто усматривал в этом шаге влияние Иоанна Кронштадского, а кто наблюдал якобы нервное расстройство, или же видел неразделённую любовь. Одним словом, Булатович оказался на горе Афон в Свято-Пантелеимонове монастыре в качестве отца Антония,* - сказал Фельдман, - *По-моему, около десяти лет спустя он вновь отправляется в Эфиопию, где решает основать русский монастырь со школой для туземных детей. Никто его не поддержал в этом, и он вновь удаляется на Афон. А когда имяславие было осуждено официальной Церковью, оборонял монастырь вместе с другими иноками против российских войск и был взят в плен и вывезен в Россию в прошлом году. Но до настоящей стычки дело не дошло. Кажется, с тех пор, имяславцам было Высочайше дозволено возвратиться к служению в Церкви без покаяния*⁹². По-

⁹² Булатович продолжал свою борьбу за признание имяславия, издал несколько

кориться же Святейшему Синоду для афонских смутьянов равно вероотступничеству... Но добр наш Государь... Мне имяславие представляется чем-то вроде символизма максималистов.

- И даже слишком добрый, - развязанным тоном добавил перебравший Дорофеев.

- На то Он и монарх, чтобы быть милостивым, - многозначительно высказался перебравший Альфред Велепольский.

«Тебя, полячишку, не спросил» - пробурчал про себя Амвросий Дорофеев. Офицеры постепенно расходились по углам на покой. Некоторое время Ртищев и фон Фельдман продолжали сидеть за столом.

- Ваше Благородие, а генерал-лейтенант, надо полагать, родственник покорителя Туркестана? – поинтересовался Кирилл.

- *Его племянник, господин корнет, - последовал ответ, - Отец Алексея Михайловича Кауфмана – инженер-генерал, а старший брат Пётр - член Государственного совета, министр народного просвещения, сенатор и обер-гофмейстер. Сын Петра недавно пал под проклятым Каушеном на Севе-*

богословских книг, доказывающих его правоту, встречался с царём, и в конечном счёте, сумел обеспечить своего рода оправдание для себя и своих товарищей по имяславью. Само имя Господа имяславцы писали на никонианский лад «Иисус», а не как старообрядцы - «Исус», признавая себя частью признанной Церкви. Основателем «афонской смуты» был некий Илларион, в 1880-х годах бывший схимонахом Пантелеймоновского монастыря на Афоне. В свое время, основоположники имяславия служили вместе. Илларион был денщиком у Булатовича. Оба участвовали в военной экспедиции в Эфиопию.

ро-Западном. Может Вы слышали, но он моложе Вас, конечно: поручик лейб-гвардии Гусарского полка, Михаил Петрович. Умер от ран в вильнинском госпитале. Так что, наш командующий пребывает в скверном расположении духа. На днях он узнал об этом.

Помолчали. Ртищев не знал недавнего выпускника Михаила Петровича, но стало грустно.

- Всё же мне не понять решение Булатовича уйти из мира, - бражным тоном молвил Кирилл, допивая из своего стакана остатки прозрачной жидкости, - Но чем-то он мне глубоко импонирует. Отвагой? Былой славой? Или тем самым необычным для его людей его круга решением? А ещё я очень уважаю капитана Кирсанова и полковника Бородина, - язык корнета слегка заплетался.

- И мне они симпатичны, - улыбнулся ещё трезвый Фельдман, раскрывая свой странный увесистый чемодан, - Ну и нам пора. Завтра ещё один нелёгкий день. Вот полюбуйтесь: походная кровать-чемодан Гинтера. Приходит время спать – раскрываете – готово. Удобно.

Потянулась бесконечная череда баталий на Висле и гвардейский эскадрон Дорофеева сражался бок о бок со славными казаками Уральской дивизии Кауфмана-Туркестанского. Неподалёку шли в бой и пехотинцы батальонов Кирсанова и Владимирцова. Сергею Охотину везло каждый раз и, при всей своей неумелости, он выходил целым после всех атак.

Межецкий уже отправился в госпиталь вслед за Мальцевым, а на Охотине не было и царапины. Всё это тяготило мечтательного писателя: «Кто-то полезный в войне выбывает, а такие как я продолжают месить глину». Где-то в глубине души, не желая признаваться самому себе, он даже хотел бы полежать в госпитале и хоть немного отойти от беспросветного мрака военных будней. Совсем рядом уральские казаки хоронили своих погибших. Казак-старик, видимо старообрядческий начётник, заунывно отпевал павших.

Казаки чинно снимали папахи с фуражками, крестились. Однажды, вглядываясь с любопытством в ряды храбрых уральских казаков из бородинского Первого У КП, проходящих строем рядом с их батальоном, Охотин обратил внимание на коренастого седого бородача, Георгиевского кавалера, который показался ему знакомым. До него оказалось всего сажени три и оба они встретились глазами.

- Ваш-Бродь, подпоручик! Помните в Сибири после Японской?

- Помню, Ваше Благородие сотник, а как же! – улыбнулся Сергей: «А зовут его, если память не изменяет, Ануфриев, или Олсуфьев, а вот имя-отчество позабыл... А ведь он лет на пятнадцать меня постарше, неловко... Человеку за пятьдесят, а он на фронт пошёл. Не чем мне-то хвалиться».

- Да вот, был урядником тогда, а ныне сотника пожаловали. Хотел отказаться, какой из меня сотник, да нет говорят, людей с опытом, говорят, не хватает нонче, полегли многие.

Так и приходится сотником. А Вы как, гоШподин подпоручик?

- По своей воле здесь оказался, да радоваться тут мало чему. Но так и должно быть.

- И я по Швоей доброй воле. Детей вырастил, а старшего похоронил уже здесь, после августовского боя. Героем... Его-
рия поШмертно ему... (перекрестился) Германцу оно ещё
боком выйдет, покуда шашку в руке эВтой удержат спосо-
бен. Чего же мне на печи отсиживаться, коль силушка ещё
есть? Эх, не поминайте лихом, Сергей Гордеич, - и пришпо-
рив коня седой «казак-дед» устремился догонять своих. Ря-
дом с ним скакал несколько похожий на него крепкий боро-
дач с морщинистым обветренным лицом.

«Вот память у человека. Мне бы такую...» - вздохнул Охо-
тин.

- Казаки: Овчинников, Олейников, Быкадоров, Любищев
– живо в разъезд, выдвинуться вперёд. Вперёд, молодцы! –
прогремела над самым ухом зычная команда громовым го-
лосом, - Казаки Ознобишин и Алейников – в замыкающие!

Глаза Сергея на секунду встретились со скользящим по
войску взглядом Бородина-Бурана и оба улыбнулись и при-
ложили руку к фуражкам для отдания чести, как офицер
офицеру. «Вот уж лихой и матёрый казак» - подумалось Охо-
тину – «Только в званиях я до сих пор не уверен». Из каж-
дой сотни выехали вперёд лихие казаки-песельники и голо-
систые запевалы затягивали вольные мелодии о доблести ка-

зацкой, или о преданности вере и царю.

Когда бои стали всё реже и наступление на Краков захлебнулось, в новую землянку капитана Кирсанова пожаловали знакомые гвардейцы Дорофеев со Ртищевым, прихватившие с собой новых знакомцев по кавалерийским рейдам и корзину полную снеди.

- Прошу любить и жаловать наших соратников: хорунжий Первого У КП барон Христофор Иванович Дерфельден. Он же ординарец Его Высокопревосходительства генерал-лейтенанта фон Каумана-Туркестанского, - отрекомендовал Дорофеев первого вошедшего в тесное и сырое помещение, - А это славный штабс-ротмистр барон Дмитрий Владимирович Фельдман, и сотник Казимир Потоцкий, подъесаул Второй сотни Седьмого Уральского полка Нефёд Давыдович Мизинов и подъесаул Первого У КП граф Альфред Сигизмундович Велепольский. Надо добавить большой сердцеед.

- Ну уж сразу и сердцеед и дон Жуан. Чуть ли не Казанова. Что Вы так на меня ополчились, гвардии ротмистр? Не от того ли, что сами таковым являетесь? – усмехнулся Велепольский.

- Это Вы в самую точку, подъесаул, - хмыкнул Кирилл Ртищев.

- А наш вчерашний корнет Ртищев за проявленное удалство на днях перескочил в гвардии поручики! – продолжил Дорофеев, - Кавалерия ещё заставит Ставку её ценить, как

в былые времена!

- Ура! За поручика и вящую славу кавалерии! – гаркнули пехотинцы, а Сергей Охотин с чувством пожал руку однокашнику младшего брата.

- Милости просим, господа офицеры, проходите. В тесноте, да не в обиде живём, - разулыбался Кирсанов.

- Господа, а это отважный капитан Филипп Филиппович Кирсанов, который закончил с отличием Николаевское училище, - представил Кирилл хозяина землянки в свою очередь.

- А что же так? Изменили кавалерии? – тут же любопытствовал Альфред.

- История долгая и нелицеприятная. Прошу прощения, но - в другой раз, - последовал лаконичный ответ.

Затем гостям были представлены, только-что зашедший, по-соседски, капитан Емельян Владимирцов, и Сергей Охотин.

- *На днях наш славный подъяесаул Мизинов отличился в бою, - торжественно сказал штабс-ротмистр Дмитрий Фельдман, - Предлагаю первую рюмку за подвиг наших казаков! Уральцы, влекомые своим подъяесаулом, промчались через неприятельскую батарею и взяли в плен 15 человек с пулемётом*⁹³.

⁹³ Произошло это в бою 11 октября 1914 года, когда Мизинов с 35 казаками бросился в решительную атаку на неприятельскую пехоту у посёлка Августова, ободлив пехоту.

- А дрогнувшая перед этим пехота, ободренная молодецким делом горстки казаков, бросилась в штыки и окончательно завладела окопами, - добавил Велепольский то, что из деликатности не хотел упоминать Фельдман.

- За подьесаула! – грянул дружный рокот хрипловатых голосов, стремительно наполнив тесное пространство и оглушая самих себя. Зазвенели рюмки, принесённые кавалеристами, стаканы и кружки.

Бросилось в глаза, что скромный подьесаул смутился в конце и готов был забиться в угол.

- Вы бы о себе немного рассказали, Нефёд Давыдович, - улыбнулся фон Фельдман.

- Полноте, штаб-ротмистр, о себе выше моих сил рассказывать, да ещё в обществе. Не достоин я того. Скажу об отце своём. Непоседой он был большим, а служил долго на одном месте в Туркестане. Так и неизвестно, для поиска ли более волнующей иной жизни или жажды острых ощущений, подался он, после прекращения непрерывных военных действий в Туркестане и взятия Хивы, в амурские казаки. То есть он не изменил своим, не стал называть себя амурцем, записываться там, а поехал временно. Уж слишком спокойно стало, для него, в Туркестане. Возможно, и рассказы о щедрости природы Дальнего Востока оказались столь заманчивыми, хотя гораздо чаще «гиблостью» Уссури стращали и именно это в народной памяти сохранилось. Знаю только, что вскоре после возникновения Уссурийского казачества в

1889 году отец оказался там и ходил в тайге на тигра. Мало ему было туранских – мелковатыми считал. Прославился он среди амурцев охотой на одного огромного тигра-людоеда, начавшего убивать скот и людей по причине вторжения человека в его исконные владения.

- Хорошая оговорка, подьесаул, браво! – тихо, почти про себя, заметил Охотин.

- Норовил отец лезть в самое пекло – будь то поимка хунхузов, лесных разбойников-китайцев или любая иная заварушка. Нашёл отец себе жену там записанную амурской, но из старой яицкой семьи. Не успел уралец немного остепениться и обзавестись семьёй да вырастить недавно родившегося сына, вашего покорного слугу, как прогремело Боксёрское

восстание и он оказался на фронте. Взял он с собой и сынка-недоросля, несмотря на протесты жены, да и начальства. Боевое крещение сын выдержал с честью. До того не раз ходил с отцом на тигров-людоедов да медведей-шатунов с однозарядной старой винтовкой. Одной из немногих жертв восставших, среди русских оказался и неутомонный Мизинов-старший, не кланявшийся пулям.

- Мизиновы – гордость Урала, - подвёл итог Фельдман, - Кстати, в Шестом У КП полковником тоже Мизинов, хотя и не прямой родственник нашего. Есаулом у него там славный Сладков.

Дорофеев и Велепольский пили много и жадно и вскоре

стали болтать явно лишнее:

- На днях прохожу мимо коновязи и вижу пехотинца, который притулился в уголке и отливает лишнее. Представьте себе мой гнев, господа! – рассказывает Дорофеев, - Подхожу и спрашиваю сердито: «Ты из какой роты, негодяй, будешь?», а он «Девятой, Ваш-Выс-бродь!» «Почему в неподложенном месте мочишься, свинья?» – спрашиваю, - «Имя своё назови, рядовой!» «Аксён Паршивцев» - отвечает, вроде и не смутившись. «И имя у тебя подходящее. По делам и имя дано» - говорю. «Рад стараться Ваш-Выс-Бродь!» - проорал. Ну что взять с идиота?

- Все они такие: тупо-хитроватые, да ещё и на руку не чисты, - поддакивает Велепольский, - Вот у нас знаю одного казака - Макар Попадейкин зовут, вороват донельзя. Ничего не пропустит. Говорю ему: «Ещё раз поймаю, худо тебе будет, скотина», а он с тупым равнодушием пялиться и козыряет. Кабак развели!

- Видно Вы плохо казаков знаете, граф, - сухо замечает крепкий и поджарый Мизинов, выглядящий очень уж мелким и невзрачным рядом с красавцем-великаном.

- По-моему вы, господа, перестарались в обобщениях, - вмешивается Кирсанов, - Вас послушаешь, так народ наш и ломанного гроша не стоит – недоумки да воры. А на народе, господа, и армия и держава стоят. Не следует забывать.

- Вы, капитан, горазды нравоучениями заниматься, я посмотрю, - огрызается Дорофеев, - Да прожили бы с моё - иде-

ализм бы Ваш испарился, улетучился. Такова жизнь и было всякое нам, гвардейцам, учить и исправлять подобает.

- Быдло оно и есть быдло, - ухмыляется Потоцкий.

- Из-за таких господ как вы оба, - уже не на шутку распаляясь, говорит Филипп, - Революции случаются и монархии рушатся!

- Вот уже договорились до того, что я революционером стал! – хохочет брагой в лицо Кирсанову Амвросий, - А я в пятом году, вот этой самой рукой, револьвер свой в мурло революционной швали разряжал!

Кирилл всё больше разочаровывался в своём командире, который был поначалу ему очень даже симпатичен своей вальяжностью и бравадой. Эдакий бретёр и повеса николаевских времён. Каким и подобало быть гвардейцу. Но недавно в бою Ртищеву показалось, что Дорофеев не горит желанием рисковать. Тогда думалось, что лишь показалось. А теперь он видел воочию, что командир его просто неумен, склонен к пьянству, а к тому же, ещё и неоправданно груб. Созданный воображением образ идеального гвардейца испарился и оставил разоблачённого пустого фанфарона.

- Я вам не без оснований говорю, что такое поведение подталкивает народ к классовой ненависти, господа! А это есть величайшая ошибка дворянства, к которому и сам имею честь принадлежать.

- Думаю, что Вы полностью правы, капитан, - совершенно спокойным тоном говорит барон Фельдман.

- А я взял, да кнутом огрел на днях пехотинца Пенькова за тупость и хамство, - выпучивает вдруг Потоцкий на Филиппа глаза, - И такой язык эти скоты понимают. Так неуклонно устанавливается дисциплина. Веками!

- Рукоприкладство лишь порочит честь дворянства, вот что я могу сказать вам, господа! – отрезает капитан.

- Человек на то и Богом избран, что ему всё можно словами разъяснить, - вставляет Кирилл.

- Вы идеалист, гвардии поручик, - смеётся Велепольский, поглядывая на Ртищева с высоты своего громадного роста.

- Если я идеалист, то Вы – утопист, пребывающий до сих пор в атмосфере восемнадцатого века и подтачивающий, тем самым, устои, - огрызается Ртищев.

Взгляд Велепольского становится подобен вызову на дуэль и Ртищев, как всякий офицер, а тем более гвардейский, уже начинает искать повод для дуэли.

- Идеализм нужен человечеству. Просто даже необходим, подьесаул, - замечает барон Фельдман, - Без него человечество пропадёт, озверееет.

- Это нисколько не оправдывает молодого офицера, упрямо подчёркивающего свой идеализм, - с этими словами Велепольский с оскорбительно-насмешливой миной кланяется Ртищеву с выразительной ухмылкой, означавшей в глазах Кирилла откровенное презрение.

- Мне кажется, что один из нас хочет оскорбить офицера, господа! – напряжённо-повышенным тоном заявляет Ки-

рилл, приняв торжественную позу.

- Гвардии поручик Ртищев, тут некоторые уже перебрали допустимое количество спиртного, и потому Вам следует учитывать обстоятельства и не принимать подобные глупости близко к сердцу! – выпаливает Кираснов, понимая к чему идёт дело.

- Господа, позвольте взять слово не дворянину? – не выдерживает обычно молчаливый Владимирцов, не заметивший ещё того что происходит, или специально старающийся отвлечь общее внимание.

- Говорите, капитан, - резко замолкает Дорофеев, слегка протрезвев.

- Есть у нас в батальоне один рядовой из крестьян. Очень мудрый человек оказался. Так, он мне как-то говорит: *«И по шю столько веков власть имущие простого мужика обижают? Покрикивают лишь на него, чуть-чего в острог затворяют. Разве же мужик шю не по евангельским заветам делает, шю его не милуют? Крестьян мужика, как и барина, а церковь мужик почаще бар столичных посещает. А кто весь народ кормит, чьи руки? Как надобно родной дом оберегать, так костями своими ложится и от супостата Отчизну спасет. Кто в восемьсот двенадцатом державу спас? Не дворянство одно. Простой народ в первую очередь. Все поднялись, все правителей поддержали. А мужика того же опять и в хомут. Только и кричат на него да ругают...»* Сам я из, что говорится, низов. Дед был крестьянином, но

отец уже вышел в разночинцы. Не могу быть не за народ. Но при этом я и убеждённый монархист, как и тот рядовой из крестьян. И чем больше я Маркса почитывал да размышлял над хитросплетениями его учения, тем более заскорузлым поборником самодержавия становился. Ведь лучшие самодержцы вместе с народом сделали Россию великой, а марксисты хотят её разрушить и создать неизвестно что.

- Демагогия всё это! – взъерепенился Дорофеев, - Разве я утверждаю, что весь народ в подряд плох? Не говорили ни я этого, ни подъесаул. Что вы всё перекручиваете?

- Верно говорит наш капитан. «Мы, - говорил всегда и наш штабс-капитан Межецкий, провинциальное дворянство, того же о народе мнения. А столичное - оно всегда иных взглядов придерживается», - тихо ровным тоном высказался Кирсанов, покручивая ус.

- Ладно, господа, верно мы друг друга не так поняли. Закроем эту тему – ни слова больше, - примирительным тоном сказал капитан Владимирцов и, похоже, все оказались рады не доводить дело до дуэли, или каких иных эксцессов, - Всё не так просто у нас в России. Вся внутренняя политика закручена в ужасный неразрубаемый узел. *Наивные крестьяне убеждены, что Дума настолько всемогущая, что может раздать землю буквально всему населению и избавить его от безработицы и голода. Мечты о Чёрном переделе живы,* господа. А с другой стороны, по-моему, не так просто решить, что для нас лучше: растущий столыпинский хуторя-

нин или частичное сохранение общины. Пока ещё война нас сплачивает и не даёт вновь погрузиться в выяснения отношений между разноимущими слоями населения...

- Выпьем за скорейшую победу всем нашим народом без внутренних раздоров! – поднял рюмочку Дерфельден, - Победа спасёт монархию и сделает её конституционной.

- О, так Вы за Ответственное министерство, барон? И не предполагал... – удивился безоговорочный сторонник самодержавия Фельдман, - Поддерживаю лишь первую часть Вашего тоста.

- Ура, господа! За победу! – выкрикнул Мизинов и все его поддержали.

- Был у нас на границе один капитан в летах, мой предшественник. Годами тот пост до меня охранял. Очень интересный был человек, хотя и из простых. Так или иначе его коснулись многие Туркестанские события девяностых годов. Ещё при Государе Императоре Александре Третьем ему довелось участвовать унтером в заварушке на Памире, - располагаясь заговорил Владимирцов.

- Рассказали бы нам о тех славных делах, капитан, - попросил барон Фельдман.

- О горах, в которых я бывал лишь в мечтах, - блеснул ясным взором Кирсанов.

- Сам я альпинизму, в отличие от Вас, капитан, никогда не обучался, но налазил по тем диким горам всласть. Вплоть до льдов поднимался. Где надо было и с верёвкой. Но Памир,

в своей восточной части, имеет такую же особенность рельефа, как и Тибет. Это не столько горы, сколько плоскогорья и очень засушливые. Поэтому для верховых казаков освоить эти края оказалось задачей посильной. Началась Памирская эпопея ещё при Александре-Миротворце, когда лихой капитан Бронислав Громбчевский, из поляков, имеющий горный опыт, побывавший до того ординарцем у самого Скобелева, участник Алайского похода князя Витгенштейна, дерзнул побывать в долине Хунзы, исследуя бассейн Раскемдары в сопровождении эскорта из семи казаков⁹⁴. За пятьдесят пять дней в горах они дважды встретили людей. Первый раз - банду канджутцев, направлявшихся для грабежей на большую караванную дорогу из Яркенда в Кашимир, а второй - отряд британской экспедиции Янгхасбэнда. В долине Хунзы небольшой отряд был душевно принят местным сирдаром-правителем Сафдаром Али. Источником существования этих туземцев, не имевших ни пяди плодородной земли, был исключительно грабёж караванов. Ходили слухи, что в борьбе за трон Сафдар порешил своих отца с матерью и казнил множество соперников. Капитан обещал сирдару вернуться на следующий год с интересными предложениями из Санкт-Петербурга. Читральская пробританская адми-

⁹⁴ За три года до этого Громбчевский исследовал верховья Сырдарьи, Нарына и Сусамыра, Ферганский и Александровский хребты, а потом открыл месторождение нефрита и получил от Императорского Русского географического общества золотую медаль. Затем капитан побывал в нынешнем Пакистане, изучая британские территории (долину Хунзы и прочие).

нистрация уже выслеживает якобы появившихся русских, но ловит не тех: арестованными оказались члены французской экспедиции во главе с Бонвилем. Тотчас же матерый британский агент Фрэнсис Янгхасбэнд был отправлен с немногочисленным конвоем бенгальских солдат, чтобы изучить и нанести на карту горы, окружающие долину Хунзы возле перевала Хунджераб. Неожиданно к Янгхасбэнду прибывает посыльный с приглашением на обед в отряд русского путешественника и разведчика капитана Громбчевского. Фрэнсис принимает приглашение и наградой тому становится роскошный для тех мест обед в палатке у Громбчевского. С обеих сторон были выставлены водка и бренди. Потом оба командира хвастались друг перед другом: один – виртуозной джигитовкой казаков, другой – меткой стрельбой из дальнобойных карабинов. Три дня гостили британцы в казачьем лагере. Один раз, в подпитии, Бронислав подозревал казаков и спросил, хотели бы они наступать на Индию? Рядовые же клялись, что ни о чём другом и не мечтают. Громбчевский доказывал Янгхасбэнду, что англичане обязаны такой враждебностью со стороны русских тому, что вооружали турок во время войны на Балканах. Тогда ещё не было Японской... Через год Громбчевский вновь встречает Янгхасбэнда и теперь – в Яркенде, что в Восточном Туркестане. На сей раз англичане отблагодарили русских своим гостеприимством. Всё это мой постовой предшественник видел и слышал своими глазами и ушами. А потом он стал

одним из первых зимовщиков на Памирских высотах. В тот же год туркестанский генерал-губернатор барон Вревский сформировал специальный отряд из охотников⁹⁵ от туркестанских линейных батальонов и оренбургских и уральских казаков из Оренбургского полка. Всего набралось восемь офицеров, девяносто рядовых солдат и двадцать четыре казака, под командованием семиреченского казака полковника Михаила Ефремовича Ионова, имевшего за плечами четверть века туркестанских походов. К тому времени британцы уже передали часть Памира афганцам, а часть – китайцам с целью не допустить туда русских. Обитатели западнопамирских ханств Рошан и Шугнан пережили повальное вырезание целых селений афганцами. Женщин и детей афганцы угоняли к себе. Когда Громбчевский проходил селение Сарез, он видел последствия афганского произвола и был поражён симпатией населения к русским. Задачей отряда Ионова стало прекращение бесчинств китайцев и афганцев на Памире, по возможности избегая прямых столкновений, и восстановление права России на эту область. В сердце Восточного Памира отряд Ионова разделился: казаки с полковником пошли на озеро Ранг-куль, а пехота с выюками – в долину реки Аличур, где и остановились, занимаясь картированием местности, пока Ионов с казаками объезжал районы, прилегающие к Гиндукушу. Взятие перевалов высотой под пять вёрст с конно-горной батареей, без всякого

⁹⁵ Охотники – желающие пойти в разведку. Часто ими были казаки.

альпинистского снаряжения, достойно, по-своему, зависти альпинистов. Не имея ни санкции МИДа, ни явного указа Вревского, игнорируя китайские посты и разъезды, полковник расставлял на своём пути пограничные знаки - простые камни с надписью: «Полковник Ионов. 1891». Тогда же русские арестовали английского лейтенанта Дэвидсона и отправили его под конвоем в Маргелан, то есть негласно Памир уже считался русским. Вскоре Ионов столкнулся с Янгхасбэндом и встреча их оказалась не менее тёплой, чем некогда с Громбчевским. Палатки англичан были удобнее русских, но изобилие русской снеди в таких условиях глубоко поразило англичан. Офицеры обеих сторон, в ходе застолий, обсуждали планы своих правительств на «ничейные» территории. Стало ясным, что каждая сторона претендует на Памир, Хунзу, Читрал и Восточный Туркестан. А потом Ионов с двадцатью четырьмя казаками прошёл перевал на южную, почти что британскую сторону Гиндукуша. Пройдя по зоне английского влияния добрую сотню вёрст, полковник вышел на южную границу Памира к афганской крепости Сарход, гарнизон которой в страхе разбежался. Оказалось, что Янгхасбэнд вновь путешествует по Памиру и к его биваку подъехал Ионов. Глубоко извинившись, он попросил британского офицера следовать правилам и покинуть российскую территорию. Ионов взял с капитана письменное обязательство более здесь не появляться.

- В самом деле, в те годы русские высокие чины нача-

ли воспринимать Памир исключительно в качестве удобного плацдарма для броска на Индию в том случае, если британцы поведут себя опять так, как случилось после Балканской войны семьдесят седьмого, - вставил Фельдман, - А знаете ли вы, что британский посол в Петербурге Роберт Мориер резко высказался против русской аннексии Памира и потребовал извинений за незаконное изгнание Янгхасбэнда и Дэвидсона за пределы Памира? Александр Третий сделал полковника Ионова «официальным козлом отпущения». Полковника обвинили в превышении полномочий вслух перед Британией, а на деле Государь подарил полковнику золотой перстень и дал генеральскую должность. И что случилось на Памире в следующий сезон?

- Изгнанные китайские посты, сразу же после ухода русских в Ферганскую долину, вернулись, а афганские забрались в самую середину Памира. Вопрос был поставлен уже о достоинстве России на другой год Государь повелел вновь послать на Памир усиленный отряд Ионова. На сей раз в его составе имелись три сотни казаков Оренбургского полка. Китайцы бежали, лишь издали завидев русских. Был разгромлен и основной афганский пост. Ионов уходит обратно в Фергану, оставив в новом укреплении на месте старого бивака отряд в 160 человек пехоты и 40 казаков во главе со штабс-капитаном Кузнецовым. В центре того поста сначала поставили юрту покрупнее, а вокруг неё - пять юрт помельче, которые соединялись проходами. Образова-

ласть улитка с одним только входом, что позволяло беречь тепло от железной, привезённой, печки. Крыши юрт заваляли терескеном и густо смазали всё глиной. Ведь леса там нет. Как-то мы и на Тянь-Шане такой пост на большой высоте соорудили. На редуте том три с лишним версты высота и от того климат там чудной и воздуха маловато. Солдатики тощали, начиналась горная болезнь, а у кого и цинга, анемия. В разгар зимы бывало ночью до минус тридцати пяти по Цельсию, а днём - до плюс двадцати на солнце и минус шести в тени. Кузнецов и капитан Серебренников из кожи лезли, чтобы поднять дух солдат, устраивали свой оркестр и даже театр. Семнадцать музыкантов на духовых инструментах с турецким барабаном под управлением отрядного адъютанта поручика Осетинского исполняли не только марши, но и целые попури из разных опер! «Капитан наш – отец» почтительно отзывались о Кузнецове солдаты. Бессменно трудился отрядный врач Третьяков, которому помогал капитан Зайцев, сменивший позже Кузнецова. С весны афганцы вновь начали терзать местных забитых полунищих жителей Памира и на их усмирение был послан отряд капитана Глеба Михайловича Ванновского. Тогда на деле были впервые опробованы в бою две повторительные⁹⁶ трёхлинейные винтовки системы Мосина образца 1891 года. Во времена Александра войн-то и не было.

⁹⁶ Тогда именно так называли систему затвора, который следовало переводить вручную.

Трёхлинейки позволили держать афганцев на почтительном расстоянии - до полутора вёрст, и позволили Ванновскому с двенадцатью офицерами обратить в бегство афганский отряд в шестьдесят человек, вооружённый от британских щедрот. Очень ценили и любили подчинённые Ванновского. Всегда был подтянут с длинными загнутыми вверх усами и аккуратным пробором на голове. Сам его встречал в Туркестане. Хотя афганцы и получали оружие и деньги от англичан они их не любят и само слово «инглиз» считается у них ругательством. Как-то один афганский офицер говорил Ионову, что если Россия поднимется на Индию, то Афганистан примкнёт непременно к русским. Пришлось людям во главе с Ванновским преодолеть столь тяжёлый перевал, что в обледенелых склонах шанцевым инструментом вырубали ступени и протаскивали выюки и лошадей. От высоты страшно болела голова, а у иных носом шла кровь. К концу 94-го года Памир был окончательно очищен от китайцев и афганцев отрядом Иопова, подполковника Юденича и капитана Скерского. Шуганцы целовали нашим офицерам руки и становились на колени перед избавителями от произвола наймитов-«носителей европейской христианской цивилизации». О том рассказали мне свидетели того – здоровенный поручик Шаронов с капитаном Арсеньевым – знаменитым охотником на горных баранов и козлов. Оба побывали потом в наших краях, и мы вместе ходили на охоту. Такого стрелка, как капитан я, признать, раньше не встречал.

Но Арсеньев превозносил Ионова, как лучшего охотника, не боящихся никаких горных круч. Увы, Ионов с Громбчевским не любили и ревновали друг друга. Да оно и понятно: приоритет звания Первого памирца не давал обоим покоя. Два медведя в одной берлоге не уживутся. Вот и всё, пожалуй, что мне некогда тот капитан поведал.

- Юденич сейчас на Кавказе трудится, - заметил Фельдман, - а Ванновский очень отличился в Японскую, а сейчас, насколько я помню, командует Пятой Донской казачьей дивизией. Славится своей храбростью среди кавалеристов. А вы слышали, господа гвардейцы, что Государь дал смотр кавказской кавалерийской дивизии в Подольи? Очень к ней благоволит. Оно и понятно – проявили себя героями. Много в дивизии кубанцев и терцев в мохнатых папахах. До нашего генерал-лейтенанта донёсся слух, что до Рождества Государь намерен осмотреть и гвардейские полки, начиная с Галиции. Может и сюда доберётся, как знать.

- Гвардейцы в грязь лицом не ударят, разве что, сваленные пулей с седла в лужу приземлятся, - с бравой беззаботностью бросил в ответ Дорофеев, - А нужно ли это? И чего Его Величеству в такую даль забираться?

- Солдат русский пока ещё не настолько испорчен, чтобы можно было заявить, что смотры царские не поднимают дух армии, - тихо сказал Владимирцов, - Зато с офицерством дело обстоит, увы, несколько иначе. В 1812-м и в Севастопольскую кампанию выделились талантливые военачальники, но

уже в Японскую таких, как Корнилов, Нахимов и Тотлебен, не нашлось. Вернее, таких в Японскую были уже единицы, тогда как до того - десятки.

- Вездесущий ныне либерализм уничтожает дух офицера, как и солдата, - добавил барон Фельдман.

- Да не в либерализме суть, - отмахнулся барон Дерфельден с раздражением в тоне, - Просто технический уровень стал иным, а Россия отстала в плане боевой техники и, соответственно, планирования операций в новых условиях.

- Полностью поддерживаю барона! – ставил самодовольным тоном Казимир Потоцкий.

- Не так всё просто, барон, уж позвольте не согласиться, - продолжил Дмитрий Фельдман, не замечая слов Потоцкого, - Разве в одной технике причины таких крупных неудач? Быть такого не может. На первом месте в любой войне дух армий. Японцы были оснащены технически на том же уровне, что и мы, но стремление к победе у них было не сопоставимо сильнее.

- А почему у нас дух оказался слабее? Потому, что мы начинаем вырождаться в условиях рутины правления горстки закорюченных геронтов подобных Горемыкину, - уверенно произнёс Потоцкий хорошо поставленным голосом, несмотря на явный польский акцент.

- Интересная мысль, есть в ней своя правда. Немало министров пора бы заменить на молодых и деятельных. Но всё же, не подобает офицеру русской армии заявлять такое, - вски-

нул брови барон Дмитрий Владимирович Фельдман, - Тем паче навязывать эту мысль другим.

- Я никому ничего не навязываю. Даже Альфред не согласен со мной по многим вопросам.

- Кто начинает развивать эту тему, тот скатывается до критики Царской семьи, что входит уже в моду. А офицер должен быть вне политики. Именно из-за внутренней смуты мы проигрывали японцам.

- Наверное, Вы правы, барон, - уклончиво ответил Потоцкий.

«Этот бастард рода Потоцких начинает раздражать уже и меня» - раздумывал по-польски подъесаул Велепольский за кружкой протрезвляюще-крепкого чая.

- В своих афоризмах Козьма Прутков утверждал: «Если хочешь быть красивым - поступай в гусары», - размышлял вслух изрядно подвыпивший Дорофеев, - Хотя я сам и улан, но признаю особую красоту гусарской формы. Впрочем, разве сравнить форму нашего времени с той, что была в Николаевские времена и до них? Какой доломан!

- Да что их брать - гусаров-красноштанников, - отмахнулся Потоцкий, - С гвардией вашей не сравнить. Разве не так?

- А покойный отец мой утверждал, что *только два полка лишены «особого шика» - лейб-гвардии Преображенский пехотный полк и кавалергардский*, - сказал Ртищев, - Они берут тем, что просто не нуждаются в том, что именуется среди офицеров «шик». Их «шик» заключается в пол-

ном отсутствии «шика», как такового. У них своё «рафинэ» джентльменства и оно недостижимо.

- При всём моём уважении к отцу твоему, Ртищев, - промямлил полусонный уже Дорофеев, - согласиться с таким утверждением никак не могу. Как вообще можно сравнивать пехотные полки с нами, с кавалеристами? Не тянут они до нас, ой не тянут. И никакой тут «самый-пресамый шик», ни его отсутствие не помогут. Ни выправки кавалерийской, ни нрава. Всё равно, что прочих кавалеристов с гвардейскими сравнивать.

Кирилл смутился от мысли, что его слова могли быть услышаны соседними негвардейцами и пехотинцами и поспешил замять дальнейшее развитие этой темы.

- Нет, господа, кавалерия ещё покажет себя в этой чёртовой войне! – бражным тоном пророкотал вдруг Амвросий Дорофеев.

«Вновь постылое серое утро. Необходимость выползать с койки и выходить навстречу этой неуютной холодной серости, оскорблявшей самые лучшие чувства. Переться в зловонное отхожее место. Вновь слышать приевшуюся воркотню младших чинов. Сам напросился. Сидел бы себе дома. Слушал бы ворчание любимой жены... Теперь молчи. Терпи» - корил себя Сергей за непослушные мысли и чувства. Всё чаще и неотступно возникали милые сердцу уютные картины детства – рождественская ёлка с золочёными и серебрё-

ными грецкими орехами, спрятанными под золотой бумагой, прикрывавшей основание ёлки, сюрпризы для каждого. Но вспоминались и слова сильного духом Владимирцова. Вот с кого надо брать пример: «Офицеру подобает быть беспощадно строгим лишь к самому себе, но к другим офицерам быть мягче, а к солдатам гораздо мягче». Из соседних окопов доносилось беззаботное пение усталого казака, только что вернувшегося из ночного дозора: *«Тут красotka живет. У ней вотчим крутой. Воевода лихой...»* Поставленный низкий голос казачины немного скрасил безотрадность промозглого рассвета. «Каждый Божий день начинаю молитвою об Отечестве» - писала Лиза Серёже – «Да хранит тебя Господь в годину тяжких испытаний, мой милый! Неужто война эта будет долгой, как Японская? Неужто наш сыночек не увидит и в будущем году отца?» Подобное содержание писем не слишком радовало. «Ведь и своих тяжёлых мыслей о семье и её будущем хватает. А тут ещё и известие о том, что и брат Пётр тоже на фронте... Радует, что любимая сестрёнка Евпраксия, кажется, воспаряла духом после знакомства с другом брата Аркадия и тот сделал ей предложение. Все братья одобряют, но она решиться на утвердительный ответ пока не может... Лучше бы тайно от нас повенчалась... Но и сделавший предложение, уже опять на фронте, хотя и Персидском... Уж лучше меня бы пришибло здесь, чем её жениха. Ведь он был бы способен спасти мою сестру от её непонятного для всех нас душевного разлада... А пока что она

даже стала посещать общество для духовного саморазвития девушек «Белый голубь». Они собираются раз в неделю и читают вслух цитаты поэтов, философов, духовных учителей, собственные мысли. Ничего плохого тут нет, если только не завлекут её там в дебри теософии, коей грешат обе столицы. И Митя с Глебом на фронт собираются. Боре проще. Похоже, что его никак не задевает, что он отсиживается в тылу, а нас всех он лишь критикует и даже высмеивает. А каково там Варе монашествовать в суровом Белозерском краю? Новости все эти навевают печаль и потаённую тревогу. И всё же вспоминается опять Настасья. Ой, грешен я, к чему это образ её вновь предстаёт предо мною? Ведь не хочу я этого, Господи! Отведи напасть, Боже Всемогуший!» Всё утро, после того, как гвардейские офицеры ушли, Владимирцов ворчал на них, а Кирсанов с этим молча соглашался.

- Вот такие, как этот Дорофеев, или те оба шляхтича, приписанные к казацкому полку, они же нам, армейцам, дорогу перебивают, тем кто лямку в поте лица тянет. Но все преимущества у гвардейцев с генштабистами. А к чему эти дополнительные привилегии офицерам Генштаба, которые и так высшее военное образование получили? Но они принимают полки вне очереди, не мы. А боевого опыта у нас побольше. Смириться остаётся.

- Так, оно и на благо – смириться, - заметил Охотин.
- Это смотря с чем смиряться и когда, - с досадой добавил Емельян, - Средний гвардеец относится к армейцу с холод-

ным высокомерием. Уязвлённый армеец не может спокойно смотреть на привилегии гвардии. Можно понять, что следует давать привилегии более образованным, или лучше учившимся. Но практика показывает, что в бою зачастую героями проявляют себя не первые ученики, не карьеристы, а наоборот.

6. Проклятые болота

«Если Франция не была стёрта с карты Европы, то прежде всего мы обязаны этим России»

Маршал Ф. Фош⁹⁷

«Если бы французы со своей стороны выделили хотя бы скромную часть своих запасов орудий и снарядов, то русские армии, вместо того, чтобы быть простой мишенью для крупновесных пушек, стали бы в свою очередь грозным фактором обороны и нападения... Пока русские армии шли на убой под удары превосходной германской артиллерии... французы копили снаряды, как будто это было золото».

⁹⁷ «Россия была очень чувствительна к просьбам союзников, и, по оценке маршала Фоша и других высших начальников французской армии, русский Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич часто удовлетворял их просьбы в ущерб национальным русским интересам» (Гордеев А. Великая война). Второй раз в истории французы были обязаны русским спасением от полного немецкого завоевания. Первый раз – в 1871 году. Третий раз схожая ситуация повторилась во Вторую Мировую.

Д. Ллойд-Джордж

Глеб Гордеевич Охотин, как обычно, сидел за своим столом и копошился в горах служебных бумаг. Стремление к порядку во всём было его отличительной чертой, но уж больно много бумаг накапливалось с годами в его отделении. Охотин имел обыкновение уходить с места службы последним. Его длинная, с годами ставшая худой, мускулистая фигура, вечно склонявшаяся над письменным столом, стала притчей во языцах среди сослуживцев. Но сотрудники уважали Охотина и никогда не позволяли себе явно посмеиваться, а если и смеялись, то — за глаза и не зло. Начатое было расследование по делу скопческого убийства зашло в тупик.

Последние дни Глеб совершенно погряз в разбирании дела помощника великобританского военно-морского атташе Сиднея Рэйли. Коллега и друг Глеба из Департамента полиции всё чаще прибегал к услугам Охотина, ставшего известным на всю Москву детективом. *Имелись непроверенные данные, что тот же самый Рэйли⁹⁸ под видом торговца строительным лесом, под своим настоящим именем Соломон Розенблюм, появлялся в 1903 году в Порт-Артуре, где вошёл в доверие русского командования, добыл план укреплений и якобы продал японцам. Всё это не помешало гос-*

⁹⁸ По-русски стало принятым говорить «Рэйли», но на самом деле произносится «Райли».

подину Рэйли основаться долгое время в Санкт-Петербурге, где он стал двоеженцем, заключив брак с подданной Российской империи, имея жену в Лондоне. Родился Розенблум, вроде бы, в Одессе. В 1890-е годы за участие в революционной студенческой группе «Друзья просвещения» ненадолго был арестован Охранкой. Вскоре он инсценировал своё самоубийство в Одесском порту и отправился на британском корабле в Южную Америку. Какими путями он оказался в Англии не понятно. Теперь этот сомнительный тип уже имеет солидное положение в Великобритании и послан в Россию на ответственный пост. Требовалось доказать, что Розенблум с Рэйли - одно и то же лицо, после чего ему грозил большой скандал. Но раздобыть доказательства было невероятно сложно. Пока что агенты питерского коллеги Глеба достоверно узнали лишь тот факт, что Рэйли был в числе российских революционеров в самом конце века, а потом оказался в работниках британского посольства в России. Подозревают, что Рэйли стал посредником военно-морского концерна «Мандро» между русской и германской сторонами. Название это образовано от фамилий владельцев - Мандрорович и Шубарский. На германских верфях концерн заказывал строить крейсера для русского флота. Но якобы сведения о русско-германских торговых отношениях Рэйли отправляет в Лондон. Доказать, что тот же самый человек оказался в Порт-Артуре было бы очень желательно. Но дело пока не клеилось. Единственно чего добился Глеб своей усидчиво-

стью и долгим рытьём в справочниках было то, что в справочнике «Весь Петербург», который уже стал Петроградом, некий Рэйли значился как «антиквар и коллекционер», который также был членом «Санкт-Петербургского лётного клуба». То, что именно - «лётного» указывает на шпионский характер его пребывания в России...

А вот ещё занятно. Напоминает о недавнем прошлом: *«Всё состояние провокатора Азефа было вложено в русские бумаги. С минуты объявления войны они утратили ценность в Германии. Положение семьи великого провокатора стало критическим. Они открыли в Берлине корсетную мастерскую. Несмотря на протесты и ходатайства, Азеф пребывает сейчас в немецкой тюрьме»*. Так... Получается, что воздалось ему хоть как-то... Наверное, немцы решили, что такую птицу надёжнее будет держать в клетке. Летом, перед самой войной, рабочие столицы как с цепи сорвались: ходили толпами по улицам, ломали трамваи и фонарные столбы, забивали городских до смерти. Причины беспорядков сильно озадачили полицию. «А мы сами не знаем зачем это делаем» - отвечали допрашиваемые громилы – «Нам надавали трёшниц и говорят: бей трамваи и городских, ну мы и били». Не иностранные ли разведки раздавали те самые трёшницы?»

Желая немного разнообразить свою работу к вечеру, поступавшими на уровень его чина вместе с секретными сведениями. « Думается мне, что в аргументах, приводимых

Дурново, имеется одно слабое место» - рассуждал Охотин – «особенно, в плане того, что «...интересы России и Германии нигде не сталкиваются». Россия связана с Германией кабальным торговым договором, составленным ещё во время Русско-Японской войны, согласно которому целые отрасли российской тяжёлой промышленности были лишены таможенного покровительства и не могли развиваться, поскольку мы обязаны покупать такую продукцию у немцев. С 1909 года русские решают пересмотреть таможенные тарифы, или вовсе прекратить договор, что чревато большими потерями для германской промышленности. Германия, с одной стороны, готова к войне и содержит непомерно большую армию. Следовательно, война ей необходима. С другой стороны, Германия хочет быть уверена, что будет сражаться сначала с Россией и, нанеся ей несколько сокрушительных разгромов, возьмётся за Францию. Но немцы опасаются вмешательства Англии и мечтают о подтверждении её нейтралитета. Воевать с тремя державами сразу они не могут. Коварный Альбион ненавязчиво намекает на свой нейтралитет. Если остальные сильнейшие державы перегрызутся, он от этого лишь выиграет. Кроме того, немцы понимали, что именно в данный момент австрийцы полностью зависят от них и будут верными союзниками. С 1912 года Германия ощущает себя настолько мощной, что перестает искать компромисса с Россией, а лишь давит и требует своего. Кайзер культивирует идеал военного вождя, а цен-

ности христианские полностью игнорирует, в чём он - прямая противоположность Государю. С одной стороны можно понять крайне правых, которые до последнего кричали за союз с Германией, как с оплотом монархии⁹⁹. Но гадов мне этот Вильгельм... Помню, в чих-то воспоминаниях было упомянуто об Александре Третьем, как этот великой мудрости Государь одёрнул молодого Вильгельма, предложившего ему поделить всю Европу: «Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Полюбуйся на себя в зеркало». Хотя, на месте Александра, я бы тогда, пожалуй, прислушался к подобным мыслям. Но газеты, правда не левые, могут иной раз и порадовать... Так, «В августовских боях в Восточно-прусской операции особенно отличаются казаки Второго Оренбургского казачьего полка. Старший урядник Воросов Иван Николаевич из Первого Читинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска награждён тремя (!) Георгиевскими крестами и, как лучший казак полка, французской бронзовой медалью» и тому подобное.

Нет, всё же я намерен пойти на фронт не только в силу пусть даже слепой и эгоистичной охотинской генеральской гордости. Если угодно и гордыни. Не только. Есть и более высокие побуждения, нежели одна гордыня. И жена должна понять это. Она у меня умница» - улыбнулся про себя Глеб –

⁹⁹ В 1901 году кайзер опустился до того, что на похоронах королевы Виктории уверял нового короля Эдуарда VII в том, что он сам – враг России не питает ни малейшего уважения к Николаю, назвав царя «некомпетентным правителем, годным только для того, чтобы выращивать репу»!

«Ведь сумели понять жёны моих братцев, уже сидящих где-то там в окопах. Никто из них не сетует особо. Разве что Серёжина Лизанька. Так, у той глаза вечно на мокром месте. Уж на что Аграфёна особа непримиримая. Казачка одним словом. И то брата Петра отпустила, благословив. Всё в порядке вещей...»

Дмитрий Гордеевич Охотин в тот же момент имел разговор со своей женой Глафирой на ту же тему. Он понял, что не сможет не пойти на фронт, глядя на пример троих из семи своих братьев. Он не сможет больше сидеть дома, или на своей картографической службе, не сможет продуктивно работать. Его уже не греют милые сердцу книги и описания-отчёты о путешествиях по периферии Империи. Всё его существование лишается смысла и даже младенец-сынок уже не способен наполнить его иным, здоровым содержанием. Скрипя сердцем, он подходил к любимой жене. Он, Дмитрий Охотин, должен отправиться на призывной пункт сейчас же, не откладывая ни на день! После категоричного заявления жене не было слёз и театральных сцен. Всё было воспринято с должным пониманием: Глаша не стала плакать и лишь её изящно изломанные чёрные хохляцкие брови собрались впервые в жизни в складки к носу. Дмитрий всегда особенно любил своих старших братьев Сергея и Петра, которые ещё летом отбыли на фронт, младшего братца Аркашу, который с первых дней воевал, как офицер. Ещё и поэтому никак

не мог Митя продолжать отсиживаться в тылу. Прощаясь со старшим Глебом, Дмитрий был очень ему благодарен за моральную поддержку. А Глеб сказал всего пару слов: «И жёны и дети нам простят и нас поймут. Скоро последую за тобой. Начальство всё держит. Есть высокий смысл в чести семьи. Быть достойным своих предков и просто достойным быть мужчиной». Так, оказался прапорщик Дмитрий Охотин совсем неподалёку от Петра, не ведая о том. Их полк месяцами стоял на прифронтовой полосе, готовый быть брошенным в случае необходимости поддержки, но так и оставался стоять, тренируясь в стрельбе и занимаясь муштрой. Они знали, что на передовой Северо-Западного, в Восточной Пруссии, случилась катастрофа. Дмитрий не без оснований опасался, что Пётр где-то там, и ему не терпелось отправиться на поддержку. Но судьба распорядилась иначе.

Наиболее нерадивый лентяй и бездельник из всех детей генерала Гордея Евграфовича Охотина, Пётр, не раз бросал учёбу в университете, кидался на поиски смысла жизни пока, наконец, случайно не раздобыл золотишко в краю таёжных лесов и старателей, не вложил их удачно в дело и не стал состоятельным человеком с доходами, превышающими таковые прочих, куда более серьёзных, братьев. Остепенившись, заведя жену и ребёнка, он умудрился стать прекрасным отцом и только лишь помышлял о деле, заботе о малыше, да молитвах усердных. Но как только прозвучал набат войны,

Пётр понял, что никак не сможет оставаться более в Москве и устремился на фронт. Для жены, подлинной казачки, подобный шаг мужа оказался совершенно естественным и никакая обида, порою стучащаяся в сердца Серёжиной Лизаньки, или Митиной Глаши, Аграфёну не затрагивала и в помине. Тяжелее стало, забот больше, ну так на то и война. Если кто и пытался отговорить Петра от такого рискованного шага, это был его давний партнёр и друг Силантий Тихонович Воскобойников. Ему было уже на шестнадцать лет больше, чем Пете, а через год должно было стукнуть пятьдесят. Поэтому-то сам Силантий и не помышлял о фронте, хотя и был самых строгих староверческих нравов, чужд всяким новым веяниям и, при этом, сохранил отменное здоровье. Его увещевания о том, что дело их может пошатнуться, что одна голова хорошо, а две лучше, не возымели действия. «Был бы, друг любезный, на пару лет помоложе и сам бы, я уверен, не усидел в такую годину» - отвечал ему Пётр и оба понимали, что это правда. Одним словом, Охотинское упрямство обладало, и Пётр сидел в окопах с августа месяца подпоручиком подобно старшему брату Сергею. Правда, пришлось ему потяжелее. *Их часть не участвовала в славном разгроме немецкого корпуса под Шталлупененом, зато ей довелось побывать в более мрачных местах. Сначала их подразделение бросили на подкрепление во время звёздного часа генерала Ренненкампа под Гумбиненом¹⁰⁰, где немцев от полно-*

¹⁰⁰ В этой битве немцы теряют более трети личного состава войск убитыми и

го разгрома спасла лишь нерешительность генерала Епанчина. И Ренненкампф не стал преследовать, добивать бежавшего в панике противника и потерял инициативу. В те жаркие августовские дни всё большие говорили ещё о коннице, словно она определяла успех сражений, причём как в плане провала Каушена, так и Гумбиненского успеха. Превозносили казаков, гвардейцев, но и перемывали косточки генералу Хану Нахичеванскому. Особенно в этом усердствовали левые. А потом начался ад. Роковые дни середины того августа врезались в память подпоручика Петра Охотина и засели где-то в его мозгу мучающим, вечно ноющим, комочком плоти и трудно стало отличать, где тут сознание, а где – плоть. Все прочие события, даже и бурные, в старательский период Петиной жизни померкли. Войска растянулись бесконечной линией¹⁰¹, зажатые заболоченными непроходимыми участками Мазурских озёр, шагая по зыбкому песку, что ещё большие выматывало и замедляло темп. Коммуникации уже не поспевали за стремительным маршем, войска оказались переутомлены от жары и долгих переходов, недосыпания. Пехота не знала, где, в настоящий момент, находится конница и, наоборот. Приказы из Ставки гнали вперёд. Первым был обращён в бегство отдохнувшими немцами и свежим подкреплением славный Эстландский полк дивизии

ранеными и сдают тысячу пленными, но уже к концу августа русские отступают при Танненберге.

¹⁰¹ Например, армия Самсонова растянулась по территории сопоставимой с Бельгией.

генерала Мингина. После неожиданного обстрела тяжёлой артиллерией это уже были не солдаты, а толпа перепуганных людей. Мингин не помог генералу Штеммелю отстоять городок Нейденбург, и это уже было чревато дальнейшим разгромом. Генерал Ключев вовремя не поддерживает избиваемый корпус Самсонова, защищавший узкое озёрное дефиле, ссылаясь на нежелание «напрасно проливать кровь». Ключев добровольно сдаётся с тридцатью тысячами своих солдат в плен. В плен попадает и, не желавший того, отважный и неуживчивый генерал Мартос. Пётр находился в тот момент в частях ключевского корпуса, которые не пожелали сдаваться волевым решением среднего офицерского состава. Под леденящим душу обстрелом тяжёлой артиллерии остатки верных присяге войск умудрились вырваться из окружения. Генерал Гурко с одной кавалерийской дивизией совершает дерзкий рейд к Алленштейну и отходит назад, поскольку спасти армию Самсонова уже не успевает. А Ренненкампа все начинают «склонять» за его бездействие и уклонение от помощи, когда она была ещё возможна. При этом «обсасывается» немецкая фамилия генерала и её перевод, могущий означать «бегущий от сражения¹⁰²». Занимаются подобным си-

¹⁰² Народ ищет виновников провала среди русских немцев, и честный, если и не лучший тактик в технически новых условиях, генерал с немецкой фамилией подходит для роли козла отпущения. Ставка вынуждена даже отдать приказ, призывавший не верить необоснованным слухам и обвинениям. Но Ставка издаёт секретный приказ, требующий лиц с немецкими фамилиями переводить из штабов в строй. Царь не допускает суда над преданным ему Ренненкампом

дящие в тылах и вовсе не нюхавшие пороха.

Каждую короткую чадную ночь, когда удавалось забыться сном лишь на час-другой, в воспалённом мозгу Петра Охотина упорно возникал сон-видение, вынуждавший его проснуться раньше, чем следовало, в холодном поту. Сначала появлялось болезненно-красное опалённое лицо батальонного, который кричал офицерам сорванным голосом: «Поляжем до единого, господа, но не ударим в грязь лицом!» Вслед за тем возникал образ тоже реально виденного недавно ужаса от случившегося совсем рядом с ним разрыва тяжёлого снаряда, который оглушил Петра, но чудом оставил совершенно невредимым, а разрываемая осколками и швыряемая взрывной волной на десятки метров вокруг плоть его боевых товарищей, плавно летела на фоне белых облаков. Сорванные головы, разлетающиеся внутренности, чавканье сапог в глине, смешанной с кровью. Но не это, уже ставшее привычным, превращало это сновидение в сущий кошмар. Затем появлялась любимая жёнушка Аграфёна, которая истошно кричала от боли, а он не мог двинуться с места, подойти к ней, помочь, что было особенно мучительным. Аграфёна приближалась к нему в полутьме от завешенного чёрным дымом неба и продолжала оглашать пространство, порой не только воплем, а различными словами: «Больно!»

и отпускает его на пенсию. На «достойную» замену погибшего Самсонова был прислан генерал Шейдеман, ставший большевиком.

А когда Пётр находил в себе силы броситься к ней, она загоралась, падала и превращалась на глазах в обугленный труп. Пётр кидался к чёрным спекшимся останкам, и они рассыпались в его руках в порошок, не будучи горячими, но напротив, обжигали холодом. А обугленный череп жены нагло и гадко улыбался оскалом почерневших зубов. И днём со страхом вспоминал Пётр сон, преследующий его. А ещё и сошедшего с ума от ужаса канонады солдатики. Нервного такого, с первых дней. Он неожиданно озверел и стал кидаться на своих. Несчастливого не поняли поначалу, что имеют дело уже с умалишённым, и начали мордовать его. Когда подпоручик Охотин подошёл, чтобы остановить лютующих подчинённых, на солдатики того уже жалко было смотреть: били сапогами лежащего куда попало. «А если я вас так, уроды проклятые?» - рассвирепел тогда Пётр и, скорый на кулачную расправу, двинул самому здоровенному бугаю в челюсть так, что тот чуть не упал. «А он на нас кидаться с лопатой стал...» - раздался чей-то неуверенный голос. «Вы что не поняли, что человек рехнулся? Ну выбей лопату, ну огрей пару раз. Зачем же избивать до полусмерти? И не стыдно вам? Пожалеть человека нужно. Не выдержал он всё это!» - пытался объяснить Пётр солдатам, уже начинавшим звереть от непрекращающегося ужаса вокруг, - «В этих условиях, рядовые, самое важное сохранить человеческий облик...» Лишь когда Охотин с горсткой отчаянных офицеров, унтер-офицеров и солдат выбрался из окружения, он заметил, что ра-

нен в мышечную мякоть, кровотечение никак не останавливается и он уже заметно ослабел, быстро двигаясь перебежками и ползком несколько дней и ночей к своим. Его отвели ненадолго в полевой госпиталь, хотя он и пытался заявить, что останется с товарищами.

В незатейливой прифронтовой палате, где второй день лежал и отъедался Пётр Охотин, вместе с ещё несколькими из товарищей по окружению, всё чаще появлялась очаровательная рыженькая молодая сестра милосердия. Стало заметным, что её особенно привлекает смена перевязки на охотинском, немного продырявленном и начавшем гноиться боку, и попутные беседы с пациентом. Окружающие офицеры могли лишь позавидовать:

- И от чего такое внимание к женатому? Я, вот, холостяк-холостяком и на рыжих падок, так и не посмотрит, младших сестриц ко мне направляет, а сама – ни-ни.

- Физиономией не вышел, видать, али просто взгляд тоску навивает, - смеялся другой, - А вон Охотину гораздо гнойные повязки менять.

Неожиданно зашёл пожилой ворчливый врач и объявил, что с минуты на минуту к ним зайдёт сам генерал Нечволодов и, чтобы «лишнего-чего не-болтали-тут». Пётр подумал, что имя это ему знакомо и стал вспоминать в связи с чем он его слышал: «А! Чёрт возьми: «Сказания о Земле русской»! Написано генералом Александром Дмитриевичем Нечволо-

довым! Глеб всё хвалил генерала, уверял, что ко времени написано человеком со знанием дела. Я тоже тогда начал было читать, но всё откладывал и не дочитал. А ещё Сергей упоминал Нечволодова. Он встречал его тогда ещё не генералом в Маньчжурии. Потом узнал от Глеба, что Нечволодов занимался в Маньчжурии тайной разведкой».

- Здравия желаю, господа офицеры! – прозвучал приятный низкий голос вошедшего в помещение седого как лунь, осунувшегося мрачноватого генерал-майора лет пятидесяти.

Кто мог, в том числе и легко раненный Охотин, повскакивали и козырнули.

- Лежите, господа, не стесняйтесь, а то лекарю вашему пожалуюсь на вас! – речь Нечволодова¹⁰³ лилась медленно, основательно, почтительно к окружающим и к себе самому,

- Как понимаю, вы все свидетели нашего поражения на Мазурских озёрах? Так?

- Так точно, Ваше Превосходительство! Почти все здесь отсюда, из пекла...

¹⁰³ Александр Дмитриевич Нечволодов (1864-1938) родом из высшей знати запорожских казаков, сын героя последней Турецкой войны. Офицер разведки, историк и экономист. Несмотря на свои обличения мирового сионизма и популяризации Протокола сионских мудрецов, не ввязывался никогда в общественные антисемитские акции, презирая бытовой антисемитизм. Участник Первой Мировой. Отстранён от командования Временным правительством за правые взгляды. В эмиграции исследовал деятельность американского банкира Шиффа, финансировавшего Японию и первую русскую революцию, но пришёл к выводу, что международный банковский капитал не имеет религиозной и этнической основы и пытается завладеть миром экономическим воздействием.

- Хотелось бы вас спросить, господа, что по вашему мнению является причиной нашей катастрофы, гибели целых корпусов? Что вы об этом думаете?

Последовал гул голосов и сквозь многоголосицу прорвался сильный голос млажаваго ещѐ, но бойкого штабс-капитана, который не мог встать из-за искалеченной ноги:

- Полагаю, Ваше Превосходительство, что причин тому много, но главная – очень поверхностная проработка операции генеральным штабом: нельзя было нам так растягиваться в такой специфической местности.

- Полностью согласен с Вами, штабс-капитан. Это главная тактическая ошибка и очень существенная, помимо недостатков в вооружении. На первом месте – скверная работа штабных, как ни прискорбно это констатировать. Но, прошу, господа, не обсуждать подобные темы с рядовыми. Когда человек или слишком молод, или недостаточно развит, ему свойственно делать далеко идущие и, как правило, глубоко неверные выводы. Говорю с вами откровенно, господа, полагая, что для людей, уцелевших в окружении, не сдавших в плен, Россия – не пустой звук. *А ведь верно служить трону стало не модным и среди офицерства, чего греха таить... Когда-то, после подлого убийства Царя-Освободителя, я дал себе некий рыцарский обет: верой и правдой служить Отечеству и трону. После окончания Военной Академии я предлагал реформу генерального штаба и военного министерства, в ходе чего впервые столкнулся с удиви-*

тельно единопутным недоброжелательством к себе старших офицеров. Все мои благие начинания отвергались этим сборищем карьеристов. К моему прискорбию уже в начале века мне открылось, что за пустым славословием во славу монархии, истинной преданности ей среди высшего офицерства уже не замечалось. Более того, она становилась дурным тоном. И с каждым годом эти настроения усиливаются, господа! Нет более ничего святого в рядах большинства из высоких чинов. Хочется верить, что среди вас сохранилась преданность идеалам наших отцов и державе будет на кого опереться. Ведь вы есть соль армии, её стержень! - Александр Дмитриевич резко остановился с каким-то надрывом в голосе, - Чего я добился? Очень малого: взрастил своими руками и духом Ладожский полк, ставший в Пятом году опорой самодержавия. Маловато, но – свой посильный вклад... Ещё и книги об истории писал и издал, курс русской истории для простого народа о тех временах, когда иначе относились русские к своим самодержцам. Да только левая печать подвергала мои труды осмеянию, что при их засилии в печати, выходит очень легко. Ведь для них вся русская история вызывает лишь насмешки, либо отвращение и ничего святого в ней для них давно нет, - голос пожилого человека дрогнул, - Простой человек, если он грамотный, способен воспринимать такого рода книги о нашей великой истории, но не интеллигент нынешний, увы. И это при том, что у малообразованных слоёв нет такого, как у нас с вами

понятия Отечества. Возвышенного и непременно связанного с историей и политикой. Есть у них зато очень ясные понятия: защита очага, семьи, Веры отцов и Царя, а из них уже складывается и Отечество. Попробуйте выступить за правительство и орган, Вас напечатавший будет политпомоями и заклеимён «репильным», то бишь – «пресмыкающимся» или «казённо-бутербродным». Хорошо ещё, что большинство крестьян газет не читает...

- Ваше Превосходительство, мы Вас полностью поддерживаем! – ответил за всех тот самый бойкий штабс-капитан Любомудров, - Насколько знаю своих боевых товарищей, никто здесь не оказался ради корысти своей. Мы, чины не высокие, народ, как правило, совсем иной. Нам важнее всего своих солдат сбересть по возможности, а главное – быть честным перед самим собой, Господом и Отчизной, которая на нас смотрит даже и глазами наших возлюбленных и потомков наших. Тихо и старательно делать своё дело. Вот, что важно ведь...

Нечволодов сказал ещё пару общих фраз, попрощался и вышел похоже тронутый до слёз, которые безуспешно пытался скрыть.

- Замечательный человек, - вздохнул Пётр, - Буду жив, непременно прочту до конца его книги.

- Говорят он - старый холостяк с ужасным характером. От того якобы и пишет всякое такое и ещё о масонах и еврейском капитале. Страшает разрушительностью иностранных

инвестиций и концессий в нашей стране, - вдруг разговорился неприметный и тихий до того прапорщик из разночинцев с несколько затравленным взглядом светлых близко посаженных глаз.

Пётр отметил про себя, что прапорщик не встал приветствовать генерала, хотя и был ранен очень легко в мякоть руки. В этот миг к ним вошла рыженькая миловидная сестра милосердия, остановившая свой взор на Охотине.

- Да, видно, что Вы не из окружения, господин прапорщик... – растягивая слова молвил светлый, вихрастый, кучерявый, с веснушками Любомудров.

- Да я не хочу сказать, что генерал плохой человек... Просто, если кто-то ведёт себя странно – ищите причину в его личной жизни. Только и всего, - смутился тяжёлого взгляда некоторых своих соседей прапорщик.

- И в чём же странность? - вызывающе спросил Пётр, - Замечаю таковую лишь в Ваших словах, прапорщик.

- Обсуждаете генерала Нечволодова господина? – поинтересовалась сестра.

- Его самого, сударыня, - ухмыльнулся несколько масляно Любомудров.

- Наслышана про этого Нечволодова, господина, - хмыкнула сестра.

- А что именно? – поинтересовался Пётр.

- Мракобес он каких мало. А в пятом году душил свободу. Его любимцы из какого-то там полка особенно усердствова-

ли. А так, особо ничего о нём не знаю. Ну да видно, что он за тип, - резко бросила сестра.

- Вот и я о том же, господа, - проямлил прапорщик.

- Это Вы точно отметили про странности подобных типов. От них не знаешь чего ожидать, - подхватила сестра, уверенно направляясь к Петру, чтобы проверить его повязку.

- Не беспокойтесь, сударыня. Я почти что выздоровел и могу проверять повязку и рану сам, - осадил её ледяным взглядом Охотин, который ещё вчера, если не заигрывал с ней, то был излишне любезен от нечего делать и лишь преданность жене сдерживала его от дальнейших шагов: «Не будь Аграфёнышка моей, ох и порезвился бы я с тобой, сестричка! И бок с затычкой не стал бы помехой». Так размышлял он ещё час назад, но только что услышанное от неё мгновенно разрушило тёплое отношение Петра к рыженькой сестре милосердия. Она опешила и шарахнулась в сторону.

- Сестрица, будьте так любезны, - разрядил томительную паузу прапорщик, - Не могли бы Вы осмотреть мою царапину и вынести «вердикт»?

- Да, конечно...

К вечеру привезли «тяжёлого». У несчастного фельдфебеля вся нога и часть таза были превращены в кровавое месиво и гноились. Предстояла, скорее всего, ампутация. Ночью он порою бредил, а утром слезливо обратился к ближайшему соседу – Петру:

- Сосед, ночью мне бабушка моя, покойница, не раз и

не два являлась, долго плакала над моею головою и сказала, мол, готовься: Господь за твоею душой шлёт. Чужало моё сердце - не жилец я теперь. Могу ли попросить кого тут матушке моей в деревню образок передать? Если получится, конечно. И сказать, что пал, мол, Никита Павлищев, как подобает и спину врагу не показывал. Из крестьян мы. Батюшка мне всегда сказывал: служи верой и правдой. Бери пример с офицеров-дворян, мол, и мы теперь многого на службе добиться можем...

- Да бросьте, фельдфебель, в Ваши-то годы и не от такого выживают, - попытался его утешить ласковым тоном Пётр.

Ногу ему ампутировали, но через день фельдфебель Павлищев скончался. В тот день не было слышно не только солёных, но и вовсе никаких шуток в их палате. Народ мрачно плевал в потолок, а рыжую сестру дружно игнорировал. Попытки прапорщика завязать беседу, чтобы разрядить гнетущую обстановку, оставлялись без малейшего желания поддержать разговор. Неожиданно вошёл врач и порадовал новостью:

- Скоро к вам явится начальник штаба Сводно-Кавалерийской дивизии барон Врангель, кажется совершивший скачок из ротмистров в майоры за дело под Каушеном, господа офицеры. Везёт нашему госпиталю на посетителей.

- Рады будем такому гостю, наслышаны! – как всегда быстрее всех среагировал Любомудров, - слыхивал, что *представители славного семейства Врангелей выдвигались на воен-*

ном поприще ещё до эпохи Возрождения. Да, представьте себе. Служили монархам скандинавских стран, а потом одна линия Врангелей перебралась в Россию, оставив и тут немалый след в истории¹⁰⁴.

- Всё-то Вы знаете, Любомудров... Руководит ли Вами желание соответствовать своей фамилии? – рассмеялся молодой корнет и палата повеселела.

Петру вспомнились рассказы братьев о младшем брате Врангеля, который, судя по всему, ничего общего по своему духу со старшим не имеет. Кажется, младший занимается искусством и верно пребывает в беззаботности в столице. Ближе к вечеру в помещение раненных офицеров, вышедших из окружения ворвался стремительный в своих дви-

¹⁰⁴ Врангели - старинный и знатный род немецкого происхождения, известный с начала XII столетия. Из Вестфалии фон Врангели переселились в Данию уже в XII веке, а в XIII, в ходе крестовых походов – на территорию Эстонии. Указами шведского короля троих представителей рода возводят в баронское достоинство в XVII столетии. В Дании, Швеции (79 Врангелей служили шведскому королю и 13 из них пали на поле брани), Германии, Австрии, Голландии, Испании и впоследствии в России они дали семь фельдмаршалов, более 30 генералов и семь адмиралов. В 1709 году на поле Полтавской битвы осталось лежать 22 представителя рода. Тогда они, конечно, воевали ещё на стороне шведов, но уже к концу XIX века представители русских линий Врангелей занимали первое место (40 человек), шведских - второе (37), а прусских - третье (11). Карл, будучи на русской службе, участвовал в Персидской войне 1820-х. Александр участвовал в пленении Шамиля. Фердинанд плавал вдоль западных берегов Северной Америки и в Северо-Ледовитом океане, изучал побережье Аляски и впервые заговорил о важном экономическом значении этих земель.

жениях истинно конногвардейского роста¹⁰⁵ поджарый ещё довольно молодой человек с длинным благородным лицом прямым носом и круглыми серыми глазами. После положенных приветствий и представления, барон Пётр Врангель¹⁰⁶ выразил благодарность отважным людям, предпочитающим огромный риск вместо пленения. Врангель попросил их рассказать о крахе самсоновских корпусов и роли Ренненкампафа и раненые поведали наперебой обо всём, что урывками видели и слышали. Вспоминали, что *когда рвутся «чемоданы», тяжёлые снаряды, то всё живое вокруг норовит за-*

¹⁰⁵ Во Врангеле было 193 сантиметров роста, а Келлер был чуть выше. Великий князь Николай Николаевич Младший был сопоставим с ними по росту. («Долговязая троица»).

¹⁰⁶ Барон Пётр Врангель родился в литовском Ново-Александровском Ковенской (Каунасской) губернии в 1878 году и принадлежал к германо-датско-шведско-балтийскому роду, веками славящемуся на военном поприще. Пётр Врангель имеет отношение к баронскому роду де Сюкантон, часть которого тоже осела в Эстляндии, а соответственно, и дальнейшее родство с уральским родом Бородиных через жену есаула Сергея Бородина. Род Врангелей получил баронство от королевы Швеции Кристины в XVI столетии и назывался фон Люденгоф-фон Врангель, а веком позже их род породнился с родом де Сюкантонов. Сын барона Юргена фон Врангеля (1662-1734) и Элизабет фон Стейнберг, Юрген Ганс Врангель (1727-1774), стал майором при Петре Великом, женился на Анне Сталь фон Голштейн и называл себя Георгием. Его сын – русский подданный Карл Герман фон Врангель (1769-1821) женился на Анне фон Мандерштерн и имел наследником Ганса Юргена Германа, ставшего Егором Ермолаевичем (1803-1868). Егор не сочувствовал декабристам и был героем Турецкой войны 1828 года. Егор был женат на Дарье Рауш фон Трауберг, родственнице Ганнибала – предка Пушкина. Сын Егора, Николай Врангель, был отцом Петра и грешил либерализмом. Матерью Петра была Мария Дементьева-Майкова - родственница известного поэта. (Семейный архив де Сюкантон).

рыться в землю. Тогда ещё остаётся ничтожный шанс на спасение. Характерный вой «чемоданов», взмывающие в воздух, вырванные с корнем деревья, затемнение небес среди бела дня, несущиеся зазубренные осколки рассекающие на части людскую и конскую плоть. Охватывает животный страх неотвратимой смерти. Особенно когда впервые. На их дальнобойные «берты» нам ответить-то особо и не чем. Этот вой способен лишить мужества любого от сознания полной беспомощности. Вспоминали и нестерпимо слепящий и, наводящий ужас, свет немецких прожекторов. А Охотин напомнил и о дурном предзнаменовании – солнечном затмении, случившемся незадолго до разгрома. Первобытные чувства обуяли многих солдат в момент затмения. Отчаянно крестились и уповали на милость Господню. Поговаривали уже, что худо будет.

- Наша армия, не корпус даже, целая армия была фактически обречена, Ваше Высокопревосходительство, - быстро и с надрывом заговорил словоохотливый Любомудров, - Отдельные части продолжали упорно драться в соответствии с обще-воинским законом: ради спасения больших сил отдаются на заклятие малые. Остатки Тринадцатого корпуса вырвались из окружения отчаянным усилием, стоившим немало очередных жертв. Положив целый полк Каховского и, оставив мортирную батарею, корпус сумел уйти. Но противник преследовал нас и приходилось давать всё новые бои. Насмерть стоял капитан Брыдкин с батальонами

Софийского полка, ротами можайцев, звенигородцев и каширцев. От мысли, что проклятые Мазурские болота стали могилой моих боевых товарищей, жить не хочется, Пётр Николаевич! Гоню её от себя эту чудовищную мысль. Когда уже совсем туго становилось – кидались мы в отчаянную штыковую атаку и проносило. Потом по лесам хоронились. Сам удивляюсь порой, как уцелел. Когда подолгу каждое мгновение смерть совсем рядом это изрядно притупляет чувства и уже, глядишь – ничто не страшно. А дыхание смерти позволяет полнее наслаждаться жизнью покуда она даётся. От дивизий уцелели полки, но Второй армии как таковой уже не оставалось.

- Знаю, знаю, господа, каково там пришлось, - вздохнул Врангель, - Пали полковники

Кабанов, Христинич, Первушин, Загнеев, Венецкий и Каховский, генерал-майоры Колюжский и Сайчук. А сколько полегло нижних чинов?

- Кто их считать станет... – протянул Охотин.

- Вы знаете больше нашего, Пётр Николаевич, хотя мы сами вышли из окружения, - продолжил Любомудров, - А мы шли с капитаном Барсковым, матёрым сорокалетним служакой и штабс-капитаном Семечкиным, имея считанные патроны, да по паре сухарей на брата. От недосыпания и недоедания уже качало и начинала кружиться голова. Наткнулись мы на немецкий кавалерийский дозор, а затем попали под пулемётный огонь, оставив там лежать более

восьмидесяти человек. Встречный бой всегда особенно жесток. Остатки нас скрылись в лесу и прошли на польский хутор, где смогли оставить тяжело раненых. Немного продовольствием разжились. Казаков немцы в живых не оставляют – очень злы на них. Раздувают о них небылицы всякие. Был с нами один тяжело раненный казак, так долго несли его на носилках, там не бросили. Но умер он по пути. Через четыре ходовых дня и ночи навалились вновь на немцев и из последних сил ударили в штыки. Пал там и Барсков и ещё день пути до русской линии проделали под началом Семечкина. Выжило нас меньше половины.

- А кто бы мог подумать в начале лета о погружении в жесточайшую войну в конце его? - добавил Врангель, - Даже те, кому было положено знать о том, что война произойдёт, преспокойно готовились к летнему отдыху. Тот же генерал Брусилов, как ни в чём ни бывало, отправился с женой в Бад-Кисинген...

- Ваше Высокоблагородие Пётр Николаевич, если так можно обратиться, - на этот раз не очень решительно взял слово Любомудров, хотевший сменить тему, - А что именно произошло под Каушеном после которого так много заговорили о генерале Хане Нахичеванском и Вас?

- Это не простой вопрос, господа, - Врангель заходил из угла в угол с аристократичной гвардейской отчётливостью каждого движения, бесшумно разворачиваясь на носках мягких добротных сапог с грацией умелого танцора, -

Легко обвинить во всём этого отважного генерала... Изложу события кратко, будучи свидетелем всего: по стратегическому плану конница должна была служить для восточно-прусской армии притягивающим магнитом, а генералу Самсонову следовало наступать в спину противника. Кавалерия должна была пойти в рейд по немецким тылам и рвать коммуникации. Когда генерал Хан Нахичеванский уже двинулся в рейд, сбоку показалась немецкая ландверная бригада в пять батальонов. Против шести немецких пехотных батальонов и двух батарей генерал имел семьдесят эскадронов и восемь батарей. Однако Хан Нахичеванский не воспользовался манёвренным превосходством конницы и огневым перевесом. В этом его стоит упрекать, Но вопя о вине генерала в том, что он повелел коннице спешиться. И кто? Штабные, отсиживающиеся подальше от линии фронта, зачастую – левые, и в унисон им думские горлопаны, которые рады возможности очернить действия правительства и верных ему генералов. А поставь их на место нашего генерала? Так вот: наша кавалерия была послана в рейд с целью нарушать коммуникации, но нам не повезло и мы столкнулись с немцами. Части лейб-гвардии Её Императорского Величества Конного полка совместно с кавалергардами заняли деревню Краупишкен, а неприятель закрепился поодаль - в Каушене. У немцев имелось много пушек и они затеяли интенсивный обстрел наших позиций. Тогда Хан Нахичеванский отдал вполне разумный приказ кавалеристам

спешишься, чтобы представлять собой меньшую мишень и проще укрываться за незначительными предметами, теми же деревьями. Да, кирасирская гвардия кинулась в атаку на батарею в полный рост, не привыкнув кланяться ни пулям, ни снарядам. Да, полегло там слишком много и не простых офицеров, а кавалерийской элиты, цвета нации. Был в этой атаке и знакомый мне молодой синий кирасир корнет Трубецкой. Мой Третий шефский Его Величества эскадрон пока оставался без движения, охраняя полковое знамя. Когда наш генерал Кознаков увидел, что кирасирам необходима поддержка, он бросил нас в атаку. Я знал, что согласно новейшим академическим утверждениям, лобовая атака укреплённый полосы, имеющей современное вооружение, равносильна самоубийству, что наступление пехоты допускается теперь только после подготовки ружейным, пулемётным и артиллерийским огнём, но не желая послушаться генерала, не намереваясь опозорить свой род и подобную же атаку моего предка в 1759-м при Кунерсдорфе, команду: «Шашки к бою, стро-ой, фронт, ма-арш!» Девизом нашего рода всегда были слова, выгравированные на нашем гербе: «Погибаю, но не сдаюсь!» Мы ловко использовали рельеф, каждый пригорок, и оказались в ста тридцати шагах от немцев фактически для них неожиданно. Первое мгновенье залп противника был неэффективен – не пристрелялись ещё так близко, а мы выиграли время. Неслись уже в лоб и очередные залпы унесли всех офицеров, кроме вашего покорного

слуги, а также двадцать солдат. Мой верный вороной конь получил пару десятков осколочных и пулевых ран и рухнул у самого вражеского бруствера. Меня выбросило из седла через орудие, но я тут же оказался на ногах. И вот мы уже кидаемся на противника в рукопашную и сметаем его¹⁰⁷. Никакого особого героизма тут нет, а лишь умелое использование особенностей местности. Школа Красносельских лагерных сборов. Не подумайте, что за этими словами моё позёрство. Нет, я абсолютно искренен! А то, что конная атака лишает буквально каждого из нападающих чувства страха – прописная истина. К сожалению, у нас уже не оставалось сил, чтобы преследовать бегущих немцев, увозящих часть пушек. В моём подразделении недавно появился некий барон Унгерн, офицер выдающийся во всех отношениях. Беззаветно храбр, рыцарски благороден и честен¹⁰⁸. С такими можно воевать. Ещё не все мы выбиты, господа! Во время атаки сам Хан Нахичеванский находился в удалённом штабе, а к вечеру отвёл свои войска далеко назад. Справедливости ради надо отметить, что в Японскую за кавалерийскую атаку позиций японцев у деревни Ландунгоу Гусейн Хан Нахичеван-

¹⁰⁷ Пётр Врангель становится первым георгиевским кавалером в ходе Первой Мировой войны и удостоивается личного приёма у императора. Высочайшим приказом от 6 декабря 1914 года назначен Флигель-Адъютантом, а приказом от 12 декабря произведён в полковники.

¹⁰⁸ Так характеризовал Врангель сотника Унгерна фон Штернберга в начале войны, но в 1916 году Унгерн опять начал пить, совершил антидисциплинарный поступок и был удалён полковником Врангелем на Кавказ.

ский был удостоен ордена Святого Георгия четвёртой степени, наиболее уважаемой награды в офицерской среде, которую вручали исключительно за личное мужество в бою. Но тогда ещё военная техника была иной и не мудрено, что многие из наших начальников ещё не адаптировались к условиям современной войны. Тем не менее, тыловые крысы гораздо обвинить генерала и в трусости! Император же продолжает благоволить к верному генералу, пусть и не зная подробностей. Государь чувствует тех, кто верен престолу¹⁰⁹.

- Слышал, что Вы, Пётр Николаевич, отличились уже в Японскую. Вы, наверное, не сразу после учёбы попали в Конный гвардейский?

- Конечно же не сразу, друзья мои, - улыбнулся барон под щёткой коротких подносных усов, - *Мой отец и не ратовал за успех моей военной карьеры, поскольку сам он человек не военный, грешит либерализмом и в немалой степени¹¹⁰. Отец*

¹⁰⁹ Гусейн Хан Нахичеванский (1863-1919) происходил из ханской фамилии Нахичеванских Эриванской губернии. Закончил Пажеский корпус. Командовал элитными кавалерийскими частями и был единственным за всю историю генерал-адъютантом-мусульманином в Русской императорской армии. Этот генерал, по некоторым свидетельствованиям, остался верным царю в момент всеобщей измены генералитета в феврале 1917 года, когда большинство генералов поддались обману думцев и ратовало за замену царя.

¹¹⁰ Николай Егорович Врангель становится в ходе учёбы за границей поклонником Герцена и даже Бакунина, а в последствии занимался литературством и предпринимательством. Старший сын Егора и дядя Петра, Александр, дружил с Достоевским и оставил воспоминания о писателе.

настоял, чтобы я обучался в Горном Институте Императрицы Екатерины II, надеялся, что став горным инженером, сын сможет успешно продолжить его дело на золотых приисках в Сибири. Но душа моя тянулась к иному. В детстве я много играл с казаками в Ростове-на-Дону, ходил с ними на охоту. Возможно от них и перенял свою приверженность к устоям, в отличие от отца и младшего брата. Вызревшее внутреннее стремление привело меня вольноопределяющимся в лейб-гвардии Конный полк. Кадровые не жаловали таких как я «вольнопёров-вольнопупов». Но я выдерживаю испытание на корнета гвардии при Николаевской Академии Генерального Штаба по первому разряду, после чего отцовские протесты уже не могут ничего изменить. Будучи эстандарт-юнкером, получаю звание корнета с зачислением в запас гвардейской кавалерии по Высочайшему приказу в девятьсот втором. Как вы, возможно, слышали именно в Конном лейб-гвардии выдвигается много офицеров с немецкими фамилиями вроде моей. Там на нас косо не смотрят. Но не всё оказалось столь гладко. Окончательный приём в ряды гвардейские возможен, как вы знаете, лишь после голосования офицеров полка. А тут, как на зло, мы с друзьями бурно отмечали моё производство в офицеры и, проходя мимо дома полкового командира, я порубил саблей молодые деревья, высаженные вдоль аллеи. Полковник, князь Трубецкой, как выяснилось, очень любил природу и деревья... Кто из нас, офицеров, господа, в такие годы не отличался бра-

вадой, молодечеством, задиристостью, вспылчивостью? А какие из нас офицеры без подобных качеств? Ни к чёртовой матери не годящиеся! Но князь был не умалим. Или забыл уж о своей молодости. А меня, за некоторую склонность к шампанскому «Piper-Heidsiesk» на балах в те годы, даже прозвали Пайпером... Впрочем, наше «Абрау-Дюрсо» ничем не хуже любого французского, должен вам сказать¹¹¹. Так, я вновь оказался штатским и отправился горным инженером в Сибирь. Но моя чиновничья карьера прервалась раз и навсегда после того, как я отправился добровольцем в Маньчжурскую действующую армию. Высочайшим приказом был определен хорунжим во второй Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска, а потом переведён в Аргунский казачий полк генерала фон Ренненкампа и скоро стал сотником. Через год был переведён в отдельный дивизион охотников, то бишь по-новому – разведчиков, подъесаулом. В дивизионе том собралось немало славных офицеров, многие из которых и сейчас на полях сражений: хорунжий Второго Аргунского граф Бенкендорф – давний однополчанин храбрейшего Ренненкампа, гусары граф Пётр Стенбок, Фермор и Гревс, есаул князь Карагеоргиевич, а также забайкальский есаул Лешаков, терский подъесаул Доногуев, юный граф Велепольский, бывший британский офицер князь Радзивилл,

¹¹¹ По инициативе Николая II в Новороссийске было налажено производство этого превосходного шампанского.

мой друг Шатилов¹¹². Да, да. Я не оговорился: храброго из храбрых Ренненкампа! Сейчас природного солдата от Бога, генерала, пытаются облить грязью, но это гадкие интриги тех же левых! Вы сами, полагаю, догадываетесь, господа. Ясно кому это на руку и для каких целей. Если уж кто и проявил себя неподобающим образом в Восточной Пруссии, то это генералы Артамонов, Благовещенский и Ключев. При этом первый известен своей отвагой и преданностью Царю и Отечеству, но он никакой тактик, а о двух других не имею своего мнения и не хочу фантазировать. Младшим офицерам-то проще. За ними никакой вины не оставалось: коль выйдут живыми ещё и награды получают. Но на генералах лежит груз вины за поражение. Нам ли судить их? После Японской войны я стал штабс-ротмистром, причисленным к Драгунскому Финляндскому полку. Лишь в седьмом году я вновь оказался в лейб-гвардии Конном полку в чине поручика. Потом оканчиваю Военную академию, но, не желая оставаться в Генштабе, прилагаю усилия к тому, чтобы командовать Эскадроном Его Величества. Я был уверен, что штабист из меня вышел бы никудышный. Штабные офицеры вынуждены всю жизнь давать советы начальству и делать вид, что довольны, когда ими пренебрегают, а это не по мне, господа. Я дорожу своим мнением. И гвардия мне милее: она на страже монархии и вне всякой политики.

¹¹² Был там и Антон Деникин, которого Врангель не очень жаловал уже тогда, что вылилось в изрядный их конфликт в Белом движении.

Было заметно, что Пётр Николаевич избегает говорить о своём младшем брате. Охотин невольно сравнил намерения штатского отца Петра Врангеля не пускать сына в кавалеристы и своего отца-генерала, который вечно ворчал, что из семи его сыновей лишь один избрал военную стезю.

- Я слышал, Пётр Николаевич, что генерал Ренненкампф любим солдатами, но не офицерами, которые его знают ближе. Говорят, что он не так душевен, мол, вера в него есть, а близости с ним нет, не как с Мищенко, например... – опять спросил Любомудров.

- *Генерал Мищенко это особый случай, господа. Я с ним почти не знаком, к сожалению, не пришлось тесно сотрудничать, но слышал, что тогда в Маньчжурии к нему началось сущее паломничество вплоть до как бы особого рода «дезертирства» из тыловых частей, на тех же Сипингайских позициях, в самое пекло к популярному и любимому всеми командиру. Надо отдать тыловым должное: за такое «дезертирство» никто наказан не был. Генерал Каульбарс всех прощал за такой порыв. Причём, подвержены таким порывам были не только пылкие и рьяные юные офицеры, но и пожилые запасные. Так, в мищенской Уральско-Забайкальской дивизии стало офицеров больше, чем где-бы то ни было. Прозвали ту дивизию Запорожской Сечью. И сам Мищенко отважен, господа. А сейчас наш пожилой израненный генерал вновь на фронте. К генералу Ренненкампфу, несмотря на компрометирующие его недавние мрачные события,*

отношусь с большим почтением, господа. Ещё знал во время Японской полковника Гаврилова, командующего артиллерийским дивизионом. Это был поразительного дарования артиллерист, при полном равнодушии к опасности. Под разрывающимися шимозами он мог стоять на приметном возвышенном месте, чертить свои кроки и делать баллистические вычисления, вызывая восторг у солдат и офицеров. Приходилось видеть и подвиги уральского хорунжего, теперь - подъясаула Мартынова¹¹³, забайкальского есаула Зыкова. Из пехотинцев довелось услышать о фельдфебеле Кутепове¹¹⁴, который творил чудеса храбрости в разведке, а потом и повидать этого подтянутого крепко сбитого уже подпоручика с задорными глазами. Думаю, что он где-то неподалёку от нас.

- А что бы Вы сказали по поводу генерала Самсонова? – нерешительно спросил Охотин.

¹¹³ С началом войны Матвей Филаретович Мартынов получает право использовать свою матёрую сотню для выполнения наиболее ответственных боевых задач. Уже в августе 1914 года Мартынов представляется последовательно к золотому Георгиевскому оружию и ордену Святого Георгия 4-й степени за то, что находясь в разведывательной сотне и воспользовавшись ночной темнотой, подъясаул проник в расположение неприятеля и взорвал железную дорогу у станции Роонсдорф. Во время боя под селом Дзерыгово, руководя огнём спешенной сотни, обстреливаемой немецкой пехотой с пулемётом, обратил последнюю в бегство и, преследуя её, отбил стрелявший пулемёт.

¹¹⁴ Врангель не упомянул и забайкальского подъясаула Чеславского, сотника Казачихина, простого казака Терентия Перебоева. Хорунжий Мартынов - родственник уральского рода Бородиных.

- Преклоняюсь перед его памятью, господи, - ответил Врангель, - Но вы, верно, знаете о нём не меньше меня, господи?

- Да нет, что Вы, - смутился Охотин, - Я и вовсе в клюевском корпусе был. Генерала Самсонова и в глаза не видывал.

- Александр Васильевич погиб, поместив себя добровольно в части, которым заведомо было бы непросто выбраться из, грозящего захлопнуться, капкана среди болот, - проговорил барон задумчиво, - Он мог бы не оставаться там, но счёл своим долгом разделить судьбу людей, к гибели которых был очень немного, косвенно, но причастен. Он не мог бороться с ошибочным решением Ставки, хотя и пытался. А там, в Барановичах, просто напросто «не ведали, что творят». Эти штабные крысы обрекли целые корпуса на уничтожение! А дело обстояло примерно так: после всех напряжённых донесений Самсонова командующий Янушкевич поручил генерал-квартирмейстеру Генерального штаба Данилову продумать возможность приостановки наступления. Моё начальство утверждает, что Янушкевич хотел послать Самсонову подкрепление, но Данилов настаивал на том, чтобы гнать армию дальше в угоду просьбам маркиза Ля Гиша. Якобы Данилов заявил, что спасая Францию, мы избавляем себя от нашествия миллиона германских итыков, которые сейчас во Франции. В каком-то смысле это и так, но мы смотрим в рот Западной Европе: а что там скажут о каждом нашем шаге. Екатерина Великая была

последней правительницей, не боявшейся ИХ мнения. А цену тем союзникам мы знаем со времён «нокдауна китайским боксёрам¹¹⁵». Тот же Мищенко своими ушами слышал вызывающе нахальный ответ англичан в совместном походе на Пекин, которых русские впервые попросили поддержать своё наступление. Ответ был смехотворен и звучал примерно так: «Наши солдаты устали и не смогут сделать этого». Зато, когда объединённые войска уже подходили к Пекину, британцы поторопились на славу, чтобы первыми выбросить свой Юнайтед Джеск на стены города. Они узнали, что существует тайная лазейка внутрь города по каналу и, не сказав никому из союзников, проникли туда небольшими силами, которые не смогли бы удержать столицу. Остальные солдаты штурмовали стены, теряли людей и всё внимание китайцев было отвлечено на них. Когда оборона города была уже прорвана, неожиданно для всех над цитаделью воспарило пестрое полотнище страны-участницы, войска которой не были заметны в числе атакующих... Думаете с тех пор в нравственном облике островитян что-нибудь изменилось, господа? Апрельские выборы 1914 года во Франции породили самый левый парламент за всю историю Третьей республики. Выборы шли под знаком протеста против вооружений и трёхлетнего срока службы. Левое прави-

¹¹⁵ Имеется в виду подавление восстания ихэтуаней – китайских повстанцев, которых называли боксёрами. В 1900 году совместные вооружённые силы ряда европейских стран и Японии стремились заставить Китай продолжать идти на поводу наглых экономических требований иностранных держав.

тельство Вивиани не желало связываться в войну Германии с презираемым ими «варварским царизмом». А в день германского ультиматума России, по приказу военного министра, французские войска были отведены на десяток вёрст от границы в доказательство миролюбия Франции... Посол Палеолог¹¹⁶ давил на самого Государя, чтобы не останавливать продвижение наших войск по Пруссии. Фактически так решалась судьба Самсонова. Генерала Клюева знакомые мне высокие чины, мнению которых доверяю, считают академически образованным европейского толка предводителем, который мог бы командовать армией, но ему мешала явная европейскость - требование доказательств там, где прочим их заменяла вера. И вот, Клюев решает сдаться в плен со своим корпусом. Нет в нём «скобелевского рыцарства», нет той уходящей закваски. Старшие чины, в Ставке, обучались в своё время стратегии и тактике ныне устаревших. К современному комбинированному бою никто из них не готов. С лёгкой руки Великого князя Николая Николаевича мы продолжаем тратить все силы на отработку встречных лобовых конных атак в сомкнутом развернутом строю, с пиками наперевес, силясь в рукопашную. Увы, но такой подход уходит в прошлое. Кому, как не мне сокрушаться об

¹¹⁶ Морис Палеолог (1859-1944) родом из Румынии. Посол Франции в России с 1914 года вплоть до революции. Способствовал вовлечению России в Первую Мировую войну. Как политик, часто высказывался за антигерманскую и пророссийскую позиции, но поддерживал отношения с российской оппозицией в критический для Империи момент. Сторонник помощи Белому движению. Писатель.

этом? Мы итак поднаторели в таких конных атаках, что как германская, так и австрийская кавалерия всегда уклоняются от участия в открытых конных столкновениях с нами, предпочитая спешиться и встречать нас ружейным огнём.

- Пётр Николаевич, мы слышали, что Самсонов с Ренненкампом очень не ладили... – начал Любомудров, - В Японскую дошло между ними якобы до рукоприкладства и, возможно, нежелание Ренненкампа вовремя помочь...

- Вздор, господа! – отрезал барон, - Это левые газетчики тогда надеялись выставить нашу армию скопищем жалких склочников, вот и выдумывали всякую напраслину. Не было никакой пресловутой «пощёчины от Самсонова»! Но зато имелись попытки опытного Самсонова - наказного атамана Донского войска с густой бородой лопатой, не дать столь сильно растянуть армию по Мазурицине, Жилинский, однокашник Самсонова по Николаевскому кавалерийскому училищу, осмеивал его опасения чрезмерно растягиваться и оскорбительно называл «трусливыми»! Вот между кем была давняя вражда! Так уверяют меня люди знающие. Есть у меня одно воспоминание, связанное с генералом Самсоновым на полях Маньчжурии. К японцам у нас ненависти не было, да и не могло быть. Откуда ей взяться на пустом месте? да и у них не могло быть настоящей ненависти, а лишь политическая правительственная пропаганда, твердившая годами, что из-за русских они терпят убытки и унижения.

Неисповедимый ход событий в ту войну порою приводил к таким неожиданностям, что обе стороны сами себе удивлялись. Во время кавалерийского набега на порт Инкоу отряд Самсонова несколько раз занимал селение на нейтральной полосе. Вдруг на Новый 1905 год казаки находят там корзину с вином и закуской и записку русским офицерам от японских, которые зовут наших в гости. Начальник заставы с шестью казаками живо откликаются на такое приглашение, доезжают до японских окопов, где их весьма дружелюбно встречают и ведут к офицерам в фанзу. Не понимая друг друга, офицеры перепились, целовались и расстались весьма сердечно, передав нашим ведро «смирновки». Два крестьянина-китайца несли ведро до наших позиций. Такое бывало тогда, но в эту войну всё обстоит иначе. Технически оснащённое взаимоуничтожение доходит до предела и вызывает лишь страх, озлобленность и какое-то дикое ожесточение. Не бывало ещё такого. Солдаты, чудом вышедшие из мясорубки, где побывали и вы, господа, неузнаваемы. Это уже не привычные нам добродушные русские солдатики... Что-то надломилось в этой проклятой войне. Надо нам, господа, в дальнейшем это учитывать и стараться быть ещё внимательнее к своим подчинённым.

- Мы очень хорошо представляем, что могло стать с психикой тех необкатанных ещё новичков, что попали в этот ад в Мазурии, - мрачно сказал Пётр Охотин.

- А Вы сам-то, господин подпоручик, обкатаны были до

этого? – несколько язвительно спросил Любомудров.

- Меня жизнь обкатала, - сурово бросил Пётр.

- У подпоручика на лице написано, что он от рождения не робкого десятка, - улыбнулся Врангель, - Такое дано не каждому. *Были на Японской особо бесстрашные, как доброволец из Черногории полковник Липовац Попович. С ним вместе сражались и другие молодцы из Черногории. Слышал, что таких разведчиков в мире не сыщешь. Они способны переговариваться, подражая голосам птиц и зверей, прячась на деревьях. Выбатывались такие способности веками ожесточённого сопротивления туркам. Но уже в ту войну становилось всё меньше проку для дела от истинных удальцов: пулемёты не разбирают кто как драться умеет и желает. Иной раз подумаешь и хочется проклясть весь технический прогресс! Но есть вещи и пострашнее техники: пропаганда средствами печати. Российское общество начинает всё больше презирать воинскую доблесть и службу Отечеству. Особенно стало это заметным вскоре после Японской – огромное разочарование от проигрыша и травли левой печатью, когда офицеры бросали службу! И это при том, что в Западной Европе университеты всё чаще становятся очагами национального духа! В наших же газетах и университетах доказывается, что национализм себя изжил, что чувство патриотизм ниже современного образованного человека, коему подобает в равной степени любить всё человечество, но никак не свой народ, что армия тормозит про-*

гресс. Вы чувствуете, господа, что делается в стране с 1905 года?! Мы, Врангели, тоже не считаем и не можем себя считать националистами в России. Помимо германо-скандинавских кровей наша российская ветвь имеет родство с Ганнибалом, арапом Петра, и мы даже гордимся тем, что стали несколько смуглы и порой курчавы. Быть родственником Пушкина¹¹⁷ не зазорно, не так ли? Но не имея националистических, хотя бы в отношении культуры, и, особенно, патриотических чувств нечего делать в армии, господа. А подлинным патриотом России может быть, я считаю, лишь монархист, господа! Потому и не могу поладить с моим, с некоторых пор, начальником - генералом Крымовым. Уж больно падок он стал на конституцию. Но, не унывайте, господа, лечитесь и не рассчитывайте наивно на скорую победу: война затягивается основательно. Армия ждёт вашего возвращения, господа!

Прощаясь, Врангель пожал руку Охотину, возможно, особенно тепло, сказав на прощание как он ценит тех, кто пошёл на фронт по зову совести и сердца и тёзка славного кавалериста расплылся в улыбке:

- Наверное, ещё и по зову крови. Отец мой – генерал Охотин, - добавил смутившись.

- Ну, таким людям сам Господь велел быть в первых рядах,

¹¹⁷ В первой половине XIX века предок Петра Врангеля, Егор Ермолаевич, отличившийся при штурме Варшавы, женился на баронессе Дарье Александровне Рауш фон Траубенберг, принадлежавшей к одной из ветвей рода Ганнибала.

- с этими словами Врангель перенёс пик теплоты рукопожатия на прапорщика-разночинца, не подозревая о его истинных настроениях, не поняв, что он-то не имеет отношения к остальным, вышедшим из окружения.

- Беспрецедентная атака ротмистра Врангеля под Каушеном сделала для его репутации в офицерских кругах то же, что Тулон для Бонапарта, господа! – воскликнул Любомудров, как только шаги Врангеля за порогом затихли.

«В любовую пошли, людей лишних положили, ну и героями стали. Дурное дело – не хитрое» - размышлял про себя молодой прапорщик.

В госпитале было свободное время и Пётр принялся, наконец, за письмо своей ненаглядной жене, от которой пришло известие о рождении дочки: «Драгоценная моя Аграфёнушка, целую тебя каждый раз мысленно перед сном нежно и бесконечно долго. Если бы ты знала, как я люблю тебя и тоскую по тебе, ангел мой! Деток наших целую крепко! Обязательно выживу и приеду взглянуть на сыночка! Целую тебя, бесценное моё сокровище!» Запечатывая конверт этот тридцатитрёхлетний суровый и тёртый уже солдат, давний бродяга и драчун, смахнул скупую слезу со своих глаз, сделав усилия, чтобы не расплакаться. Через несколько дней Охотин с нетерпением выписался «из постылой лежанки» и устремился назад в свой полк, как поступало тогда множество честных людей и ничем особенным подобный посту-

пок не казался. Так поступили Межецкий и Мальцев, а позже Сергей Бородин и бессчётное количество других солдат и офицеров. В первом же бою Пётр чуть ли не угодил вновь в лазарет. На их атакующую роту, рассыпавшуюся в цепь германцы выпустили жуткую ещё незнакомую многим солдатам бронированную машину с иссиня-чёрным отливом гладких боков. С её башенки высунулось рыло пулемёта и стало поливать очередями бегущих в штыковую атаку воинов. Многие из тех, кого хорошо знал Охотин, погибли в тот день. Самого Петра пуля, как говаривали солдаты, не брала. Заговорён, мол, был. В ходе атак, осыпaeмый пулями Пётр вспоминал своё участие в русской рулетке в бурную молодость и замечал, что тогда от звяканья взводимого курка в звенящей тишине было куда страшнее. «Лишь бы не посыпали тяжёлыми снарядами. Вой «чемоданов» вселяет чувство полной беспомощности» - думалось Охотину. Петру до сих пор удалось сберечь свой красавиц «смит-и-вессон» - память об аванюре в горах и в ближнем бою он не раз пригождался, заменяя более грязную штыковую работу. Второй такой же револьвер остался в Москве у жены. Зимняя стужа сменила слякоть осеннего бездорожья. В эти предрождественские деньки Охотин и ещё несколько человек из его роты участвовали в *набеге с разъездом из одиннадцати казаков сотника Григория Семёнова*¹¹⁸, прославившегося своею лихостью.

¹¹⁸ Забайкальский казак Григорий Семёнов, ставший в Гражданскую знаменитым атаманом, родился в старообрядческой семье. Свободно владел бурятским

Им удалось взять в плен 65 немцев. Офицеры, знавшие Семёнова рассказывали, что он прославился бесстрашием ещё в 1911 году, когда, в ходе отложения Монголии от Китая. Семёнов со взводом казаков взял под охрану китайского резидента, которому угрожала расправа от толпы монголов и лично разоружил китайский гарнизон Урги (Улан-Батор), чтобы не вызвать кровопролития между китайцами и монголами. Сумел предотвратить и разграбление Дайцинского банка. По настоянию Министерства иностранных дел Российской империи, российский консул в Монголии потребовал от излишне резвого Семёнова покинуть Монголию. Молодой, плотно сбитый, кряжистый забайкальский казак с бурятской кровью по материнской линии, Семёнов, пользовался огромным успехом среди простых казаков, готовых ринуться за ним в огонь и воду. Тогда, в начале войны, в армии все ещё дружно восторгались подвигами казаков и тем фактом, что в Австро-венгерской армии существовала официальная инструкция, гласящая о том, что вступать в бой с казаками следует лишь имея пятикратное численное превосходство.

и монгольским языками. Во время боя под Сахоценом (Сахотиным) совершил подвиг, атаковав с 10 казаками германский полк. Они спасли полковое знамя и обоз забайкальских казаков, захваченные ранее немцами. После этого он, с одним казаком, занял Млаву, захватив два вражеских автомобиля, за что был награждён Георгиевском оружием. Затем, с разездом казаков, он обратил в бегство взвод ландштурмистов. Позже он захватил в плен более 50 кавалеристов врага, не потеряв ни одного бойца. В конце войны служил в Персии.

- Так, господа, это вам уже не Турецкая и даже не Японская война, чтобы вести себя в бою подобно Скобелеву ли, Куропаткину ли, грацуя на виду у противника на белом скакуне, - говорил один из офицеров, сидя в землянке, за кружкой крепкого чая, - А потому считаю, что нам следовало бы довести до таких гордецов, как Семёнов, что надо бы им себя побережь. Лучших офицеров мы уже потеряли.

- Но, не забывайте, господа, что без таких людей, как они не было бы ни самого имени Русской армии, ни Великой России, - заметил Пётр Охотин, - Империя наша строилась в условиях крайне неблагоприятного климата, долгом отсутствия выхода к морям, во враждебном окружении. Благодаря таким людям мы стали мировой державой.

- Нельзя не признать и это, подпоручик, но если каждый из нас начнёт бахвалиться, нисколько себя не сдерживать, то в условиях нынешней огневой мощи всех нас выбьют, - спорил всё тот же офицер, которого Пётр толком ещё и не знал, как и прочих, ибо был направлен в незнакомую новую часть. Остатки их батальона расформировали.

- *Помню рассказы отца о Турецкой, - тихо промолвил штабс-капитан постарше, - как некий юный подпоручик накануне штурма Плевны застрелился лишь из-за того, что окружающие его офицеры могли заметить его чрезмерное волнение.*

- Если так смотреть на вещи, то можно вспомнить и времена более отдалённые, - вздохнул Пётр, - Какие были лю-

ди. Одного из них описал мой отец в своих военно-исторических трудах. Бравый полковник Клот поссорился с офицерами в своём старом полку и его перевели в Лубенский гусарский, в котором полвека спустя пятый эскадрон возглавил сам Александр Васильевич Самсонов. Клот был гусар из тех бретёров сорвиголов, о которых писали немало от Дениса Давыдова до Толстого. Когда его перевели к лубенцам, он пригласил офицеров и заявил: «Вы, должно быть, слышали, что у меня прежде были неприятности. Может, кто-нибудь из вас недоволен, что я здесь?» Офицеры почувствовали в этих словах вызов и принялись ворчать. Тогда Клот сказал: «Господа, вот пистолеты. Буду стреляться сейчас в очередь с каждым, не выходя из комнаты. На вашей стороне все шансы. Кто первый?» Офицеры замолчали, и полковник попросил их покинуть помещение. Он надолго стал их командиром и все его полюбили.

- Господин подпоручик, - ответил тот же самый разговорчивый офицер, - к чему нам ходить так далеко? Те времена миновали, но и сейчас сплошь да рядом проявляется не слишком заметный офицерский, да и солдатский героизм. Вы знаете, что командовать нашим полком поставят скоро подлинного незаметного героя - Соболевского? Я думаю, что мы можем гордиться выпавшей честью, хотя большинство и не знает о его деяниях. Мне посчастливилось его увидеть и узнать о нём от некоторых старших офицеров побольше. О том, что с ним недавно произошло. Подполковник Николай

Иванович Соболевский, находившийся в октябре в Восточной Пруссии, получил приказание атаковать деревню двумя ротами. В разгар бела дня им пришлось пройти местность лишенную каких бы то ни было укрытий. Оставалось бежать, чтобы не дать противнику возможности пристреляться, сами понимаете. Несмотря на умелое и быстрое передвижение, немало солдат погибло и сам подполковник получил осколки шрапнельных трубок: две в левую ногу, три в правую и одну в локтевую часть левого предплечья. Но он продолжал вести роты вперёд и в двухстах шагах от неприятельского окопа его ранило ружейной пулей в левое плечо навывлет! Отважный человек с криком «ура» первым бросился вперёд, задыхаясь от быстрого бега. Уже на бруствере вражеского окопа он был ранен ружейной пулей, которая, раздробила ему всю правую половину верхней челюсти и, выбив три зуба в нижней, вышла в затылок возле сонной артерии! Вы только представьте себе на что способен человек, воодушевлённый чувством долга! Есть ещё люди в нашей армии!

- Поразительно, что он был способен бежать до последнего ранения, потеряв столько крови! Восемь ран! Крепкий малый! – восторгался Охотин.

- Но это лишь начало подвига Соболевского, господа. Когда он пришёл в себя после последней раны, он увидел немецкого офицера. Соболевский попросил о медицинской помощи на немецком. Офицер тот ничего не ответил и пока-

зал нож. Прочитав страх в глазах беспомощного раненого, немец заметил, мол, «стыдно» и отпорол погоны пленного. Вскоре офицер пригласил человека с повязкой Красного Креста. Осмотрев рану Соболевского, изо рта и затылка которого струилась кровь, врач или фельдшер, заявил, что подполковник скоро всё равно умрёт. Соболевский продолжал лежать на полу в уголке и начал терять сознание. Тут он заметил, что подошёл солдат и потянул его за ноги, а потом возникли ещё двое солдат, которые вынули у него бумажник, сняли шашку, револьвер, бинокль, подсумок, часы. Наконец, они растянули воротник подполковника и сорвали шейную цепочку с образками святого Иннокентия и Спаса. Соболевский молчал, но когда один из солдат схватил его флягу, подполковник попросил пить, поскольку его тошнило и требовалось много влаги. Подошедший унтер-офицер за эти слова ударил Соболевского каблуком в нос, а солдат рубанул по шее тесаком, но не глубоко, позвонков не задел. Ночью Соболевский вновь пришёл в себя. Немцы ушли, и он пополз в сторону русских позиций. Моросил дождь и это спасало от непомерной жасжды. Он терял сознание каждые три сажени, но продолжал ползти. Днём провалился в бреду на картофельном поле, а ночью начал ползти дальше, пользуясь лишь правой рукой и коленями, а прочие конечности не работали. На третий день его подобрала наши солдаты. Скоро Соболевский возвращается на фронт, господа!

- Девять ран и дополз! Грандиозно! Думаю, что быстро

бегать, рубить, нормально жевать и командовать в полный голос полковник Соболевский теперь не может. Но и не надо. Мы должны выполнить всё за него, - подвёл итог Охотин после долгой паузы.

После упорного изучения различных источников информации Глеб Охотин пришёл к выводу, что *к началу 1915 года у немецкого командования вызревает план перенести главный удар на Восточный фронт и, если не окончательно вывести Россию из войны, то нанести ей такое поражение, после которого она не скоро сможет оправиться и прекратит попытки наступления. Русские не имели трудно преодолеваемую систему сплошных укреплений подобно той, что выстроили уже противники Германии на Западном фронте, а кроме того, русские войска находились ближе к Берлину, чем союзные. На Западном фронте для Германии война надолго превращается в позиционное противостояние – «окопный год». В русской армии созрел кризис снабжения снарядами и патронами. «На Великобританию работает полмира колоний, но при этом она имеет не сопоставимо меньший с Россией расход боеприпасов, - подумал Глеб,- Левые думцы кричат с трибун о попрании прав, в то время как западные «образцы демократии» успешно переходят на милитаризацию экономики¹¹⁹! Они погубят Россию, не крайне левые...*

¹¹⁹ Россия перешла на мобилизацию промышленности лишь с августа 1915 года.

Несмотря на наше отступление и недостаток вооружения, командование планирует несколько наступательных операций сразу. Генералы Данилов¹²⁰ и Рузский ратуют за наступление в Восточной Пруссии, а Иванов с Алексеевым настаивают на разгроме более слабой Австро-Венгрии. Путь в Берлин они видят не через север, а через Венгерские равнины. Ставка готовит сразу два удара, что вряд ли соответствует реальным возможностям армии...»

Бросок по пустыне

«Я могу понять тоску русских по Константинополю, но почему они должны продвигаться в Средней Азии, я не понимаю».

Лорд Гранвилл, министр иностранных дел Великобритании

«Россия была просто вынуждена продвигаться вперёд, как Земля вращается вокруг Солнца... Я считаю, что неодолимая

¹²⁰ Генерала от инфантерии Юрия Данилова (1866-1937), артиллериста по образованию, не следует путать с генералом от инфантерии Владимиром Даниловым (1852-1914) добровольцем Сербско-турецкой войны 1876 года, участником Русско-турецкой 1877-78, Русско-японских и Первой Мировой войн. Во избежании путаницы, Юрия Данилова прозвали Данилов-Чёрный. Он служил в Ставке при Великом князе, а потом в штабе генерала Рузского. Данилов Чёрный был работоспособным и усидчивым штабистом, но отличался упрямством и узостью своего подхода к решению тактической задачи. При этом он мнил себя гениальным полководцем.

судьба влечёт Россию к Персидскому заливу, Кабулу и Константинополю. К югу от определённой линии в Азии её будущее в большей степени зависит от наших, чем от её собственных действий».

Лорд Дж. Кёрзон, вице-король Индии

Бивак макинского отряда был давно погружён в сон, когда около полуночи на 20 октября 1914 года сигнальные трубы пропели тревогу и вестовые командира полка устремились по своим сотням, созывая офицеров к начальнику. Аркадий Охотин выскочил из палатки под звёздное персидское небо одновременно с новым другом, выпускником того же Николаевского училища, Гринёвым, недавно влюбившегося в сестру Охотина, Евпраксию. На душе обоих друзей было тревожно: неспроста побудка в полночь! *Казаки уже седлали коней, а офицеры собрались вокруг генерал-лейтенанта Генерального штаба Николаева, который говорил взволновано, но сдержано:*

- Господа! В моих руках телеграмма от Его Высочайшего превосходительства Тифлисского наместника графа Воронцова-Дашкова. Турция объявила войну России! Ещё загодя турки обратились к российским мусульманам с просьбой материально помочь турецкой армии¹²¹! Налицо подрыв-

¹²¹ Панисламские идеи на территории Российской империи не распространились и успеха турецкая затея не имела. В Турции это восприняли как «отсталость в развитии мусульман соседней империи».

ная деятельность, господа! 16 октября султанский флот, включавший германские крейсера под чужим флагом обстреляли Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск! Германия поставляет Турции оружие и ускоренно прокладывает железную дорогу от Босфора к Персидскому заливу. Нашему отряду приказано немедленно наступать на крепость Баязет! С нами Бог!

С этими словами генерал снял мохнатую папаху и перекрестился. Его примеру последовали и другие офицеры. Затем Николаев обошёл все сотни, произнося напутственное слово и предлагал коротко прокричать «ура!» за державного вождя Русской армии, Государя Императора и Россию. Вперёд выступили разведывательные сотни, а остальные покинули лагерь в походных колоннах. С севера на Баязет двигался более крупный Эриванский отряд генерал-лейтенанта Абациева в составе Кубанской пластунской дивизии генерал-майора Гулыги. Кубанцы, к которым был прикреплён и Охотин, ставший подъяесаулом, по пути вступили в упорный бой с турецкими войсками на посту Гюрджжи-Булах у самой подошвы Малого Арарата. Пограничный пост был взят после краткого, но жаркого сражения. Аркадий склонялся к лежащему другу и суженному любимой сестры, пытаясь остановить кровь, хлещущую из огромной раны, зияющей в груди молодого корнета. Старые длинные турецкие крупнокалиберные винтовки стреляли свинцовыми пулями, оставляющими огромные рваные раны. Свинец успе-

вал оплавляться при кручении в нарезном стволе и брызгал расплавленным плевком. Охотин хрипло зовёт ближайшего казака и просит срочно привести фельдшера. Но жизнь офицера на глазах уходит из кровоточащего тела. Последнее, что шёпотом ещё может произнести Гринёв ранит сердце Охотина: «Передай сестре, что я очень любил её и, что не прятался за солдат...» В отчаянии мечется охотинская мысль, не видя выхода: «теперь Евпраксия уж точно последует примеру Варвары и уйдёт в инокини». Тело Гринёва обмякло и Аркадию сделалось впервые в жизни по-настоящему страшно: «У меня уже никогда не будет такого друга. О Боже, за что такое испытание! Я не смогу написать сестре об этом. Что делать? Дай мне силы, Господи! Какая-то обречённость была последнее время во взгляде Евпраксии. Теперь-то я понимаю. Это была именно обречённость словно она всё знала заранее». Рядом корчился тяжело раненный строевой казак. Сотенный фельдшер бросил взгляд на испутившего дух Гринёва, сказав, что тут нужен священник, повернулся к казaku. В эту минуту за тысячи вёрст к северу беспокойная Евпраксия Охотина горячо молилась за своих братьев и доброго милого малознакомого корнета, сражающихся на фронтах Великой войны. Друг Аркадия своим появлением впервые привнёс сомнения в вызревшие намерения Евпраксии удалиться в монастырь.

Город-крепость Баязет был сдан без боя. Но курды, как

их тогда называли русские – «курдинцы» продолжали «шалить» в горах с проходящими обозами русских войск. А полководец султана Мехмеда V, Энвер-Паша, продолжал строить наполеоновские планы победоносного шествия вплоть до Казани и создания Великого Туранского государства, пытался поднять всё мусульманское население на священную войну против англо-русских завоевателей. Особенно надеялись в Стамбуле и Берлине на разжигание восстаний на Северном Кавказе – в тылу Кавказской армии генерала от инфантерии Юденича. Персия уже кишела германо-турецкими агитаторами под личиной дервишей, ведущих публичные проповеди. «Мусульмане всего мира восстанут против гнёта, - взывали подобные «дервиши», - Сунниты уже подняли меч! Наступил ваш черёд, шииты! У порабождённых мусульман есть единственный друг в Европе – немецкий народ. Наш защитник перед Аллахом – Пророк, а на грешной земле – германский император!» Такое зазвучало в городах и весях Персии и малочисленным там русским было невозможно бороться с подобной пропагандой. А между тем, командный состав Туркестанского округа уже посматривал на Персию как на житницу для Туркестанского края, ожидая, что там хлопок станет расти ещё лучше. С 1914 года Великобритания перешла к государственному управлению нефтяными месторождениями в районе Персидского залива, ранее осуществлявшемуся Англо-персидской нефтяной компанией. Бакинская нефтяная промышленность уже нуждалась в

разработке новых промыслов, так как стала уступать своему крупнейшему конкуренту – «Стандарт Ойл», всё больше вытеснявшему русскую нефть с рынков Европы и Азии. Но монопольную концессию по добыче нефти в Персии получает англичанин Д'Арси. Всё складывалось так потому, что британский капитал контролировал две трети бакинской нефтедобычи.

Когда трубач сыграл повестку к заре, измучившийся за ночь, усталый Аркадий всё ещё тщетно пытался уснуть. Так продолжалось всю короткую прохладную ночь после отпевания и закапывания тела молодого романтически настроенного корнета бывшего, впрочем, на год старше Охотина. Подобающую церемонию похорон совершить было невозможно по причине дневной жары и беспокойного положения. Приказом командующего хоронили как можно более поспешно. Посмертно Гринёву тоже присвоили подьесаула. Вслед за певучей кавалерийской зарёй зазвучали «Отче наш» и «Спаси, Господи». Охотин заставил себя встать и тяжёлыми шагами направился к умывальнику. Все эти дни он был сам не свой и только надеялся на скорейшее боевое задание: «лишь бы не постылая праздность с неизбежными ежеминутными тяжёлыми мыслями: А как сказать об этом сестре?» Несколько мучительных дней спустя пришло распоряжение послать рейд казаков до границы с Афганистаном с целью разведки настроений соседнего государства. Узнав об этом, Арка-

дий выразил полную готовность к очередному опасному походу, понимая, что лишь это может спасти от потока скорбных мыслей. «Решение как именно оповестить сестру должно вызреть подспудно, а сейчас - самое время поехать надолго на опасное задание». Охотин знал, что в те края персы избегают совать свой нос. Там полное торжество афганских кочевников для которых ни своя, ни чужая жизнь не стоит и ломаного гроша. *Степь Отчаяния - безводный край с редкими колодцами, не нанесёнными ещё ни на одну европейскую карту. Россия не имела дипломатических отношений с Афганистаном со времён редких переговоров, проведённых ранее. Страна находилась уже более четверти века под сильным британским влиянием.* Аркадий стал ответственным за сбор и подготовку отряда в длительный поход. Важнее всего были кони и карты. Для каменистой пустыни следовало учесть и сменные конские подковы с гвоздями: по две пары на передние ноги и одна пара на задние каждой лошади. Также и железные колья для устройства коновязи, а как обойтись без конских щёток и скребниц? Разумеется, важно было продумать, какое именно оружие брать с собой, ведь ничего лишнего нельзя было себе позволить. Были взяты трёхлинейные винтовки на человека, а офицерам ещё и револьверы, шашки на поясных португезах на каждого. Боевых винтовочных патронов по сто двадцать на казака и по сорок револьверных, не говоря о ружейной и револьверной принадлежности, что уже составляло немалый вес. Взя-

ли и плотничный, и ковочный инструмент, и лопаты с кирками, сигнальную трубу. Важным делом был фотографический аппарат. Ещё прихватили банки с ваксой, три фунта пятериковых свечей, десять коробок серных спичек, писчие - для составления карт и швейные принадлежности, лёгкий походный иконостас-складень, ножи, эмалированные кружки, миски и ложки, два чайника из эмалированного железа, два медных котла и складной фонарь. Со выючкой возились невероятно долго. Поверх выюков и сум из сыромятной кожи с провизией, подвязали: топор, канат, резиновое ведро, брезент, в который паковали запасные гимнастические рубахи, носки, портянки, исподние штаны и рубахи. В сумы были уложены хлеб на первое время, чёрные сухари, привозимые из России, пачки солдатских галет, мука, соль, по несколько банок консервированных щей рижской фабрики Гегингера на человека, пару банок клюквенного экстракта, пару фунтов сушёного абрикоса, семь фунтов сухого шоколада, банка сгущённого какао с молоком, полфунта чаю и три фунта сахара. Была взята и пустая тара для воды, которую предстояло наполнить на границе пустыни. Оттуда будет необходимо везти с собой и корм для лошадей. Отряду были выданы, помимо лошадей, верблюды с поклажей, поскольку на большей части маршрута нельзя было раздобыть никакой пищи привычной для лошадей. Был приставлен и толмач-проводник из туземных кочевников – усохший от палящего солнца маленький тёмный, как негр, афганец, не выпускавший из рук

большую трубку, украшенную серебром.

Охотин красовался на высоком рыжем скакуне в на славу сработанных из русской шагрени, сапогах, новенькой гимнастёрке и светлой фуражке с наматыльником. Дан был Аркадию отряд не из его кубанцев, а сборный из самых разных казачков покрепче, или поматёрее. Были там и такие, что тридцатилетнему подъесаулу в отцы годились. Поначалу всё шло гладко и казаки вполне «читали» тропу сами, не спрашивая ни о чём проводника. Карта, к которой обращался Охотин, соответствовала действительности. Но через пять дней, когда последние персидские селения закончились и они миновали фактически пограничную крепость, разобрать тропу стало бы под силу разве что одному из любимых книжных героев Аркаши, Натаниэлю Бампо. До не маркированной, а существующей лишь на картах, границы оставалось ещё по меньшей мере несколько дневных переходов, но эти забытые Богом земли уже не были во власти тихих и мирных, по сравнению с афганцами, персов. Местность становилась всё мрачнее. Всё чаще там и сям возникали острия чёрных скал, видимо, вулканического происхождения. Пустыня была усыпана щебнем, словно некогда стоявшие повсюду скалы неожиданно рассыпались, чтобы дать дорогу путникам. Пейзажи подстёгивали романтическое воображение Охотина. Не зря говорили, что в этих краях путешественника неумолимо охватывает отчаяние. В лучах заката, окра-

шивающих и без того невесёлый ландшафт в кровавые тона, два десятка всадников подъехали к давно заброшенным развалинам. Наступала зима и ночи были холодными. Поэтому путники обрадовались возможности заночевать в хорошо укрытом от ветра месте. Бурдюки с водой становились необходимыми всё чаще. Не предвиделось колодца и на этот раз. Когда они подошли вплотную к руинам, толмач-проводник тревожным голосом сказал, что здесь грех располагаться на ночлег, мол, могилы тут. И в самом деле: в наступавших сумерках офицеры разглядели каменный склеп и надгробные плиты, лежащие на кучах щебня. Один из самых проворных казаков уже отыскал поодаль действующий колодец и заявил, что вода там почти не солёная. Казаки стали говорить, что стойбище тут насиженное караванщиками. Доброе, стало быть, место, мол, врёт проводник. Несмотря на возражения проводника, отряд расположился рядом, но из уважения - не на стороне могил, «кабы казусного происшествия не вышло¹²²», а по другую сторону от ветхих остатков стены бывшего дома с провалившейся кровлей. Приколы были вбиты в землю и кони привязаны на арканах. Спустя ещё четверть часа ловкие казаки уже пекли на углях костра лепёшки, а в чайнике настаивался душистый чай. Верблюды невозмутимо жевали ячмень, а лошади – сухую траву. Всходила полная луна и свет костров был бы излишним. Перед сном они подолгу отпивались чаем после дневной жа-

¹²² То есть - происшествия с нечистой силой.

ры, познакомились, беседовали. Почти никто в отряде из двадцати человек друг друга толком не знал. К их костру подошёл статный красавец-казак лет тридцати с мужественным открытым лицом и орлиным взором. Возможно, что донец с таким лицом имел каплю турецкой крови.

- Садись, Ипат, - сказал ему немолодой хорунжий, поддерживающий костёр на кизяках.

- Бог в помощь, дядя Автоном, - прозвучал певучий зычный голос казака, - А Вы, Ваше Высокоблагородие, дело своё видать знаете... Эдак нас экипировали, что не пропадём тут в пустыне.

- Садитесь, урядник, отдыхайте, - ответил подъесаул Охотин, - Ипат, стало быть. А меня Аркадием звать.

- Ипатием назвали. А иной раз и Ипатом кличут. Ярцев фамилия.

«Ярцев? Что-то смутно напоминает... Да и лицо это красивое... Чёрт возьми, так Аграфёна же Петрова - Ярцева в девичестве!» - осенило Аркашу:

- А у Вас сестры нет ли Ваших лет примерно?

- Есть, а как же. На годик...гм, помоложе будет. Ей невеступно тридцать годочков уж. Аграфёной зовут.

- Ну вот! Так и знал!

- А что? – казак смотрел недоумевающе.

- Аграфёна Ярцева, донская, приходится женой брату моему старшему, Петру Охотину.

- Так оно и есть, Ваш Бродь! Сродственниками будем ста-

ло быть!

- Вот так свела судьба! – усмехнулся хорунжий, прищутив свои немного монгольские глаза с тяжёлым веком, - А я тоже знал одного Охотина на Японской. А до неё – другого. Братья они.

- Правда? А как звали их? – оживился Аркаша, смутно вспоминая рассказы Глеба о поездке в Маньчжурию незадолго до Японской войны и Сергея о войне. Они упоминали каких-то храбрых казаков, что помогли им немало.

- Одного брата, старшего, Глебом звали. Сын генеральский, по полицейской части. А второго - Сергием. Не офицер он был, а так – доброволец.

- Вот это сюрприз! За одну минуту две такие встречи! – воскликнул Охотин, - Так те оба и есть мои братья. Много нас – братьев Охотиных. А как Вас зовут, хорунжий?

- Автоном. Антипыч по батюшке. Кунаковсков я.

- Как славно, господа! Наш отряд от этого дружнее станет и работа пойдёт легче! – радовался Аркадий, потягивая чай.

- Давно ли сестру видали, взводный урядник Ярцев? – спросил Кунаковсков.

- Незадолго до войны. Вы же знаете, у нас на Дону, ежели дочь не за казака под венец, родители такого не прощают. Долго сестру и видеть у нас в доме не хотели. Но потом оттаили и пригласили погостить: всё же муженёк ейный – сын генерала. Приехала она из Москвы своей. По Дону тоже стасковалася. Чего там в Москве хорошего? Природы нет. Ну да

муженёк - человек славный, брат Ваш. В душе прям – казак, смельчак. Хотя она одна приехала. Его я не видал. Бог детишек даёт...

Аркадий припомнил, что брат Аграфёны на самом деле на год-два младше неё и посмеялся про себя желанию урядника казаться старше.

- Вот выполним всё наше задание славно, кончится война и пойду непременно в Царскую сотню служить, - мечтательно сказал Ипатий.

- Если что в моих силах будет – посоветую, - оживился Охотин, погрузившийся было в думы, - С такой выправкой туда должны взять. Но надо было раньше попробовать туда, пока моложе были, урядник. В Николаевском сам учился, а Царская сотня ведь у нас под боком была. Ещё и друг мой – казак Бородин Сергей, уралец, к ней отношение имеет. Спрошу. Лишь бы война поскорее... Закончилась бы скорее... Ну её. Затянулась и конца не видать.

- Молодым надобно в гору идти. Пойдёшь урядником в Сотню ту – выйдешь есаулом. Лишь бы война не тянулась так, - скрипуче рассуждал почти пятидесятилетний Автоном Кунаковсков, то есть – «казак-старик», или «дед», как принято было говорить.

Аркадий вспомнил, что этого хорунжего ему рекомендовали, как лучшего стрелка в полку из забайкальских казаков-таёжных охотников. А также и то, что сибирские с забайкальскими совсем иные, нежели остальные казаки. Прежде

всего они – не конница и в лошади толк не знают, присмотреть-то за конём должно не умеют. «Зато как пехота ценны они не меньше кубанских пластунов» - говаривал полковник Ляхов. «С такими ли удалцами нам каких-то афганских разбойников опасаться? Место зловещее немного... Ну и что?» - подумал Охотин. После переключки и назначения часовых на ночь костры были потушены и все улеглись спать. Ещё одна ночь прошла вполне спокойно. Когда караван был уже готов покинуть стойбище и со стороны неведомой афганской земли на горизонте появился полудиск солнца, чья-то длинная тень вдруг скользнула по головам первых верблюдов. На холме возник силуэт двуногого, отбрасывающий непомерно длинную тень на огромное расстояние. Ярцев с проводником пустили своих коней навстречу незнакомцу. Вскоре подоспел и Аркадий. Оказалось, что владелец длинной тени был бритый афганец почти что карликового роста с пышной чёрной бородой. По причине бронзового загара и выдубленной солнцем кожи народ в этих краях выглядел много старше своих лет и, на первый взгляд, человеку этому было не меньше сорока. Толмач быстро, но многословно переговаривался с одиноким путником на своём гортанно-певучем наречии и едва успевал односложно переводить на свой убогий английский: «Злой человек там был, ференджис¹²³». Охотин понял, что этот человек сбился с пути после нападения раз-

¹²³ Ференджис, или ференги, на туземных языках – «европеец» с оттенком «неверный».

бойников и погибает от жажды. Его отпоили из своих ограниченных запасов, хотя и пополненных из прекрасного колодца, посадили на верблюда с наиболее лёгкой поклажей. Долго ехали в не совсем очевидном направлении. Ориентироваться становилось всё сложнее. Последние намёки на колеи и тропы исчезли. К вечеру подобранный афганец вдруг оживился и заявил через толмача, что он узнаёт местность и скоро покажет им хорошее место для ночлега с водой. К вечерней заре они едва успели подойти к пологому воронкоподобному углублению диаметром с версту, на дне которого, в самом деле имелось чахлое подобие родника – полузастоявшаяся лужица, истоптанная копытами антилоп.

- В кипячённом виде славная водица будет, - улыбнулся Кунаковсков.

- Не такое видали, - рассмеялся бравый, коренастый, вихрастый казачина налитой броской силой. Он уже рассёдлывал коня, хотя Охотин ещё не отдал приказ.

- Взвод! Располагаемся на ночлег! – крикнул недовольный самовольством Аркадий.

- «Поехал казак на чужбину далеко, на добром коне воронном...» - затянул вихрастый.

Аркадий дал своему любимому скакуну напиться и, не рассёдлывая, сразу же отправился на край воронки кратера осмотреть местность. Не нравилось ему отсутствие обзора дальше, чем на полверсты. «Раз уж тут разбой случается, надо будет выставить ночной дозор многочисленной обычного

по всему периметру воронки» - подумал он – «С другой стороны не так плохо - наш костер не будет виден издали...»

- Ваш Бродь, присаживайтесь, - встретил его всегда бодрый голос домовитого Кунаковска, - Казачки наши почаевать собрались.

- Спасибо, хорунжий. Сейчас приду, - улыбнулся Охотин, - Конь мой тоже отдохнуть от седла хочет.

- Так, казаки помогут...

- Не вставайте. Я сам быстро справлюсь. На пару минут дело.

- Присаживайтесь. Не остыл ещё – лучшей теплоты чай, - улыбнулся хорунжий, когда Охотин вернулся.

- Славный чай, только вода всё хуже, всё солонее... Ладно бы просто солёная была, как от соли поваренной, а то ведь соль-то противная, - разочаровано заметил Аркадий.

- Так, это же ещё совсем пресная, можно сказать. Как туземцы говорят – сладкая. Дальше похуже будет. Я тоже не привык особо к пустыне. Мне от роду тайга милее и понятнее. Из забайкальских я буду. Случалось раньше и в беслых нагорьях близ Монголии бывал. Но и пустыню и горы тутошние стал уважать. Сила есть в природе первозданной. В любой, пожалуй. Не только в тайге, - говорил словоохотливый Кунаковск, - Вот и костерок поджечь пора уже, - засуетился, быстро ломая жидкие прутья.

Напившись чаю, Аркадий тщательно нанёс на полупустой лист с набросками карты дальше к западу все приметы, ви-

денные за день, а главное – источники воды. О каждом колодце он заносил дополнительные сведения в тетрадь. Планшет с десятивёрстной картой был давно отложен за ненадобностью, ибо этот участок пути уже был пройден, а дальше лежала Terra Incognita.

Во время сна ещё не раз потянуло приложиться к фляжке, ибо днём – ох, как знойно было. Казалось, что земля так и трескается под ногами от страшной суши, что солнце проходит по спине инквизиторским огнём, выжигая на спине под гимнастёркой китайские иероглифы. «Не зря туземцы предпочитают толстые халаты» - подумал Охотин. Не спалось. Как-то тревожно было. Едва забрезжил рассвет, как Аркадий был на ногах. Когда он прошёл мимо свернувшегося комочком под тонким одеялом толмача, ещё в предрассветном сумраке ему показалось, что песок возле него был каким-то странно вязким. «Мочится он что-ли тут не утруждаясь пару шагов сделать?» Дежурный казак в летах по имени Мокей уже кипятил чайники. Когда он успел поспать одному Богу было известно. Во время завтрака народ заметил, что рядом нет ни толмача, ни встреченного вчера афганца.

- Глядите, казачки, дрыхнет нахал до сих пор, - присвистнул молодой казачок, поддев толмача сапогом.

Закутанный в одеяло не пошевелился. Охотин заподозрил неладное.

- Буди Яго, бездельника! – завопил второй молодой.

- Ба, да тут песок кровью пропитан! – совсем иным голо-
сом заголосил первый казак.

- Где вчерашний афганец? – закричал Аркадий, - Часо-
вые? Как он мог просочиться?

- Ночью... в темноте умудрился, - слышались растерян-
ные голоса.

Ярцев подскочил и сдёрнул одеяло: горло толмача было
перерезано аккуратнейшим длинным надрезом от уха до уха.
Похоже было, что и серебряную трубку проводника прихва-
тил тот афганец с собой. Охотин побежал на край возвы-
шенности, ограничивающей обзор. Силуэты двух оставших-
ся после рассвета часовых всё ещё исправно маячили на фо-
не встающего солнца, а третий был на теневой стороне. Ко-
гда Охотин достиг первого часового и диск возникшего над
горизонтом солнца уже не слепил его больше, он понял, что
этот человек мёртв и искусно удерживается палками в по-
лувертикальном положении. Подъесаул вовремя залёг, так
как почувствовал, что может стать очень доступной мише-
нью тех, кто находится со стороны светила. В это самый мо-
мент с западной стороны раздались выстрелы. Охотин обер-
нулся: третий часовой залёг и отстреливался от пригнувших-
ся к земле людей. Аркадий попробовал разглядеть часово-
го, который был ближе к нему и только что виднелся в ви-
де стоящего силуэта. Его уже не было. Скорее всего, то был
враг, воспользовавшийся особенностями освещения. А ещё
подъесаул заметил, что несколько чужаков залегли на гребне

с оружием и начинают стрелять в скопившийся в котловине отряд. «До чего же коварны! Выбрали момент, когда всего трое охранников осталось, а остальные едят, едва пробудившись и солнце спит!» Но народ в отряде оказался настолько матёрый, что лишь один из двух молодых казаков позволил себя ранить, а остальные умудрились залечь и затаиться за прикрытием там, где казалось его и вовсе нет, а меткость таких, как Кунаковсков уже дала о себе знать и парочка залегших на краю откоса покатила вниз. Открыл огонь и Аркадий, ранив одного, а остальные поспешили откатиться вне предела видимости снизу и попытались разделаться с Охотиным. Пули с чавканьем зарывались в глину совсем рядом с Аркадием или повизгивали, отскакивая от камней. В это время хорунжий Кунаковсков добежал до западного края воронки и, вместе с раненым третьим часовым, помог Охотину перекрёстным огнём. Противники предпочли скрыться, перебегая от камня к камню, но при этом потеряли ещё двоих. Охотин дал команду преследования и отряд бросился к ещё не оседланным лошадям. Разгром был полный: лишь считанные из напавших успели добежать до своих коней, спрятанных за дальней скалой и удрали, поскольку казаки были без сёдел и не могли развить такую скорость. Бравого урядника Ярцева, увлекшегося погоней, пришлось останавливать окриками: не могли они себе позволить загнать лишнего коня. Судя по убитым противникам, это были какие-то племена афганцев, которые просто не хотели видеть чужаков

на своей земле, или желавшие ограбить пришельцев. Одного подобрали раненым, но переводчика-то уже не было. Часть казаков могла говорить по-тюрски и свободно бы переговорила с жителями Туркестана, но таджикского никто, к сожалению не знал. Долго служившие в Персии, могли немного говорить на фарси и с большим трудом выудили признание в том, что целью нападения было ограбление. Тяжело раненый двумя пулями в грудь навывлет казак-часовой лежал в забытии с позеленевшим, быстро обострившимся лицом. Он лишь еле слышно постанывал, слабо передвигая потемневшей от крови рукой по груди. Стало ясным, что долго ему не протянуть. Другой часовой был убит наповал, третий легко ранен, как и молодой казак внизу. Тем не менее, с раненым противником обошлись по-доброму, перевязали и усадили на верблюда. Подобрали трофейные, в большинстве своём четырёхлинейные винтовки системы Гра, которые часто имеют афганцы, а также парочку итальянских Ветерли. «До странности хорошо вооружены степные грабители» - подумал Аркадий. Всё утро долбили могилы в каменистом грунте, и «деды» читали молитвы над своими павшими.

- Шакалы хоть не разроют. А крестов заметных не надо ставить, из камней выложим их, да и всё. Чтоб злой человек не раскопал, - предложил Мокей.

Аркадий невольно вспомнил жутковато-отталкивающий плач и хохот этих зверей позапрошлой ночью. Шакалов тут хватало. И двуногих - тоже.

- Наше счастье, что степняки напали, знающие толк в лошадях и желавшие их забрать. Иначе могли бы сверху перебить немало коней. *Конь подо мной, то и Бог надо мной*, как говаривают казаки, а без коня в пустыне куда? - заметил один из дедов, почёсывая бородищу.

- Да, они представляли отличную мишень... - согласился подъесаул.

- Мы ещё хорошо отделались, можно сказать, - приговаривал дядя Автоном.

- В другой раз умнее будем, - брюзжал дед-казак Мокей, крестясь, - Эх, молодой хоть шальной был слегка, а жалко...

- Похоронили по-христиански братцев наших, - сказал Ярцев, перекрестившись, - Отгулялся казак Арнаутов – кровь албанская. Славный человек был.

- Вестимо по-нашински, а то как хоронить-то? - ворчливо откликнулся Мокей.

Дорогу стало находить всё сложнее, тем более без проводника. Но были среди дедов и такие, что служили раньше в песках Туркестана и толк в пустынях знали. Справились и даже нашли к вечеру сразу несколько колодцев один близ другого. Начали спускать свои резиновые вёдра и пробовать на вкус воду. Лишь один из пяти колодцев в виде узких и глубоких дыр прямо в каменисто-глинистом грунте имел воду более или менее пригодную для питья, да и то желательно в виде чая покрепче, чтобы заглушить соль. В тот вечер чай

отдавал чуть ли не серой. На ночь выставили почти половину отряда в дозор. Люди меняли друг друга, чтобы каждый поспал хоть полночи. На следующий день идеально ровная каменистая равнина порадовала разнообразием: на горизонте возник сиреневый силуэт рваных скал. Воду за весь день не нашли, но запасов её могло хватить ещё на пару дней спокойно. Но когда и на второй день воды не оказалось, стало тревожно. Да и ячменя для лошадей с верблюдами оставалось в обрез. Даже о сухой траве можно было лишь мечтать.

- Ваш-Бродь, - обратился к Охотину хорунжий, - Ещё пару дней мы и кони точно протянем, но если и тогда воды не будет, то назад уже дороги не будет – не выдюжим. Останется вперёд – в неизвестность, а там уж как Господь даст: *хучь матуику репку пой*¹²⁴.

- Ваша правда, Автоном Антипович, - ответил Аркадий, - но только одно возражение у меня есть, чтобы не повернуть тут же назад: имеется приказ пересечь границу и углубиться в Афганистан. Мы её может уже сегодня пересечём. В лучшем случае даже вчера прошли и стоим сейчас лишь на пороге афганской земли. А задание наше войти в контакт с племенными вождями приграничных районов, вызвать симпатию к России. А пока мы лишь порешили нескольких сынов Афганистана... Вот и судите сами: как я могу распорядиться идти назад при таком раскладе?

- Понимаем, Ваш-Бродь. Наше дело следовать приказу. А

¹²⁴ Хоть караул кричи.

мы — филозовы по-своему.

Аркадий склонился при свете костра над картами с компасом в руках:

- Вся надежда на деда Мокея с его туркестанским опытом в песках... Выведет?

На следующий день дед Мокей и второй казак-старик, Панфил, что избороздил за десятки лет все пустыни Туркестана, не без взаимодействия с подьесаулом и его картами, сумели вывести отряд к воде. Появились еле заметные тропы, сухой верблюжий и лошадиный навоз. На следующий день местность стала напоминать песчаные пустыни русского Туркестана и была уже не такой мрачной. Местами виднелись даже кусты с полуопавшей листвой, седины полыни, но колодцев и луж не попадалось вовсе.

- Что делать будем, дед Мокей? — спросил Охотин.

- Копать, командир, в низине надо. Пока песок тут ещё — ведомо мне. В каменистой пустыне того хуже воду сыскивать. А в таких местах в Туркестане мы не раз её откапывали. Копать будем с подветренной стороны бугра, или бархана. Там кусты зачастую растут, а к сумеркам мошकारа обычно роится. Ежели песок там, Господь воду-то и даст. До саженой глубины копань¹²⁵ рыть придётся. Было бы чем. А пока, чтобы жажда меньше мучила засуньте в рот по пуле¹²⁶, - по-

¹²⁵ Копань — колодец.

¹²⁶ Кусок металла, положенный в рот, увеличивает слюноотделение и временно позволяет забыть жажду.

советовал Мокей.

- Лопаты-то есть, а как же, - с гордостью в адрес своей предусмотрительности сказал Аркадий.

И в самом деле, после получасовой усердной работы пещок неожиданно стал влажным, а к наступлению темноты им удалось не только самим утолить жажду, но и напоить коней. Но в следующий ночлег в пустыне, усеянной щебнем на всём обозримом пространстве, оказалось труднее. По совету дедов они сложили на ночь груды из плоских камней, а к утру удалось собрать в кружки капли росы с нижней стороны камней. Едва самим хватило пересохшие глотки смочить. Протерли рубахами влажные камни досуха и посвежело слегка. На душе стало легче. Кони же были очень недовольны. Полегчало ненадолго: взошедшее светило высушило рубахи за секунды.

- В Туркестане зимой легче: можно ледку на солончаке растопить. Он почти несолёный, в отличие от воды, - сказал Панфил.

В надвигающихся сумерках отряд подошёл к мрачному кыру. Сероватые пласты известняка разделяли песок со щебнем приземистой сплошной грядой словно стеной. Дальше начинался бесконечный обрыв известкового плато, уходящий к горизонту. Нашли сомнительную лужу с горькой водой. Выбора не было. Казачки стреноживали коней, а подъесаул вскарабкался на гребень от силы в три сажени и рассматривал окрестности в бинокль. Ни признака жилья. Со-

всем далеко в дымке высился кремнистый хребет. Оставалась надежда, что он достаточно высок и там будет вода. «Ещё день-полтора пути» - подумал Аркадий.

- Угощайтесь орешками, Ваш-Бродь, - сказал Кунаков-сков, когда Охотин вернулся, и извлёк из седельной сумы мешочек с фисташками и миндалём из Персии, а сам продолжил направлять¹²⁷ нож о жёсткий камень с содержанием какой-то руды.

- Наш Автоном Антипыч запаслив – индо¹²⁸ никогда не пропадешь, - молвил уралец-старик Хивинцев из матёрых туркестанцев, побывавший и на Мукдене - добровольцем пошёл. Говорили, что он из яицкого рода, основатель которого побывал при Петре в хивинском плену и умудрился бежать оттуда¹²⁹. Отличился нынешний Хивинцев в Порт-Артуровской страде «Такую же историю рассказал мне когда-то о предках друг мой Бородин» - вспомнилось Охотину - «Таких казаков как он остаётся всё меньше. Это образец и идеал доблести и особой уральской, сказал бы даже ещё яицкой, внутренней силы, верности устоям. Сильное семя. Ни мороз с ветром в степях родных, ни жара в пустынях не страшны таким. Выживут, а ещё и победят., да и теперь подаёт пример молодёжи».

¹²⁷ Точить по-казацки.

¹²⁸ «Индо» - «так, что» и «даже» по-уральски.

¹²⁹ Фамилия уральцев Хивинцевых идёт со времён тех, кому удалось бежать из хивинского плена после печально известного похода на Хиву 1717 года.

- Душновато нынче стало, как бы не задуло, - заметил Мокей.

- Похоже на то, - откликнулся Хивинцев.

- Уже начинается. Не чуете? - спросил Панфил.

А с утра рвануло резким ветром и поднялась пыль. Через четверть часа стало не видно ни зги, а в ушах стоял вой ветра.

- Заворачивайте головы хучь во что, хучь в рубаху последнюю, щоб не надышаться песком, - кричали казакам Хивинцев с Мокеем, - Уложите лошадей и ложитесь замертво подле коня сваго. Покуда не закончит дуть вставать ненадобно! Поскорей всю воду нашу прикрыть тканью какой надо – занесёт!

- Прикроем, дед, прикроем, - молодой казак бросился прятать свою флягу под седло.

- Шож оне деють-то, молокососы? Одрало б вас всех! – завопил Хивинцев, - Лужу всю прикрой, ирод, не о твоей ж бутылке речь!

Вся лужица была бережно укрыта брезентом, придавленным грузом и все расползлись по периметру воды, укладываясь с лошадьми в обнимку. Ураган дул весь день и улёгся лишь к вечеру, а утром пыль едва более-менее осела, но дальних гор видно не было.

- Чуток вниз¹³⁰ к обрыву и пойдём, Ваш-Бродь, - сказал Хивинцев, - Оно надёжней будет.

- Почему именно так? – спросил Аркадий.

¹³⁰ Имеется в виду «к югу». Вверх – к северу по-уральски.

- А позавчера вечор видать там дальше горы было. На них и надежда вся. Худо, шо не могём мы по ночам идти. Меньше б воды пили.

- Верно. Седлать коней! – крикнул подъесаул.
Послышалось мерное бряцание удил.

Когда к полудню второго дня они приблизились к невысокому, но настоящему горному хребту стало заметно скопление зелени в одной из его складок. Ускорив шаг, отряд обнаружил там чахлый ручеек, навсегда исчезающий под щебнем буквально в нескольких десятках саженей от источника. «Весной тут получше, надо полагать» - подумал Охотин, разглядывая старые следы подкованных лошадей, - «Похоже, что тут поили лошадей на этой неделе... Пастухи ли? Разбойники?» Перевалив через невысокий хребет, они оказались на пороге бескрайней гористой страны, но уже менее засушливой. Всё чаще попадались тропки и следы человека.

- Надо держать ухо в остро, - приговаривал Мокей, - не знаешь чаво ожидать от азиатцев-мухаммедан. Э, да там озерцо в дали.

- А не фата ли моргана? – явно желая показать перед Охотиным образованность, спросил Ярцев, - Не раствориться ли оно?

- Чаво? – переспросил кудлатый молодой сосед.

- Не колышущееся ли это озеро-призрак? – спрашиваю, уточнил Ипатий.

- Подойдём – увидим. Бог даст искупаемся, - мечтательно улыбнулся кудлатый бугай.

Аркадий прикинул длину переходов, число ночёвок и пришёл к приятному выводу, что они уже недалеко от Герата – средневекового центра всего Хорасана, который в прошлом веке был некоторое время в руках проанглийской афганской коалиции, а персы во главе с русскими инструкторами осаждали город.

- Похоже, что пронесло. От жажды не сгинем, - сказал Аркадий.

Спустя ещё день пути они столкнулись с миролюбивыми, хотя и настороженными пастухами и сидели весь вечер с ними за чаем. Разговор клеился с трудом, лишь благодаря слабому познанию некоторых казаков в персидском. Стало ясным, что до Герата ещё три перехода и воды будет достаточно. А ещё им посоветовали выслать вперёд пару человек без огнестрельного оружия для переговоров, а то по старой памяти могут всех перебить из-за прикрытия, как англичан. Для этих людей было всё равно русские ли они, британцы ли – всё едино – чужаки, иноверцы, но встречали их по степному обычаю с чаем и хлебом, сочувствовали лишениям долгого перехода, да ещё в самый безводный сезон. Зло отзывались о соплеменниках-грабителях, мол, нелюди они, таких у них в клетки сажают и пить не дают. Племенным вождям кочевых малых народов Охотин преподносил от имени своего государя добротные ружья и простодушные люди бы-

ли очень довольны. Близ Герата ехали уже по возделанным землям. Правитель Герата принял посланцев Белого Царя со сдержанной любезностью, объясняясь с Охотиным кое-как по-английски, обещал содействие, если русские придут под-держать их от засилья англичан, но ничего определённого обещать не мог, будучи вассалом эмира, сидящего в Кабу-ле, куда надо было ехать ещё почти столько же, хотя и не по бесплодным землям. Аркадий передал с поклоном сухо-парому остробородому мужчине с чванливым выражением морщинистого лица под пышной чалмой подарок «от самого царя». В свёртке было золотое яйцо Фаберже и маленький новейший фотоаппарат. Вельможа с шафранным оттенком лица пригласил гостя приземлиться на пышные цветастые подушки, уложенные вокруг приземистого столика с кривы-ми ножками и кальяном на нём. Охотин разъяснил как поль-зоваться диковиной штукой, которая сама делает картинки. Сам он, при случае скрытно снимал и безлюдные ландшаф-ты, перевалы, и селения по дороге, а тут предоставилась воз-можность безнаказанно выйти на балкон дворца и отснять целую плёнку с видом на городские укрепления и войска, прогуливающиеся подле них. Аркадий показывал, как сле-дует снимать своим аппаратом, щёлкая помногу, а парал-лельно объяснял, что делать с дарёным в неловких руках но-вичка. Когда дело было сделано и урок закончился, хитрый афганец вдруг потребовал отснятую подьесаулом для себя плёнку. Охотин смутился и посулил ему лично проявить обе

вместе в качестве следующего урока. Вельможа потребовал это сделать сейчас же, не спуская глаз с гостя. Спасла положение лишь ловкость рук, когда Аркадий показал, как надо переставлять пленки, чтобы залить их проявителем. В этот момент он умудрился ровно оторвать руками половину своей хрупкой пленки¹³¹, которая была длиннее таковой в подаренной системе. Оторванный кусок, начало, в котором были сделаны важнейшие кадры, подъясаул зажал в складках тяжёлой парчи, данной ему для затемнения. Когда афганец отвернулся, Аркадий успел сунуть припрятанный кусок в карман, обернув носовым платком, который был чёрным, чтобы грязь была не так заметна. Оставшись наедине с собой в отведённой комнате, Охотин тут же проявил и закрепил кусок плёнки, надёжно перепрятав его. Отснятые до того плёнки были спрятаны глубоко в сёдлах Ярцева и Кунаковцова. Довольный собой Охотин отправился ко сну, раскинувшись на просторной кровати с шёлковыми одеялами. В мыслях засыпающего оживали некоторые излюбленные герои книг, с ним, посреди палестинской пустыни, разговаривал сам Ричард Львиное Сердце, золотились медные стволы подмосковных сосен меж которых мелькал изящный силуэт Великой княжны Романовой.

Путь назад оказался намного проще благодаря окрепшему чувству направления, обрётённым знаниям, а также и на-

¹³¹ Ранние фотоплёнки отличались хрупкостью.

дѣжному проводнику, выданному в Герате, хорошему отдыху и наполнению организма должным количеством чистой пресной воды с гор. «С честью выполнили мы задание, Ваш-Бродь, да ещё целыми вернулись», - приговаривал Кунаков-сков. Аркадий поглаживал жаркий потный храп любимого скакуна своего. Гордости Аркадия от чувства того, что он первым из европейцев пересѣк Степь Отчаяния не было предела. Лишь много позже он узнал, что Лавр Корнилов сделал это до него¹³². Свой отчѣт начальству Аркадий богато иллюстрировал разборчивыми фотографиями и картами собственного изготовления. Он упомянул поразившее его разнообразие огнестрельного оружия, встреченного у афганцев. Британцы постарались снабдить беспокойного соседа своим старьѣм от души: там попадались и магазинки Гра-Кропаче-ка с подствольным магазином, Генри-Мартини и винтовки Винчестера, револьверы чуть ли не всех систем – Реминг-тона, Кольта, Мервина и прочие. В основном это прошлый век, но оружие добротное, писал подьесаул. Как только доклад был сделан, Аркадий смог обратиться к повторному пристальному прочтению долгих писем от родных и друзей, которые лишь слегка пробежал, поняв, что всё в порядке и никаких бед пока не случилось. Его ждали письма от люби-

¹³² Корнилов ещё до Японской узнал от ИONOBA об афганской крепости Дей-дади – базе для дестабилизации окраин русского Туркестана и во время своего отпуска, один, поехал туда под видом туземца, имея спрятанные кроки и фотоаппарат. Прodelав 400 вёрст, он привез ценный материал и написал книгу о Кашгаре и Персии. Корнилов первым прошѣл всю пустыню Степь Отчаяния.

мой сестры Евпраксии, как всегда грустные и с упоминанием новостей от всех членов семьи, от брата Глеба с политическими нападками в адрес подкапывающих трон и верного давнего друга Сергея Бородина о подвигах его родственника Георгия-Бурана, и более далёкого, со стороны жены – барона Врангеля, о любимой жене Зое, принесшей ему первенца. Сергей попал на фронт уже есаулом при родном гвардейско-казачьем полку, присоединенном к другому подразделению. Принимал участие в Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях, затем и в Праснышненской операции, и под городом Холм. «Сейчас», - скромно приписал в конце Сергей, - «легко ранен, остался в строю»¹³³. Зато жена приезжала ко мне на пару дней. Она купила мне иконку с преподобным Сергием Радонежским за 18 рублёв золотом. Передала мне пожелания скорейшего выздоровления от бригадного, бывшего командира Синих кирасир, блестящего генерала барона Жирар де Сукантон, её родственника, состоявшего в свите царя при Ставке». Аркадия даже кольнула зависть к тому, что друг его уже давно семейный и имеет сына, а он сам всё бобылём... Охотин решил, наконец, написать Евпраксии о достойной гибели Гринёва, но так и не собрался – пришёл приказ готовиться в очередной рейд.

¹³³ О ранении есаула Бородина напечатано было в газете: «ранены: ...» далее идет перечень чинов и имён через точку с запятой, среди которых – «есауль Бородинъ (ост. въ стр.) Сергей Владиміровичъ».

8. Антон и его духовный отец

«По моему мнению, наибольшая опасность, которая грозит России - это расстройство Церкви православной и угашение живого религиозного духа... Никакое государство не может жить без высших духовных идеалов. Идеалы эти могут держать массы лишь тогда, если они просты, высоки, если они способны охватить души людей, - одним словом, если они божественны... Япония нас победила потому, что она верит в своего Бога несравненно более, чем мы в нашего».

С. Витте

«Духовные силы русского народа, на основании уроков истории, будут тем прочнее, чем прочнее в нём сохранится, прежде всего, вера в Бога, вера в святой Промысел Его...

Отнимите от человека веру и понятия о нравственности, и человек перестанет быть способен к жертве, к подвигу... Рухнут они - рухнет и русское государство».

Генерал А. Куропаткин

«...французы нередко говорят в беседах с нами: «Вы, вы счастливее нас... у вас Бог есть главная жизненная потребность, у нас Он только роскошь...» Признаюсь, я предпочел бы, чтобы не французы нам это говорили с завистью, а чтобы мы это говорили французам с гордостью».

Князь Мещерский

Младший из братьев-Охотиных, Антон, в хмурый осенний день 1914 года был занят дольше обычного в Малом театре, подрабатывая оформлением декораций. Начальство ценило прилежание двадцатичетырёхлетнего юноши, с особой фантазией и чувством писавшем на темы из былой жизни волжского купечества для воплощения драм Островского на сцене. Весь вымазанный красками худой и бледный молодой человек с внешностью вечного ли студента, нестеровского ли отрока Варфоломея, только на десять лет постарше, вкладывал в работу всю душу. Казалось, что невысокий оклад его мало интересует, что для него много важнее пытаться выразить даже в декорации что-то своё, личное и возвышенное. Проходящих мимо он и вовсе не замечал и покидал рабочее место лишь когда сторож звал его на выход, ворча, что «электричество выключается и театр закрывается». Бормоча под нос то ли молитву, то ли чудную песнь, странный юноша столь же незаметно и молча покидал здание театра, как и входил в него утром. Антон бормотал, не прекращая, именно молитву. А молился он за братьев, ушедших на фронт, за победу в войне, за усопших родителей и за своих сестёр – Варвару, ушедшую в далёкий монастырь на Белозерщине и за Евпраксиюшку, поведавшую ему уже давно, что и она готовится к постригу. Будучи немного не от мира сего, Антоша, в отличие от своих братьев, не заметил, что у Евпраксии возник роман с другом брата Аркадия, при-

езжавшим из Персии. Сама сестра его уже засомневалась в предстоящем постриге. Молился Антон и за духовного учителя своего отца Виссариона. Искренние, шедшие от самого сердца, молитвы требовали времени, вот и молился Охотин неустанно весь день напролёт за своей работой. Тайком от Евпраксии Антон обращался на призывной пункт, желая подобно братьям своим оказаться на фронте, но не был взят из-за слабого здоровья. Сказали, что «в этом году таких ещё не берут». При этом Антон не подлежал призыву и как младший сын в семье. Смирившись с таким положением, Антоша решил податься на фронт с медицинской частью, а когда узнал, что сестра тоже готовится совершить такой шаг, то попросил её, имевшую опыт сестры милосердия в Японскую, представить и его, как желающего служить в полевом лазарете. На том они и договорились. Евпраксия ждала теперь приглашения от своей подруги, бывшей жены брата Бориса, Настасьи Ртищевой, которая обратилась у себя в Питере через тётушку к самим великим княгиням с просьбой помочь устроиться в лазареты, открывающиеся в Царском Селе, Павловске, или Петергофе¹³⁴. Сестра умолчала Антону о том, что она отправляется далеко не в полевой лазарет, но отстоящий на сотни вёрст от линии фронта. Ей казалось, что в таком случае немного солгать не грех – брат сохран-

¹³⁴ Царица уже в начале войны организовала в пригородных царских дворцах, ассоциировавшихся всегда лишь с роскошью и легкомыслием Двора, особый эвакуационный пункт, куда вошло 85 лазаретов. Лазареты обслуживали 20 санитарных поездов имени Её и Её детей.

нее будет. В том, что брату не откажут она была почти уверена, зная о нехватке медицинского персонала. На следующий день у Антона был выходной и он решил провести этот день в библиотеке Румянцевского музея¹³⁵, подучить историю российскую. По пути из театра домой Антон надумал зайти на вечернюю службу в Высоко-Петровский монастырь, где надеялся встретить своего любимого отца Виссариона – неизменного авторитета во всём. Любил Антон больше всего старейшую часть города, сами стены домов которой грели душу больше, чем Пречистенка с Поварской и Молчановками, где проживали преимущественно дворяне, но которые, в свою очередь, были ему милее Арбата – района интеллигентски-профессорского. На Арбате росли новые дома, как грибы после летнего дождя. Булыжные мостовые главных улиц постепенно заменялись где торцом, где асфальтом, что тоже не нравилось Охотину Младшему. Уходили в прошлое и милые сердцу конки, а трамваи удручали своим мертвенным чисто механическим шумом.

На радость Охотина-младшего отец Виссарион не был излишне занят в тот вечер и уделил духовному чаду внимание. Поговорить с таким человеком для Антона было всегда откровением. Казалось, что этот несколько моложавый человек с неглубокими морщинами на благородном лице и чёр-

¹³⁵ Библиотека Румянцевского музея позже стала «Ленинкой», а потом – «Российской государственной».

ной бородой с незначительной проседью и особым огнём во взоре тёмных суровых очей, знает буквально всё. Ему не было ещё и пятидесяти, но его мнение высоко ставилось старшим по чину и возрасту чёрным и белым духовенством. Антон задал вопрос, как это было заведено между ними уже много лет:

- Отец Виссарион, а почему мы отступаем теперь и на Южном фронте? Чем вызвано то, что при Елизавете мы лихо били пруссаков, при самом Фридрихе Великом бивали, а теперь?

- Вопрос твой, Антон, несколько не по адресу. Я что же генерал какой? – пробасил Виссарион, улыбаясь в бороду, поглаживая большой, потемневший от времени кипарисовый крест на груди, - *Скажу тебе так, со своей колокольни, как мне это понятно: Исконно российское самодержавие считало смыслом своего существования служение Богу, Божией Правде и Божией Церкви. Русские, во всяком случае со времён Ивана Великого, были глубочайше убеждены в том, что они обязаны, почти не имея личной жизни, служить Государю и своему государству, чтобы оградить Отечество от опасности захвата иноверцами. Превыше всего для них было обеспечение себе и своему потомству возможности свободного исповедания святого Православия с соблюдением всех православных законов и обычаев. Внецерковных целей в государственной жизни, во всяком случае лучшие из предков наших, себе не ставили. Личная слава, расширение госу-*

дарственных границ, достижение привольной, лёгкой жизни были им достаточно чужды. Неспроста лучшие представители московского боярства, по окончании многолетней государевой службы, часто принимали постриг. После долгого духовного процветания, давшего сонм святых русского народа, уже XVII век оказался неожиданно беден святыми. В конце столетия, после Реформы, не стало святых на Руси. А при Алексее Тишайшем высшее общество уже поворачивается лицом к Западу и даже начинает копировать европейские моды и привычки. Никон сокрушил основы русской идеи «Москва – Третий Рим» вкупе с древлеправославием. После реформы Русь стала иной, менее вдохновенной. Желая по-своему и радикально переделать все порядки на западный манер, Пётр Великий породил «колосса на глиняных ногах». Если до него, а особенно ещё до Раскола, Русь стояла на тесном сплочении веры и царя, что сплачивало народ, то после того, как самых верных людей превратили в «отверженных старообрядцев», а потом ещё и вместо патриархата учредили чуждый народному и церковному духу Священный Синод, пошатнулись все основы. Лучшие уже по скитам да болотам хоронились, а карьеристы, проходимцы лезли в гору. В нравственном отношении старообрядцы и сейчас зачастую выше нас. Служба у границы Дикого Поля от засечных полос в допетровские времена была делом трудным и опасным. О том свидетельствуют кажущиеся с некоторых пор нелепыми царские указы о «запрете перехо-

да из дворян в холопы». Кто из новых постпетровских новых дворян хотел принять постриг по завершении нелёгкой службы? Уже почти никто: идеалом стали наслаждение жизнью и западный практицизм. Идеалы сменились за одно поколение! С ростом «вольностей дворянских» новое дворянство уже и вовсе начинает превращаться в класс паразитический. После указа голицинца Петра III о дворянской вольности, высшее сословие освобождается от обязательной службы. Дворянство превращается в «нетчиков», а безделье становится хорошим тоном. В Екатерининское время усилившееся дворянство уже не стремится обучаться в математических и навигационных школах, а предпочитает нахватываться сурогата гуманитарных знаний от учителей-французов. Матушка-Государыня упраздняет более двухсот пятидесяти православных монастырей. Вдумайся в эти цифры! Даже изрядный вольнодумец, но патриот Пушкин писал, что это нанесло сильный удар просвещению народа! Император Павел пытался накинуть вновь уздечку на дворянство, но это стало уже невозможным. За попытку устранить сословные привилегии Павел был успешно ошельмован и назван умалишенным. Пропасть между новым дворянством и огромным крестьянством растёт как никогда. Вплоть до общения на разных языках. Особенно до Александра Третьего это стало модным – без французского – «просто пошло», а русский становился для некоторых второстепенным. Как мог народ такое воспринимать? Мог ли

он считать таких дворян за своих - изнеженных и глубоко чуждых? Дворянин прошлого, пусть грубый и часто даже более жестокий с крестьянами, чем поздний, вызывал у народа уважение к себе храбростью на поле брани.

Всё же наш Государь давно считается ктиторм всей Православной Вселенской Церкви, выступает на защиту православной веры и Церкви, оберегает церковный мир во всём мире, но и заботится о нашем воинстве Христовом. Это вселяет надежды. По словам Апостола Павла из его Второго послания к Фессалоникийцам: «Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят из среды Удерживающий теперь». Тогда - под главою величайшего христианского государства - Римской Империи и подразумевался сей «Удерживающий». Русская Православная Церковь относит эти слова святого Апостола к Русскому Царю, Наследнику Византийских императоров, главы Третьего Рима. Потому Император наш – особа священная, преемственный носитель силы благодати Святого Духа, удерживающей распространение зла. И наш народ по-своему понимает и чувствует это. Думаю, что нынешний Император глубоко проникнут сознанием сей лежащей на Нём мистической миссии. Похоже, что Он, как и Его Отец, прекрасно осознают глубочайшие ошибки Петра, который был ослеплён материальными достижениями западных держав. Наш царь понимает, что пора восстанавливать понятное народу нашему главенство духовного над

материальным и, насколько мне известно, Государь готов возложить, если Господу будет угодно, бремя патриаршества на себя. Монашеский подвиг и никакие иные трудности Его не смущают. Он уверен, что это станет во благо процветания Родины. Весной 1905 года, наступил подходящий миг, когда Государь сообщил членам Святейшего Синода о Своем намерении отказаться от монаршеского служения с целью занять патриарший престол.

- Отец Виссарион, Вы точно знаете, что так и было? – спросил ученик, задумчиво глядя на образа в старых почерневших ризах с камнями.

- Лишь настолько знаю, сын мой, насколько мне позволено что-либо знать в этом мире. Следует учитывать и то, что в отличие от прочих христианских народов, русская нация есть порождение Православной Церкви. Мы не имели столь древнего и богатого языческого наследия от римской культуры, как западноевропейцы. Русские не имели ещё даже своей государственности, когда благодатное семя византийского учения упало на чистую почву восточнославянских язычников и породило веру чистую с меньшим числом лжеучений, чем у них на Западе. Оскуднение Церкви в послепетровские времена порождает невежество и алчность сельских попов, духовное обнищание роняет авторитет Церкви в глазах народа. А какие силы толкали Николая Первого согласиться на очередные гонения на старообрядцев? Всё те же амбиции слишком «вольного дворянства»,

погрязшего в масонстве, целью которого стало стереть из памяти народа культуру дореформенную. Старые книги с иконами просто напросто уничтожались. Но надежда на возрождение два столетия как утраченной «симфонии» духовной и светской властей ещё зиждется в наших сердцах, покуда правят такие понимающие государи как Александр Третий и Сын Его. Без веры человек лишь умный зверь. Ангелы вопияша! - произнёс священник с особой горечью и глубоко запавшие глаза его сверкнули, - На что же ещё нам, простым смертным, можно уповать?

- Отец Виссарион, а что именно произошло год назад со сторонниками имяславской ереси?

- Видишь ли, сын мой, течение из Новой Фиваиды¹³⁶ даже трудно еретическим назвать. По сравнению с теми же толстовцами, еретиками злостными, какие же они еретики? Слышал об этом лишь краем уха, что в соответствии с предписанием Святейшего Синода летом тринадцатого года канонерская лодка доставила архиепископа Вологодского Никона Рождественского и профессора Троицкого на гору Афон «дабы усмирить бунт монашеский». Перепись, проведённая архиепископом, показала, что среди около двух тысяч российских монахов человек шестьсот записали себя имяборцами, пятьсот - имяславцами, триста-четырееста уклонились от переписи, а прочие записались нейтральными. Долгий месяц архиепископ Никон вёл переговоры с имя-

¹³⁶ В афонском скиту «Новая Фиваида» впервые появилась имяславская ересь.

славцами и пытался заставить их поменять свои убеждения добровольно, но получил отказ. Прибыл пароход «Царь» с сотней солдат, а за ним и «Херсон» с солдатами и российским консулом в Константинополе. Велено было взять мятежников приступом, но без кровопролития. Но иноки оказывали сильное сопротивление. Их стали поливать водой из пожарных шлангов. По неявным слухам имелись раненые и даже убитые. Не верю я в такое. Если кто и погиб, то случайно. После взятия Пантелеимонова монастыря монахи из Андреевского скита сдались добровольно. Сорок больных монахов не тронули и оставили на Афоне, а порядка двух сотен увезли прочь. Часть иноков добровольно покинули монастырь. Кое-кто отправился на Камчатку к отцу Нестору Анисимову. Остальные подписали бумагу, что они отвергают имяславие. Зачинщики были лишены духовного звания. Руководителя – ярого имяславца Антония Булатовича сослали в его родовое имение в Харьковскую губернию. В начале нынешнего года некоторые из имяславских лидеров были благосклонно приняты Государем и Государыней.

Изначально в гонения на имяславцев подлил масла недалёкий и излишне рьяный епископ Гермоген. Будучи в составе Синода, он переругался с обер-прокурором Саблером и обратился к царю в Ливадию с телеграммой, резко обличающей Синод в попустительстве ересям. Напустился Гермоген и на должности диаконис, позволившие Великой княгине Елизавете открыть свою Марфо-Марьинскую обитель. В этом

я ничего дурного разглядеть не смог, как ни старался. Какая же ересь в диаконисах? Где сыскать более приверженных православию женищин-не монахинь, чем в кругу Великой княгини? Государь издал распоряжение о том, чтобы епископ вернулся назад в свою Саратовскую епархию. В столице Гермоген успел ещё начудить вместе с иеромонахом Илюдором, оказавшимся гнусным отступником похищен Гапона. Они сошлись поначалу с Распутиным, а потом между ними дошло до рукоприкладства. Они силой отняли у старца письма от членов Царской семьи с целью спекулировать ими в дальнейшем. Началась нечистоплотная газетная интрижка с раздуванием роли Распутина. И в чьём органе печати ты думаешь? В гучковском – в «Голосе Москвы»! Это лишний штрих к тому, что против имяславия столь рьяно ополчились не лучшие силы. Больше ничего не могу добавить.

- Осуждаете ли Вы сами этого грешного имяславца Булатовича, отец Виссарион?

- На фоне того, что сейчас творится в России я бы и не посылал те пароходы на Афон и не брал в плен имяславцев, несмотря на их ересь. Они-то верующие и, в целом, верные сыны России. Почитай, сын мой, «Африканский дневник» несколько легкомысленного поэта Гумилёва. Иной раз не грех и светское почитать, развивает - даёт пищу для понимания окружающего. Казалось бы, типичный поэт нашего времени и далёк от высоких побуждений. Но нет, он

пишет о «мечте, живущей при всей трудности её выполнения». Поэт стремился отыскать в Данакильской пустыне «неизвестные загадочные племена», хотел «их объединить и, найдя выход к морю, цивилизовать». Побуждения поэта не исключали прославление России и православия. С детства Гумилёв восхищался эфиопскими экспедициями Булатовича сумел повторить африканский маршрут имяславца. Если этот человек служил другим для подражания в хорошем, значит он не так плох, а Гумилёв, как мне кажется, человек глубоко православный, если вдумчиво прочесть его поздние стихотворения. Секты же, крамольные, растут как на дрожжах. Такой напасти по силе ещё не было, - мрачно отвечал Виссарион, поправляя фитиль в толстой свече из жёлтого воска.

- Гумилёва пробовал читать однажды. Сестра давала томик. Но как-то не тронуло.

- Он поверхностен, но мил по-своему. Мне грех читать не духовное, знаю. Но иной раз полезно, чтобы отстаивать веру Христову крепче. А дабы не уподобиться одному елецкому священнику, следует больше читать.

- А чем этот священник отличился?

- В своем донесении начальству перепутал впервые появившихся в Ельце баптистов с буддистами... Кстати, Гумилёв, приветствовавший эту войну как «дело святое», утверждал, что ему «серафимы, ясны и крылаты, за плечами воинов видны». Сказано хорошо, хоть и сильно я со-

мневаюсь, что война не за свой очаг, не за свою землю может быть «святым делом». Народ это так не понимает. Но главное, что в тяжёлую годину поэт полностью за наших воинов и политику правительства, что заметно отличается его от настроения либеральной интеллигенции.

- А священнику грех в такой войне участвовать?

- Участвовать, помогать – нет, но убивать даже врага – да. Священник может службу на передовой справлять, раненым помогать, утешать. Конечно, и при лазарете работать.

- Вот и у меня такая мысль возникла, отец Виссарион. В госпиталь на передовую...

- Дело праведное. В такое время естественно быть на фронте.

- Каждому мужчине! И я так думаю. По здоровью в солдаты не взяли, но в санитары – можно.

- Даже священнику подобает поближе ко фронту быть. Есть и у меня намерения отправиться, да вот всё дела не пускают. Хотел бы поближе к солдату. Ну мне пора, Антон.

Охотин зашёл в иконописную мастерскую к отцу Агафоклу. Антон истосковался по церковному письму и попросил Агафокла дать ему немного поработать над иконой в качестве подмастерья. Добродушный чернец рад был дать кисти своему давнему ученику.

- Посмотри, Антон, на этот образ. Писан он древним приёмом, известным у наших предшественников как письмо «вапами». Работается доска как будто водяной краской, но к ней

добавляется немного яичного желтка, замешанного на воде. Когда работа завершена, доску поливают олифой или варёным маслом, коими пропитывается весь слой краски. Позже слой масла снимается, а краска становится чрезвычайно крепкой. Другой способ достижения такой крепости неизвестен.

На следующий день был святой праздник Покрова Пресвятой Богородицы и заутреню Антон отстоял в Казанском соборе, а потом ещё заглянул в часовню Иверской Богоматери, что у Воскресенских ворот. Во время службы, или уже в часовне, он выронил из кармана свой излюбленный карандаш и в целях его нахождения проделал весь путь от часовни до собора, тщательно осматривая брусчатку Красной площади и нашёптывая пятидесятый псалом царя Давида и Символ Веры. И помогло: карандашик засиял хозяину тиснёнными золотом буквами, лёжа на ступенях храма. «Способ давно проверенный» - подумал Антон и направил стопы в знакомый монастырь. Охотина усадили за иноческий стол, как старейшего завсегдатая. Отец-настоятель прочёл молитву Пресвятой Богородице и благословил начало трапезы. Расставили по одной миске на пятерых, и монахи принялись черпать кислые щи, соблюдая трогательную почтительную очередность. За щами последовала холодная окрошка с мелкой рыбой, а затем - пшённая каша с не очень свежим подсолнечным маслом. Когда приходило время для смены блюд, отец-

настоятель сильно дёргал за шнурок с кистью, чтобы звенел небольшой колокол. На протяжении всей трапезы один из братии заунывно в однодышку читал из «Четьи-Минеи». Пахло свечным воском. По особому случаю пили не воду, а чай. Отец-настоятель заметил в адрес гостя из столицы на Неве, отца Валентина:

- Слышал, что у вас в столице, отец Валентин, уже и иноки перешли на чай. Что не вспоминают вовсе былых запретов отцов святых на этот напиток басурманский.

- Что Вы, отец Паисий! Уж не верите ли Вы всем наветам, что годами обращены против нашего столичного священства? Откуда только берут такое? Ума не приложу. Если и попиваю напиток сей, так только будучи приглашённым в гости к людям светским. Мирянам – не грех. Ну и я особого греха в том не вижу, ежели в гостях. Бывает и засиживаюсь за самоваром в хороших петербургских семьях, грешным делом. Там эти фэйф-о-клоки – дело святое для них, для мирян.

- У вас там, в Чухонии, слышал я, и чай-то пить не умеют. И самовары тульские к вам не завозят.

- Ну что Вы, отец Паисий, право так на столицу нашу взъелись? И тульские бывают...

Отец Виссарион сделал знак Антону и они поспешили покинуть трапезу, не вдохновлённые пустопорожними разговорами. Оба брели по полупустой улице, усыпанной жёлтыми и красноватыми листьями.

- Вот посмотри, Антон, на этих мужичков – городских ли, из села ли заехавших, - задумчиво и медленно проговорил Виссарион, - *Всё чаще заметны у них в зубах постоянно дымящиеся пахитоски, всё щедеушнее они на вид. В молодость мою, помню, куда большие здоровья в народе было. Питание и курево были ещё исключением, а не правилом. А с начала смуты пятого года, так и вовсе народ неспокоен и курит и пьёт много больше и запреты на продажу водки с начала войны вряд ли помогут. На передовой, говорят, с выпивкой очень строго, и слава Богу. Кто уцелеет в этом натиске Лукавого на наши устои? Лишь крепкие верой и духом. Такие, как отдельные ещё живучие крестьянские общины и как общины старообрядческие даже в той же Москве. Приди на Рогожское кладбище и почувствуешь сразу - кто соль земли на земле российской. Нам надо со старообрядцев пример брать: почти не пьют, курево не терпят, не сквернословят, во всяком случае понапрасну. Даже чай до последних лет отвергали. Все их охранительные меры неспроста были. Как начали им картошку навязывать – заявили, что «яблоки сии поганые есть не будут» и правильно! Почему? А посмотри на призывников поколения, родившегося после Турецкой. Тогда много разговоров началось, что те, кто рос на ржи и пшенице были крепче, а те, что на картошке – хилее стали. Вот и не зря, как видишь, их священники, да и многие наши, противились введению «поганных яблок», чаепития крепкого, «китайской отравой» чай именовали, а до*

того - и «дыма нечистого» табачного. А ещё раньше осуждали и питье перегонного зелья, вместо медов вводимого. Со времён Грозного, на доходы от винокурения позарившегося, пьянство неуклонно множится. И не просто так противились! Здоровье всего народа напасти эти ослабили!

- Неужели мы настолько измельчали? – Антона передёрнуло. Вспоминались частые высказывания покойного отца на эту же тему, своя немощь телесная, которую он стал воспринимать болезненно лишь после отказа послать его на фронт. А уж он-то зелий никаких не употребляет...

- По глупости и наивности, оттого что своих охранителей вовремя не слушали. Сказано в пророчестве: «посыплются с небеси звезды железные и поразят грешников». Ой, не долго ждать нам остаётся...

В ранних сумерках Антон возвращался домой, и окна «Мюра и Мерилиза» ослепляли огнями словно в этом магазине располагалась своя электростанция. Антон заглянул в газетный киоск, у которого толпились зеваки, ожидая особенных новостей с фронтов. Рядом возникла белая фуражка околоточного: «Не толпитесь так, господа, полехше, полехше!» Ничего путного в газете не оказалось. Антон столкнулся в переулке с жуткого вида калекой на костылях с единственными ногой и рукой и обезображенным лицом. Его искривлённые, обречённые на неподвижность губы не позволяли разбирать слова, которые он пытался сказать. Неожиданно

данно его глаза налились кровью и он начал изрыгать проклятия в адрес Охотина, брызгая слюной. Антон разобрал лишь пару слов: «Не хочет ветерану подать». Охотин бросился бежать сломя голову. Не от страха, что тот может его ударить костылём, или обрызгать слюной, но от великого смущения и потерянности. Пробегая по набережной, Антон подскользнулся на яблочной коже и покатился по скользкому крутому берегу в реку. Выбираясь из ледяной воды, он неожиданно столкнулся лицом к лицу с дебелой подслеповатой жуткой рожей с застывшей гримасой боли, как ему показалось. Но уже в следующее мгновение он понял, что это всего лишь обезображенная кукла - деревяшка, вертящаяся в водовороте, у втекающего в реку из трубы мутного потока. Перекрестившись, Антон выкарабкался на дорогу и продолжил путь, мокрый под холодным осенним ветром. Страшная кукла с застывшей улыбкой смерти в водовороте долго не давала ему заснуть в тот вечер, как и фигура калеки. Он крестился и думал, что это и есть подлинный лик войны, как облик калеки, так и куклы. «Так выглядят, должно быть, все там, на фронте после боёв». С того дня Антона начинают мучить ночные кошмары на ту же тему, он худеет пуще прежнего и становится вовсе прозрачным, а лицо его начинает дергать тик. Жёны братьев обеспокоены, ухаживают за больным. К счастью, Серёжина Лиза и Митина Глаша живут в том же огромном отчем доме. Болезнь усиливается, и бессонница Антона становится обычным явлением, изматывая

до предела. Навещают его и Глебова Феврония с Петиной Аграфёной. Каждая приходит с полными коробками вкусно-стей, но они не лезут в распухшее воспалённое горло. Наконец, заходит и обеспокоенный Виссарион, и Антон слышит его спокойный полный величия голос:

- Отчитка ему нужна - особый молебен, чин изгнания бесов. Как бы чист наш Антоша душою не был, бесы сумели внедрится в сознание его и мучают, когда сознание устало отключается в надежде на сон. Поскольку я близок болящему – друг и наставник его, я приглашу для отчитки другого священника. Надеюсь, что завтра всё решится.

- Вам виднее как быть, отец Виссарион, - потупила взор Лиза.

Через день Виссарион прибыл вместе с незнакомым священником и всё было исполнено подобающим образом. Со стороны было мало что понятно, но Антон отчаянно корёжился в своей постели, исходил потом как никогда в жизни и бесконтрольно трясся. В ту ночь он уснул спокойно, а с утра даже аппетит вернулся к нему.

В последующие дни духовный отец исправно навещал своего сына, а прикованные к своим детям жёны Сергея и Дмитрия были рады пригласить священника на чай, а то и на ужин и послушать интересного собеседника, когда дети уже в постельках.

- Жизнь неуклонно меняется, как это ни прискорбно, -

рассказывал очередной раз Виссарион, собравшимся вокруг Охотиным, - *Особо привлекает последнее время православных паломников образ Богоматери, писанный Васнецовым во Владимирском соборе в Киеве. Да только писан он современным живописцем не духовного звания. Разве же можно сравнивать эту работу с былой, когда иконописец подолгу постился, лишь после чего брался за кисть и позволял себе писать святой образ?* Очень строго этого требовали на Руси домонгольской. Но есть и сейчас таковые, которые воспринимают писание икон, как великое послушание. Один из таких – мой духовный сын Антон, сидящий за этим столом. Не отмахивайся, Антон, правды не следует стесняться. Очень ценю работу Васнецова и Врубеля в Киеве, а также Нестерова в Марфо-Марьиной обители – образы их прекрасны. Но невозможно передать эти лики без поста и молитвы, а лишь виртуозным взмахом кисти мастера. Нынешнее оскудение духовной жизни во всём мире столь велико и умножается с такой силой, что скоро можно ожидать благословения христианскими церквями образов, писанных в модернистской манере.

- Не ханжество ли глаголит устами Вашими, отец Виссарион, спросила бы моя петроградская тётка – Ольга Третнёва, - сказала вдруг Лизанька, - Уж простите за откровенность, Ваше Высокопреподобие. Но таков настрой столичной публики.

- Так, я даже знаком был с тётей Вашей, - улыбнулся свя-

щенник.

- Но и я, батюшка, не пойму, что же плохого в светлых образах, в радостных ликах, писанных нашими современниками без должной духовной подготовки? – спросила Глаша, - Важен результат. Лики эти радуют прихожан и паломников. Чем они хуже потемневших ликов прошлого? Порою слишком мрачных и пугающих, на мой взгляд?

- Не дано нынешней кисти светского человека создать подобное сотворённому молящимися пред каждым мазком инокami. Попробуйте понять это. Я лишь говорю, что не разделяю восторга и удивляюсь росту числа паломников во Владимирский собор в последние годы. Ведь внешняя красота васнецовских и нестеровских ликов не подразумевает их глубокой духовности, что всегда первостепенно.

- Это чувствовать надо. Душой. Глубинами её, - вставил Антон.

- Но Вы же допускаете здание храма, сделанное в веке осьмнадцатом? Они порою радостно-пёстры, но совсем иные нежели строгие домонгольские византийской школы. Они зачастую более напоминают католические соборы со внешней стороны, а детище Петра – Петропавловский собор даже и внутри. Посмотрите на его лепнину внутри. Так и веет католицизмом, - продолжила Лизанька.

- А чем Вам не угоден росстреллевский Андреевский собор в Киеве? Негоже молиться в нём? Негоже вершить службу православную? Не следует ли его отдать под увеселитель-

ное заведение, а рядом выстроить стандартный неовизантийский храм «образца Александра Третьего»? – поддержала её острая на язык Глаша.

- Послепетровское церковное зодчество уже не русское, его пестрота совсем иная, чем Московской школы. Зодчие были зачастую инородцы и не православные. Но не только в восемнадцатом веке, но также и во времена Московской Руси фряжские уже приглашались. Кто создавал Соборную площадь Московского кремля? – не унималась Лиза.

- Такова была традиция. Могли бы и сами справиться. Но итальянская архитектурная школа славилась тогда на весь мир. Вопрос престижа, - ответил Виссарион, - Но в иконописи сложилась иная традиция. Я признаю новых «иконописцев по контракту», но лишь подчёркиваю, что не понимаю энтузиазма этих эстетствующих, или обезьянничающих паломников. Только и всего. Кроме того, не стал бы доверять роспись собора личности склонной к демонизму, подобную Врубелю. Это уже грех. Пусть Врубель остаётся простым художником и не лезет со своими причудами и демонами в иконопись.

- С этим мы не можем не согласиться, правда, Лиза? – улыбнулась Глаша.

9. В зимних Карпатах

«Покрыты костями Карпатские горы,

Озёра Мазурские кровью красны»

Песня времён Австро-Германской войны

«И всемирная бойня может задним числом пригодиться, скажем для того, чтобы доказать свое алиби пред лицом Все-вышнего: Где ты был, Адам?

В окопах, Господи, на войне».

Т. Хеккер

- Куда нам теперь наступать? 1914-й - это какой-то злой рок. Может психологически оно и во благо, наступление, но ведь не потянем, - сокрушался штабс-капитан Никандр Межецкий, - *Люди измотаны, болеют всё чаще. Не говоря о том, что и солдат уже не тот. Все тёртые и сильные выбиты, а замена куда хилее, не подготовлена должным образом, но главное – слабее духом. Пехота в прошлом году была ещё куда крупнее, оптимистичнее. Теперь - или чахлые юнцы, или бородачи-ратники от сохи, что винтовку в руках держать пока не могут. Всё только и роется в сырой глине: то окоп вырыть и блиндажи брёвнами настелить, то опять немного перенести и тащат солдатики тяжёлые брёвна иной раз помногу вёрст, чтобы на новом месте делать настил. Здесь хоть деревья повсюду завались, но зато сырость такая, что окопы постоянно полны водой. Отсюда и простуды повальные. Сапогов не хватает. Уже зачистую лапти плетёт народ, мокроступы. К лаптям комки*

глины ещё легче липнут и несут солдатики лишние пуды на себе. Куда это годится?

- Никуда, штабс-капитан, никуда, - мрачно вторил ему капитан Филипп Кирсанов, глядя в мглистую лесную карпатскую даль, - Да ещё и постреливают с линии противника и в самый «мирный» денёк насчитываем по несколько трупов. Похоже затянутся бои в Карпатах на всю зиму. Никак мы тут не прорвёмся. *Сколько напрасной крови от всех тщетных попыток добраться до Венгерских равнин по пояс в рыхлом горном снегу под пулемётным огнём! Батальоны на глазах становятся размером с роту... Пока ещё Рыльский пехотный полк, да драгунский Каргопольский вселяют надежду. Отборные полки – надежда, а новобранцы – одно мясо для пушек.* Как восполнить нам эти страшные потери? Горько и жутко.

- С такими молодцами, как рыльцы, авось и прорвёмся...

- Надо всегда уповать на Бога и надеяться на лучшее, господа, - вставил подпоручик Сергей Охотин, - Что опаснее всего, мне кажется: крестьяне очень чувствительны к справедливости, к высшей от Бога правде. А в этой войне они разуверились во всём и видят, чувствуют, свою обречённость на заклание. Народ меняется от таких испытаний и не в лучшую сторону, а слухи, идущие из великосветских кругов, упорно подтачивают веру народа в святость самодержавия, в самую необходимость его. И это страшнее всего. О чём там думают в верхах? Пилят свой собственный сук в эфемерной

надежде на полноту своей, а не царской власти!

- Но «Дикая» дивизия¹³⁷ впечатляет – не нагладишься на этих диковатых молодцов! Словно во времена Шамиля и генерала Ермолова попадаешь, глядя на них. Им привычнее в зимних лесистых горах. И Михаил Александрович¹³⁸ хорош на своём великолепном скакуне, - улыбнулся недавно виденному и чему-то своему личному Кирсанов.

- Это в Вас гвардеец заговорил. *Ведь Великий князь начал службу командиром эскадрона гвардейского полка синих кирасир Её Величества, а уже во время войны стал командовать кавказской «Дикой» дивизией,* - заметил Межецкий.

- Совершенно верно – полка Её Величества Царицы-матери. *Выправка у него чисто гвардейская. Князь Михаил обратил к своему полку внимание Марии Фёдоровны, которая начала выказывать к синим кирасирам особое благоволение. Вчера видел попытку бравой атаки горцев. В бинокль раз-*

¹³⁷ Кавказская туземная конная дивизия (среди солдат известна как «Дикая») была составлена из кавказских горцев, сведённых в шесть полков по национальностям: Кабардинский, Дагестанский, Чеченский, Черкесский и Ингушский. Был отдельно Текинский полк – из текинцев (туркмен) и Крымский Конный Татарский. Многие всадники даже не говорили по-русски. Офицеры были кадровые, многие из гвардии, многие из знатных кавказских фамилий.

¹³⁸ Великий князь Михаил Александрович (1878-1918) младший брат императора Николая II, генерал-лейтенант. С 1898 по 1917 - на военной службе. В 1917 году генерал-инспектор кавалерии. После отречения брата этот мужественный на фронте человек побоялся ответственности и бремени царской власти, а также испугался за сохранность своей семьи и жил в Гатчине как частное лицо, не думая сбежать. Но сына своего он отправил в Данию, так как слишком боялся за него. В 1918 году он был расстрелян.

глядел лицо Великого князя, который совершенно равнодушно оглядывался на разрывавшиеся кругом снаряды. За это горцы и уважают его. Для них самое главное – лихость, тогда и отношение к начальству иное. Для их феодального сознания военачальник должен быть впереди, а не как на нынешней войне, в тылу над картой сидеть. А князь буквально рвётся туда, где опасность! Невольно вызывает почтение даже если он и не обладает глубокими познаниями в военном деле и даром полководца, - продолжил Кирсанов.

- Но не забывайте и то, что для горцев «Наш Михаил - Брат Государя». И любовь их уже переходит в обожание. Горцы его боготворят, как рассказывали недавно соседские кавалерийские офицеры, - заметил Охотин, - Думается, тот факт, что ни кавказские горцы, ни среднеазиатские кочевые народы не отбывают воинскую повинность не самое мудрое решение нашего правительства, которое побаивается вооружать и обучать военному делу иноплеменников иного вероисповедания.

- Вы правы: из них можно было бы создать несколько непревзойдённых кавалерийских дивизий. На магометан, мне кажется, можно вернее положиться, чем даже на христианские народы, влившиеся в Россию. Что можно ждать от поляков с финнами? – вставил Межецкий, - Лишь в годину опаснейшей войны было решено, наконец, их использовать и цвет горской молодежи устремился в ряды шести полков дивизии. Джигиты пришли со своими лошадьми, не желая

казённых, как и обмундирования. И осталось лишь нашить им погоны, да выдать по винтовке. Жалованье установили по двадцать рублей в месяц. И эти инородцы идут в бой за Россию, за царя, как на праздник, и помпезно-празднично, в восточном вкусе, умирают! Как известно, горцы считают позором оставлять своих раненых и убитых на поле битвы. Причём, это распространяется и на русских офицеров, правда, не на солдат, которых слишком много и выносить их так же было бы просто нереально. Ведь кавказцев здесь не так много. Такое отношение сплачивает наши ряды.

- Кстати офицеры «Дикой» дивизии включают в себя не один десяток национальностей – от кавказских и, конечно, русских, до французов, как принц Наполеон Мюрат – грузин княжеских кровей по матери, правнук бонапартовского Иоахима Мюрата и полковник Бертрэн. Есть итальянские маркизы - братья Альбици, польский князь Станислав Радзивилл, несколько финских, шведских и прибалтийских баронов, персидский принц Файзула Мирза¹³⁹, - добавил Кирсанов, - Офицеры в черкесках были упомянуты на страницах Готского альманаха. Но никто так отчаянно не дерётся, как горские ветераны, а некоторым из них под семьдесят! Псы войны со шрамами трёх войн, служившие при трёх императорах¹⁴⁰! Не встречал таких русских... Одного генерала Сам-

¹³⁹ Начальником княжеского конвоя стал ротмистр Бичерахов, осетин. Отличался мужеством и не раз.

¹⁴⁰ До Первой Мировой лишь отдельные горцы знатного происхождения слу-

сонова могу назвать, что в трёх последних больших войнах известен, может и графа Келлера можно назвать из пожилых. Но не припоминаю был ли он на Японской. Впрочем, горцы живут дольше...

- Насколько припоминаю, Келлер не был на Японской, при всём моём уважении, - задумался Сергей, - Самсонов это классика: Турецкая, Японская и наша... Но уверен, что выдающиеся в плане «ветеранства», включая малые вроде Китайского похода – Каульбарс, Максимов, хотя и не дожил до последней, но умудрился повоевать пять раз после Турецкой и всегда добровольцем, Гернгросс, правда сейчас он по здоровью в военном совете, но воевал с Турецкой ещё три раза, Мищенко превзошёл всех по числу войн, Бржозовский, заметьте – польского происхождения, но герой императорской армии и, наконец, Мартос¹⁴¹.

- Вы просто кладезь военной истории! – улыбнулся Филипп.

жили в русской армии.

¹⁴¹ Барон Александр Каульбарс шведского происхождения - участник похода в Кульджу 1871 года, Хивинского похода 1873 года, Русско-турецкой, Китайского похода (подавление Боксёрского восстания), Русско-японской, Первой Мировой, а ещё и Гражданской войны. Евгений Максимов был всегда добровольцем: на Турецкой и позже в рядах греческих повстанцев, в Трансваале, а погиб в Японскую. Александр Гернгросс участвовал в Турецкой, Ахал-Текинской экспедиции Скобелева, Китайском походе и Японской. Павел Мищенко – в Хивинском походе, Турецкой, Ахал-Текинском, Китайском, Японской и Мировой. Застрелился, когда в 1918-м большевики отобрали его награды. Николай Бржозовский – в Турецкой, Японской, Мировой и Гражданской. Николай Мартос – в Турецкой, Китайском походе, Японской, Мировой и Гражданской.

- А потом поползли слухи, что дикие всадники в длинных восточных одеждах и в громадных меховых шапках вырезают мирное население и питаются человечиною. И раздували их в австрийских верхах усердно¹⁴², - усмехнулся Межецкий.

- Такие слухи, вне сомнений, по душе и нашим либералам. Когда я служил в кавалергардах, общался нередко с молоденьким синим кирасиром Владимиром Трубецким, служившим в лейб-эскадроне Михаила Александровича, - погрузился в воспоминания, светлея лицом, Филипп Кирсанов, - Он тоже весьма лестно отзывался о Великом князе. На днях столкнулся в блиндаже с вахмистром из того же лейб-эскадрона. Оказывается, он прекрасно помнит молодого Трубецкого и уверяет, что тот сейчас под началом барона Петра Врангеля на Северо-Западном. Так вот, этот вахмистр, Иван Клементьевич Квасный, уже в войну выслужился в офицеры и перешёл в «Дикую дивизию». Будучи годами простым служакой-вахмистром, Квасный поддерживал переписку с Великим князем, который крестил у него детей. В силу такой взаимной привязанности вахмистр оказался в рядах «Дикой». Кстати, Квасный выражается весьма литературно и, возможно за это, князь некогда выдвинул его на должность вахмистра. «Великий князь всё рвётся вперёд даже вопреки здоровым тактическим соображе-

¹⁴² Легенда эта муссировалась австрийским командованием, чтобы внушить волю к борьбе разноплеменным войскам Франца Иосифа. Склонных сдаваться австро-венгерских солдат пугали байками о поголовном вырезании пленных, но этому мало кто верил.

ниями, полковник Юзефович, начальник штаба - татарин, этому всячески противится», рассказывал Квасный – забавно выходит. Говорит князю всякий раз: «Ваше высочество, вашей маменька-императрица слова дал, буду беречь ваша священи особа». Юзефович упорно следит, чтобы Великий князь не вырывался и не рисковал собой излишне. Приходилось быть дипломатом, чтобы и сам князь не замечал опеки над собой, но и все те, перед кем можно было бы поставить князя в неловкое положение. Но он, как нарочно, стремился быть там, где проще быть накрытым артиллерией. Похоже на то, что большие всего Великий князь опасается того, что кто-либо из подчинённых может заподозрить, что он прикрывает своим высоким положением своё отсутствие мужества. Да кому такое в голову придёт? Ведь все уже хорошо знают, что он норюит в самое пекло. Как-то пришло известие, что к Михаилу подосланы скрытые убийцы, но вопреки всем стараниям Юзефовича, он не пожелал иметь особую охрану от «жалких убийц». А ещё и прост в быту князь до удивления. Вся свита его состоит из трёх адъютантов. В походах он норует в мужицких халупах со своими офицерами, сейчас спит неподалёку от нас - в землянке рядом с Квасным. От поедания одних консервов недавно приобрёл желудочную язву. Не пьёт он ничего, кроме воды.

- Иной раз думается, что князь нарочно пули ищет. Так и во вчерашней атаке, - сказал задумчиво Межецкий.

- Я слышал, что князь - человек глубоко религиозный, как и его Августейший брат, и уверен, что без воли Божьей он не погибнет. Подобный христианский фатализм свойствен и Государю. За такой подход, вероятно его ещё больше ценят храбрые джигиты, как и за великодушную посадку и, наверное, близкую им бесхитростность открытой души, - вставил Сергей, - Не говоря о его атлетическом спортивном телосложении, способностью порвать нераспечатанную колоду карт и гнуть монеты. Увы, унаследовав от Отца известную силу рук, князь не унаследовал силы воли и умения мудро править огромной державой.

- Может так оно и есть, - углубившись в свои мысли и несколько рассеянно откликнулся капитан Кирсанов, - Ведь его личная жизнь не слишком радужная.

- А что именно случилось, если не секрет? – спросил Никандр, - Слыхал урывками...

- То, что есть глубоко частная жизнь для человека простого, в случае с Великим князем давно стало всеобщим достоянием. Михаил Александрович имел неосторожность крепко полюбить жену некоего поручика¹⁴³. Это было ещё там, в кирасирском полку. Командовавший в то время полком генерал Бернов, покровительствовал этому роману и будто бы даже сводил влюбленных, желая угодить князю.

¹⁴³ Поручик по имени Вульферт. Это был уже второй брак Натальи Шереметевской. Она уже имела дочь от музыканта Сергея Мамонтова. Честолюбивая Наталья не пожелала становиться только наложницей князя.

Такой поступок генерала шёл в разрез со старыми гвардейскими традициями, считавшими подобного рода романы неприемлемыми. Принцип товарищества в полку доходил до культа. Если не происходило дуэли, то офицер, посягнувший на жену товарища должен был покинуть полк. Об их романе узнали многие и кто-то донёс его матери. Верная незыблемости семейных устоев Романовых, императрица потребовала от сына немедленного разрыва. Но любовь князя оказалась сильнее материнского гнева. Сам муж-поручик не дорожил отношениями со своей женой и согласился на развод. Поручику, в виде компенсации, князь предложил видное место во дворцовом ведомстве, что тот не замедлил принять. Всю вину злые языки приписывали «мадам поручик» якобы совершившей князя. Общество отвернулось от бедняжки. Князя выслали в Орёл, где он должен был командовать скромным Черниговским гусарским полком, вместо лучшего гвардейского в столице. Потом Наталья Сергеевна приехала к опальному князю, и они отправились вместе в Европу, где тайно венчались. Запрещать брак было уже поздно и Великому князю пришлось немедленно покинуть гвардейский полк. Поскольку принять титул мужа морганатическая жена не могла, она стала именоваться графиней Брасовой по названию имения князя. Влюблённые провели лучшее время в Англии. Спустя два года Государь смилиостивился над своим младшим братом и Великому князю было предложено принять Кавалергардский полк, в котором я

ещё служил. Не сладко было им продолжать жить в столице, ибо никто не желал принимать у себя графиню Брасову. Слышал от своих приятелей кавалергардских офицеров, что они сговорились не кланяться ей при встрече, хотя бы как супруге полкового командира! Кавалергарды, конечно же, в гвардии наиболее придворные войска, а их шефом состоит всё та же Мария Фёдоровна, которая стала охладевать к синим кирасирам после всей этой истории... Но думаю, что это уж слишком бесчеловечно по отношению к обоим опальным супругам.

- Пожалуй что так, - отозвался Никандр.

- Я сам сторонник всех строгостей в отношении чистоты Императорской фамилии, но это было уж слишком! Перед войной морганатические супруги некоторое время жили в полуопале, полуизгнании в Ницце. А неудовольствие Царицы-матери полком синих кирасир ещё усилилось благодаря другому роману, возникшему почти в одно время. Великая княгиня Ольга Александровна, младшая сестра Государя, очень любила Гатчину, поскольку покойный Александр Третий в последние годы жизни подолгу жил там с семьей. Она частенько навещала там брата. Муж Ольги Александровны - принц Ольденбургский, был очень нездоров и полностью равнодушен к своей супруге. Вокруг его жены постоянно находились brave гвардейские офицеры и в один прекрасный день Великая княгиня почувствовала влечение к статному поручику Куликовскому. Княгиня имела обыкновение

держат себя, как «простая смертная», без должного этикета. На гатчинских улицах их всё чаще стали встречать в простом извозчике в сопровождении Куликовского. Поручик поступал крайне опрометчиво, ибо афишируя простоту в отношениях с сестрой Государя, он мог сильно скомпрометировать её. Недалёкий генерал Бернов был уверен, что успех его офицера лишь способствует популярности их полка в верхах. Узнав о новом романе, Мария Фёдоровна прекратила свои милостивые посещения полкового лазарета, полковой церкви и казарм, что несказанно огорчило всех старых офицеров, не чувствовавших за собой вины. Поручик Куликовский, при содействии Ольги Александровны, оказался личным адъютантом её мужа¹⁴⁴. Мне доводилось несколько раз видеть Великую княгиню вблизи. Красотой она не отличается, но ей присуща живость и выразительность.

- Господь им судья, - вздохнул Межецкий.

- Не нам судить. Почему бы не порадоваться за людей, идущих на жертвы ради любви своей? – риторически заметил подпоручик Охотин.

- Похоже, что в Вас говорит излишний идеализм, подпоручик, - вздохнул Никандр, - Ведь если Императорский дом перестанет блюсти свои нормы всё рухнет...

¹⁴⁴ Ольге Александровне, как и её сестре Ксении, после революции удалось эмигрировать, где Ольга, наконец, сочеталась законным браком с Куликовским. Она смогла унаследовать часть небольшого капитала, который некогда был по какому-то случаю переведён по распоряжению её брата из России в один из банков Англии. Это позволило им не бедствовать.

- Грех Великого князя в том, что он обещал своему Августейшему брату не жениться на этой даме, но по причине страстной любви обещание нарушил, - сказал Кирсанов.

- Страсть есть страсть, - задумчиво откликнулся Охотин, - Она ослепляет и оглушает.

- А в остальном, как мне рассказывал человек, знавший Михаила Александровича лично, это благороднейшая, безукоризненно честная и наивная душа. Трудно себе представить в наше время светского человека более чистого и не испорченного. Он остаётся ребёнком, которого успели научить только порядочности и нравственности. Окружающие придворные постоянно этим пользуются и нередко обманывают его.

- Не удивляюсь, что такой человек признавал свою непригодность к правлению огромной державой и отказался тогда. В этом его слабость, но вряд ли вина. Он бы уже не смог удержать власть. Его бы всё равно обманули ушлые думцы. Думаю, что он был более других рад, когда родился Наследник, - грустно улыбнулся Сергей.

Долгие промозглые месяцы бесконечными чёрными ночами сидели они в опротивевших мёрзлых окопах. Как-то повелено было всеобщее наступление, или так казалось засидевшимся в окопах. Атаковали противника, крепко закрепившегося под перевалом.

- Завтра колечки-то наши блеклые¹⁴⁵ могут и понадобятся,
- с мрачной улыбкой сказал перед сном Кирсанов соседям по землянке. Предстоял решающий штурм.

- Грех такие шуточки шутить перед боем, Филипп, - су-
рово заметил на это Межецкий.

- Не бойтесь, солдаты, в бою не страшно, - обратился к батальону Межецкий перед самой атакой, когда чуть забрезжил рассвет, - Страшна ночь перед боем и то не для привычного воина. Проста истина: по-настоящему храбр тот, кто знает, чего нужно опасаться. Немало нас сложат тут свои кости, но как без этого? Шрапнели и бомбы убивают мало, а вот страху на малодушных наводят куда больше. Пехотная пуля и штык более грозное и верное оружие, солдаты! Штык в руках русского солдата – гроза Божия! Не зря наши отцы говаривали, что пуля - дура, штык – молодец. Русский солдат сам обещает умереть. Ему не приказывают умереть. Вперёд! Ура!

Случилось так, что в это время полковым священником у них оказался отец Антоний, что в миру был некогда ротмистром лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. Охотина и даже выдавших виды Межецкого с Кирсановым поразило великое мужество этого человека в рясе. Отец Антоний

¹⁴⁵ Золотые кольца с широким стальным ободом снаружи, сделанным из стали, офицеры носили с XIX века. На золотой подкладке гравировались имя и фамилия офицера. Такое кольцо выполняло роль жетона, по которому можно было опознать погибшего. Неблагородные металлы использовались для того, чтобы мародёры не снимали его с трупа.

сам поднял солдат в стремительную атаку, личным примером. Он выпрямился в полный рост и побежал впереди всех с крестом в руках. Пули пели ему свои торжественные гимны и каким-то чудом не попадали в него. Простые солдаты воспринимали это не иначе, как чудо и с беззаветной храбростью шли за таким командующим. Тут мерк даже пример вооружённого с головы до ног капитана Владимирцова, который бросался в бой с шашкой с булатовическим же отчаянием, изрыгая лающие команды и какие-то по-птичьи клекочущие восклицания, не кланяясь жужжащему свинцу. Емельян Владимирцов в тот день так же бесстрашно вёл своих солдат неподалёку, а конница Великого князя Михаила готовилась помчаться вслед за пехотой для окончательного прорыва. Вперёд пускать её на подъём по ущелью было бы безумием. Отличились в тот день и рыльцы, и, вслед за ними, каргопольцы с «Дикой дивизией». Поблизости, за другой карпатский перевал, упорно бились стрелки знаменитой «Железной бригады» Деникина. Там же началась карьера славного белого генерала Гражданской войны, ставшего пока полковником, Сергея Маркова. Что ещё удивило в те дни Сергея, так это неожиданное появление особого кубанского отряда то ли пластунов, то ли просто разведчиков из казаков. Они возникли с неожиданной стороны и их чуть было не обстреляли свои. Оказалось, что отряд действовал в тылах противника и сумел прорваться к своим благодаря натиску на перевал. Диковатые казаки, все как на подбор в вол-

чьих папахах, завывали по-волчьи, когда кидались на врага в шапки. Как позже узнал Сергей, звали их просто «Волчьей сотней» или «волками». Столкнувшись после боя с командиром «волков» - коренастым невысоким кубанским казаком с кудлатой большой головой, крепко и упрямо посаженной на дюжие плечи, Межецкий с Охотиным перекинулись с ним парой слов. Звали его Андрей Шкуро, а перед войной он служил в коннице у самого графа Келлера, чем явно любил прихвастнуть. Впрочем, Келлера этот самодовольный гордец боготворил и говорил почтительно возможно лишь о нём. «У нашего командира самая главная забота, чтобы его люди были всегда накормлены, чтоб раненым уход был. Каждого рядового помнит! И с маленьким человеком он ровен в обращении, а со старшими чинами суховат. По сотне вёрст в сутки может проделывать граф, не уставая! В бой кидается очертя голову и каждый солдат за ним. Таких «скобелевых» мало теперь остаётся» - говорил тогда Шкуро. «Может вся эта волчья символика у них от излюбленной волчьей папахи Келлера?» - заметил Межецкий, когда Шкуро ушёл к своим. Враг был смят, но и цена оказалась вновь слишком высокой. Каждый четвёртый из бегущих под огнём пал. Отец Антоний был награждён в том деле наперсным священническим крестом на Георгиевской ленте. Сергея по-прежнему раздражало то, что сам он просто недосыгаем для пуль, а добрые его товарищи гибнут вокруг десятками и сотнями. Не брала пуля ни Владимирцова, ни Булато-

вича, ни Кирсанова, жаждущего её. Спиртное на передовой было строжайше запрещено, но вскоре после того штурма перевала, по случаю особо сильных морозов на более высокой позиции, знакомые офицеры подбросили им несколько бутылок давно забытой водки. Случилось так, что Филипп Кирсанов впервые сорвался от усталости и выпил лишнего. Почувствовав это, Межецкий, тоже бывший навеселе, стал ненавязчиво выпытывать его тайну. Никто не знал, почему же этот блестящий гвардеец из столичной семьи с давними офицерскими корнями, неожиданно всё бросил и оказался в пехоте.

- Славно мы давеча солдат в бой подняли. Все шли на едином дыхании и вдохновенно дрались! – сказал Межецкий.

- Но одной сплочённости от усилий умелых командиров, на мой взгляд, мало, господа, - заметил Охотин, - Как вдохновить людей на каждодневный ратный труд без чувств религиозно-патриотических? Воинством Христовым русская армия пока ещё остаётся, но более в лице солдат, а офицерство отдаляется от веры в угоду новым веяниям. И защита своей земли от врага, как сильнейший фактор, в нашем случае отсутствует. Поэтому и не выходит у нас Война 1812 года...

- Господа, предлагаю в следующую атаку собраться только нам одним, офицерам, а солдат немного поберечь. Не могу видеть больше этого избиения новобранцев! – сокрушённо говорил Кирсанов.

- Отчего бы и нет? Надо поговорить с Владимирцовым.

Он наверняка нас поддержит, - ответил Никандр Межецкий, - Но от чего Вы всё так стремитесь сложить свою голову, друг мой? Что за этим стоит? Достаточно ли оснований? Такие как Вы нужны державе.

Их было лишь трое в землянке за столом, вернее – за перевернутым ящиком в качестве стола. Все они внушали добрые чувства, доверие и Филипп проговорился. То был не скандал, не ссора с начальством, не интриги завистников, не ревность. То была изощренная прихоть его возлюбленной столичной красавицы. Отец после такого не желал с ним видеться, а мать настолько расстроилась, что стала всё чаще болеть. Всё это мучило Филиппа, а главное, что любовь его оказалась несостоятельной и даже никчёмной. Эта странная особа, потребовавшая жертву, доказывающую его любовь, лишь посмеялась над ним, заявив, что он глупец и она не желает теперь его видеть. Она, которая видя, сколь страстно он влюблён, что он готов на всё, потребовала уйти из гвардии в самую заурядную часть, тогда, мол, она ему поверит. Совершив такую глупость и не имея уже обратного пути в кавалергарды, он был цинично осмеян ею словно влюблённый юнец, незадачливый школьник.

- Самое странное, - добавил Филипп с остановившимся взглядом, что я не могу испытывать к ней ненависти, ни просто злобы, но лишь всю ту же любовь. Я знаю, помани она меня пальчиком, я забуду всё и прощу ей в ту же минуту всё.

- Но это уж слишком, мой друг... Во всяком случае на мой

взгляд. Наверное, она фантастически хороша собой и этим всё объясняется, - улыбнулся Сергей, вспомнив очередной раз Настасью.

- Да она чертовски, как-то даже дьявольски, от лукавого хороша. Она – олицетворение всего символизма, целой эпохи. Она не меняется с годами словно продала душу дьяволу, - заговорил Кирсанов, меняясь в лице, - Копна огненных волос и бездонные зелёные омуты глаз.

«Уж не влюбился ли этот чистый молодой человек в эту особу из салона Ольги, кажется - Аглаю? Тут же вспоминается её облик по его описанию. Не завидую я парню. Есть в ней что-то порочное от нечистого» - мелькнуло в голове Сергея.

- Я не могу жить, не глядя на неё. Такая жизнь лишается смысла! – изхудавшее благородное лицо Кирсанова исказилось, - А самое страшное – её цинизм. Она сказала тогда, что если и выйдет замуж, то за лишь финансового магната, поскольку для выполнения задуманного, ей требуется много денег. Но и это не отвернуло меня, не заставило вычеркнуть её из сердца.

- Вероятно Вы слишком долго погружались в поэзию и живопись символизма, - сказал Сергей, - А это опасно. Знаю по себе, что декаданс разрушителен.

- Но жизнь уже не представляет для меня ценности. К чему всё это? Лишь больно видеть, как умирают каждый день вокруг те, кому ой, как хочется жить. Совсем молодые, ещё ничего не повидавшие, а мне, кому она не дорога вовсе, ни

разу пуля и кожу не оцарапала. Злая насмешка судьбы.

- Ну, уж скажете – молодые вокруг, - усмехнулся сорока-пятилетний Никандр Межецкий, - Вам-то самим, мой юный друг, всего лишь тридцати от роду. И тоже всё ещё впереди. Не достойна эта Ваша любовь и поцарапанной кожи Вашей, не то, что жизни, отданной во имя неё на заклание. Какой, право, вздор, простите меня за простоту выражений. Но Вы уже не юноша восемнадцати, а потому я говорю напрямую, что думаю.

«Неужели это та самая Аглая? Та зеленоокая бестия, сошедшая с полотен Россетти? В самом деле, Кирсанову далеко не семнадцать, чтобы так рехнуться от одного вида этой нимфы. Ведь если копнуть, просто пообщаться с ней подольше, любому здравомыслящему станет ясно, что она пустышка. Но бедняга Филипп, не иначе как возомнил себя платонически влюблённым рыцарем, глядя эту «мадонну прерафаэлитов». Да только она всё чаще напоминает уже графику Бердслея, от которой отдаёт душком придворного разврата осьмнадцатого века... То не возраст, но печать порока. Вот до чего доводят увлечения всем этим символизмом. Надо бы лучше открыть ему глаза на эту особу. Но имею ли я право вмешиваться? И мне грозило бы в какой-то момент то же самое. Благо до Аглаи я узнал Настасью...» - свербило в мозгу Сергея.

В тот вечер перепились и каргопольские драгунские офицеры и помчались в безумную атаку в темноте на вражьи

окопы, спотыкаясь в ямах и падая. Но немцы такого никак не ожидали и пустились в бегство в полной панике.

Когда войска изрядно засиделись на одном рубеже под глубоким снегом, в землянку капитана Кирсанова зашёл Булатович, осенив всех знакомцев крестным знаменем.

- Усаживайтесь, отец Антоний. Милости просим, - пригласил его Кирсанов, как старший по званию в их землянке.

- Отец Питирим не у вас? – тихо спросил священник.

- Нет. Зато у нас тут чай свежий имеется, - сказал Межецкий, - А позвольте, Ваше Высокопреподобие такой вопрос: как сами имяславцы понимают своё отличие от просто православных? И нужно ли так выделяться? Очень любопытно. Уж не обессудьте, что сразу с такими вопросами лезу.

- Вас понять можно. *Ведь народ почти ничего об имяславии не знает, - ответил священник, - Считают ли они, что имя Божие есть четвёртое Божество? Нет. Всё это вздор и клевета на них. В понятие еретики они не вписываются. Но звуки и буквы имени Божия они обожают. Для них имя Божие и есть Сам Бог, идея Божия, действия Божьи. Ведь для молитвенника очень важно, чтобы призывая имя Божие, он был уверен, что не призывает кого другого. Важно для них ещё и начертание имени Божьего письменно. Для них Имя Божие само по себе всегда свято, славно и спасительно. Вот и всё. И добавить больше нечего.*

- Неужели всё так просто? И за такое нужно было вылав-

ливать имяславцев и с Афона увозить? – удивился Сергей Охотин.

- Святу правду вам говорю, дети мои, - отвечал Антоний, - Если б хотел я вас словами смущать, не дали б мне места полкового. На это дело смотрят строго.

В это время в землянку заглянул капитан Владимирцов:

- Привет честной компании! Все ли целы после недавнего?

- Присаживайтесь, капитан, - пригласил его Межецкий, - Чаепитие у нас тут. Их Высокопреподобие нас немного просвещает, грешных.

- А можно Вас, отец Антоний, опять попросить об Абиссинии нам поведать? Страсть как люблю о неведомых странах послушать, - оживился Емельян.

- Вернее будет сказать: Расскажите нам, господин ротмистр лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, - улыбнулся Филипп.

- Отчего же. Пока время нам позволяет... *Странный народ эфиопы: и добрый и люто жестокий в войне и ленивый и трудолюбивый, если приспичит. Дети природы. Всё же, пребывание в праздном состоянии для них высшая награда в жизни. Абиссинец, габеш, не любит работать, а предпочитает жить плодами своих военных побед. Нанимаете Вы, к примеру, человека для присмотра по хозяйству. Он Вам по утрам лениво чистит сапоги и платье, не слишком рьяно сметая с них пыль, носит покупки. Этим, можно сказать,*

и ограничивается его служба. Остальное время он предпочитает спать. Но уже почистить мула или вытереть седло ему в голову не придёт: он нанимался слугою барину, а не мулов чистить. Попробуйте заставить его сделать чужую работу и он побежит жаловаться, или вовсе уйдёт от Вас. И не думайте, что они там за сущие гроши гнут спину. Нет, вам в Петербурге за такие деньги и полы помоют, и на рынок сходят, и еду приготовят и постирают.

- А ещё говорят наш мужик ленив, - заметил Владимирцов.

- И в ходу там только австрийские талеры чеканки 1780 года с изображением императрицы Марии-Терезии. По меньшей мере в те годы так было. Их специально с этой датой чеканят до сих пор в Австрии! Эфиопы не признают старые, потёртые талеры. Требуют свежие, чистые, с тонким изображением профиля австрийской императрицы. Смешно.

- Бред какой-то. А при чём тут Австрия? Французы в Жибути под боком. Итальянцы их пытались завоевать. Ладно бы лиры признавали, франки... – подивился Сергей.

- Тем не менее, так оно и есть: талеры. Да ещё полутора-вековой давности им подай. Слых о том, что «хакиды московы», то бишь - русские врачи, которые успешно лечили их раненых в итальянскую войну, находятся в нашем экспедиционном отряде, с быстротою молнии разнёсся по округе. Эфиопы с галласами толпами повалили к нам в лагерь.

«Не нам, не нам, а имени Твоему» - таков был лозунг наших беззаветно преданных своему делу врачей на этой суровой земле. Врачей, во всяком случае русских, они ещё уважали, а в целом европейскую цивилизацию – нет. Неудачная попытка Италии покорить эту страну основательно подорвала авторитет белого человека среди чёрных христиан. Теперь пользу от телефонов и дорог видят только очень образованные абиссинцы, как сам негус и некоторые из его расов. Именно таких людей наших экспедиций, как генерал-майора Шведова, докторов Бобина, Бровцына, Родзевича, многих безымянных русских фельдшеров и санитаров будут жить в памяти эфиопов. «Великий Властитель севера» - русский Царь решил прислать этих прекрасных людей помогать братьям по вере. С именем нашего Государя в Абиссинии связывалось бескорыстие и христианская добродетель Его врачей. И это поднимало в глазах чёрных христиан Россию на невиданную высоту. А итальянцы и французы были по туземным понятиям белые, которые могут лишь навредить, это - не христиане, или не совсем христиане. «Вы, как ангелы» - говорил нам старик абиссинский епископ – «Вы христиане и мы христиане. Мы – братья!» Русские врачи ковырялись своими белыми руками в смердящих гноящихся ранах туземных солдат. Правоверный абиссинец не прикоснулся бы ни за что к такой ране. Это считается несмываемой скверной. Раны заживали и солдаты возвращались в строй. А русский кавалерист-поручик Б. метался по всему плоскогорью через

пустыни на разведку с быстротой и энергией, превосходя самых опытных туземных скороходов, за что его прозвали Огонь-человек, или Телеграф-человек. Простите за лёгкую похвальбу в адрес этого молодого ещё тогда поручика...

- Александр Ксаверьевич, уж Вы могли бы себе позволить побольше рассказать о ваших личных заслугах, нисколько не стесняясь особого внимания, - заметил Межецкий.

- По вечерам, иной раз, туземцы приносили к нам в палатку свежий тэч – мутный и пряный бродящий напиток весьма противный, ежели без привычки. Пили его вместе, учились местному наречию. После бражки шло оно как-то легче. Был среди нас и знаток абиссинского языка уралец Сидоров. Давались ему языки от рождения. А ведь простой малограмотный казак был. Экспедиция стояла на окраине едва лишь растущей тогда новой столицы – Адис-Абебы. Городок ютился на полосе холмов и представлял собой скопище округлых глинобитных домов, окруженных земляными или хворостяными заборами. Негус уже наладил там телефон, но большинство туземцев относилось к подобным техническим новшествам с настороженной неприязнью. Наши казаки частенько дивили местную публику джигитовкой. Особым виртуозом был уралец Изюмников – маленький тёмный – сам словно эфиоп. В принятой в экспедиции униформе, в пробковом шлеме, он большие смахивал на британского колониального солдата. Только синие шаровары оставались казачьими. «Ежели уж там не помер я!»

- звонким тенорком затягивал Изюмников. А не так давно чудом встретил я знакомого по Абиссинии красавца-бородача сотника Духопельникова тут, на фронтах Германской. Кто бы мог подумать! Сколько раз он сердил меня, врываясь в палатку во время моей работы над картой с пустячными дурацкими вопросами. Он был лучшим украшением конвоя со своей русской красотой и богатырским сложением. Убеждённый поборник казачьей рутинной рядовой Духопельников. Он презирал абиссинцев, как только может презирать их истинный патриархальный казак и все мои доводы в защиту их душевной чистоты отвергал легко и просто. Эти казаки тоже по-своему дети природы. Погиб недавно сотник, - Александр Булатович пустил слезу и перекрестился.

- Нашим казакам тоже не хватает образования, - сказал Владимирцов, - Хотя, по сравнению с рекрутами, они куда более развитые.

- А с другой стороны у нас в России, чем человек образованнее, тем он, как правило, дальше от понимания живой связи нашего триединства: Бог-Царь-Народ. Всё он начинает высмеивать, всё ему не так. Стоит только кому студентом стать, так сразу заодно и революционером становится, - вздохнул Сергей Охотин.

- Мне кажется, что образование необходимо изменить. Особенно - преподавательский состав. И тогда оно во благо будет, - размечтался Емельян Владимирцов.

- Без этого - тупик, - добавил Никандр Межецкий мрачно.

- Взять простой бой, сражение, - распалялся Емельян, - Дело это серьёзное. Залог его успеха – преданность общему делу, которая достигается упорной совместной работой, а этому надо учиться. Ополченцы на это просто неспособны. Попался мне недавно в батальоне солдатик из крестьян. Молоденький уж больно, чудной какой-то. Думал я всё, что в нём не так. Вроде и не так боится боя, как некоторые постарше, вроде и здоровья хоть отбавляй, но потерянный он какой-то. На днях гляжу - углублён он в чтение письма и плачет. Вокруг никого и незаметно, заглядываю через плечо, чтобы понять лишь от кого: от невесты ли, от матери? И вижу с первых строк, что мать, еле разобрал полуграмотные каракули, чуть ли не проклиняет его за в ответ на его первое же письмо с фронта. Оказалось, что будучи крупным от рождения, малец маленько цифирь в своей метрике подделал, чтобы попасть на фронт. А на самом деле шалопаю всего пятнадцать! Герой! Может теперь он и пожалел о содеянном, но до того романтизм брал верх. Как же старший брат там, а я? И такое бывает. Не перевелись на Руси пока патриоты. Но студентов-добровольцев не встречал. Революционеры они все...

- На таких идеалистах Россия и держится. От великих умов наших, право, меньше толку, - сказал Никандр, - Так, Менделеев ещё в самом конце века изобрёл наиболее совершенный бездымный порох. Лучшие, чем у британцев. На то он и Менделеев. Но вместо того, чтобы наладить своё про-

изводство, мы продолжали покупать иностранные патенты, а право на «авторство» и производство менделеевского пороха присвоил себе находившийся тогда в Санкт-Петербурге младший лейтенант американского флота Бернаду. Так всё и делается. Сейчас мы за менделеевский порох янки золотом платим.

- Народный патриотизм искони верою держится, - с сумрачным видом заговорил Булатович, - Вера в то, что Господь Россию не выдаст, то есть вера крестьянская и солдатская до сих пор, на мой взгляд, тверда. Посмотрите на непонятную, на первый взгляд, небрежность с которой солдаты себе же окопы роют: буквально никто не желает должным образом окапываться на позиции. В тылу же, готовы превратить свою стоянку в хоромы. Спрашивал поначалу, не понимая: «Что ж вы, ребятки, так худо неглубоко окоп рое-те?» На это получал ответ фаталистов: «Нам, Ваше благородие, енто не к чему. Австрияк оттого и бежит, что хорошие окопы любит, из таковых кому охота в атаку подыматься, а мы из наших завсегда готовы». Очень примечательно, что на добротных тыловых стоянках в лесу говорили: «От дождя и холоду человеку своими силами уберечься можно, а от смерти нет, и пытаться не стоит. Потому здесь есть смысл добротно строить».

- Да, народ наш надеется на Господа. Война идет для него своим собственным ходом и не очень зависит от решений и распоряжений простых смертных, - вздохнул Емельян.

- Душа русская не слишком ценит крепкое домостроительство, ибо всякий дом в этой жизни ощущает лишь как станцию на пути в мир нездешний, - добавил отец Антоний.

Откуда-то издалека приглушённо донеслось пение расхожей в те дни военной песни «На солнце оружием сверкая».

Перед сном Сергею вспоминались не сыночек, потому как он слишком был мал и ещё не представлял из себя определённой личности с характером, не жена, потому как Лизанька буквально изводила его последние месяцы совместной жизни, не даже неоконченный роман, поскольку ничего дельного здесь всё равно в голову не лезло, но его ненаглядная библиотека. Точнее даже не его личная, а охотинская огромная библиотека в старом генеральском доме. Часть её собрал отец, по истории и всей классике, немало присовокупил и каждый из детей. Каждый своё особо излюбленное: брат Глеб – криминальные и основательные исторические романы, братец Митя – описания путешествий и романы о них, братец Аркаша – самые романтические приключения, особенно рыцарских времён, милая сестрица Евпраксия – литературу о художниках, музыкантах и писателях, Антон – жития святых. Пожалуй, лишь Варя с Петей почти не приложили к собирательству свою руку, хотя и любили читать. Боря же навязывал младшим братьям чтиво крамольное. Но библиотека Охотиных возросла в два с лишним раза после переправки в Москву из Питера огромного книжного собра-

ния покойного профессора, завещавшего его Дмитрию с будущей женой. Было решено библиотеку не разорять и держать её в отчем доме, но каждый живущий вне его, как Глеб, брали книги временно на неопределённый срок и всех это устраивало. Лишь Борис воротился от старой библиотеки, мол, на старье ум не наживёшь. А какой красоты старые фолианты попадались в питерской профессорской библиотеке! И вся эта поразительная красота стояла теперь на московских охотинских полках! Прошитые жилами корешки с красными кожаными вставками, сафьян, золотом тиснёная подвёртка, золотые обрезы! Они и пахнут-то неповторимо! Как хотелось зарыться с головой в эти тома! Наслаждение мало с чем сопоставимое! Книги греют душу и даже, как зимой порой казалось, и само тело. Книги на расстоянии и греют и наполняют тебя знанием на мистическом уровне, стоит лишь потрогать их корешки, уберегают от чужого невежества, от собственных заблуждений. Как уютно сидеть в своей библиотеке, принадлежащей только близким людям! Что-то невыразимое словами и лишь смутно уловимое сознанием во всём этом общении с книгами наедине!

После той зимы в горах предстояли одни отступления по всем фронтам. Нечем было уже и отстреливаться. Оставалось бежать под покровом ночи, чтобы засветло не засыпали снарядами. Если в воздухе появлялись аэропланы, то никто и не вглядывался, есть ли на них чёрный крест – яс-

ное дело — немецкие «таубе», «альбатросы», или же «эльфауге», хотя до того было велено разъяснить рядовым, чем отличаются наши аппараты, чтобы зря в своих не палили. Но «ньюпоров» с «фарманами», а тем более единственного пока «илья-муромца» с трёхцветными кругами национальных цветов в небе было уже не заметно. Впрочем, гиганта «муромца» солдаты бы итак признали. Но он был единственным на всём протяжении фронтов. Зато частенько мелькали чёрные кресты. Россия пыталась выпустить как можно больше «муромцев», как и «ньюпоров» отечественной сборки, но промышленность пока не справлялась с задачей¹⁴⁶. Но даже один «муромец» в воздухе стоил эскадрильи вражеских карликов. Недаром немцы сразу прозвали русского великана «Летающим слоном». Ходили слухи, что скоро в воздухе появится десяток новеньких «слонов». Уходили поморённые газами, оставляя пожелтевших мертвецов с неестественно выпученными глазами. Если чем и могли уберечься от газов, то лишь разведением костров на брустверах, чтобы жар откидывал газ в другую сторону и не давал вползти в окоп. Противогазов не было ещё и в помине. Впервые в истории русской армии в те позорные дни от-

¹⁴⁶ В самом начале войны Россия обогнала все прочие державы по числу боевых аэропланов. 244 аэроплана это было немного больше, чем у немцев и намного, чем у французов. Англичане имели всего 50 машин, австрийцы — 30. Но отлаженная германская промышленность очень быстро перестроилась для выпуска большого числа аэропланов и всего через полгода количество аппаратов у немцев удвоилось.

ступления был издан приказ: «по сдающимся открывать огонь, расстреливать забывших присягу; сообщать о сдавшихся, дабы прекратить выплату пособия семье; по окончании войны все сдавшиеся в плен будут преданы суду; за членовредительство под суд». Никто такой жестокий приказ не выполнял, но сам факт того, что начиналось повальное дезертирство и членовредительство удручал. За умышленное членовредительство ввели расстрел... Глеб Охотин имел возможность довольно быстро узнавать подобные печальные фронтовые новости и ещё больше переживал за армию и своих братьев, ушедших на фронт.

10. Чёрный нунатак

«Россия - это огромный ледник, нависающий над Индией»

Лорд Биконсфилд Дизраэли

«Румяной зарею покрылся Восток»

А. Пушкин (?)

«Боги их многоруки и лукавы»

Р. Киплинг

- Совершенно верно, господа: казалось бы проще попасть в Российскую глубинку и раствориться на просторах Сибири

через Китай, пока достаточно тихий, чем через горы и пустыни. Но на протяжении всей Южной Сибири расположены непрерывные казачьи заставы, а казаки смогут нас легко поймать, и вся затея лопнет, - обращался к офицерам сэр Фредерик Маршман Бейли.

- Полностью согласен с Вашими доводами, сэр, - вставил своё слово драгунский штаб-ротмистр Александр Блудов, - пересечь земли казачества незамеченными практически невозможно.

- Не знаю о востоке, но в горах северо-запада вплоть до Памира бывать приходилось. Районы от Читрала до Гильгита нами исхожены. Пройти возможно, при наличии некоторого опыта и карт, - невозмутимо заметил Джеймс Брайдон, жуя кончик не раскуренной сигары, - Плохо одно, что в тех краях муссонов нет и получается, что мы напрасно так припозднились. Там скоро начнутся холода и на перевалах ляжет глубокий снег, что дьявольски усложнит дело.

- Об этом нет смысла сокрушаться, майор, вам дано задание и его следует выполнить, - раздражённо бросил полковник Мортимер Мак-Грегор.

- Пройдём, сэр! У меня тоже имеется опыт в тех краях, сэр, - вставил капрал Бэрроуз, выпятив челюсть.

- Хороших карт тех гор ни у кого нет, а что возможно мы прихватим и дорогу найдём, - холодно произнёс гвардейский лейтенант Пёрсивал Спенсер Ретклифф.

- Через Тибет идти в наше время не просто. Тибетцы на-

строены не слишком тепло к британцам. Расположены скорее к русским. Как бы туда не влезли и боши. Посмотрите на вариант прохождения через Кашмир – Ладак¹⁴⁷, но далее не на Южный Памир, как короче, а к месту, где Памир переходит в земли дико-каменных киргизов, через Кашгар, - прищурился на разложенную на столе карту Бейли, - Именно в этих краях, по нашим сведениям, меньше всего контроля вдоль всех российских границ. Наконец, и горы здесь чуть пониже, а не как на Памире.

- Полностью подтверждаю Ваши слова, мистер Бейли, - добавил кавалерийский капитан Элиас Эдмонд Хаксли, не выпуская трубку изо рта, - Кроме того, на Памире туземцы настроены прорусски, поскольку знают, что мы много лет подстрекали афганцев нападать на их земли, а афганцы не отличаются особой гуманностью...

- Но в Кашгаре раньше имелся представитель русских, не уверен как сейчас. О нашем продвижении ему могут донести туземцы. Кашгар населён сравнительно гуще. Тогда поймать нас будет проще простого, господа, - возразил майор Джеймс Брайдон.

- Поэтому вам придётся идти незаметно предгорьями, не спускаясь в долину Кашгара, а весьма далеко от неё. И так - до перевала через российскую границу из Восточного Туркестана в Туркестан русский. С того перевала спуск идёт в

¹⁴⁷ В переводе на русский чаще пишется «Ладакх», но в оригинале «х» почти не звучит. Это касается Лхасы и прочих подобных названий.

Ферганскую долину. Туда нашим агентам попасть непросто, как русским в некоторые районы Индии. Поэтому следует использовать момент и присматриваться по пути к оборонительным сооружениям и оценивать масштабы хлопководства в этой долине. Но с другой стороны, долина населена густо, а в городах стоят гарнизоны и вам, как сопровождающим без знания русского, придётся поворачивать назад и поскорее скрываться за тем же перевалом, - Бейли ткнул в соответствующее место на карте карандашом и посмотрел всем окружившим карту прямо в глаза немигающим круглым взглядом.

Когда совещание закончилось и все вышли на балкон с видом на Дарджилинг, Брайдон медленно произнёс:

- В самом конце прошлого века сель чуть было не снёс полгорода. Часть склона гребня, на котором он стоит рухнула в долину. Поэтому там теперь такой крутой склон и нет ни единого дома. Так-то вырубать леса.

Пару дней ушло на сборы. Каждый участник трудился в поте лица. На следующий день назначили выезд, но жуткий ливень задержал их в Дарджилинге ещё на два дня. Казалось ему не будет конца.

- Это уже не иначе, как последний муссон. Что-то припозднился он в этом году. Да ещё как льёт! Обычно такое лишь в разгар лета бывает, - недоумевал капрал Калёб Бэрроуз, глядя на разверзшиеся хляби небесные.

- Берите с собой как можно меньше вещей. Ведь не ис-

ключено, что носильщики не выдержат и разбегутся, - напутствовал им Бейли, - Но главное - не забудьте по пузырьку с фиксатором для усов. Ведь вы же королевские офицеры!

И непонятно было шутит этот вечно невозмутимый человек, или же в самом деле так считает в силу особенности своего характера. Прощаясь, Бейли вручил Блудову новый документ на имя Якова Дементьевича Стольникова, не отличавшийся от настоящего.

Шумные базары столицы Кашмира - Шринагара остались позади вместе с жарой долин и последних намёков на влияние европейской цивилизации. Путников даже удивила та скорость, с которой в эти дни можно было передвигаться по недавно ещё таинственной «стране чудес». Железные дороги уже связали крупнейшие города, и переброска от Дарджилинга до Дели через Бенарес казалась особенно стремительной. Это вселяло надежды, что они успеют пересечь самые высокие перевалы до выпадения снега, который ложится до весны. *Путь от Шринагара до следующего приметного пункта, отмеченного на карте, Каргила, лежал по добротной древней торговой тропе - одной из бесчисленных веточек Великого Шёлкового пути. За Каргилом проходила граница Малого (Западного) Тибета, называемого Ладаком. Там начиналась земля буддистов и мусульмане низовий могли туда проникнуть лишь как торговцы с товаром. В противном случае их могли повернуть назад. Ладак более формально*

относился к Британским колониям, а на деле им управляли те же ламы, как и столетия назад. Но ладакцы обязаны платить налог теперь не только своим монастырям, но и Британской империи. Слишком беден был этот край, чтобы тратить на него усилия и средства, включать его в обще-индийскую колониальную экономическую систему. Если в Кашмире англичане постепенно подчиняли местных владык себе¹⁴⁸, в отличие от чаще применяемого военного вторжения с последующим навязыванием своего наместника, то в Ладаке они меньше церемонились. Королевское семейство Ладака было отстранено от власти и сослано в монастырь Сток.

Чахлые на вид коренастые лошадёнки тянули поклажу и всадников с удивительной напористостью. Не зря могучие армейские скакуны, применяемые на равнинах, были отвергнуты майором Брайдоном, отвечающим за всё снаряжение. Поначалу лейтенант Рэтклифф Спенсер заявил, что считает позорным усаживаться на спину этого жалкого подобия лошади, но после прохождения первого перевала Зоджи в добрых одиннадцать тысяч футов, проникся уважением к «невзрачным клячам». Пёрсивал, как и Александр, оказались в настоящих горах впервые в жизни, но поскольку они покоились в своих сёдлах и тут же сбросили высоту к посёл-

¹⁴⁸ Кашмирский раджа запретил иностранцам покупать землю в его владения, и англичане, чтобы не осложнять отношений, стали строить в Шринагаре дома-лодки на озере.

ку Мачои, то не успели ощутить одышку, либо иное действие высоты. За перевалом остались хвойные леса с подлеском и стало заметно суше. Приближалась высокогорная пустыня, подобная Памиру, и ландшафты неузнаваемо менялись. Горные хребты надёжно удерживали дождевые облака, плывущие с юго-восточных равнин.

- Всего-то полсотни миль проделали от знойного Шринагара, Города Солнца, а ощущаешь себя словно в Шотландии где-нибудь. Прохлада ублажает, ежели нет явного солнцепёка. Ночью будет даже слишком свежо, - рассуждал Брайдон.

- Мне тоже по душе такой климат, майор, - сказал баронет.

- А меня не берут ни жар, ни холод, - вставил Бэрроуз с самодовольным видом.

- Не могу не признаться, что жара меня угнетает, - заявил лейтенант Спенсер, - А хуже того многоножки, тараканы и скорпионы, которыми кишат гостиницы внизу.

- *«Индия - это страна, где не следует серьёзно воспринимать вещи, за исключением полуденного солнца»*. Кажется, это сказал Киплинг, - усмехнулся майор.

- Киплинг уж слишком много себе порой позволяет в адрес британской армии, - недовольно высказался баронет.

- Тут, за перевалом, уже и на других языках говорят, наверное? – Брайдон обратил тяжёлый взгляд на проводника и толмача из дардов.

- Да, сахиб, - ответил смугловатый стройный человек с арийскими чертами и светлыми глазами, - здесь говорят на

урду, балти и дарди.

- Надеюсь, что ты владеешь и этими наречиями?

- Да сахиб. Дарди мой родной язык.

- Этот малый идёт с нами только до Восточного Туркестана, а дальше он уже не нужен, поскольку там он не бывал и не говорит на языках тех краёв, - сказал Джеймс Брайдон, - Надо будет кого-то ещё нанять там. И от наших гуркхов толку там не будет, хотя они смогут кое-что понять из речей ладакцев.

- Зато эти ребята помогут в трудную минуту, а проводник убежит, - заметил Блудов, почтительно покосившийся на двух бравых низкорослых крепких парней из Непала.

- Кто знает, который из нас не убежит в такой момент, - многозначительно усмехнулся Пёрсивал, похлопывая ладонью по кобуре с револьвером. Не забывайте, что и я покидаю вас от границы Восточного Туркестана. Честно признаться я бы предпочёл сейчас находиться на германском фронте, где решаются судьбы Европы.

- А мне милее эти горы, - с непроницаемой миной произнёс майор, подумав про себя не слишком лестно об «этом дворянчике, который только и думает о карьере и славе и встаёт в позу, где надо и где не надо». Брайдон знал, что они с Бэрроузом должны доставить Александра Блудова до российской границы и считал выполнение этого задания не менее важным делом, чем участие в общеевропейской резне, которая казалась ему ненужной и нелепой затеей жаждущих

власти и денег.

- Господа офицеры, - раздался басок дюжего рядового пехотинца родом из Шотландии – третьего сопровождающего, - Похоже, что моя кляча всё же переутомилась. Позвольте мне пойти вниз пешком.

Офицеры недоуменно переглянулись, не заметив больших признаков усталости в понуrom взгляде его лошади, нежели в выражении «лиц» прочих.

- Жрешь слишком много, Рори, вот и загнал свою кобылу, - громко заржал капрал.

Но когда они увидели, как повеселел сразу, приунывший было здоровяк-пехотинец, то сообразили, что он просто не привык к верховой езде и начал побаиваться крутого спуска или же натёр своё седалище. Кавалеристы посмеялись про себя, а Брайдон признался себе в глубине души, что и он чувствует себя не слишком уютно в седле над самой пропастью, при ширине тропы порой всего три фута, как, вероятно, и Бэрроуз также не бывший кавалеристом. Но майор знал, что если дойдёт до опасных мест в горах, он утрёт нос любому из своих спутников, за исключением разве что двух горцев, поскольку он прошёл альпийско-егерьскую подготовку. Правда, вот курить он стал многовато...

- Молодой пехотинец без опыта. Даром, что здоровенный такой. Будем надеяться, что он привык ходить по своим шотландским горам и не смякнет на крутом подъёме, - пробурчал майор, - Не зря же его отобрали для нашего предприя-

тия.

- Слово Ладак, которое раньше произносилось, как «лад-вак», не просто так означает «страна под перевалами», - тихо произнёс усталый Пёрсивал.

Когда путники расположились на ночлег возле убогой придорожной харчевни, где получили за гроши похлебку из чечевицы с рисом, но больше ничего бы не могли найти за самые немыслимые деньги, баронет явно сник и начал на-мекать, мол, не распечатать ли что-либо из собственных запасов, «хотя бы человеческих галет». Майор, как старший по званию, хотя и не желавший это подчёркивать, но к тому же ещё ответственный за амуницию и провизию, заявил, что это категорически исключается до последнего места, в котором имеется хоть какая-то снедь за деньги. У костра за чаем Брайдон начал припоминать всё, что он прочёл о Ладаке, чтобы хоть как-то смягчить возникшую напряжённость:

- Честно признаться этот Малый Тибет¹⁴⁹ меня давно манил своей неисследованностью и полной забвением. Трудно найти более игнорируемый колониальными властями кусок земли в империи, в которой никогда не садиться солнце. Мы уже на пороге Тибета. Ещё пару дней, если тропа столь же набита, и мы окажемся в ламаистском королевстве, где народ не слишком ощущает бремя колониальных властей, а видит перед собой лишь привычных лам – торжество тео-

¹⁴⁹ Британцы называли эту часть Тибета, то есть — Ладак - Little Tibet, а также Балтистан – Страна племени балти.

кратии, господа. А пока ещё предстоит миновать Каргил – оплот очень рьяных ишиитов. За ним лежат земли племён докпа, которые уже ламаисты, но имеют арийский облик и славятся красотой женщин.

- Может я и не зря отправился с вами, господа, - усмехнулся Спенсер, - А то родители давно попрекают меня «упорным холостячеством».

- Флаг Вам в руки, лейтенант, но я слышал, что туземцы там никогда не моются и не пьют молоко, - рассмеялся майор, - Во избежании солнечных ожогов, женщины часто мажут лица сливочным маслом и присыпают сверху пылью. Платье, раз надетое, они не снимают, пока оно не превратится в рваное трепьё. А в их косах уютно гнездятся насекомые. Не уверен насчёт докпа, что пришли в эти края из Гильгита, но восточнее у туземцев процветает полиандрия, то бишь многомужество, когда несколько братьев женятся на одной женщине. Так, что Вам придётся ещё и делить свою жену, сэр Пёрсивал. Обыкновение, казалось бы, самое дурное и со здравым умом вовсе не сообразное. Но на самом деле всё это выдуманно по причине малой урожайности каменистых земель, страшной бедности и невозможности часто отделяться новым хозяйством. Земельные наделы по ладакскому закону должны быть равны, и земля не подлежит продаже. Весь надел получает старший сын или дочь. Это предохраняет наделы от дробления, что весьма мудро. Младшие дети обычно уходят в монастыри, которые

содержит община. А безбрачие монахов предохраняет скудные земли от перенаселения. Но если младший сын не хочет стать монахом, он может разделить жену старшего брата. Впрочем, каждый сын в любой семье обязан раз в году пожить недолго в монастыре. Трудно осуждать такие порядки в стране, где почвы более скудны, чем в любой пустыне и не способны прокормить растущее население. Воровство и убийство не известны в этих краях благодаря той же мудрой политике.

- И много таких семей? – поинтересовался Блулов.

- Говорят, что каждая десятая, - последовал ответ.

- Позвольте спросить, майор, а когда европейцы впервые проникли в эти края, - поинтересовался Блулов.

- *Насколько я помню, то были португальские иезуиты в семнадцатом веке. Видимо – миссионеры. Если не считать гипотетическое посещение Ладака Александром Великим. После них Ладак посетили наши соотечественники: славные Уильям Муркрофт и Джорж Требек в двадцатые годы прошлого столетия¹⁵⁰. Записки и письма Муркрофта, изданные после его смерти, неиссякаемый источник сведений о Ладаке. Очень рекомендую. В те же годы в королевстве Занскар*

¹⁵⁰ Вероятно, что к этому времени Ладак посетил только один российский подданный – бежавший из бухарского плена (около 1776 года) унтер-офицер Филипп Ефремов, который писал о ладакцах: «рубашек и постелей не имеют, лица и рук не умывают», что основной пищей им служит «разбавленное в воде пшеничное толокно» (речь идёт о ячменной муке «цзамбе»), жилища же их находятся в «косогоре из дикого камня». Религией ладакцев является «китайская вера».

– части Ладака, побывав первый учёный из Европы. То был некий венгр с мало удобоваримым именем для чужеземного произношения: Чёма де Кёрёши. Этому человеку, проведшему несколько лет в высокогорном королевстве Занскар, мы обязаны первым тибетско-английским словарём. В те же годы в Ладаке оказался загадочный кавказский дворянин Рафаил Данибегов¹⁵¹. Он совершил две поездки в Индию с 1790-х годов до конца наполеоновских войн по поручению правителей Грузии, к тому времени уже находившейся под протекторатом России. Путешественник издал свои записки. К сожалению я не смог их найти. Возможно, что русские хранят их под секретом. Вам бы и подобало добыть их для нас. Про-русски настроенный афганец Мехти Рафаилов совершил поездку из Кульджи через Аксу в Кашгар, Яркенд и через Ладак в Кашмир – «Долину вечного счастья». Вернувшись в Семипалатинск, Рафаилов предоставил подробные сведения о своём трёхлетнем путешествии в Петербург¹⁵². В 1813 году Рафаилова вновь отправляют в Индию с русскими товарами и письмом к королю Ладака Хану Агбару-Махму-

¹⁵¹ Точнее – Рафиэл Данибегашвилли.

¹⁵² «Британцы, наложив оковы на великую часть Индии и шаха её, готовят-ся учинить своими рабами остающихся ещё в независимости от них владельцев Пенгаба (Пенджаба)» - писал Рафаилов, явно намекая на необходимость «помочь» им освободиться, в докладной «Записке» графу Румянцеву. Он также предлагает своё содействие в установлении «через письма» сношений с индийскими магадхами.

ду¹⁵³. Второе путешествие продолжалось около двух лет. Более месяца он провёл в Ладаке, где ему был оказан всемилостивый приём. Шесть лет спустя ему надлежало доставить письма царского министра Нессельроде к «владельцу Пенгабских областей» Ранджит Сингху, правителю Кашимирскому и «независимому владельцу одной части Тибета» Ранджит Акбету. Кроме того, ушлому афганцу поручили купить шесть лучших туркменских жеребцов для государственных конных заводов, а также несколько кашмирских коз для разведения их в Туркестане¹⁵⁴. По неясным причинам Рафаилов умер на пути в Ле. Мы тоже на пути в Ле... Якобы был убит своими же спутниками... Благо у нас есть скорострельные револьверы. Письмо Нессельроде для Ранжит Сингха попало каким-то путём в руки Муркрофта, а потом и к британскому политическому агенту в Дели.

«Или Муркрофт помог Рафаилову умереть?» - подумал Блутов. В ходе рассказа майора, ренегата вдруг осенило, что они называют Лех – Ле, хотя пишут «Лех», а русские переписывают с британских карт все подобные слова с «ха». *Карт*

¹⁵³ Агбар-Махмуд Хан –искажённое имя ладакского правителя. В 1683 году король Ладака Делдан Намгьял под давлением принял ислам, после чего стал называть себя Акибат Махмуд Ханом. И хотя ни он сам, ни его приемники не исповедовали ислам, они продолжали пользоваться этим титульным именем при переписке с мусульманскими правителями вплоть до конца независимого ладакского королевства в 1842 году.

¹⁵⁴ На это Рафаилов возразил, что коз вывозить запрещено и предложил ввозить из Ладака в Россию «козий пух – пашм» с целью выделки из него кашемировых шалей на будущей казённой фабрике.

британских, составленных пандитами¹⁵⁵ и изданных в Королевском Географическом обществе, в российских штабах имелось предостаточно.

- Позвольте, майор, но Ваш рассказ лишь лишнее доказательство того, насколько активны и наглы эти русские на наших землях, не так ли? – утверждающим тоном спросил баронет.

- Пожалуй, Вы правы, Рэтклифф. Но если рассмотреть наши дела на их территории, не знаю в пользу чьего миролюбия будет подобное заключение. Особенно если припомнить Крымскую кампанию... – возразил Брайдон, - *В середине прошлого века Ладак посетил мистер Томпсон, ботаник. Этот факт немного успокаивает Вас, баронет?*

- И тем не менее, майор...

- *Добавлю соли на Вашу рану, лейтенант, сказав, что в конце прошлого и самом начале нынешнего века в Кашмир и Ладак отправляются ещё несколько российских путешественников: известный у них художник-баталист Верещагин с женой¹⁵⁶, журналист Нотович и даже офицеры Генштаба Андреев, Новицкий¹⁵⁷ и Половцев, брат российского*

¹⁵⁵ Пандит – индийский учёный, а также в колониальные времена – индус на службе у британской разведки.

¹⁵⁶ Верещагины двигались по Ладаку точно, как описываемая здесь группа: Кашмир - Драс - Каргил - Ламаюру - Ле и посещали полу заброшенные монастыри, делали зарисовки.

¹⁵⁷ Первоначально Новицкий намеревался проехать через Гильгит и Восточные Памиры, но не получил соответствующего разрешения англо-индийских властей.

генерального консула в Бомбее.

- Насчёт поездки Нотовича я слышал, - вставил своё слово Блудов, - Этот тип устроил настоящую сенсацию, взволновавшую многих русских. Он якобы нашёл в одном из ламаистских монастырей Ладака манускрипты с доказательством пребывания в нём Христа. Позже его разоблачали, уличали в мистификации, но полной ясности тут не было. Скорее всего в руки Николая Нотовича попали написанные на тибетском языке сочинения христианских миссионеров, которые показались ему, с его знанием тибетского, трудами буддийских учёных¹⁵⁸.

- Кажется этот Нотович из евреев, да к тому же русских. Что ещё ждать от них, - вставил Брайдон, выразительно махнув рукой.

- Да. Он – выкрест. Впрочем, этот факт к делу мало относится. Я бы очень хотел побывать, если нам по пути, в этом монастыре, - сказал Блудов.

- Видно будет, - довольно равнодушно ответил Брайдон.

- Помнится, по словам Нотовича, монастырь этот, под названием Химис, или Хемис лежит в предместьях Ле, то есть вполне по нашему маршруту...

- Интересно, что мы рассматриваем северные районы Ин-

«Гильгитский путь» имел военно-стратегическое значение и был практически недоступен для иностранцев. Новицкому пришлось возвращаться через Ладак, Каракорум и Кашгарию, то есть – по пути Андреева.

¹⁵⁸ Естественно, что позже по следам Николая Нотовича туда отправился и Николай Рерих.

дии как территории «ограниченного доступа», но через Ладак регулярно шляются русские, кому не лень, - раздражённо заметил баронет, - Не пора ли прекратить подобное безобразие?

- Просто у нас нет возможностей уследить за всеми глухими высокогорными территориями, - вяло откликнулся майор, - *Могу и ещё Вас порадовать: Не далее, чем два-три года назад русская зоологическая экспедиция от Академии под руководством Авинова и Якобсона намеревалась получить разрешение на ведение работ в Сиккиме, Западном Кашмире, Ладаке и Каракоруме. Российский генеральный консул в Калькутте обратился к самому вице-королю Индии и лишь тогда получил разрешение. Не так уж просто его получить.*

- Не следует выдавать никому. Вот и всё! Очень просто, - отрезал лейтенант, - Если уж дипломатически неловко отказывать одним русским шпионам, то – никому.

- *В девяностые годы в Ладаке побывала экспедиция Дютрейде-Рена и Гренара, - невозмутимо продолжил Брайдон, - которая прошла весь Тибет. Восточнее Рен погиб в какой-то стычке с китайцами. Но наш Литлдейл же побывал в русском Туркестане лет двадцать назад, откуда прошёл по пустыне Такла-Макан и до Пекина, а потом назад через Тибет и Ладак. Не отчаивайтесь, баронет. Не одни русские лезят в Индию. Свен Гедин прошёл весь Тибет и даже попытался вскарабкаться на ледяную вершину в Кунь-Луне*¹⁵⁹.

¹⁵⁹ Имеется в виду пик Муштаг-Ата 7560 м.

Тогда же капитан Уэлби и лейтенант Малколм пересекли Тибет от Ле и вышли к Пекину. В этом же году капитан Дизи начал тщательную съёмку неисследованных областей Тибета.

Ландшафты, открывающиеся путникам, становились всё более пустынными. Край был освоен ламаистами с десятого века и редкие можжевельные леса почти все вырубили, с топливом становилось напряжённо. Топить же сухим навозом стало во всей Центральной Азии и в северо-западных Гималаях нормой. Это очень выручало. Во время стоянки все вынуждены были бродить вокруг, чтобы набрать немногочисленного сухого навоза для костра. Брайдон заметил, что лейтенант Спенсер явно брезгует прикасаться к навозу и делает это с помощью двух палочек, несмотря на то, что предмет сей давно уж высох и не имеет ни, вызывающей брезгливость липкости, ни запаха.

– Сборщики сухого навоза - целая субкаста в Индии, баронет, - усмехнулся майор, - Вас бы они явно не приняли в свои ряды. Но я в горах не первый день и не считаю зазорным прикоснуться к сухому куску дерьма травоядных. Поверьте, что Вашим собственным Вы бы испачкались больше.

- Охотно верю Вам, Брайдон, - сухо буркнул сэр Пёрсивал. Вокруг бродили тощие козы и не верилось, что эти чахлые грязные твари способны давать всемирно известную шерсть – кашемир, не надоевшую модницам уже порядка

сотни лет¹⁶⁰. Через день близ посёлка Драс путники наткнулись на весьма почтенного вида крепость с гарнизоном из трёх сикхов его высочества магараджи. Заночевали в свежепобелённом здании почты. Без блох в таких местах, конечно, не обходилось. Утром осмотрели *огромный барельеф Будды Майтрейи - символа будущего и святого патрона Тибета одиннадцатиликого, многорукого Авалокитешвара над лотосом, несколько высокомерно глядящих со своей высоты*¹⁶¹. Несколько дней спустя Блутов впервые в жизни с любопытством посмотрел издали на маленький ламаистский монастырь - *гомпу Шергол. Мусульманские земли остались позади. Хребты по обе стороны долины высились на добрую милю над их головой и достигали пятнадцать тысяч футов и более. Потом проводник показал им дворец, гомпу в Мульбеке и высеченную в скале пятнадцатифутовую изящную статую Будды, что недалеко от дороги. Говорили, что этот Будда сторожит тропу со времён Христа. Спустя несколько утомительных дней, включая переход через высокий и холодный перевал Фоту-Ла в тринадцать с половиной тысяч футов, с его пронизывающим ветром и, несущимися совсем рядом, облаками, отряд спустился в селение Ла-*

¹⁶⁰ Кашемир, или кашмина (по-местному) изготавливается не из грубой шерсти этих коз, а из тонкого слоя их шелковистого подшёрстка. Как ни странно, но название этой шерсти, которую получают от гималайских коз в Тибете, происходит не от этих районов, а от провинции, где её ткут – Кашмира. Кашмина пользуется успехом и по сей день.

¹⁶¹ Эти барельефы находятся близ Драса и относятся к VII столетию.

маюру, над которым на эрозионном обрыве господствовала старейшая на пути гомпа Янгдранг.

- Здесь в конце прошлого века побывал русский художник-баталист Верещагин со своей женой, - сказал Блудов.

- Ну ладно ещё – монастырь, - промолвил вдруг капрал, - а то понаставили дикари ступ повсюду. Только природу, весь вид, портят.

- Подобно тому, как Александр Третий наш заставлял массово строить храмы Божьи по единому стандарту в нелепом неовизантийском стиле, - хмыкнул было Блудов, но встретился с недовольным взглядом ревностного христианина в лице простодушного капрала: мол, как можно сравнивать? Мол, хоть и вражьи, русские, но во славу того же Христа.

- Ступы - это уже неотъемлемая часть тибетского ландшафта, - возразил Брайдон, - и они, на мой взгляд, ничего не портят. *Это буддистские часовни, которые здесь называют чортенами. В них заложено множество символов: основание чортена олицетворяет Землю, круглая средняя часть, или купол, - воду, шпиль - огонь. В чортене представлены четыре стихии - воздух тоже, но верхушки шпилей в горах мастерить не из чего...* Насчёт храмов Царя-Миротворца ничего сказать не могу, поскольку в тех краях ни разу не был.

Англофил Блудов, как и его кумир Милюков - образец политика, старался смолоду весьма углубиться в английский язык и перевёл для себя фамилию капрала, как «Курганов» и

прозвал его, про себя, Бугорком. От такой мысли стало теплее на душе: мол, что взять с Бугорка-недоучки, застрявшего до конца своих дней в капралах – тупица. «Право, эти британцы начинают всё чаще разочаровывать. Если так пойдёт дело, вернусь на царскую службу».

Несмотря на усталость, все единодушно решили осмотреть монастырь до захода солнца. *Тропа, выходящая к стенам монастыря, была густо уставлена небольшими ступами, крашенными белой известью, вперемежку с деревками, на которых развивались молитвенные флажки. Попадающиеся навстречу молодые монахи, взирали на незваных гостей с затаённым страхом, а пожилые - с полнейшим равнодушием. Путники смогли беспрепятственно зайти на территорию монастыря и даже заглянуть в молитвенный зал. Таинственная атмосфера буддийского святилища вызвала почти у всех ощущение неловкости, и они были рады оказаться за стенами гомпы. В деревне под плато, на котором стояла гомпа, отряд заметил странную круглую постройку, напоминающую усеченную башню.*

- Это волчья ловушка, - пояснил проводник-дард, со слов подошедшего молодого ладакца, указав перстом на внутреннюю стену, расширяющуюся книзу и земляную насыпь вокруг, - Зимой туда бросают тушу козы и на запах приходят волки. Они прыгают вниз, а выбраться оттуда уже не могут. На их вой сбегаются жители и добывают зверей камнями. Такие ловушки имеет почти каждый посёлок.

- Не так давно волки терроризировали Европу, - заметил Пёрсивал.

- В России их и сейчас хватает, - добавил Александр.

- А зимы здесь долгие, жители деревни сидят почти без-
вылазно в домах, как в погребках, –переводил дард, а местный
прирождённый экскурсовод продолжал вещать, - Поэтому
волки бродят прямо вокруг жилищ всю зиму. Глубокий снег -
им холодно и голодно. Готовы человека и скот растерзать.
Люди и бояться за дверь выходить, а лишь на крыши выпол-
зают зимой. А крыши здесь всегда плоские из слоя земли на
ивовых ветвях, которые поддерживаются балками из то-
поля, что растёт быстро. Дождей здесь очень мало – мо-
жет пару раз в год, а снег можно сгрести с крыши и потому
крыши эти не успевают пропитываться влагой.

- Спроси его как ладакцы хоронят умерших? – любобо-
пытствовал капрал.

- По традиции бывает по-разному, - продолжил слово-
охотливый сельчанин, - Из большого почтения иной раз
сжигают, но это дорого из-за нехватки дров. После сжига-
ния прах перемешивают с глиной, которой придается фор-
ма маленького чортена. Чаще просто бросают труп в ре-
ку. Можно и оставить труп на растерзание волкам и гри-
фам. Очень редко умерших зарывают в землю. Всё это есть
возврат бренного тела огню, воде, земле и ветру - четырем
стихиям, из которых состоит человек.

- Боже, какая дикость! – возвёл глаза к небу Бэрроуз.

- Похоже, что жители здесь опасаются не только волков, но и разбойников, - заметил баронет, - каждая деревня сооружена наподобие маленькой крепости. Не так ли?

- *Мистический ужас перед демонами не даёт спокойно спать тибетцам,* - ответил майор, вместо не понявшего вопрос проводника, - Не в разбойниках дело. Их тут почти и не бывает. *Раньше были нашествия врага. Боятся народ демонов, населяющих горы и воды, злых духов, приносящих болезни и немощь. Потому люди неустанно читают молитвы, или развеивают молитвенные флаги, а ветер вынуждает куски ткани разносить слова, обращённые к Будде. Крутящиеся вокруг своей оси цилиндры, с теми же надписями молитв, вращают вручную, либо по принципу водяной мельницы. Помогают от духов и конские черепа, закапываемые под порогом. Но стоит спуститься темноте, ни один житель Ладака, да что там – всего Тибета не чувствует себя в полном покое.*

- Он говорит сегодня у них в деревне праздник, сэр. Приглашает нас, мол, гостями будем, говорит. Что ответить, сэр? – дард выжидающе посмотрел на майора, указывая взглядом на проводника.

- Чтож, любопытно, если не слишком долго. Притомились мы за день.

Проводник сказал что-то, и сельчанин с искренней сердечной улыбкой стал жестами зазывать гостей. Английский толмача был весьма слаб, и путешественники уже устали до-

полнять для себя его монотонный неразборчивый перевод со множеством ошибок.

- Чанг радуется, - перевёл дард.

- Что-что?

- Чанг они варят – пиво. Праздник особый.

- Спасибо за приглашение, - попробовал улыбнуться в ответ Брайдон, - Как его зовут?

- Станцин-Дзе. Очень расхожее имя в этих краях.

У входа в общинный дом стояла мачта из ивовых прутьев, обвитая лентой с написанными на ней молитвами. Приготовление к позднему застолью в сельской общине было в самом разгаре. В соседней комнате стояла старуха, мешающая длинной палкой варево в огромном медном котле, подвешенном над огнём. Она готовила чанг необходимый для религиозной церемонии. В отблесках пламени она казалась средневековой колдуньей. На чане с пивом весели огромные медные половники. Мужчины катали в ладонях шарики из ячменной муки-цзамбы, смешивая её с мукой из сушёного зелёного горошка и, добавляя в смесь, чай. Таким образом готовились тяжёлые пироги в форме кирпичей. Чанг заедался подобным клейким тестом. В соседнем котле готовился и тибетский чай. В кипяток с чайными листьями добавляли соль и топлёное масло. Народ монотонно распевал молитвы, а женщины начинали обходить присутствующих с половниками, полными пивом, и настроение присутствующих поднималось. Никто не пытался задавать путе-

шественникам глупых вопросов и каждый был полон своего достоинства. Смех успешно сочетался с молитвами. Женщины выглядели намного наряднее мужчин, но это уже были ладакские тибетанки, а не знаменитые красотой дард-ки. Их красота была скромнее, но обилие украшений пора-жало: расшитые серебром плащи из грубой ткани, а на го-ловах кожаные ленты с кусками бирюзы, порою размером с кулак. Волосы их сплетены в бесчисленное количество коси-чек, вплоть до священного числа сто восемь. Под косички на уровне висков были подложены по куску чёрного каракуля, вырезанного в форме вислых собачьих ушей, придающий го-ловную убору шутовской облик. У некоторых, что побога-че, имелись тяжёлые серебряные серьги с бирюзой и колъе из массивного серебра, а то и золотые или серебряные чётки, в пеналах которых запряжаны священные статуэтки, или тексты молитв¹⁶². На головах детей были шапки из красно-вато-оранжевой шерсти, у иных с пришитыми кусочками бирюзы. Молодые матери в такую холодную ночь помещали младенцев за спиной в мешочек, наполненный навозом¹⁶³.

- В Швейцарии, на мой взгляд, - сказал вдруг баронет, - давно уже не ощущаются горы, как горы. В них не осталось

¹⁶² Нередко женщины работали в поле в лохмотьях, нацепив на себя все свои драгоценности. Такой обычай возник в старину во времена частых набегов и грабежей. При малейшей тревоге можно было скрыться в горах без лишних сборов.

¹⁶³ Чтобы новорожденные дети не погибли зимой от холода или от переохла-ждения из-за смерзания мокрых пелёнок, их помещают в шерстяные мешки с сухим толчёным коровьим навозом. Он впитывает всю влагу.

Божьего Слова, о котором упоминает Библия. Дикость гималайской природы и народов таит ещё некую созидательную мощь.

Путешественники чем-то так приглянулись Станцину-Дзе, что парень вызвался сопровождать их некоторое время дальше. Их стало уже девять человек. Он тащил за плечом старинное пистонное ружьё с очень длинным тонким стволом и узким, украшенным резьбой, ложем. А ещё он решил гнать перед собой свою цзо - помесь коровы с яком, чтобы у них всегда было свежее молоко. Ни коня, ни мула у парня не было. Лошадей имели лишь местные князьки. Быстроты каравану это отнюдь не придавало и Брайдон приказал продолжать двигаться со своей привычной скоростью, а не подделываться под прихоть туземца. К концу дня Станцин безнадёжно отстал и, видимо обидевшись, повернул назад.

- Эх, не видать нам ячьего молока с маслом, - вздохнул Рори.

- Купим в любой деревне, - проворчал Бэрроуз.

- Так, они и глядеть на наши деньги не хотят. Что здесь им делать с этими бумажками?

- Не поешь сыру, так с голоду не сдохнешь, солдат, - подвёл итог капрал.

- Похоже, что мы нынче подвергнемся некоему испытанию, - сказал вдруг майор, всматриваясь вперёд.

После узкого мрачного ущелья с тропкой, нависшей над

бездной, с бесконечно сыпавшимися мелкими камешками сверху, и томительным ожиданием одного крупного - «твоего последнего камня», путники попали в долину Верхнего Инда. Дард явно заволновался: им предстояло пересекать бурный мутный поток, который здесь представлял из себя Инд, по очень сомнительному старому мосту. До сих пор все мосты были куда надёжнее. Это был очень длинный висячий мост, сильно провисший и очень узкий. Казалось, что верёвки, на которых держалась вся конструкция, давно прогнили и стоит шагнуть по нему, как всё рухнет в ледяную реку, бушующую в тридцати пяти футах под ними, из которой вряд ли уже удастся выбраться. *То, что должно было быть мощными опорными канатами, представляло собой отнюдь не толстые верёвки, а весьма сомнительную конструкцию из ломких веточек. Но сплётённые вместе, эти ветки были способны выдержать большую нагрузку. Переходить такой мост следовало, раскорячив ноги.* Первым шагнул на мост побледневший проводник, сказав, что переходить следует по одному, в чём никто из присутствующих не сомневался. Остальным, глядя на дарда, стало ясно, что мост совершает колебания и в стороны, и по вертикали. Маятниковое движение нарастало, грозя запросто выбросить человека через низкие перила.

- Заметьте, джентльмены, что это сооружение не необычно: то, что нам представляется поручнями - не поручни. Стоит на них опереться, как вы перевернётесь вниз! – заметил

майор, имевший горный опыт, - Наш смелый проводник не хочет подвергать нас риску, но испытать прежде мост сам. *Но есть тут одно «но». Если мост переходят сразу несколько человек, амплитуда колебаний значительно уменьшается, а вместе с ней и опасность быть выброшенным.*

- Так, давайте пойдём все вместе, - предложил Александр.

- Но в данном случае мост старый, и кто знает выдержит ли он...

Следующими вызвались перейти мост гуркхи. Они шли вдвоём и умудрялись вести своих мулов очень слаженно в ритм с колебаниями и зрителям стало ясно, что при большем весе переходящих, колебания уменьшаются.

- Давайте перейдём по двое, - предложил Блудов, - Как бы уже проверено.

- В таком случае, я отказываюсь быть в паре с Рори, так как «на троих» мост ещё не проверялся, - засмеялся майор, меря взглядом могучую фигуру шотландца.

- Нас осталось пятеро, - нарочито спокойным тоном сказал баронет, - Рори придётся идти одному.

- Хорошо. Сначала мы с Вами, потом Рори и последними – капрал и штабс-ротмистр, - заключил майор. Шагайте вперёд, лейтенант. Я буду замыкать и, возможно, помогу советом. Нет, нет! Оставьте лошадь! Гуркхи вернуться за ними.

Начавший переход со свойственной ему презрительной ко всему усмешкой, через десять шагов Пёрсивал побледнел и стал совершать хаотичные неверные движения, инстинктив-

но пытаюсь ухватиться за поручни. Но ближе к середине моста то, что казалось поручнями, резко ушло ниже коленей, и уже ничто не могло защитить от падения в случае неверного шага.

- Чёрт побери, лейтенант, мне кажется, что это Вы умудрились так раскачать это жалкое сооружение. Следует идти в ногу, - заметил майор, идущий сзади, - Если Вы не оставите попытку ухватиться за дурацкие боковые верёвки, Вас вышвырнет. Это, конечно, Ваше личное дело, но очень похоже на то, что швырнёт и меня, а я протестую.

- Хорошо, майор. Постараюсь не слишком досаждать Вам, - донеслось сквозь рёв воды спереди, с лёгкой дрожью в голосе.

Оказавшись в середине моста, баронет понял, что уже неспособен удерживать равновесие и встал на колени.

- Вы делаете то, что не должно, сэр! – раздался по-прежнему ровный голос сзади.

- Я вынужден, поскольку иначе упаду вниз, сэр, - отозвался Спенсер напряженным тоном.

- Постарайтесь медленно и спокойно встать и продолжить движение.

- Попытаюсь... – лейтенант начинал ощущать настоящую панику и его движения оказывались всё более резкими и, провоцирующими большую раскачку моста.

Им удалось дойти без происшествий каким-то чудом.

- Я не стану Вас рекомендовать более для переходов по

горам, сэр, - сухо бросил Джеймс Брайдон, - И даже напишу ходатайство об отправке Вас на Европейский фронт.

Грузный Рори сумел перейти не упав тоже буквально чудом. За ним на мост шагнули Бэрроуз с Блудовым. Несколько раз штабс-ротмистру послышалось, будто бы капрал бросает в его адрес не совсем цензурные слова, но за шумом реки и незнанием всех тонкостей языка Александр не был уверен в этом. Ему было и не до того: какой-то миг душа вовсе ушла в пятки. Гуркхи невозмутимо перевели всех лошадей и мулов по очереди, а дард продолжал молиться в сторонке.

- Край монастырей, волков, князьков, немых дам, бродячих монахов и висячих мостов, чёрт бы его побрал, - проворчал майор и добавил критически в адрес лейтенанта, - Это не место для уважающего себя столичного джентльмена из хорошей семьи.

«Этот наглец, кажется позволяет себе лишнего!» - промелькнуло в голове баронета, но на сей раз он отделался молчанием, сделав вид, что ничего не слышит. Пока гуркхи были заняты караваном, проводник начал ловко высекать искры из куска горного хрусталя, ударяя по нему металлическим молоточком. Искры падали на сухие растёртые листья подобия чертополоха и вскоре весело затрещал костёр. Дард вскипятил чай и многие уже не отказались пить его в тибетском виде, то есть скорее маслянистый бульон, чем чай. После полудня припекало солнце, но как только оно скрылось, задул холодный ветер, и все стали натягивать на себя одежду

потеплее. Вдали забелело целое скопище чортонов.

- Понаставили гробниц своих, черти, - бубнил себе под нос капрал.

Отряд поравнялся с первыми рядами из десятков чортонов, изъеденных ветрами, и приобретших причудливые формы, не выделяющие их из общего скального ландшафта.

- Их архитектуре свойственна простота, гармонирующая с окружающим пейзажем. Они не конфликтуют, а на редкость тонко дополняют друг друга, - заметил баронет.

- Не могу не согласиться с Вами, лейтенант, - бросил Брайдон, - Нам пора подыскивать место для ночлега. Предпочту спать в пустыне, чем ловить блох в деревнях. Похоже, что мы далеко от каких-либо поселений. так ли это, проводник?

- Да, сэр. До Басго ещё день пути, а то и больше.

- Ищите удобное место, друзья, - обратился майор к рядовым гуркхам, - На этой высоте пока можно обойтись без палаток.

Они расположились под длинной молитвенной стеной, каковых попадалось немало на протяжении пути. Толстая низкая стена в виде груды плоских кусков сланца отлично защищала от ветра. На каждом из плоских камней сверху виднелась лаконичная надпись туземной вязью – «Ом мани падме хум» - важнейшей из буддистских молитв, на особенно крупных камнях виднелись изображения божеств и демонов. Гуркхи захлопотали у костра вместе с проводником, а Пёрсивал с Джеймсом приступили в священному ритуалу: по-

бриться во что бы то ни стало пока ещё не стемнело. Несмотря на обгорание от солнца и дубление кожи от ветра, оба упрямых британца не желали обрастать щетиной, как и подобает королевским офицерам. Капрал уже заметно оброс, а шотландец и русский только день назад махнули рукой на мазохистские попытки выглядеть как на параде в ущерб целостности кожных покровов.

В тот вечер не очень усталые путники засиделись у костра. Сначала речь зашла о величии британских первооткрывателей. После восторженных реплик о славе сэра Уолтера Рэйли, Ливингстона и им подобных, Брайдон бросил в адрес ренегата:

- Но и русские проявили себя на этом поприще, не так ли?
- Вне сомнений, майор, - странно улыбнулся Александр, - взять тех же казаков-первопроходцев, которые за несколько десятков лет в шкурах, с топором за поясом и последней отсыревшей горстью пороха исколесили всю необъятную Сибирь.

- Эти ребята чем-то напоминают викингов, добравшихся до Гренландии, разве не так? - рассмеялся баронет, - Мой отец, старый упрямец, тоже мечтал в своё время о подобных подвигах и особенно повёлся на Ливингстоне. Потянуло его открыть, если не истоки Нила, так Конго. Пропал надолго, хотя обещал вернуться раньше. Я был ещё мал и толком не помню деталей. Мать готовилась стать вдовой, но искала

средства на розыскную экспедицию. Семья наша не отличалась уже благополучием в те годы. Денег она так и не нашла, а тут и отец неожиданно появился на пороге дома. Как сейчас помню тот хмурый день. Мать упала без чувств, а я заплакал, с трудом признав в этом отощавшем бородатом оборванце своего почтенного родителя. Вскоре отец умер от целого букета тропических болезней. Но это не послужило мне должным уроком и, в своё время, я «заболел» Индией, её неповторимой романтикой. И вот уже несколько лет я здесь, господа. Пока мне романтики хватило и в «цивилизованной Индии», и без этой дикой окраины.

- Примерно то же было в молодости и со мной, - улыбнулся Джеймс Брайдон, - Оказавшись в Индии, я не желал служить ни в Калькутте, ни в Бомбее, ни даже в Мадрасе, а лишь в её самых отдалённых и малоизученных княжествах. Так и облазил все горы на севере от Гималаев до Гиндукуша.

- А Вы знаете, майор, что не менее дикие и загадочные места сохранились на юге? – вставил своё слово обычно немногословный Бэрроуз.

- Да, есть там ещё лесистые горы Ориссы, Гхаты, протянувшиеся вдоль Малабарского берега, с массивом Нилгири... Хватит на наш век.

- Именно так, майор и сэр Реджинальд, - продолжил капрал, словно остальные и вовсе не сидели у костра, - И там побывал один мой знакомый лейтенант. Всё размышляю: а может и вправду всё бросить и податься в те края? Тяну лям-

ку годами, а там сокровища лежат...

- А что там такого нашёл Ваш приятель? – спросил Брайдон, - Честно говоря, отношусь ко всем рассказам в духе «Книги джунглей» весьма скептически.

- Этот тогда ещё очень молодой человек мечтал отыскать в джунглях затерянный город с сокровищами и, оказавшись в Индии с оказией юнгой на торговом судне, бежал. За свою ловкость в обращении с лошадьми был нанят в научную экспедицию в нагорья Ориссы, куда ещё не попадали в ту пору англичане. Были там вместе с учёными и проповедники нашей веры. Каких только дикарей не повстречали они там!

- Учёных руководителей интересовали новые виды флоры и фауны, а также быт диких горных племён, сохранивших свои традиции, а миссионера при экспедиции – возможность насаждения христианства на благодатной почве, ещё «не испорченной индуизмом», - усмехнулся Джеймс.

- Так вот, будущий лейтенант побывал вместе с экспедицией на руинах храма бога Шивы в очень трудно достигаемом месте – долине, куда они попали, спустившись по крутым бурым скалам с помощью верёвок, а багаж с лошадьми оставили ждать сверху. Несколько дней продирались сквозь джунгли этой долины и поняли, что иных, более удобных путей в неё нет, а выход лишь один, обрывающийся водопадом ещё ниже – на уровне равнин под плато.

- У альпинистов такое называется «висячая долина», - небрежным тоном пояснил Брайдон.

- И несколько водопадов падало в их долину с вершины плато, - продолжил капрал, - Неожиданно они наткнулись на заброшенный храм, полный летучих мышей. Впрочем, он не был заброшен полностью: к нему вела тропинка, по которой кто-то недавно проходил и на жертвеннике лежал довольно свежий прасад¹⁶⁴. Учёные не придали этому особого значения и бросились фотографировать ещё со старым очень тяжёлым снаряжением, а кто и зарисовывать всё подряд по старинке. Предоставленный себе молодой человек с удовольствием лазил по живописным развалинам полным каменных идолов. В силу своей проворности ему удалось обнаружить то, что так и не заметили более осторожные и неповоротливые начальники. Мой знакомый проник глубоко в подземелье, где с помощью факела наткнулся на тайник с божками и прочими причиндалами из серебра и золота. Одним словом, вполне хватило бы на безбедную жизнь. Парень уже познал тяготы существования и не стремился сразу же посвящать в тайну находки своих сытых начальников, а напротив – забросал узкую лазейку вглубь камнями и пылью. Когда он поднялся на свет Божий, оказалось, что руководителей экспедиции окружили очень темнокожие обитатели Ориссы – служители культа Шивы, человек десять. Судя по всему, их нисколько не раздражало присутствие чужеземцев в храме, и они даже предлагали непрошеным гостям сочные спелые плоды, принесённые с собой. Будущий лейтенант имперской

¹⁶⁴ Пища, приносимая божествам в ходе индуистской церемонии пуджа.

армии предпочёл остаться наблюдателем со стороны, почему-то насторожившись столь странному гостеприимству туземцев. Он засел незамеченным в зарослях под стеной у прохода в подземелье, в тени раскидистой дуплистой священной смоковницы¹⁶⁵, благодаря чему он и жив до сих пор. Вскоре служители культа пригласили пришельцев в помещение, где они начали возжигать благовония и петь гимны. Появился старик с длиннющей бородой, закутанный в грязно-жёлтую ткань, который звонил в бронзовый колокольчик и голосил о чём-то на санскрите. Что поразило моего приятеля больше всего – откуда взялась вся эта толпа, да ещё столь почтенные старцы, когда в дикую заросшую долину можно было попасть далеко не самым простым способом? Потом старец заиграл на свирели, сделанной, как показалось парню, из человеческой берцовой кости.

- Это отнюдь не исключено, - вставил майор, услышав снисходительный смешок баронета, - если тот самый старик был жрецом тантры. *В некоторых крайних сектах тантристов приносятся человеческие жертвы, хотя это скорее исключение, как и оргии.*

- Слышал я, что разврат довольно частое явление в некоторых учениях индуизма, - нерешительно заметил капрал.

- *В тантре, насколько мне известно, кульминационной частью обрядов может быть соитие. Но это отнюдь не просто свальный грех, к которому скатываются некоторые*

¹⁶⁵ Имеется в виду фикус или баньян - важное культовое дерево.

- Мне думается, что подобного рода духовные упражнения полезнее для духовного развития, нежели потребительское отношение к Богу: зайти между делом в храм и чуть ли не потребовать от Бога определённых себе благ, что делает большинство приземлённых существ любого вероисповедания, - заметил Пёрсивал.

- С Вами бы согласилась буквально вся нынешняя богема Санкт-Петербурга, баронет, - усмехнулся Блудов, ковыряя палкой в углях костра.

- Не знаю кем был тот старец, - вздохнул Бэрроуз, - но умудрился он усыпить каким-то снадобьем всю простодушную учёную братию. Когда мой приятель сообразил, что все они там, внутри, забылись тяжёлым сном, он незаметно исчез в лесу и помчался к верёвкам, которые должны были быть спущенными вниз в том самом месте. Найти путь за-светло по свежему следу было не трудно, но верёвок там не оказалось. Каким-то чудом он наткнулся на лазейку среди неприступной скальной стены, которой пользовались, очевидно, все те туземцы. По трещине в скалах была местами

¹⁶⁶ Поклонники Шакти (экстремальное направление в культе Шивы), например, приносили человеческие и животные жертвы, едят мясо, употребляют алкоголь и стремятся достичь просветления в оргиях, или по меньшей мере в совокуплении с храмовыми танцовщицами девадаси. Цель – способность к молитве в момент подобных эксцессов, что якобы является высшей стадией духовного развития. Духовная практика, тантра, считается кратчайшим, но опасным путём к просветлению. Цель индуистской тантры – тренировка воли, а буддистской – обнаружение своей естественной мудрости.

выложена каменная лестница со всеми удобствами. Парень поспешил к тому месту, где их обещали ждать носильщики с лошадьми под присмотром единственного британского солдата, выданного экспедиции, но там никого не было. Также и никаких следов борьбы. Более того, он никак не сумел обнаружить след лошадей, ведущий прочь от обрыва! Парень долго шёл по знакомым следам их лошадей, которые вели к обрыву в долину и, таким образом, достиг обитаемых мест, где поклонники Вишну отнеслись к нему вполне снисходительно. После таких рассказов не больно-то верю я в миролюбие поклонников мрачного Шивы.

- Если так судить, то можно ли говорить о миролюбии европейцев-христиан, развязавших эту жуткую бойню? – тихо спросил Джеймс.

- Уж мы-то её не развязывали, майор, - вмешался баронет, - А немцев с русскими не следует смешивать с британцами, как и некорректно сравнение индусов и их колонизаторов. Нам необходимо жизненное пространство. Мы создали великую, оснащённую лучшей техникой, цивилизацию. Что же поделаться, если на наших островах оказалось так мало места, а у тех же индусов его с избытком? Мы несём всем им прощение. *Британское владычество наложило запрет на варварский обычай самосжигания индуистских вдов. Не забывают об этом! Притом умершего мужчину с общественным положением сжигают на костре из сандалового дерева, а на женщину идёт коровий навоз. Есть задумка положить*

конец и кастам. Согласитесь, что касты растаптывают всякое человеческое достоинство.

- Сжигание вдов вместе с трупом мужа, конечно, дикость. Но если вдова с любовником проматывают накопленное мужем состояние, согласитесь – свинство, - заметил майор.

- Мне было бы уже всё равно, что сандаловое, что палисандровое, что дерьмо. Может быть от того в нынешней Индии и грядёт перенаселённость, что запретили? - посмеялся Блутов.

- А наше владычество – горстки вооружённых иноземцев над миллионами – не унижение их достоинства? – Джеймс пристально посмотрел в глаза баронету, и тот ушёл от ответа.

- Приходилось мне общаться с их монашествующими – саду¹⁶⁷, - заговорил вновь Калёб, - Оказывается они бродят по местам, где сжигают трупы вместе с шакалами, посылают головы пеплом от сожжённых трупов, усаживают на головы змей. Иные бродят и вовсе голыми. Говорят, они жрут падаль.

- Капрал, Вы нам вновь приводите примеры крайних сект. Это не типично для саду, - спокойно возразил Брайдон, - *Прежде всего они - йогины, стремящиеся отречься от ма-*

¹⁶⁷ «Саду», как произносят индийцы, или в русской транскрипции «садху» (подразумевается «добродетельный человек», но происходит от санскритского «достичь цель»), выбравшие монашеский образ жизни для достижения духовного совершенства. Их также называют саньяси и свами, а в простом народе – бабу и бабаджи. Отрекающиеся от мира затворники – бхикшу, а отшельники на природе –архаты.

териальных благ, в отличие от нас. Их уместно сравнить с христианскими монахами – отшельниками, столпниками. Отрешение от всего мирского идёт годами и поначалу под руководством учителя. Инициация происходит в духе присутствия как бы на собственных похоронах.

- Это подобно принятию Великой схимы в православии,
- вставил Александр.

- Кто живёт потом одиночкой, кто полным отшельниками, а иные – общинами. Чаще бродяжничают, собираются. Для верующих честь накормить такого бездельника в нашем понимании, - добавил капрал.

- Ну так недолго и католических монахов тунеядцами обозвать.

- Иные курят гашиш и прочую пакость, чтобы впасть в транс.

- Часть саду практикует йогу и чаще, чем курение.

- Пусть не все, но трупы жрут! – вскипел капрал.

- Милейший капрал, это опять лишь немногочисленная секта людей-агора, давших обет Шиве питаться падалью. Под покровом ночи собираются эти люди, увешанные скелетами змей, у погребальных костров. Видел это своими глазами. Но едят ли они остатки трупов, кстати неплохо пропечённые, кто может знать? Близко к себе они никого не подпускают и о таком не распространяются. Слухи? Говорят, что посвящение в секту знаменуется поеданием собственного дерьма, а затем идохлых собак и ворон, считаю-

*щихся животными нечистыми, к которым представители высших каст ни за что не прикоснутся*¹⁶⁸.

- Можно провести даже параллель со святым причащением кровью и плотью Христовой, - глумливо произнёс Блудов и поймал неприязненный взгляд капрала, а возможно, и майора.

- Уверен, что агора попадают и в толпах Бенареса, - встал вдруг баронет, - Утверждают, что агора ни за что не стнут есть труп грешника.

- Не исключаю, - добавил Брайдон, - Вы, капрал, расторожили мои воспоминания своими байками. Был и в моей жизни случай, когда довелось попасть далеко на юг в самую глубинку. Вызвался я во время своего отпуска разнюхать о малоизвестных районах юга. Молод был и ретив. Начальство, естественно, одобрило и даже подкинуло средств на дорогу и прикрепило мне пару сипаев в качестве охраны. По пути столкнулись мы с проходящим странником, вроде как саду, который обратился к нам за милостыней. Мы дали ему воды и пищи, но один из сипаев был странно груб с прохожим. Старик поблагодарил и на сносном английском спросил куда мы путь держим. Я ответил, что к Синим Горам, после чего его лицо болезненно исказилось и он стал уговаривать нас не ходить туда, мол, добром не закончится.

¹⁶⁸ Агора уверяют, что в природе нет ничего неестественного и всякое действие невозможно без воли Шивы. Они поступают наперекор общепринятым законам общества и убеждены, что их образ жизни и поступки благословил сам Шива.

Мы посмеялись и отправились дальше. Будучи ещё неопытным, проделал я долгий день в английском скаковом седле, а к вечеру, в условиях такой жары, у коня моего на спине обнаружилась язва.

- Говорят, что истинный воин должен иметь сиденьем только потник коня, - с ехидцей усмехнулся Блутов.

- Много чего говорят. Особенно в России – стране прирождённых наездников. Так вот, пришлось нам обратиться к туземцам за ветеринарной помощью. На следующий день скакун мой пал от заражения крови. Запасная лошадь неожиданно тоже заболела. Чувствующий вину знахарь предложил в замену своего слона – всё, что у него имелось. Пришлось водрузиться на хоудах¹⁶⁹. Благо, один из моих сипаев в молодости был махоутом¹⁷⁰. Укачивало слегка на слоне с непривычки – уж больно шатает, но привык через день, другой. Добрались мы до последнего крупного посёлка на пересечении караванных путей. Там был какой-то праздник и, в ходе шествия с песнопением, нам поведали, что в носилках лежит «священная девочка-медиум, которая никогда не просыпается». Уверяли, что она не больна, а полна жизненной силы. Индия непостижима европейскому рассудку – страна загадок... Вечером одного из наших сипаев мы нашли в притоне, обкурившимся опиумом, того самого, что управлял слоном. Оказалось, что парень перебрал и к утру помер.

¹⁶⁹ Помост-седло на спине ездового слона (хинди).

¹⁷⁰ Погонщик слона (хинди).

Не все выдерживают чёрное курево. Иной может годами протянуть, а наш молодой вояка - так сразу... Места становились всё глуше, а когда тропы и вовсе прекратились, неопытный в ремесле махоута сипай слетел со спины слона на ухабе и перебил позвоночник. К утру я его похоронил по-христиански, то бишь зарыл, не сжёг. Одному было как-то боязно идти дальше, со слонами обращаться я вовсе не умел, был бы хоть конь. Тут я приметил с холма вдали что-то странное тёмное, немного возвышающееся над зарослями вроде саванны. Скала, не скала? Добрёл пару миль до странной пустоши и обнаружил изваяние слона из серого камня, ну знаете – Ганеши, расхожего их божка, покровителя торговли и учёности. Но был тот идол просто нездоровых размеров, чудовищных. Грузный гигант с жирным брюхом возвышался надо мной на добрые сорок футов и глазел на меня с глумливой усмешкой. Стало не по себе. Повернул назад. Глупый слон сбился с нашей тропки и угодил в охотничью ловушку на крупную дичь. Одним словом, я оказался в глубокой яме на спине издыхающего слона с брюхом, пронзённым острым колом. С трудом выбравшись из отвесной глиняной ямы, я долго плутал, прежде, чем нашёл путь назад и доплёлся до очередного селения на последнем издыхании от голода, а главное – жажды, был сухой сезон и ручьи пересохли. Более того, совсем близко к посёлку на тропу вышел тигр в считанных футах от меня. Мы встретились глазами, и я понял, что не успею снять из-за спины винтовку и взвести затвор. Рука потяну-

лась к револьверу, слабому помощнику против прыгающего тигра, а сам продолжаю смотреть в его глаза, приговаривая: «Ты всего лишь кот, только очень большой». Вдруг он отвёл взгляд и ушёл прочь.

- Может просто был сыт? – улыбнулся Блудов, - Или обиделся за «кота»?

- Не исключаю. Не оставалось у меня ни денег, ни снаряжения. Вынужден был подчиниться обстоятельствам, или проклятию того старца, а то и «стража-Ганеши». Слышал, что саду иной раз бывают вовсе не святые, а оборотни. Доплёлся до крупного селения Бхаганат, где встретили меня взглядами исподлобья, но почтенные старейшины, говорящие слегка по-английски, созвали народ на панчайат – туземный сельский суд, а их глава, патвари, вынес решение собрать средства и проводить меня до города.

- Так и не побывали в тех Синих Горах? – спросили капрал с баронетом в один голос.

- Не довелось. Те самые Нилгири манят меня, признаться, до сих пор...

Гомпа Басго более напоминала замок нежели монастырь, поскольку имела вокруг несколько крупных сторожевых башен, явно доминирующих над всеми строениями. Гнездящиеся на скалах причудливые ни на что не похожие сооружения из бурого камня удивительно сливались со скальным пейзажем. Последние мили до Ле отряд проделал вместе с кара-

ваном купцов, возвращающихся в Яркенд из Кашмира. Кашгарские мусульмане распродали остатки товара в Каргиле и шли, гружёнными местным товаром не меньше, чем до того своим. Скорость людей Брайдона была намного выше, но майор решил порасспросить купцов о том, что можно ожидать впереди. Начальник каравана неплохо говорил по-английски, что было в диковинку в этих краях.

- Далеко путь держите, сэр? – обратился к майору этот ещё молодой человек с красивым, гордым, бронзовым от загара лицом.

- Не очень. Нам предстоит осмотреть приграничные районы. А ещё повидать *британского представителя в Ле, так называемого «британского объединённого комиссара»*.

- *В Ле сидит один единственный англичанин на весь Ладак*, - рассмеялся купец, обнажая белоснежные на фоне терракотового лица зубы.

- Не покажете ли нам, где именно его найти?

- С удовольствием, сэр. Собственно говоря, Ладак пребывает в вассальной зависимости от Кашмира. Фактически им управляет кашмирский губернатор, имеющий резиденцию в Ле. Это человек кашмирского магараджи. Его дом побогаче, чем у объединённого комиссара...

- Распустили их тут, - тихо проворчал баронет.

- В Ле есть ещё несколько человек из Европы, сэр, - продолжил словоохотливый купец, смахивающий на афганца, - *несколько миссионеров из германской моравской церкви.*

Последнее время они стали очень нервными и подумывают убраться отсюда подальше. Немцы издавали маленькую газету, единственную выходящую здесь на тибетском языке, но комиссар с прошлого года запретил её.

- Это неумудрено, - нахмурился Брайдон, - ведь в Европе война, которую затеяли немцы с русскими. Интересно, а работает ли в Ле телеграф? Там должен быть телеграф. Это наш шанс узнать о европейской войне.

- Не знаю о телеграфе, сэр. *Но англичане – молодцы. Они употребляют все усилия, чтобы привлечь караваны из Яркенда и Хотана в Кашимир, чтобы усилить вывоз своих товаров в Восточный Туркестан и отбить тамошний рынок от засилья русских товаров.*

- А не опасно с дорогим товаром там, на границе? – как бы невзначай спросил майор.

- Разбойников хватает, но ещё больше их к северу от долины Хунзы. Перевалы от Ладака спокойнее, - ответил улыбающийся купец, - Нас много и мы вооружены неплохо. К тому же, мы как бы свои – мусульмане. А разбойники в тех краях тоже исповедуют ислам. Мы всегда найдём общий язык с ними, а вот вам, не советовал бы пересекать границу Ладака на север.

- Если нам придёт приказ пересечь границу, мы бы не прочь присоединиться вновь к вашему каравану, - попробовал улыбнуться Брайдон, - если не возражаете, конечно.

- Что Вы, сэр, - расплылся в улыбке хитрый купец, - Ми-

лости просим.

К вечеру вдали показалось крупное сооружение вроде башни, господствующее над огромным монолитным зданием на пологом склоне, под которым ступенями раскинулся городок с плосковерхими крышами.

- Ле, Ле! – слышалось в рядах яркендских торговцев.

- В этом месте мусульмане себя чувствуют не слишком уютно, - сказал начальник каравана, - Ле подчиняется столице всего Тибета, Лхасе, и город наполнен ламами. Но для нас имеется мечеть и на том спасибо.

По совету любезного купца Хайруллы отряд Брайдона заночевал во дворе хонако – странноприимного дома для мусульманских торговцев. Хайрулла настоял на такой возможности для своих гостей вопреки нежеланию хозяина дать кров неверным. Все путники очень опасались блох, но приют оказался на удивление чистым и даже отхожее место - маленькая комнатка с прямоугольным отверстием в полу, рядом с которым лежала куча песка и лопата.

Наутро майор отправился на аудиенцию к комиссару, а остальные разбрелись по базарчикам в поисках свежих вкусных пшеничных лепёшек и сладчайшего сушёного абрикоса. Любопытный Блудов не преминул взобраться на скалу, с гнездящимся на ней монастырём, чтобы полюбоваться городом сверху. Ему пришлось пересечь мрачный, *отрезанный от города, район парий, где издавна проживали кузнецы.*

Их ремесло почиталось у буддистов нечистым, поскольку они ковали в числе прочего и орудия убийства. Размеры бывшего королевского дворца, лежащего по пути к монастырю со сторожевой башней, поражали воображение. Массивное здание из дикого камня с узкими окнами, прилепленное к склону, имело более десяти этажей¹⁷¹. Вдоль тропы, выходящей кверху, стояли вереницы чортенов. Наиболее крупные из них представляли собой надвратные башни и можно было проходить сквозь проход, проделанный под ними. Потолки над проходами были расписаны мандала - концентрическими мирами вокруг знакомого нам мира, символизирующими упорядоченность Вселенной. Стратегически место дворца было выбрано с большим чувством и позволяло обозревать всю широкую долину Инда. Твердыня над дворцом в былые времена была и вовсе неприступна. Да и сейчас, войска, забравшиеся в такой отрезанный от всего мира район, вряд ли бы довели сюда осадные орудия. В крошечном монастыре наверху оказался единственный лама почтенных лет, который улыбнулся вошедшему и указал рукой на покрытые пылью статуэтки будд, ужасные маски демонов, столь почитаемых в Гималаях, книги и свитки пергамента, сваленные в кажущемся беспорядке. Казалось, что лама был рад показать свои сокровища первому встречному, но при этом был безразличен к тому произвело ли всё это впечатление на посетителя. Блюдов попытался что-то понять, разглядывая книги,

¹⁷¹ Знаменитый дворец Потала в Лхасе имеет до двадцати этажей.

но там всё было на, условно говоря, «церковно-тибетском». Обозрев окружающие горы сверху и раскланявшись с ламой, Блудов спустился назад к дворцу и попытался приоткрыть дверь, ведущую внутрь. Массивная деревянная, окованная бронзовыми пластинами, дверь оказалась запертой на пружинный замок, выполненный в виде чортена. Никого вокруг не было. Александр недолго поковырялся в замке, разочаровался в его доступности и пошёл вниз.

Майор Брайдон возвращался от комиссара весьма раздражённый манерой поведения последнего. «Такие типы, засиживающиеся на отдалённых постах, становятся неисправимыми философами и никчёмными военными» - размышлял майор - «Что полезного он мне поведал за добрую пару часов беседы? Ни-че-го! Зато подвёл достойное заключение, мол, на Востоке господствует чувство, в то время, как на Западе властвует мысль. Затем, дал понять, что аудиенция закончена. Бездельник!» Проходя через базар, майор наткнулся на мечтательно настроенного лейтенанта Спенсера, поглощающего лепёшки с крепким чаем и сушёными фруктами.

- И как там на границе, майор? – поинтересовался баронет.

- Комиссар не имеет об этом ни малейшего представления, лейтенант, - ответил Брайдон с заметным раздражением, - Зато теперь я знаю о том, что *по договору в Шимле 1914 года мы обязались не захватывать Тибет и не позволять*

сделать это китайцам. Впечатляет? Со времён Дизраэли британская внешняя политика непозволительно размягчала.

- Нет слов! И всё это в угоду русским, - отозвался Пёрсивал.

- Но китайская сторона так и не подписала сей договор, а мы так и не вступились за Тибет в ходе его пограничных стычек с китайцами.

- Но тибетцы, похоже, уже не ищут защиты у России. Наверное, разочаровались в её могуществе после Порт-Артура. Уже не так плохо, - заметил баронет.

- Всё это так, но Далай-лама начал искать помощи у японцев. Владыку Тибета теперь интересуют реформы в Японии, которые могли бы стать образцом для Тибета. Оказывается, в Лхасу прибыл японский офицер, который уже обучает тибетские войска. Он стал военным советником по обороне от китайской экспансии¹⁷². Вот так-то! Вместо британского офицера!

- Какой позор! Как мы могли допустить такое?

- Что же, надо ещё радоваться, что это не русский офицер. А до Русско-японской войны всё шло именно к тому.

- Но скоро вместо русской угрозы станет реальной угроза «жёлтая», с которой уже давно носится наш «друг» кайзер.

- Кто знает, возможно, что наши капиталовложения по

¹⁷² В 1919 году японские войска увязли в подавлении движения за независимость Кореи, в 1920-е интересы Японии переключились на Маньчжурию и Монголию. Последний японец покинул Тибет в 1923 году, когда великое землетрясение разрушило Токио и Йокогаму.

превращению японцев в «пруссаков Востока» выйдут когда-нибудь нам боком. А пока следует добить пруссаков настоящих. И без помощи русских нам не обойтись, - заключил майор.

Хозяйственный капрал Бэрроуз в это время организовал поход за пополнением припасов вместе с гуркхами, дардом и шотландцем, то есть со всеми, кто вынужден был слушаться его приказаний. Буквально каждый дом в Ле имел свой огород, на котором выращивают огромный редис, лук, огурцы и картофель, завезённый британцами уже давно. Не надо было и на базар идти. Закупка была произведена рядом с приютом и, когда офицеры вернулись, мешки с аккуратно разложенными припасами были уже готовы для укладывания на спины мулов. На рынке прикупили только пшеничную муку для лепёшек, которые виртуозно пёк проводник, а также ячменную для цзамбы, которую в невероятных количествах поедали гуркхи. Англичане брезгали этими катышками из сырой лишь слегка прокалённой муки. Майор похвалил капрала за рвение и заметил, что на базаре картошки почти не видно.

- *В Ладаке её не одобряют, считая, что картошка охлаждает тело и накапливает болезни,* - заметил, бесшумно подошедший к ним, Хайрулла.

- Полагаю, что всё это не более, чем предрассудки, любезный, - вяло ответил майор.

- Я узнал, как следует добираться до монастыря Хемис,

господа, - раздался бодрый голос Блудова, - Надеюсь, что вы тоже заинтересованы поискать там манускрипты о возможном пребывании в нём Христа, господа.

- Покажите мне эту гомпу на карте, штабс-ротмистр, - сказал Брайдон.

- Прошу, господин майор, - улыбнулся русский, - Теперь я уверен в его местонахождении на карте. Мне всё начертил на песке один смышлёный малый на рынке.

- Ну, ну... Смышлёный...

- Этот монастырь лежит напротив нашего поворота от Инда на север, сэр, - ткнул пальцем в карту Александр.

- Ну и «предместья Ле»! Сочинял этот ваш еврей всё. Видать и не был он там вовсе. Но Вы меня заинтриговали, Блудов. Мы заедем в этот чёртов Хемис. Пусть даже нам придётся сделать небольшую петлю, - щёлкнул пальцами Джеймс.

- Нотович тут явно описался... До этого «предместья» ещё день пути...

- С таким же успехом он наврал и о свидетельстве пребывания там Господа нашего, - с раздражением вставил Пёрсивал, - С какой стати Христу понадобилось ломиться в такую даль через пустыни?

«А ты, Перси, жалкий сноб» - подумал Блудов.

- Ладно. Теперь мы недалеко и, если не заедем туда, каждый из нас по-своему о том когда-нибудь пожалеет, - подвёл итог Джеймс.

Было раннее утро, когда караван покинул Ле и лишь к вечеру, под мрачными зубчатыми скалами, вдали показались стены гомпы Хемис. По пути они видели два громадных монастыря и один небольшой, но не остановились нигде, проделав порядка двадцати пяти миль почти без остановок. Тропа была широкая и единственным препятствием послужил шаткий мост под конец, вид которого заметно охладил энтузиазм Блудова по поводу заезда в Хемис: «Чёрт подери, ах, если бы я знал!» Но отступать было поздно: на суровом лице Брайдона была написана решимость пересечь Инд в очередной раз. Было решено заночевать не доходя до гомпы, чтобы не быть в темноте поселенными в комнатку полную блох. Наутро гостей впустили в монастырь и даже согласились показать им заветную библиотеку. Караван яркендцев не собирався заходить в «нечестивое капище», и Хайрулла обещал подождать один день в посёлке, что был за мостом у поворота на север: вычным животным следовало отдохнуть перед тяжёлым подъёмом. Напротив офицеров сидел лама-библиотекарь, который пытался ответить на вопросы через толмача.

- Вы, христиане, в каком-то смысле близки по вере к нам, буддистам, - медленно изрекал библиотекарь, - но христиане ошибаются, создавая себе иного Далай-ламу, в то время, как лишь истинный Далай-лама обладает божественным даром созерцать величие Будды.

- Всё это так, почтенный лама, но мне кажется, что каждый народ имеет право на свой философский взгляд, - гово-

рил Брайдон.

- Мы молимся нашему Сыну Божьему и большего нам не нужно, - вставил Бэрроуз.

- Не о Нём я, - продолжил лама, - И мы почитаем того, кого вы считаете Сыном Божиим. Дух Будды, искра великого учения есть в вашем Иссе, - было похоже, что переводчик испытывает неимоверные затруднения, не обладая достаточными философскими познаниями.

- Так, о ком же тогда, почтенный лама?

- Заблуждение ваше коренится в признании того земного Далай-ламы, коего вы величаете «Отцом Церкви», - произнёс лама.

Тут всем присутствующим, за исключением разве что простодушного капрала, стало ясным, что лама имеет в виду папу римского.

- Но мы, британцы, не относимся к почитателям этого «Отца Церкви», а напротив, осуждаем его культ, - оживился Спенсер Рэтклифф.

- Это хорошо, господа англичане, - доброжелательно закивал головой лама, - Получается, что Исса, сын Будды, распространял вашу религию по всей земле, а «Отец Церкви» присвоил себе часть его заслуг?

- Более, или менее так, почтенный лама, - улыбнулся Брайдон.

- Исса - великий пророк, один из важнейших после двадцати двух Будд. Он просветил вас, позволил каждому раз-

личать добро и зло.

- Вы знаете о Нём по изложенному на бумаге, почтенный библиотекарь? – напряжённым тоном спросил Блутов, копавшийся в несметном количестве горизонтально вытянутых бумаг, собранных в подшивки между двумя дощечками, или кусками кожи, - Вы сами читали о Нём в стенах этой гомпы?

- Читал и не только здесь, - последовал настороженный ответ.

- Но здесь, в этих томах, есть о Нём? – обречённым тоном спросил Блутов.

- И здесь есть, но найти сейчас будет непросто: книг очень много. В этом помещении лежат ещё не все...

- У нас всего один день – сегодня. Вы поможете нам прочитать упоминания о Его посещении гомпы Хемис? – не унимался Блутов, - Здесь уже был один человек, который якобы сумел найти текст, написанный не по-тибетски, а доступнее ему – на европейском языке.

- Я не ведаю иных языков, - сказал лама, - и помочь не смогу, - Вам лучше поехать в Лхасу, где таких записей ещё больше. Хемис не богат и у нас имеется лишь очень скромная библиотека. Великие монастыри владеют тысячами книг, а мы лишь сотнями. Но прочитать все эти книги, а тем более те, что написаны на языке пали, способны лишь немногие ламы – самые учёные.

- А Вы встречали здесь путешественника, когда Вы были ещё молоды? Он тоже хотел узнать об Иссе? – спросил рас-

строенный Блудов.

- Был здесь такой путешественник, - последовал беспристрастный ответ.

- Вы могли бы описать его внешность?

Реакция ламы на такой вопрос оказалась и вовсе неясной и вопрос отпал.

- А был до того путешественника здесь ещё один европеец? – спросил тогда Блудов, желая проверить отвечавшего.

- Был, был, - прозвучал столь же неопределённый ответ, - Много-много было.

Лама продолжал с непроницаемой улыбкой покачивать головой. Блудов и Брайдон знали, что у тибетцев покачивание означает утверждение, но это не делало ответ более внятным. Всем офицерам стало ясным, что ничего больше они здесь не добьются и было решено уже к вечеру присоединиться к яркендцам, стоящим за проклятым мостом, с тем, чтобы рано утром двинуться через гомпу Чемре к перевалу, ведущему в долину реки Шьяк. Долго преследовал Блудова неотводимый взгляд ока Будды, изображённый на одной из ступ подле монастыря. От этого взгляда становилось не по себе: «Он-то всё видит. От него не утаишь мысли свои, сущность свою...»

После гомпы Чемре тропа стала заметно уже, и караван растянулся на несколько десятков метров. За высоким перевалом и в долине Шьяка стало ещё более малоллюдно и ди-

ко. Порою казалось, что тропа безнадёжно потеряна. Здесь они расстались с проводником-дардом, который повёл назад баронета, явно тому обрадовавшегося. С ними ушёл и один из гуркхов. Деревни попадались всё реже, и майор поспешил с наймом нового проводника, куда они вовсе не исчезли. Один молодой парень согласился идти до кашгарских земель, то есть – весьма неопределенного места, а по-английски он мог лишь с большим трудом связать пару слов. Хайрулла сумел уверить Брайдона, что никакой проводник им не нужен, поскольку его караван доведёт их до Кашгара по знакомой ему тропе. Несколько дней они шли до истоков Шьяка, теряющихся среди довольно пологих, но очень высоких нагорий Северо-западного Тибета. С утомительного и самого высокого их перевала, Каракорум, на котором лежал присыпанный щебнем ледник, Хайрулла с самодовольным видом указал им на весьма отдалённый и, видимо, очень высокий пирамидальный пик, выделяющийся на горизонте западнее среди прочих гигантов:

- Это Чогори – великая гора, - торжественно сказал караванщик.

- О! Так это тот самый пик Гудвина¹⁷³! – воскликнул Брайдон, перекрикнув шум пронизывающего ветра, - Эта вершина оспаривает пальму первенства в мире! Считают, что по-

¹⁷³ Пик Гудвина Аустена или Чогори, более известен в наше время, как К-2 – вторая вершина мира по высоте (8611 метров) и одна из технически самых сложных и опасных. К-2 впервые покорён был лишь в 1954 году.

корить её человечеству не дано. Имелось две неудачных попытки.

- Эта гора не подвластна человеку. Её нельзя покорить, - добавил Хайрулла, - Хорошо, что мы обошли Балтистан и Хунзу. Это самые разбойничьи места.

Иссиза-голубая дымка начала затягивать великолепную панораму и стало невыносимо холодно. Путники поспешили вниз, придерживая под уздцы, скользящих на льду, лошадей. Ночь застала их в совершенно диком холодном месте под самым ледником у истоков реки Яркенд. Холод разбудил всех ещё до восхода солнца, и караван поспешил покинуть него-степриимное место. Ручей истока Яркенда хрустел от толстой корки льда, образовавшейся за ночь. Брайдон заметил, что произношение Хайруллы отличается от прочих семерых караванщиков, и спросил его об этом. Оказалось, что глава торговцев и в самом деле афганец, но живущий в Яркенде, но также и в Кашгаре. После нескольких дней утомительного продвижения вдоль долины Яркенда, Хайрулла послал свой караван напрямик в Яркенд, на северо-восток, и заявил, что ему самому необходимо попасть в Кашгар, и потому он готов помочь майору провести туда своих людей. Взаимная выгода такого предложения была очевидна и не вызвала у англичан никаких подозрений. Когда отряд приблизился к большой тропе, ведущей из Хунзы через перевал Кунджераб, остающийся слева, Хайрулла сказал:

- Посмотрите на те горы, майор. Запомните и никогда не

ходите туда. Очень не советую возвращаться этим путём, хотя он и самый короткий. Именно там, за Кунджерабом, свирепствуют банды, грабящие всех торговцев в подряд. «Кунджераб» в переводе означает что-то вроде «пойдешь – не вернёшься».

- Будем иметь в виду, Хайрулла, благодарю за совет, - ответил Брайдон, поведя усом.

После полудневного отдыха в крупном посёлке Ташкурган, с обжорством замечательным туземным яством вроде лапши с овощами и мясом – лагманом, путники проделали долгий путь под перевал. Наутро они стояли на нём и наслаждались видом на грандиозную довольно пологую вершину, увенчанную льдами¹⁷⁴, а к вечеру спустились к озеру. Весь следующий день шли вниз по ущелью между высоким массивом северного Кунь-Луня к востоку и Памиром – к западу. Хайрулла рассказывал об окружающих тропах и обронил пару слов о том, что от второго озера можно повернуть к востоку и через посёлок Коктал пройти в Российский Туркестан. Пытаясь не выдавать повышенный интерес к этому, Брайдон постарался расспросить его подробнее, как туда идти. Когда они оказались у выхода из ущелья на равнину, ведущую к Кашгару, офицеры стали прощаться с Хайруллой несколько неожиданно для него. Брайдон заявил, что им запрещено идти дальше, что их задание уже выполнено и отсюда они повернут назад. Хайрулла долго сокрушался от того,

¹⁷⁴ Пологий округлый пик Музтаг-Ата высотой 7560 метров.

что ему не удастся оказать им гостеприимство в доме у его кашгарской жены, на что майор заметил, мол, когда-нибудь они встретятся в доме у яркендской, и оба долго смеялись.

Оказавшись одни, Брайдон, Бэрроуз, Блудов, Рори и солдат-гуркх, дошли до второго неглубокого озера и резко повернули от него вправо, то есть к западу, к селению Коктал. *Долина вокруг озера была очень широкой и хорошо просматривалась даже с нижней части узкого ущелья, которое они только что оставили позади.* Если бы они внимательно посмотрели назад, то могли бы заметить одинокую фигуру, стоящую у выхода из узкого ущелья с лицом, обращённым к ним. Но расстояние было так велико, что этого человека они не могли бы узнать в любом случае. Ему же было достаточно увидеть, куда именно повернула группа англичан от озера. Ещё через пару дней путники оказались в маленьком холодном посёлке Коктал, где один из жителей сумел языком жестов показать им тропу на перевал в долину реки Кашгар, стекающую с ледяного массива на границе Памира в знойные пески Такла-Макана. Тропы становились всё хуже, а ночи всё холоднее. Со дня на день мог выпасть глубокий снег и закрыть перевалы. Майор заметно нервничал, а Рори становился всё беззаботнее. Малый привык к горам, а холод ему был ни почём. Бэрроуз оставался невозмутимым, как обычно, а в моменты раздражения майора принимал самый беззаботный вид.

- *Жив ты или умер - другой дороги нет.* Так гласит пословица горной Индии, мистер Блудов, - философствовал капрал, раздражая штабс-ротмистра своей прямолинейностью.

Когда они поднимались на перевал, зоркому глазу молчаливого гуркха показалось, что позади среди скал мелькнули какие-то фигуры и он сказал об этом майору.

- Что же, видимо, это пастухи, - отозвался Брайдон.
- Здесь уже и трава не растёт, сэр, - возразил солдат.
- Стало быть – охотники.
- Зачем же они прячутся от нас, сэр? – спросил солдат на ломанном английском.

- Ты уверен, что они прячутся?
- Да, сэр.
- Будем осторожнее. Возможно, что жители того самого посёлка надумали нас ограбить. Господа, приготовьте оружие! – скомандовал майор.

Последние очень дикие глухие переходы путники и вовсе забыли о своём оружии, казавшимся ненужным после сворачивания от большой тропы на Кашгар. Они продолжили движение вверх, поминутно оглядываясь. Неожиданно один из коней немного повредил ногу между острых камней и продвижение отряда замедлилось. Конь сильно хромал. Теперь и майор заметил, что какие-то люди заметно приблизились, поскольку их скорость стала больше. Подъём представлял собой хаос из огромных осколков скал, рассыпанных по склону и среди них было очень удобно прятаться.

Идущие позади могли продолжать передвигаться, оставаясь незаметными сверху. Последний участок оказался настолько крутым, что лошадей приходилось буквально тащить на себе. Все изрядно запыхались и утратили осторожность, оказавшись на участке, мало защищённом крупными камнями.

- Ускорьте шаг, -скомандовал Брайдон, - здесь они могут легко обстрелять нас, оставаясь под прикрытием! Блутов, не отставайте, это опасно!

Гуркх совершил рывок вверх с неимоверной скоростью, достойной сына гор, и тут же залёг за первым крупным камнем с карабином на изготовку. Это позволило ему прикрыть отставших, которые оказались в хорошо простреливаемой зоне. Первая пуля противника без толку звякает о скалы, но уже вторая валит лошадь майора, сразив её наповал.

- Проклятие, у них нарезное оружие и они неплохо им пользуются! – сокрушается майор, залегая за слишком низким камнем, - Не стойте, чёрт возьми, надо залечь! Винтовки к бою!

Гуркх немного сдерживает пальбу противника своими ловкими выстрелами, но кони по-прежнему остаются прекрасной мишенью. Скаун Бэрроуза падает, как подкошенный.

- Очень странно, что эти разбойники не надеются завладеть нашими лошадьми, которые здесь в большой цене, - ворчит капрал.

Брайдон и Бэрроуз пытаются вынудить преследователей

прятаться от их выстрелов и оставить оставшихся лошадей в покое. Перестрелка затягивается.

- Не менее загадочно, что полудикие разбойники имеют такой запас патронов к вполне современным винтовкам, - удивлялся майор, - Я бы скорее подумал, что это казаки спустились с Памира...

Майор потянулся за излюбленным «манлихером» с линзой. Он пытался разглядеть лица стрелков в оптический прицел, но это было непросто. Противник не засиживался и всё время перемещался всё ближе, норовя обойти их с двух сторон по краю крутой лощины, усеянному огромными камнями. Казалось, что их не более семи-восьми человек. Наконец, Джеймсу удалось увидеть физиономию одного из преследователей: то был явный местный мусульманин, а не казак в униформе. «Тем не понятнее» - подумал майор. Когда Брайдон поймал того же типа в прицел очередной раз, он вовремя нажал собачку и человек повалился, закрыв голову руками. Больше никому не удалось обезвредить ни единого противника, но и в их рядах никто не был даже задет пулей. Зато из их лошадей уцелел лишь конь гуркха, вовремя припрятанный за скалой. Перестрелка затянулась.

- Уже время обеда, сэр, - спокойно заметил капрал, - Что будем делать?

- Перекусывать карманными сухарями, капрал, - ответил майор.

- Скоро мы заметно облегчим поклажу растратой патро-

нов. Они весят немало, сэр.

- Это мало изменит наше положение с одним оставшимся конём. Надо подумать, что из вещей нам действительно необходимо тащить на себе в заплечных мешках. Только мешки маловаты... Как туда впихнуть одеяла?

- С десяток-другой фунтов на каждого позволит нам передвигаться достаточно быстро, сэр. Но не более того. Это означает только оружие, патроны, еду и тёплые вещи.

- К сожалению это так, капрал. Ничего, выживем и без палатки.

- Бывало и хуже, сэр.

- Вне сомнений, капрал, - с этими словами оптический прицел позволил майору ранить в плечо ещё одного человека в чалме.

Превосходство противника в искусстве стрельбы вынудило нападавших отступить. Отряд воспользовался увеличением расстояния до врага, и все бросились вверх к гуркху под защиту скал, захватив самые необходимые личные вещи. Каждый из них сознавал, что важнее всего тёплая одежда - даже важнее пищи, которую как-то можно было найти. За надёжным прикрытием скал все пятеро повели прицельный огонь и вынудили неприятеля спрятаться ещё ниже. Затем отряд совершил ускоренный марш до седловины перевала с предельной скоростью вплоть до бешеного сердцебиения, погрузив на этом участке все мешки на единственного коня. На открытой ветрам седловине было страшно холодно, но

пришлось залечь от редких шальных пуль и начать отстреливаться пока пальцы ещё способны были гнуться на морозе, чтобы задержать продвижение врага. Предстоял спуск по северному склону, на котором лежал небольшой ледник, в отличие от южной стороны. Лёд не был посыпан щебнем и оказался весьма скользким. Главное, было необходимо как можно скорее преодолеть легко простреливаемый голый участок, если противник достигнет седловины, а ниже начинался такой же хаос скал, где было легко спрятаться. Гуркх и Брайдон сумели спуститься по льду достаточно ловко, Бэрроуз заметно отстал, Рори уже несколько раз падал и чуть не сломал руку, а Блутов ощутил предельный ужас от сознания неизбежного падения и не знал, что лучше – отдаться на милость преследователей, или покатиться в пропасть. Как ни умело помогали солдат с майором единственному коню, он неожиданно подскользнулся, и они уже не смогли удержать его. Несчастное животное понесло по льду, копыта его разъехались, оно упало на бок и тогда понеслось уже не управляемо прямо на острые камни. Раздалось жалкое ржание и всё было кончено. Осталось лишь добить умирающего коня. Майор подобрал мешки, отвалившиеся от поклажи на пути скольжения лошади, затем проверил всю поклажу на спине лошади и выбрал кое-какие незаменимые в пути вещи, как например – несколько последних сигар. Блутов был всё ещё слишком далеко, и майор взревел на него:

- Не позорьте лицо русской армии, мистер Блутов, дьявол

Вас побори! Из-за Вас нас скоро перебьют, как щенков на фоне чистого снега с прекрасным для них освещением. Мы же не сможем даже сдержать их огнём, поскольку солнце бьёт нам в глаза. Но Ваши трусливые мозги пробьют раньше всех!

- У меня скользкая обувь, майор. Выбирайте выражения, любезный, - огрызнулся Блудов.

- Смазливое самовлюблённое ничтожество, - буркнул про себя майор.

Эхо бесцеремонно разносило каждое слово на мили.

- Быстрее, ещё минута и они будут на седловине! Каналья! – рыкнул капрал, - А ты, Рори, позоришь честь британского мундира.

- Твой пращур Уоллес постыдился бы дать руку такому шотландцу. Бегом, чёрт тебя подери неуклюжий лоулэндер! - заорал майор.

- Они погубят нас эти два мямли, - говорил капрал, подтянувшись к остальным.

- Идём к скалам. Нечего ждать этих бездельников, подвергая себя бессмысленному риску, - сказал Брайдон.

- Я бегу-у-у, - завыл Рори, ускоряя шаг, но тут же подскользнулся и оказался плашмя на льду, проехав несколько футов вниз.

- Так и продолжай дальше, на пятой точке, куриные твои мозги! – рявкнул капрал.

В этот миг наверху гулко застучали выстрелы. Пули запели совсем рядом с офицерами, и они попрятались среди

скал. Ослепительные лучи солнца не позволяли дать ответный залп, разве что палить наугад. Но патронов оставалось не так много, и майор приказал выждать. Александр и Рори подверглись значительной опасности, так как представляли прекрасные мишени на ровном светлом фоне. Лишь их дерганные хаотичные движения спасали обоих от немедленного попадания в спину. Когда шотландец, представлявший огромную мишень, был уже почти возле скал, чья-то пуля пробила ему плечо навывлет, он рухнул на лёд и докатился до скал, оставляя кровавый след. Блудову повезло больше и он сумел достаточно ловко съехать на заднице и вовремя затормозить.

- Уходим вниз! –скомандовал майор, перевязывая рану шотландца, - С таким коварным солнцем они могут очень быстро оказаться рядом с нами, а мы даже не разглядим, где они.

Солдат-гуркх уже нашёл оптимальный вариант спуска среди скальных нагромождений, и все устремились за ним. Рори продолжал терять кровь и еле поспевал за группой. Ему даже позволили опираться на карабин, но и это не помогало. С каждым шагом он слабел и начинал испытывать головокружение. Он с трудом дотянул до выхода реки из-под ледника на более пологом месте и жадно припал к воде.

- Здесь мы должны отдохнуть, а потом пройти до сумерек, Рори. Иначе они перебьют нас. Их много и патронов у них, похоже, гораздо больше, - ворчливо сказал Брайдон, - Сей-

час мы перевяжем тебя получше и пойдём. Даже, если они и бросят погоню, на такой высоте ты за ночь замёрзнешь после потери крови. Просто окоченеешь. Постарайся напрячься ещё на часок-другой. Ты парень здоровущий. Должен выдержать. Не вверх же идём.

Когда уже почти смеркалось, измученные беглецы вышли к плоскому месту, посреди которого возвышалась естественная крепость – хаотичное нагромождение огромных камней, а по обе стороны до самых стен начинающегося ущелья было ровное хорошо простреливаемое место. Со стороны противника имелся долгий открытый участок с пятнами недавно выпавшего снега, по которому трудно было бы пройти незамеченному. Среди их спасительных камней струился ручей с чистейшей водой.

- Расстилайте свои шмотки. Будем спать по-очереди, по два человека, кроме Рори. Помогите ему постелить и пусть он спит с дальней стороны, - скомандовал майор, - Перекусите, что в карманах осталось. Первым со мной дежурит мистер Блудов. Капрал сменит нас вместе с рядовым. Вы, Блудов, будете наблюдать прямо во фронт. Скоро стемнеет, но на фоне снега и при такой луне каждый из этих каналов будет замечен, как грязная свинья, забравшаяся в бальный зал с буковым паркетом. Я буду наблюдать за обоими краями долины. Требую не издавать ни малейшего шума. Пусть думают, что мы ещё дальше.

- Если они нас уже здесь не заметили, - добавил гуркх и

бросился исполнять приказ, то есть - спать.

Посреди заканчивающегося за ними ледника, торчал классический мрачный чёрный нунатак¹⁷⁵, господствующий по высоте даже над окружающими лощину с двух сторон грядами скал. Буквально на каждого беглеца этот нунатак производил какое-то гнетущее впечатление. Казалось, что это он преследует их и лишь временно застыл в плавном движении, в завершающем броске в их сторону. Рори вновь и вновь вглядывался в сторону мрачной скалы пока, наконец, не заставил себя отвернуться, перекрестившись. Тяжёлый сон ментально свалил его. Блутов был тоже словно околдован чёрной скалой и не сводил с неё глаз, поскольку она была включена в поле зрения, за которое он отвечал. Через пару часов глаза у измотанных майора со штабс-ротмистром начали слипаться и, порою, их головы тяжело падали на грудь. Сообразив, что это может плохо закончиться, Брайдон растолкал капрала с солдатом раньше времени и велел Блутову идти спать. Он наказал будить вторую смену без всяких церемоний, при первом же падении головы на грудь:

- Лучше будет, если мы сменим друг друга по несколько раз за ночь, - сказал майор.

Ближе к утру Рори проснулся от боли в плече, холода и потребности помочиться. Он проковылял несколько футов в

¹⁷⁵ Нунатак – элемент рельефа на горном леднике. Это крупная скала близкая к средней части ледника, окружённая льдом по обе стороны. Встречается довольно редко.

сторону, ниже скопления камней, где крепко спали два его товарища. Нунатак был самым зловещим образом освещён луной. Как только солдат сделал шаг за массивный обломок скалы, чёрная тень отделилась от обломка и на секунду задержалась за спиной облегчающегося шотландца. В тот же миг до чуткого уха, клюющего носом гуркха, донёлся протяжный стон. Солдат пихнул в бок капрала, приложив палец к губам. Гуркх крадучись пошёл вниз и увидел истекающего кровью Рори с рассечённым горлом. На вопросительный взгляд рядового, склонившегося над ним шотландец сумел прохрипеть, захлёбываясь кровью: «Чёрный нунатак... Это он погубил меня...» Искра жизни покинула ещё недавно могучее молодое тело добряка Рори. Суровый гуркх заметил длинный надрез по всей шее на мусульманский лад и передёрнул затвор карабина. Первой его мыслью стало срочно будить двоих спящих.

- Как вы умудрились пропустить сюда этих мерзавцев? – рассвирепел спросонок майор, - Ротозеи! Бездельники! Позволили им прибить беднягу! Луна, что солнце светит!

Через минуту все четверо оставшихся стояли плечом к плечу, ошестинившись стволами армейских карабинов в темноту. Чья-то тень скользнула у основания их импровизированной крепости, и майор первый пальнул в неё. Не выдержали нервы и у Блудова, который выстрелил повторно. Лужёные нервы капрала не поддавались таким мелочам, и он сумел заметить, что с противоположной стороны мелькнули

какие-то двуногие силуэты.

- Похоже на то, что нас окружают, сэр, - проронил он, обращаясь исключительно к майору.

- Не дали выспаться, скоты бесцеремонные, - проворчал Брайдон и было не понятно в чей адрес сделано последнее замечание.

Усталые от перегрузки и недосыпания тела охватывала дрожь от ночного холода и каждый понимал, что при таком содрогании рук он уже не стрелок. До рассвета уже никто не сомкнул глаз, вглядываясь каждый в свою сторону между скал, как меж зубцов широкой крепостной башни. Утром не было заметно ни малейших признаков жизни вокруг, и они решили, что противники всё ещё спят и достаточно далеко. Было решено наскоро закидать тело Рори камнями, прочитать молитву, и двинуться в путь. Спускались цепью. Первым шёл, как самый матёрый, гуркх, которому надлежало и предупредить нападение на случай, если они окружены, а также выискивать тропу, или её подобие. Замыкал движение майор, который часто оглядывался и старался не выпускать из рук револьвер. Так они дошли до первой скудной растительности. Ещё ниже появилось ложе реки Кашгар. Им предстояло повернуть налево, то есть – на запад, чтобы дойти до самой русской границы, лежащей в истоках реки. Там оставалось взять последний высокий перевал. Погода явно портилась и кое-где на вершинах уже засверкал свежий осенний снег.

- Только бы успеть, только бы хватило сил и запасов, - говорил майор, мрачно глядя на тучи, гонимые ветром.

- Забросить-то его успеем, а нужно ещё самим успеть назад... — глубокомысленно заметил капрал.

- Вы на удивление правы, Бэрроуз, самим пересечь тот же перевал вновь. Если ещё эти ребята не вздумают поджидать нас в засаде. Ну а потом придётся идти вниз в Кашгар и зимовать там. Скажем, что мы научная экспедиция. Другого выхода нет. Припозднились.

- Жратвы остаётся на пару дней и то впроголодь, - мрачно сказал капрал, ковыряясь в мешке в поисках следующего сухаря.

- Козла завалим, - оптимистично заметил Брайдон, - С приходом зимы они спускаются всё ниже. Только бы оторваться от погони.

- Козла ещё найти надо, а на таких харчах не больно-то оторвёшься, - проворчал Блутов, - У них поди запас посвежее.

- Если те казаки, что не так давно заняли Памир, рассуждали подобно Вам, - отозвался Брайдон, - то Памир бы сейчас был британским.

- Тем лучше бы было для народов Памира, как мне думается, - сказал Блутов.

- Не исключаю, что лучше для их весьма отдалённого будущего...

В этот миг гуркх резко присел, приглушённо крикнув «за-

сада!» Каждый вскинул карабин на изготовку и застыл, кто за камнем, а кто распластался на щебне, не имея надёжного прикрытия.

- Никого не вижу, - проговорил майор, пристально всматриваясь в хаос обломков скал после сравнительно открытого и пологого места.

- Если мы выйдем на открытое место, они нас перестреляют, как кроликов, - уверенно произнёс рядовой.

- Может быть тебе показалось? – раздражённо спросил четверть часа спустя майор, которого пробирал холод.

- Нет, сэр.

- В таком случае, я иду вперёд, - заявил Брайдон, - Нам разумнее поскорее оказаться среди тех, впереди лежащих скал.

С этими словами майор поднялся с земли и спокойно, в полный рост, зашагал к скалам. Когда он почти поравнялся с хаосом камней, пробковый шлем его был неожиданно сбит пулей, выпущенной совсем рядом. Брайдон не спеша поднял головной убор и дошёл до скальных обломков и лишь там принял удобную позицию с винтовкой на изготовку. Никого больше не тянуло следовать примеру майора, но все понимали, что остаются в очень невыгодном положении, если противник подойдёт с тыла. Решили, что гуркх будет высматривать врага с обратной стороны, а капрал со штаб-ротмистром ударят из карабинов по тому месту, откуда был произведён «неудачный» выстрел в майора. Это позволило Брайдону перебежать несколько раз вперёд и постепенно занять

ключевую возвышенную точку, откуда недавно стреляли в него самого. На этом месте майор обнаружил свежую ещё тёплую гильзу от британского армейского карабина. Создавалось впечатление, что впереди остался лишь один противник, который поспешил унести ноги, а остальные слишком отстали. Брайдон принялся просматривать все удобные для засады места в оптический прицел пока не обнаружил лёгкое движение среди отдалённых камней. В следующий миг ему удалось поймать в прицел голову противника в чалме. Майор был готов нажать на спусковой крючок, когда он рассмотрел лицо этого человека и Джеймса поразило его сходство со знакомцем Хайруллой. Нужный момент был упущен и человек исчез. «Этого не может быть! Надо было стрелять, а не любоваться его физиономией, идиот. После такой ночи на высоте и холоде с недоеданием ещё и не то покажется. В следующий раз собственную жену угляжу среди тех скал» - злился майор. Остальные подтянулись за майором и облегчённо вздохнули, оглядываясь на открытый простреливаемый участок.

- Мои соображения, - мрачновато заявил майор, - Во-первых, тянуть мы не можем из-за приближения непогоды, а точнее – зимы. Во-вторых, создаётся впечатление, что за нами никого нет, что их стало меньше: они разругались и часть повернула назад. Скорее всего мы имеем дело с последним противником, который не сумел попасть в меня с десяти шагов. В-третьих, мы изголодались и следует постараться под-

бить первого попавшегося козла или хотя бы ворона. Вывод: надо идти вперёд быстрее и не думать о том единственном противнике, что маячит ещё где-то впереди. Он должен опасаться нас, поскольку нас вчетверо больше. Есть возражения?

- Да, сэр! – невпопад ответил гуркх, не вполне владеющий языком.

Путники почти валились с ног, когда добрались до удобной стоянки у реки с хорошим обзором, но места весьма открытого. Уже смеркалось, а более защищённого уголка видно не было. Расположились на ночлег с полным безразличием к тому, что где-то неподалёку мог оказаться тот самый стрелок. Усталость брала своё. Перекусили почти последними сухарями. Осталось ещё немного муки для лепёшек, или цзамбы и чайного листа. Когда все разбрелись с целью устройства себе лежанок в защищённых от ветра местах, неожиданно застучали винтовочные выстрелы. Казалось, что этот человек стреляет исключительно в Блудова, хотя он представлял собой случайно более отдалённую мишень, чем все остальные. Отряд ответил редкими выстрелами. Расстояние было велико, но, как выяснилось, Блудова спасла лишь счастливая случайность: он споткнулся и начал падать именно в момент первого выстрела, и пуля просвистела прямо на уровне его груди. Если бы он продолжал стоять в полный рост, то был бы пробит навывлет. Оставалось удивляться тому, что тот самый тип не попал в майора с десяти шагов, но с двух

сотен и при плохом освещении ошибся лишь в силу случая. Или же оставалось двое противников. Пришлось вновь выставлять караул и не по одному, а два человека, чтобы был меньше риск засыпания на посту. Решено было сменять друг друга каждые полтора-два часа. С первыми лучами восходящего светила солдат-гуркх встал в полный рост с тем, чтобы справить нужду. В тот же миг гулко прозвучал выстрел, и он рухнул, как подкошенный. Эхо от выстрела долго катилось вдоль скальной стены и вознеслось куда-то к самому перевалу, затихнув. Все похватали оружие и залегли на своих, согретых собственным теплом лежанках, протирая глаза. Пригибаясь за низкими камнями, майор подбежал к солдату. Рядовому уже никто не мог помочь. Выстрел был произведён с большим мастерством.

- Какое странное упорство... – задумчиво произнёс Брайдон, - Этот фанатик встал затемно и ждал. Он здесь один. И это совершенно очевидно. На что он надеется? Все, что можно было у нас забрать осталось позади и досталось его сообщникам. Чего он добивается? Думает, что у нас с собой золото? Почему тогда остальные повернули? – майор с печалью взгляделся в застывшее лицо рядового, - Ба, мистер Блудов, отчего на голове убитого Ваша шляпа?

- О да, в самом деле, - подошёл Александр, пригнувшись, - Мы оба настолько устали, сонные были. Это мы спросонок обменялись головными уборами...

- Странно всё это. Впечатление, что этот тип имеет лич-

ные счёты именно с Вами и никем другим, - прищурился майор, - У нас с капралом пробковые шлемы, у рядового – кепи и только у Вас широкополая шляпа вроде панамы. Вечером он выбрал с завидным упорством именно Вас в качестве мишени, хотя ближе всех к нему был рядовой...

- Думаю, что всё это случайное совпадение, майор.

После этого печального эпизода всё пошло гладко. В тот день удалось подстрелить горного козла. Искать редкий сухой навоз диких животных стало бы неоправданной растратой сил, а иного топлива тут не было. Сырое мясо рвали зубами жадно давясь, потратив последнюю пригоршню соли, а кровавая печень придала каждому особый прилив энергии. С воскресшими силами, поредевший отряд из трёх человек за несколько дней успешно взял затяжной перевал в семнадцать тысяч футов, отделяющий Восточный Туркестан от Российской империи. В тот день снег начал запорашивать все хребты, начиная с высот намного меньших, но пока ещё не лёг глубоким слоем и мало замедлял скорость продвижения отряда. Осень выдалась поздняя. В голове Брайдона всё больше складывалась новая версия, заключающаяся в том, что оптический прицел не врал, и он увидел именно Хайруллу собственной персоной. Если это было так, то понятно поведение преследователей. Наёмники Хайруллы не желали идти дальше, заполучив снаряжение и оружие отряда, да ещё и оружие от Хайруллы, которое тот, видимо, вёз в своих тюках. Тогда за ними последовал лишь один Хайрул-

ла, который старался убить именно Блудова. Из всего этого можно было сделать малоутешительный вывод: Хайрулла – русский агент, который производил съёмку Ладака, а потом понял, что один из его отряда – русский ренегат и решил его обезвредить. Разгадка вполне логичная, хотя и неожиданная и с некоторыми натяжками. Хорошо ещё, что Хайрулла не видел поддельные документы Блудова и не знает его нового имени. Больше всего утешает то, что Хайрулла, если это был он, уверен в том, что он порешил Блудова. Ведь после этого он решил не подвергать себя дальнейшей опасности и ушёл вниз. Самый глухой, мало охраняемый и труднодоступный участок российской границы был успешно преодолён и после спуска до не заснеженного места с намёком на человеческую тропку, англичане церемонно расстались с Блудовым, пожелав ему всех благ. Они успели уйти назад пока саван глубокого ноябрьского снега не покрыл высокогорья до весны и, еле передвигая ноги от голода и усталости, спустились до Кашгара, где предстояла тоскливая зимовка. Блудов, пряча поглубже выданный документ на чужое имя и удивительно маленький новейший фотоаппарат с запасом плёнки, устремился от истоков реки Карадарьи через глухие кишлаки Ала-Кёль и Ойтал в Ферганскую долину. Надо было успеть добраться до равнин, привести себя в порядок и начать новую жизнь под именем Яков. Впрочем, имя библейское было ему даже больше по душе, чем Александр, напоминавшее «царя-мракобеса», от которого воротились все «честные» интеллигенты.

«Придётся ещё поносить эту чёртову бороду, прежде, чем смогу обрести вновь достойный цивилизованного британца вид. Но ничего, к тому времени поработаю на славу и весь мир озарит свет великой британской цивилизации. Господин Милюков станет президентом, ну а я, скажем на английский манер – вицепрезидентом. Не станет войн и воцарит покой и торжество просвещённой справедливости на земле».

11. Перемышль

«Лишь через наш холодный труп пройдут враги, чтоб быть в Париже».

Модные стихи русской эстрады военных лет

«... когда началась анафемская война и всё человеческое соскочило с людей, как чешуя с протухшей рыбы... никакой социальной совести нет, сознание связи между людьми – выдумка... каждый... стремится жить за счёт сил другого...»

М. Горький

Подъесаул Нефёд Мизинов окончил вечерние занятия с казаками, тщательно обошёл конюшни и помещения, где разместилась сотня, осмотрел, чисто ли подметён двор, сделал дневальному замечание за солому и конский помёт, лежащие в неподлежащем месте.

- Всем офицерам на северный бастион! – раздался го-

лос вестового, высившегося над бетонированным капони-ром, обрывающимся в ров, - Командир-Буран зовёт!

По бетонной потерне, связывающей бастион с казармой, уже спешили офицеры.

- *Со времён Русско-Японской наша армия скакнула далеко вперёд. Если тогда наш артиллерийский офицер уступал даже японскому, то теперь он на высоте и тягается в перестрелке и с немецкой тяжёлой, — с развевающейся на ледяном ветру бородачицей, говорил Георгий Бородин своим офицерам, стоя на могучем бастионе Перемышля, - Только тогда нам не хватало знаний, а теперь — снарядов. Мы, уральцы, тоже должны подтянуться, коли уж Высочайшим повелением нам вновь даровано иметь свою батарею при нашем полку! И мы справимся. Поднатореем и в следующем бою станем не хуже окончивших Михайловское артиллерийское! А снаряды у нас все трофейные, как и сами орудия. Все должны знать свои места на позициях крепости. Не исключено, что нам придётся теперь оборонять тот же Перемышль. Срочно связать телефонами все бастионы со внешними фортами! Эта новинка техники ещё плохо нам даётся, господа. Обратить внимание! Так я говорю, господа?*

- Так точно, Ваше Высокородие! — рявкнули в ответ пять артиллерийских глоток, - Будет сделано, Буран!

- *Сейчас у нас длительная передышка. Надобно осмотреться, продумать недостатки и поучиться у получивших специальное образование соседей. А теперь о грустном, гос-*

пода. После взятия Перемышля сплошь и рядом случается грабёж и мародёрство, господа. Мне, назначенному по указу генерала Артамонова¹⁷⁶ временным комендантом крепости, лично поручено бороться с мародёрами. Я верю твёрдо, что ни один уралец не пойдёт на такое постыдное дело. От нашего полка здесь размещены две сотни и этого должно хватить для поддержания порядка. Зная казачью природную честность, поручаю вам сурово пресекать малейшие попытки мародёрства! А теперь о наших успехах: в жаркие штурмовые деньки особо отличилась Пятая сотня уральского полка под командованием есаула Аничкина. Эта славная сотня получила от Его Превосходительства генерала Селеванова задачу охранять от охватов и обходов левый фланг западного участка блокады, где стояли части генерала Гандурина. Сотня находилась две недели под постоянным перекрёстным артиллерийским огнём без смены, удерживая участок протяжённостью более версты. Незаурядную храбрость и жертвенность, присущие уральцам, проявляли нижние чины полка, господа¹⁷⁷. Наши полковые раз-

¹⁷⁶ Комендантом всего города Перемышля были назначены генерал Артамонов, а затем – генерал Дельви́г.

¹⁷⁷ С ранней осени 1914 года уральский полк находился в составе корпуса генерала Щербачёва и был брошен в Краковском направлении, а потом участвовал в осаде крепости Перемышль, расположенной у выхода реки Сан из Карпат, поскольку дело это слишком затянулось и к крепости пришлось стягивать значительные силы. Омываемая излучиной Сана, обнесённая системой валов, бастионов и внешних фортов, крепость эта оказалась крепким орешком, особенно учитывая отсутствие осадной артиллерии у русских. Неприятельская сила была

ведчики подкрались к неприятельскому караулу, стоящему в двухстах шагах от крепости у села Даровища. Все двенадцать человек караульных застигнуты врасплох и скрываются в землянке. Старший урядник Платон Сладков первым бросается внутрь, сбивает с ног часового и получает две пули в грудь и руку. Остальные казаки врываются в землянку, берут караул в плен. За такой подвиг старший урядник Сладков награждается Георгиевским крестом второй степени! Привести сюда урядника!

И уральцы с честью боролись с мародёрством, что нашло

сосредоточена в основном на внешнем фортовом поясе, сооруженном на расстоянии от четырёх до 10 вёрст от самой крепости. Цитадель состояла из 8 оборонительных секторов в составе 15 главных и 29 вспомогательных фортов. Главные бронированные форты имели электроснабжение, лифты, вентиляторы, помпы и рефлекторы. У австрийцев было 940 орудий различного назначения и 74 тысячи снарядов к ним. Хватило бы надолго, но гарнизон крепости преимущественно состоял из ополчения, ландштурма, боевая подготовка которого не отличалась должным уровнем. Всего же в Перемышле насчитывалось до 131 тысяч человек, способных встать в строй. Было решено не штурмовать твердыню, а лишь блокировать. Позже Щербачёв решается на штурм. Генерал Туманов, находившийся с ядром бригады кавалерийской дивизии, получает задачу блокировать подступы к крепости, наблюдать за вражескими передвижениями. Он выставляет ряд застав на окружающих высотах. Услышав о предстоящем штурме и не дождавшись приказа, Туманов снимает свои заставы и, тем самым, разрывает кольцо блокады. Уральцы Бородина успевают предупредить командование о наступлении значительных сил противника, как раз со стороны участка, оголённого генералом Тумановым. Блокада тянулась долгие зимние месяцы пока в середине марта 1915 года гарнизон не капитулировал. Город был охвачен хаосом поражения, а многотысячный гарнизон ещё предстояло разоружить и эвакуировать.

отражение в приказе генерала Артамонова, столь неудачно проявившего себя на Северо-Западном фронте: «Сегодня выходит из состава гарнизона крепости Перемышль славный Первый Уральский казачий полк. Австро-венгерская твердыня сдалась на волю победителя. Орлами налетели молодцы-уральцы, во главе со своим лихим командиром полковником Бородиным, на ещё дымящиеся развалины, стремясь сохранить от огня и оградить от расхищения и гибели то, что ещё не успел погубить враг. Полковник Бородин, имея под рукой всего лишь две сотни своего полка, стал водворять порядок в городе, в котором огромный гарнизон ещё не успел сложить оружие, и был для меня незаменимым помощником и исполнителем распоряжений в должности первого коменданта крепости Перемышль. Мудро и решительно принялся он за дело водворения порядка в городе и благодаря его стараниям этот порядок в городе был создан прочным и нерушимым. Молодцы-уральцы своей сноровистостью сразу обезоружили всех пытавшихся ещё продолжать дело разрушения. С быстротой ветра, переносясь из конца в конец города, они всюду были вовремя, чтобы предотвратить беспорядок. Ныне этот полк выступает в поход добывать новой славы родному Уральскому казачеству. Пожелаем ему, во главе с лихим его отцом-командиром боевых успехов, новой славы, новых трофеев. Счастливый путь, молодцы! Подписал комендант крепости, генерал от инфантерии Артамонов».

Полк Бурана-Бородина был послан на соединение с кавалерийской дивизией знаменитого генерала Келлера. Как только новый русский гарнизон осознал, что уральские казаки, призванные следить за порядком, покинули Перемышль, дисциплина неуклонно начала падать. Где-то чудом находили спиртное, а иной раз и сами его гнали. Напивались порой даже офицеры. Гвардейский ротмистр Дорофеев отчаянно пил уже второй день и гвардии поручик Ртищев пытался скрыть этот факт от начальства. Пехотный полк, в котором служил подпоручик Сергей Охотин, тоже направился в Перемышль. Это стало приятным разнообразием после окопной слякоти. Охотин выглянул под вечер на шум из просторного полузаброшенного здания, где их временно разместили. У порога шло выяснение отношений между солдатами их полка, часть которых Сергей узнавал по лицам. Но они были не из его роты. В ней он прекрасно помнил каждого. Двое молодых солдат были явно навеселе и уже размахивали дюжими кулачищами матерно крича друг на друга.

- Какого взвода? – по-возможности резко окликнул их Охотин, что так плохо ему давалось. Чего-чего, а выразить вслух напористость и резкость было ему очень непросто. Для этого Сергея надо было начать резать. Окрик не прозвучал, но до дерущихся дошло, что их заметил офицер. Вокруг собралась толпа зрителей, в том числе и из охотинской роты.

- Винища нажрались вот кулаками и машут, Ваше Ско-

роде, – заметил один из ротных резонёров, который любил Сергея за незлобивый нрав и мягкость, в то время, как многие ни во что не ставили такого мямлю-подпоручика.

- Каков пан, таков на нём и жупан. Что с них взять – деревня-матушка, - бросил другой.

- Каков Пахом, такова и шапка на нём, - добавил третий, - Дикий народ. Тем более ентот вот – татарва. Магометчик, что с него возьмёшь.

- Магометанин, так пить не должен вовсе. Непорядок. Остановите же их, что уставились! стыдно смотреть на такое! – неуверенно и слишком тихо скомандовал Охотин.

- Да какой ён татарин. Мордой в татарина вышел, вот и прозвали так. А веры он нашей.

Комментатор получил от «татарина» в ухо, после чего всех растащили в разные стороны и народ стал успокаиваться.

- Н-но! Тпру!- завопил солдат на козлах проезжающей мимо артиллерийской повозки, - Пас-ста-рра-нись! Куда прёшь, пехтура чёртова? Корявец убогий, пень безмозглый!

- Ты у меня покричи ещё тут, соколик. Живо перья пообдираю! – огрызнулся крепыш из толпы пехотинцев, - Сдержать колбасников мортирцами-то своими не можешь, вот и молчи. Из-за вас, пушкарей безруких, нас больше гибнет.

- Скверно банено орудие енто! – хмыкнул в ответ арлиллерист, показывая на голову дюжего пехотинца.

Пехотинец-резонёр извлёк из кармана кисет с махровыми

завязками, распустил их и спросил Охотина:

- Не курите, Ваше Благородие? Как говориться - в трубочку табачку всё своё горе закручу. Слово-то рубль, а молчок иной раз и десяти стоит.

- Нет, Трандафилов, не курю и тебе не советую.

С простым народом Сергей чувствовал себя всегда неловко. Не знал, как себя вести, обращаться ли на «Вы», или более панибратски, о чём говорить, но главное, что ощущал себя ещё острее лишним и никчёмным: на них вся Россия держится. «Они всё умеют. Они нас кормят, а мы не способны даже политического единства в стране достичь. Всё воду мутим». Именно такие мысли каждый раз одолевали Охотина.

- Табачок он иной раз и на пользу может пойти, Ваше Благородие. И такое бывает.

- Это что здесь за кавардак такой! – рывкнул хриплый командный голос штабс-капитана Никандра Межецкого, недавно вернувшегося из госпиталя, - Кто тут зачинщик?

- Вот немного не поделили из-за того, кому первому пройти, Ваш Бродь! – встав во «фрунт», вытянулся перед ним, мигом протрезвевший пехотинец.

- Наказаниям или взысканиям ранее подвергался? – зарычал Межецкий.

- Никак нет!

- Так всё ещё впереди, рядовой. И второй сюда же! Самогонкой несёт, до рукоприкладства опустились – сутки гауптвахты! И благодарите Бога, что я нынче в хорошем располо-

жении духа. Записать имена, подпоручик Охотин!

В тот же вечер, прогуливавшийся по улице Сергей услышал грубый окрик:

- Гей, молодуха, не ходь в поле, поди за мя замуж?

Подвыпивший солдат обращался к девушкам, переходящим улицу.

- Какой роты будешь, фамилия? – налетел на него подпоручик, приложивший все усилия, чтобы тон его получился почти как у Межецкого, - Живо докладывай! Как стоишь? Под трибунал захотел?

Не обративший было внимание на незнакомого офицера солдат, пришёл в себя и вытянулся в струнку, слегка покачиваясь:

- Рядовой одиннадцатой роты Турумбасов, Ваш Бродь...

- Простите Бога ради, барышни. Он по неразумению так, - бросил вслед девушкам Сергей на русском и ломаном немецком, - За такое надо серьёзно наказывать, рядовой. Ты – лицо армии, державы, царя, а позоришь всех их перед иностранцами, будучи за рубежом. Такого позволять себе мы не можем, Турумбасов.

- Никак нет, Ваш Бродь!

- Вот, заладил «никак нет». Я с тобой по душам пытаюсь. Стыдно тебе хоть немного стало? Ведь это юные создания, которые тебя испугались. Ещё и поэтому стыдно. Совесть у тебя есть? Вот именно, здесь и пришло время ответить твоё «никак нет». Что будем делать, рядовой? Пойдём-ка к

штабс-капитану Межецкому. Уж он-то знает, что с такими подобает делать: сутки ли гаупвахты, а то и трое.

- Простите, Ваш Бродь, никак не хотел. Само вырвалось, как молодух увидал. А выпил я совсем ничего – одну кружечку...- белёсые слегка выпученные глаза солдата жалко глядели на Охотина, и тот понял, что не сможет добиваться непременного наказания ему.

- Иди рядовой в расположение части и чтобы я тебя на улице больше не видел. Слово - рубль, а молчок иной раз и десяти стоит, - привёл Сергей солдату в назидание доступным языком присказку, заимствованную у резонёра.

По пути в место, ставшее их перемышльской казармой, Сергей встретил шатающегося ефрейтора Карасёва, который попытался было убежать, но оказалось, что уже поздно.

- Ты что это, Карасёв? – накинулся на него подпоручик, - Вздумал взвод свой позорить? Откуда спиртное? Где остатки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.